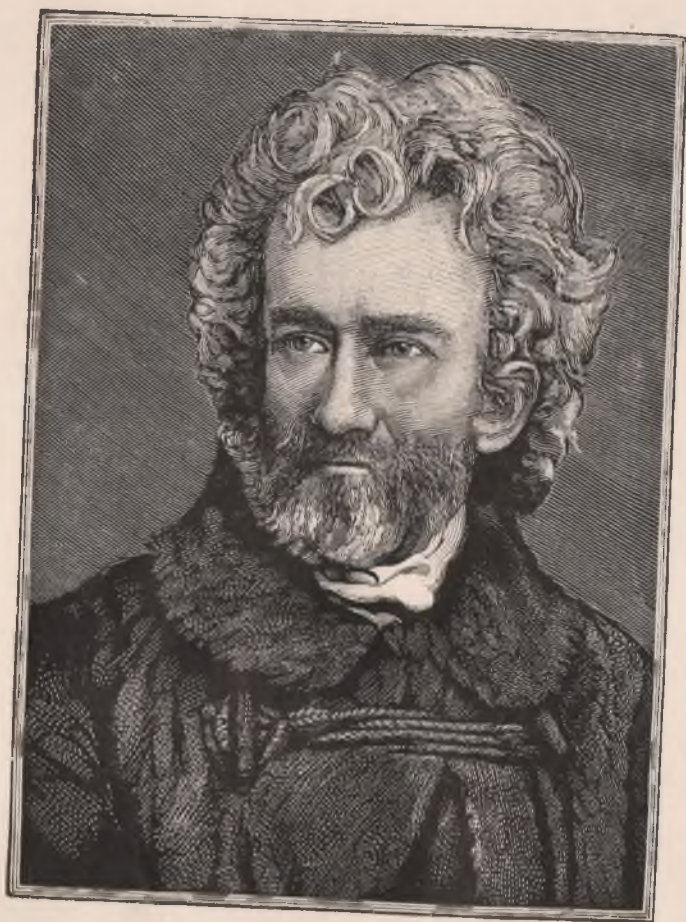

2685
155

Н. Н. МИКЛУКО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ
НА БЕРЕГ МАКЛАЯ

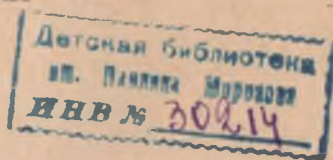

Н. Н. Миклухо-Маклай

78кл 4129
26.8r
M53

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ НА БЕРЕГ МАКЛАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1956

7

26.8г
М59

Текст сборника «Путешествия на берег Маклая» печатается по собранию сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, изданному Академией наук СССР (Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950—1954).

Ответственный редактор
Н. А. БУТИНОВ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Коллч. пред. выдач

З ТМО Т. 500.000 З. 2503-81

ПОЧЕМУ Я ВЫБРАЛ НОВУЮ ГВИНЕЮ¹

Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, почему я выбрал Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. д.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны, еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель— исследование первобытных народов—мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света, и знания мои подходящи для такого предприятия.

Занятия анатомией человека и медициной могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться.

Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высшую степень цивилизации?

Между многочисленными островами Тихого океана о-ва Меланезии менее известны, чем остальные, хотя и представляют большой научный интерес. Среди них Новая Гвинея по своей величине и неизвестности играет первую роль. Величина острова в точности не определена. Господствуют два мнения—одно предполагает его поверхность равной 10 800 кв. миль, другое 13 000². Мы получим лучшее представление о размерах Новой Гвинеи, сравнивая их с расстояниями в Европе; длина ее равняется приблизительно расстоянию от Гибралтара до Амстердама, а наибольшая ширина—ширине Пиренейского полуострова между Валенсией и Лиссабоном или Парижем и Триестом*.

Несмотря на то, что Новая Гвинея открыта уже более трехсот лет тому назад, только некоторые из ее берегов известны европейцам благодаря посещению их мореплавателями различных национальностей. По сведениям, не вполне достоверным, Новая Гвинея открыта португальцем де-Менезесом около 1526 г.

Название «Новая Гвинея» было дано Торресом и Ортес де-Рецом в 1545 г. во время их второго плавания вследствие «темного и курчавого населения», которое они нашли схожим с африканскими неграми. Однако у Бэра** сказано, что Менезес был на острове, расположенном западнее Новой Гвинеи, и что испанский мореплаватель Альвар де-Сааведра открыл северный берег Новой Гвинеи и, судя по некоторым испанским источникам, он же дал название острову из-за внешнего сходства волос туземцев с неграми.

Здесь достаточно заметить, что наибольшую заслугу по исследованию северо-восточных, северных и западных берегов острова имеют голландские мореплаватели. Южный берег описан англичанами. Восточный определен Дампиером, открывшим мыс короля Вильяма, и обследован Дюмон д'Юрвилем,

---

* См. F i n s c h. *Neu-Guinea und seine Bewohner*, Bremen, 1865, S. 12. *Petermann's Geographische Mitteilungen*, 1869, Taf. 20.—Звездочками обозначены примечания самого Миклухо-Маклая.—*Ред.*

** К. v. B a e r. *Ueber Papua und Alfuren*, Mém. de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. Sixième Série. Sciences Naturelles, t. VIII, 1859, p. 275

открывшим два значительных залива — Астролябии и Гумбольдта*.

Внутренность острова и его природные богатства остаются еще неисследованными.

Англичанин Джюкс**, говоря о Новой Гвинее, замечает, что он не знает страны, изучение которой так бы льстило воображению. По его мнению, исследование богатства внутренней части Новой Гвинеи, представляющее интерес для натуралиста, этнолога, географа и для всех вместе, должно вознаградить любопытство смелого путешественника.

Далее он замечает, что теперешние сообщения о внутренней части Новой Гвинеи подобны волшебным страницам из арабских сказок, таящих чудеса, которые в них сокрыты.

Уоллэс***, с своей стороны, указывает, что ни одна страна земного шара не имеет таких своеобразных новых и красивых произведений природы, как Новая Гвинея, а также, что она является самой большой terra incognita, которую остается исследовать естествоиспытателям. Путешествие Уоллэса объяснило нам распространение фауны в Малайском архипелаге и позволило сделать интересные выводы относительно геологической истории нашей планеты. Хотя Уоллэс и не исследовал Новой Гвинеи, но все же его работа пролила некоторый свет на фауну этого острова.

По его мнению, фауна Новой Гвинеи принадлежит к австралийской, но, будучи мало исследованной, не позволяет еще вынести окончательного суждения.

Представляя совершенно другие условия жизни, чем Австралия, и будучи страной преимущественно гористой, покрытой лесом, имея климат более жаркий и сырой, Новая Гвинея, несмотря на сродство фаун, вероятно, имеет такие значительные особенности, которые позволяют предполагать, что она является единственной страной, где могут скрываться вполне новые органические формы³.

Новая Гвинея по своему положению является центральным звеном цепи в исследовании органической природы Полинезии,

---

* Waitz. *Anthrop. d. Naturvölker*, V. Heft Malayen. 1865, S. 1.

** Jukes. *Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. «Fly», 1842—1846*. London, 1847, v. 1, p. 291.

*** A. R. Wallace. *Der Malayische Archipel*. Deutsche Ausgabe von Meyer. Braunschweig.

могущим дополнить наши сведения касательно проблематического материка Лемурии.

Но не в одном зоологическом отношении Новая Гвинея представляет такое большое поле для исследования. Она имеет также важное антропологическое и этнографическое значение, так как населена мало известной расой папуасов, положение которой в ряду прочих народов не выяснено.

Более изолированные и менее подверженные смешению с другими племенами, жители Новой Гвинеи могут оказаться исходной группой для сравнения с остальными темнокожими народами, разбросанными по Малайскому и Меланезийскому архипелагам. Новая Гвинея, по всей вероятности, сама населена не одним, а многими различными племенами.

Таковы были соображения, побудившие меня при обдумывании плана путешествия на о-ва Тихого океана избрать исходным пунктом Новую Гвинею.

Между приведенными выше многочисленными вопросами я избрал в этнографическом отношении две задачи, которые, как мне кажется, следует решить прежде других, ибо они представляют большой общенаучный интерес.

Во-первых, выяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам, почти еще не установленное и представляющееся мне очень важным.

Во-вторых, по возможности по собственным наблюдениям, определить распространение этой расы сравнительно с остальными племенами Тихого океана, держась того мнения, что благодаря этому этнология народов, населяющих о-ва Тихого океана, значительно разъяснится, тогда как теперь она представляет еще много спорного.

Так как я не хотел заниматься по зоологии систематикой и не имел склонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, то и цели, поставленные Уоллэсом, не могли руководить моим путешествием.

Работы же по сравнительной анатомии вполне оставляли мне свободу для последующей перемены места исследований, поэтому я и подчинил план своего странствования антропо-этнографическим целям, при которых у меня всегда останется время для специальных анатомических изысканий.

Решив это, я без долгих размышлений избрал Новую Гвинею первой станцией своего путешествия, как более трудную

во всех отношениях, пока мои силы постепенно не ослабли от других напряжений.

Теперь мне следовало бы в кратких чертах остановиться на том, что известно о Новой Гвинее. Однако наши познания в этом отношении очень невелики, а кроме того, это уже сделано другими, тщательно собравшими те немногие сведения, которые разбросаны в разных сочинениях о путешествиях. Финш, например, собрал все касающееся Новой Гвинеи в отдельной книге. Замечу мимоходом, что в зоологическом отношении Новая Гвинея имеет свои особенности. В цитированном уже неоднократно сочинении Бэра мы имеем отличную разработку данных касательно той части человеческого рода, которая населяет Новую Гвинею. Материал критически рассмотрен и разобран, и выдвигнут ряд вопросов, ожидающих ответа.

Казалось бы, что таким образом вся научная литература о Новой Гвинее систематизирована и мне остается только отправиться добывать новые факты. Однако я желал бы показать читателям, насколько еще не установилось антропологическое положение той расы, которую мне предстоит исследовать.

Не останавливаясь на первых работах о папуасах и на различных описаниях, разобранных Бэром, я прямо перейду к новейшим сведениям о них, относящимся к настоящему времени, рассматривающим предмет с точки зрения зоолога и лингвиста.

Уоллэс, пробывший почти восемь лет в частых сношениях с папуасами и малайцами и, как сам выражается, постоянно наблюдавший их, очень энергически напирал на различие обоих племен, основываясь не только на их внешности, но и на их характере. Причисляя малайцев к народам Азии, Уоллэс объединяет папуасов с полинезийцами, которых вместе с жителями Австралии считает за остаток общей океанийской расы, населявшей некогда теперь покрытый водою материк.

Уоллэс говорит и об альфуру, отделяя их от папуасов и ставя ближе к малайцам, но нечисляя к последним. Он предполагает, что они, как и малайцы, азиатского происхождения.

Если бы на все это имелись доказательства, то этот вопрос о соотношении племен имел бы прекрасное решение. Однако очень трудно связать папуасов с полинезийцами, отличающимися от них и по языку и по наружности. Меньше затруднений представляет объединение австралийцев с папуасами.

Уоллэсу тем более было трудно разрешить эти вопросы, ибо он незнаком с полинезийцами и австралийцами по личным наблюдениям (по крайней мере, я нигде не находил у него в книге указания, что он был в Полинезии или Австралии).

Что же касается большого различия между малайцами и папуасами, на которое указывает Уоллэс, то после Blumenбаха почти все классификаторы человеческих племен всегда отделяли первых от последних⁴.

Впервые в полном виде напечатано в «Известиях ВГО», т. 71, вып. 1—2, 1939, стр. 284—287. Черновой набросок статьи хранится в архиве ВГО, ф. 6, т. 1, № 7.

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА БЕРЕГУ МАКЛЯЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

(с сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)

7/19 сентября 1871 г.

Около 10 часов утра показался, наконец*, покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинеи**. Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой Британии из порта Праслин (Новая Ирландия), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс короля Вильяма (King William), находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 футов). В проходе между о. Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты

---

* Выйдя из Кронштадта 8 ноября (н. ст.) 1870 г. и зайдя в Копенгаген, Плимут, о. Мадейру, о. С. Винцент (один из о-вов Зеленого мыса), Рио-де-Жанейро, Пунта Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькагуано, Вальпарайсо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папэти (на о. Таити), Апию (на о. Уполу, одном из о-вов Самоа), о. Ротуму и порт Праслин (на о. Новой Ирландии), мы на 346-й день⁵ увидели берег о. Новой Гвинеи.

** Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты с лишком 10 000 футов, тянутся параллельно берегу, т. е. в западно-северо-западном направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или в 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2000 футов высоты). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень отличался от береговой полосы светлозеленого цвета*.

Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высотой приблизительно до 1000 футов) и представляла очень характерный вид. Правильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 час. вечера отделился недалеко от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, а на берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места (нас пронесло около 90 сажен), мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединяясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 с е н т я б р я

За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; по середине их тянулись белые *strati* (слоистые облака). Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громадлившихся один над другим хребта. По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

---

* Светлозеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Amperata*) на поляне по скатам гор.

Около 10 час. 30 мин., подвигаясь к зал. Астролябии, мы увидели перед собою 2 мыса: южный—мыс Риньи (Rigny) и северный—мыс Дюпере (Duperrey), оба невысокие; второй далеко выдающийся в море*. Облака понемногу заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к 12 мы были среди большого зал. Астролябии.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном второго ранга** Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но, кроме столбов дыма на холмах, ничего не заметили. Подойдя, однако, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженьях в 70 от берега на 27 саженьях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглубого*** скалистого (поднятого кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительно занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собой один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега, и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но, когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженной командой, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам Ульсону и Бою спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями,

* Мыс Дюпере, названный так Дюмон-Дюрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвиней, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей.

** В 18... [пропуск] П. Н. Назимов был произведен в контр-адмиралы.

*** У самого берега глубина была несколько сажень

захватив предварительно кое-какие подарки—бусы, красную бумажную матерью, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу, где я и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимой хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтобы добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собою, никто из них не отважился подойти к моей шлюпке.

Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далеко виднелась из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытасненных на берег пирог. Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникающую в чащу леса.

Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средине площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой ливы красиво выделялись на темнозеленом фоне окружающей зелени, а яркопунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов крононов и *Coleus* оживляли общую картину леса,

состоявшего из бананов, панданусов, хлебных деревьев, арековых и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там—брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. У двух хижин, однако, двери остались открытыми,—видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте 2 футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине темно, с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлеет огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного горшка, на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти,—человеческий череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ее себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темношоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти, однакоже, скрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из тряпки, шириной около 8 см, повязанной сначала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади к поясу, и двух тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей, или браслетов, был заткнут зеленый лист *Piper betel*, за другую на левой руке—род ножа из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом,—кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомого показалось мне довольно симпатичным;

я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однакоже, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди них на камень и принялся наделять разными мелочами—бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собрался человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомца представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка краснобурых волос, из-под которой сзади спускались на шею скрученные пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовалось несколько черных и белых перьев (казуара и какаду) в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке—бамбуковая палочка, толщиной в очень толстый карандаш, с вырезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. д., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами.

У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которые были заткнуты различные предметы—у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти что в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиной⁴, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде также завивались

в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых.

Из этих восьми впервые встреченных мною папуасов четыре оказались больными: у двоих элифантиазис изуродовал по ноги; третий представлял интересный случай psoriasis'a, распространенного по всему телу⁷; у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидевшими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов—следы, вероятно, таких же давнишних чирьев.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых я предложил окружающим меня папуасам спутствовать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однакоже, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу; Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари мало-помалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили, и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

21 сентября

Берег залива Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной высоты тянутся вдоль берега и только на западно-северо-западном берегу прерываются низменностью. Северо-западный берег

Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагасы

горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5—6 тысяч футов) покрыты густой растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами, а реже

представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобной пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете на мостике корвета и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; поэтому я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что я не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шума, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным как по близости к ручью, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив таким образом место будущего поселения⁸, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили туземцев больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле они то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга. Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было нелишним. Из трех осмотренных нами мест одно

нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко оттуда обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем посланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев (*Canarium commune*).

22, 23, 24, 25 с е н т я б р я

Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной парусины). Одну половину я назначил для себя, другую—для моих слуг Ульсона и Боя. Так как взятых с Таити досок нехватило, то стены были сделаны из дерева только наполовину, в нижней их части, для верхних же частей, равно как и для двух дверей, опять служил брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного на Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние крепления, стропила пришлось вырубать и пригонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, и постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, испуганные пальбой 21-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2—3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили 5 или 6 прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли между прочим также более десятка черепов. Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якоре, названа в честь генерал-адмирала и президента Русского географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, называли островом Витязь (впоследствии я узнал, что туземное имя его «Били-Били»).

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания здесь корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень

туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Юя. Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однакоже, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень.—Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., и показывать, что рубит свай; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь. Возвратясь на корвет, я рассказал о виденной мною пантомиме в клуб-компани, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведывавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты на случай крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, которые старался объяснить мне Туй.

Туй, папуас из деревни Горенду

26 сентября

Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставлялась на Гвинею, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет

житья, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порту. Я взял кое-что, но так мало, что П. Н. Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев, она же давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек 30 матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех—густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал между прочим командиру и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.* Место это находилось под большим дере-

---

* Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправлявшиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер «Изумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), он при осмотре корвета зашел в мою каюту, где между прочим спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия на Новую Гвинею—научное исследование этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить на Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки

ном, недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов порт Константина—имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина,—представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья и т. д.

К моему сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами—пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены. Весь вечер провозился я с этими вещами, и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова, которым я очень благодарен за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

27 с е н т я б р я

В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Возможность, однако, закрыть глаза,

---

и от нравов туземцев, я из предосторожности запасся несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если бы можно было устроить таким образом, чтобы русское военное судно зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем, чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому географическому обществу». Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни моих рукописей на Новой Гвинеи. Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

если не спать, значительно меня облегчила. Около 4 часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только, что последнее письмо было адресовано вел. кн. Константину Николаевичу.

Поблагодарив за все бескорыстно оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и, к удивлению и негодованию, увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбрившегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез и он тихо всхлипывает. Взяв с досадой из его дрожащих рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрнуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда. Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановилось и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбегались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше, но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет; не с прежним добродушием поглядывал он на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало—жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не прошло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папу-

Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси

асом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозритель-

но смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад и проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился. Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дреколем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константина. Я им подарил разные безделушки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября

Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную—вечернюю (от 9 до 12 часов). Когда в 12 часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил на несколько этажей, другие повесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (7 футов длины и 7 ширины) занимает стол (около 2 футов ширины), другую—две корзины, образующие мою койку (неполных два фута ширины). В проходе, шириной около 3 футов, помещается мое удобное, необходимое мне складное кресло. Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу. Бой (повар) приготавливал нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису. Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября

Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по

ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих им по ночам покоя насекомых.

30 сентября

Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам люблюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит всегда мне приятная тишина—не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует: я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее—отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами, с одной стороны и лес с тропической растительностью с другой—оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели, или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону, я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, шедшие за ними несли на головах посуду, и, наконец, остальные—кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мною; потом каждый отдельно передал свой

подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой моей вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили, из деликатности или боязни—не знаю. Все знали мое имя; обращаясь ко мне, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте—губной гармонике, которая в большом ходу на о-вах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли; при прощанье они протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элфантиазис.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза: дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

1 октября

Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень,—мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе. Отправляясь, я остановился перед дилеммой—брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Пустив его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полным успехом, т. е. положи я на месте человек шесть, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня, но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером.

Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным. Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь, дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, напр., сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным ко всем любезностям папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушит все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться

в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение.

Деревня Бонгу. Май 1872

Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой—я не имел понятия. Слышалось несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться. Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду глядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему—значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов, женский визг, и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посередине, разговаривая оживленно, но вполголоса, между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было—они, вероятно, попрятались. Увидев меня, несколько копий были подняты и некоторые туземцы приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копьё. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копьё были опущены. Усталый, отчасти

неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около «барлы», и ко мне подошло несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла пущенные одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию, но кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я в свою очередь стал глядеть кругом—все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушать их спокойную жизнь.

Мне самому как-то стало неловко, зачем прихожу я стеснять этих людей? Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать; кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен,—я не успел двинуться с места, где стоял,—а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог слышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль—спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрывать глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полукротыть их, чтобы развязать шнурки баш-

маков, расстегнуть штiblеты, распусти́ть пояс и найти что-нибудь подложить под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки. Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на циновке или же во сне. Далее я подумал, что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки» (*Chlamydocherys*)⁹, напротив, навела сон; треск цикад также несколько не мешал, а способствовал сну. Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснувшись, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил итти домой и стал приводить свой костюм в порядок. Эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер с севера, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в 7 часов; в безлунные ночи темень страшная—шагах в четырех от дома трудно его отличить. Всю ночь дождь лил ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрылась ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие из них. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу, интересуюсь знать, что выйдет из этого опыта

моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попалось. Папуасы притащили мне 4—5 длинных бамбуковых палок футов в 20 для веранды. Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и, только когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастать подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя еще явилось несколько человек также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарками: то, чего у кого много, он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят еще на туземцев какое-то особенное впечатление—им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ждут появления чего-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза и отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, по почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены, и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха, особенно малой величины; есть

также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от 2 до 3 м длины и от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ м ширины; он имеет вид корыта, поддерживается двумя брусьями; когда ударяют по бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль. У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красной охрой, и на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро, все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в большие листья *Arthocarpus incisa*.

2 октября

Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями, жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом Витязь). Большое число разных украшений (из

Деревня Гумбу. Февраль 1872

раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые выкрашенные волосы придавали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономии был не отличным, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неиз-

вестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами*.

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, но, однако, я вернулся домой с разбитым лбом и большим коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пень. Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

3 октября

Отправился утром при отливе за добычей на риф; гулял по колено в воде, сверх ожидания набрел на несколько интересных *Calcispongia* (известковых губок). Через полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако, оставить микроскоп в покое до завтра и итти знакомиться с моими соседями в деревню—на восток от мыса Обсервации. Отправился я туда, разумеется, не зная дороги, просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу—густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новизной всего окружающего...

Из леса вышел к морю. Следуя морским берегом, нетрудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогой, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утопанную тропинку и сделав несколько шагов, я услышал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми; несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; две или три женщины возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик—разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины

---

* Это вкладывание пальца, иногда и двух, в рот оказалось очень характерным и общим выражением удивления у туземцев.

и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей с собою, боясь оглянуться, женщины кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем юбежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и приходилось довольствоваться лишь жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня, нахмурились, и перекидывались словами, которых я не понимал. Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен. Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидало, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний о самих туземцах, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Меня соблазнили кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину вперед моего дела—знакомства с туземцами, я встал и при общем молчании прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, как тяжело будет одолеть недоверие туземцев, и что на это потребуются немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны. Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которые начинали беспокоиться по случаю моего продолжитель-

ного отсутствия; они между прочим известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли 3 свертка: для меня, для Ульсона и Боя. Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутился замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба сконфузились и уверяли, что это была свинина; однако я остался в сомнении.

4 октября

Вечером какое-то маленькое насекомое влетело мне в глаз, и хотя мне удалось его вытащить, но глаз очень болел всю ночь и веки распухли, так что о работе с микроскопом нельзя было и думать. По этому случаю утром, при самом начале прилива, я отправился бродить на риф и так увлекся, что не заметил, как вода стала прибывать. Возвращаясь с рифа на берег, мне приходилось несколько раз погружаться в воду выше пояса.

Кончили крышу веранды и возились с уборкой своего гнезда. Помещение мое всего в 1 кв. сажень, а вещей тьма.

5 октября

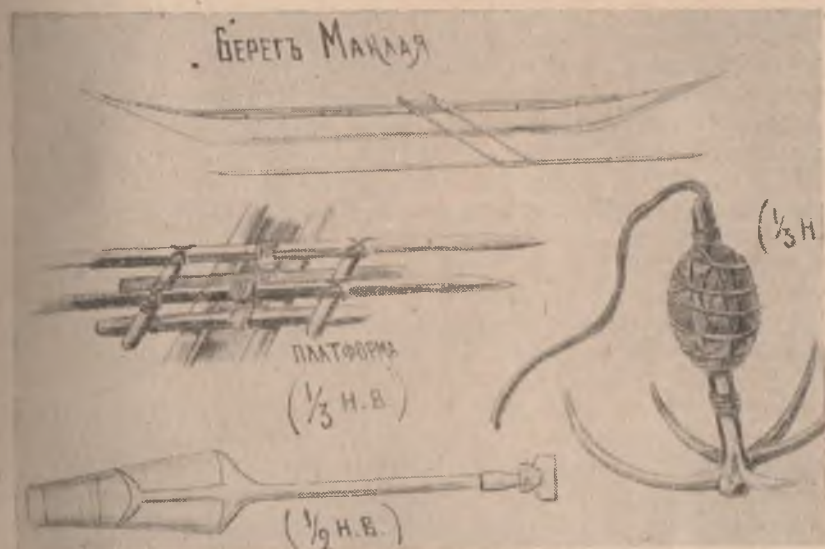
Очищал площадку перед хижиной от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

Вечером слышу—кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно повышенная температура.

6 октября

Часу в четвертом из-за мыса Обсервации вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди и один только стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мостку, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик, или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных крышей от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече. Действительно через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались туземцы. С гостями, прибывшими, как я знал, с островка

Вили-Били, пришло несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же. Мои башмаки и полусатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а»... «е-е-е»..., чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также

Папуасская лодка; платформа, якорь, весло

понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков. У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое спускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи (*Sus papuensis*), связанных таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равной верхней и нижней частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», повидимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен буль-ра нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож.

Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однакоже, удивлен, увидев их снова через полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами;

они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония поднесения подарков имеет здесь свои правила: так, например, каждый приносит свой подарок отдельно от других и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так случилось и сегодня: каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону—значительно менее, а затем Бою—еще меньше. Люди Били-Били долго оставались у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывали на меня и мою шлюпку, а затем на свой островок, который виднелся вдали, показывали жеста-ми, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и бананов. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше почему-то подарил безделушек, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!» Когда они отошли на несколько шагов, то, полубернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

10 октября

Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки. Как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября

Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что нездоров. Моя хижина теперь—настоящий лазарет. Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеет специальное туземное название; так, напр., небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагаси; мыс Обсервации напротив—Габина и т. д. Деревня, которая была посещена мной вечером в день прихода «Витязя» в порт Константина, называется, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идут Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светложелтоватыми кустами (Coleus) и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, дер. Горима; на восток от Гарагаси деревня, к которой мне не удалось пристать первый день, называется Гумбу, затем далее Марагум, еще далее дер. Рай.

При расспросах Туя я не мог не подивиться его смышленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления—с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их

громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге нисколько не интересовали его; он как будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся.

Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам после вчерашнего пароксизма еле-еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября

У меня пароксизм повторился. Все больны. Скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября

Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны¹⁰. Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: во-первых, берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые кладут на специальный лист*, также высушенный над огнем, и свертывают в виде сигары, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним, как со своим, т. е. разрывают табачную табличку на мелкие кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Одна папироса переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или два раза, проглатывает его медленно и передает сигару соседу.

Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготавливал тонкие, узкие полоски из ствола какого-то гибкого вьющегося растения. Сперва он выскабливал одну сторону его, отдирая от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю», носимых туземцами на руках выше

* Я постоянно замечаю, что для отыскания подходящего листа туземцы уходят в лес и возвращаются с каким-нибудь листом, но не всегда одинаковым.

бицепса и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может служить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

15 октября

Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг залива Астролябии весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора.

После трех дней лежания цвет лица Боя заметно посветлел—побледнел.

16 октября

Вчера вечером—сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу. На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебивало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умею я говорить—дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

17 октября

У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь—сильная опухоль лимфатических желез в паху, отчего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же, при заходе солнца, выползает и прохлаждается с непокрытой головой, разумеется, украдкой от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дому на несколько дней. Туземцы их нисколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально—бегут.

18 октября

Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была легкая, так как слой земли очень незначителен, и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутано, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы с Таити и куку-

рузу; не знаю еще, что взойдет, так как семена кажется плохи (т. е. лежали слишком долго). Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм, сожалел на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября

Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспреданно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября

Сегодня визит тринадцати человек с Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от обитателей последнего. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень unsuccessfully: не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько—четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение—заменить высокое крыльцо верандой, т. е. переставить трап и закрыть полустеной (из кокосовых листьев) переднюю часть веранды.

Задумано—сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного материала для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 футов длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

22 октября

Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песка, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно

чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песку остается в бороде. Возвращаюсь к дому около 5 час. 45 мин. Уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я отправляюсь на веранду и жду там чая, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапориметре; вынимаю из земли зарытый на 1 м глубины термометр и записываю его показание.

Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11 часов. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кэрри. После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 7 часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, напр., приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение.

Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»* и одной или двух чашек чая. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чая в день—вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен.

Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, предпоследний акт дня—очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

---

* Чарки—чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайсо.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности очень интересной для меня жизни.

23 октября

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30—иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая что стрела может пронзить руку насквозь...

Затем Туй показал целый маневр боя. Держа лук и стрелы на левом плече, а копьё в правой руке, он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал с копьём, как будто стараясь ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемой стрелы. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характерен.

24 октября

Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах деревьев, на земле, на камнях и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление, не знаю. Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и трудно объяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибков и тому подобных организмов. Один из более курьезных грибов, выросший в продолжение нескольких часов и удививший меня своею величиной и формой, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятельство, что в этих странах носовой платок делается почти ненужной вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежали почти без употребления только два платка. Причина тому—отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь к ночной музыке и созерцая разнообразие растительных форм, облитых лунным светом, *verlor mich ganz in der*

Contemplation der prachtvollen geheimnisvoll-fantastischen Umgebung... Да простят мне русские патриоты и реалисты эти строки!

25 октября

Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то ослабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело,—не успел кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер—живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, напр., в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

26 октября

Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает, или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дому. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представили резкий диссонанс с невыразимой прелестью природы.

27 октября

Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и, действительно, увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя. Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показал на осколки стекла и на свою верхнюю губу; тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты; он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины.

Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно повысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя, с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла. Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин—инструменты, употребляемые папуасами для резания,—легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами.

Войдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виной тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в полграмма), и хорошо сделал, потому что к часу я почувствовал лихорадку во всех членах, но благодаря приему хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох: ходит и говорит как больной. Бой не встает. Опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... Везде мокро.

28 октября

Приходил опять Туй, опять я его вначале не узнал—так изменилось выражение его лица. Его физиономия, казалось мне, отличалась от других своею симпатичностью; теперь она производит на меня неприятное впечатление. Причина тому—выражение рта. Линия рта вообще имеет значительное влияние на выражение лица, но такого разительного доказательства верности этого замечания я еще не встречал. Усы и борода, действительно, хорошая маска. Опять часу во втором вдали показались парусные пироги. Думал, что придут гости, но никто не явился.

Бой стонет ужаснейшим, раздирающим голосом; дал ему небольшой прием морфия, который его скоро успокоил. В 8 часов пошел дождь. В 9 часов, окончив мои метеорологические наблюдения, я уже хотел лечь спать. Вдруг опять слышу стоны. Что такое? У Ульсона опять пароксизм. Очень сожалею, что поселился под одной крышей с другими. Это будет в последний раз.

Несмотря на стоны Ульсона, я заснул. Но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчет, что это может быть. Вышел на веранду. Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть не чем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу. Ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двухствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагаси. Хотя дождь и прошел, но было пасмурно; однако благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками луне я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пень и стал вслушиваться. Пение, или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще поднимался и опускался не правильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче, такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменял намерение: вместо того чтобы идти вперед, я пошел назад и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще впросонках слышал отрывки папуасского концерта.

30 октября

Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь перестал, я был свидетелем, сидя на пне у моего флагштока, оригинальной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь немало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно, жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен и дно, разумеется, хорошо видно.

Вдруг Туй сделал энергичский прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил ее ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другою убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однакоже, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более.

Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагаси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так ловко прижать большой палец ко второму, чтобы удерживать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиной в руку, была передана мне. Он то же сделал с небольшим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их—не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну. Не могу сказать, что совершенно здоров: голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему почти насильно прорезал большой нарыв—это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около 11 часов, слышу свисть стоны: у Ульсона пароксизм. Ходит, качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, по видимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель, который, по его словам, беспокоит его уже несколько лет, кажется, стал сильнее за последние недели вследствие опухоли, которая кончилась нарывом. Вот уже недели две, как он лежит и почти что не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

31 октября

Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями с ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежной прической и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября

Видел снова несколько туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы. Вдали показались две парусные пироги, идущие от дер. Богатим, направляясь, кажется, сюда.

Папуас из деревни Бонгу

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагаси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста. Я не ошибся: две партии туземцев, человек около двадцати, приходили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее,

то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за моими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы; они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни прилегают по обеим сторонам ягодиц. Иногда они ложатся, подпирая подбородок рукой, и продолжают, переменив положение, говорить или есть.

Ульсон принес свою гармонику и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздвигавшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону. Чтобы отделаться от гостей, я раздал каждому по полоске красной материи, которой они обвивали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского джиди требуется, вероятно, немало времени.

2 ноября

Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсерваци), а затем вдоль берега, по направлению к дер. Малё. За береговым лесом поднималось несколько холмов, футов в 300 высоты, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокой травой. В нескольких местах в горах, поднимавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлей животных на поверхности моря, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством разнообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство донной морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагаси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно свою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 час. 45 мин.), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни

Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления anerоида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспаться землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 г., когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Собиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября

Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?»,—спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки. «Это колебание не земли, а ваших колен,—сказал я Ульсону,—так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось, действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал 2 или 3 незначительных, хотя и явственных колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки; при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало, и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон, действительно, принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не поднимался выше 410 делений, оба эти дня стоял очень высоко и поднялся сегодня до 464. После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бороды и брови. Я долго внимательно рассматривал его волосяной покров. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе незаметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака распределения волос пучками.

4 ноября

Вот скоро шесть недель, как я познакомился с папуасами, а они не видели еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта безоружность кажется туземцам весьма странной. Они уже не раз старались разузнать, не имею

ли и в доме копья, лука или стрелы. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом, и очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20 и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября

Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около двух часов утра опять дом заходил и закачался. Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад. Под влиянием этих колебаний земли является какое-то любопытство; спрашиваешь себя: «Что дальше будет?» Долго не мог заснуть, ожидая продолжения. Барометр поднимается выше и выше; ночью, во время землетрясения, поднялся до 515. Не знаю, чему приписать это. Утром был дождь, но затем прояснилось.

6 ноября

Ночью была сильнейшая гроза; трудно, не быв на месте, представить себе те раскаты грома и почти непрерывную молнию, которые в продолжение трех или четырех часов оглушали и ослепляли нас. Дождь падал не каплями, а лил тонкими струйками. После такой ночи утро было свежее, воздух прозрачный. День простоял великолепный, и я без особенных поисков наловил порядочно насекомых, которые после дождя повыползли просохнуть. Удалось мне также поймать длиннохвостую ящерицу с длиннейшими задними ногами.

7 ноября

Ульсона сегодня опять схватила лихорадка, сопровождаемая рвотой и бредом. Успел сделать портрет одного из пришедших туземцев. Трудно заниматься, когда оба слуги больны, приходится самому готовить кушанье, быть медиком и сиделкой, принимать непрощенных любопытных, подчас назойливых гостей, а главное, сознавать, что связан и должен сидеть дома... В такие дни, даже и в том случае, когда чувствую себя крайне плохо, я принужден оставаться на ногах.

8 ноября

Снова разразилась гроза; в хижине было повсюду мокро и сыро. Вставал ночью давать лекарство больным, которые стояли и охали весь вечер и всю ночь. Около 12 часов почувствовал легкое землетрясение, не толчками, а род дрожания земли. Чувствовалось, что горы, весь лес, дом и рифы дрожат под

влиянием могучей силы. Все еще сильная гроза с непрерывной молнией и сильными раскатами грома. Потоки дождя и порывы ветра дополняли картину.

9 ноября

Утро было сырое и свежее (всего 22°C). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидел перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуре костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносную печь, именно—толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшей.

Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте; очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень далекой деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели при себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня. Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни с целью иметь возможность во время перехода из одного места в другое зажигать свои сигары.

Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их был положительно одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены; ноги крепкие с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В 5 часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться.

Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней и складочным

местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом. Здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться гости; там, в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я был очень доволен моим помещением.

10 ноября

Нахожу, что туземцы здесь—народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в 1,5 длиной, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня, в Гарагаси, маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз двадцать или более посещали меня в Гарагаси.

Другой пример. Приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко, в кустах, они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя. Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых. Это отношение к женщинам отличает их от полинезийцев, которые нередко предлагают самым бессовестным образом женщин всем желающим.

11 ноября

Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться.

Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается почти исключительно бананами и сахарным

тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чая.

По вечерам Ульсон надоедает мне постоянными рассказами о своей прошлой жизни. У некоторых людей положительная потребность говорить, без болтовни им жить невозможно. А для меня именно с такими людьми и трудно жить. Сегодня поутру мне удалось сделать довольно удачный портрет Туя.

12 ноября

По ночам здесь гораздо шумнее, чем днем. С полудня до 3 или 4 часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются также голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября

У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негрэнгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили «негрэнгва». Показываю им печатную бумагу—снова: «негрэнгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляли слово «негрэнгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями с гор. Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка. Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однакож, не согласился, вспомнив, что раз пробовал, но обжег себе язык негашеной известью, которой я примешал слишком много¹¹.

15 ноября

Во время прилива (около 4 часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу втаскивать на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух

человек, но, несмотря на это, мы ее одолели, причем нам очень помогли железный лом и система блоков, полученные мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы мы, наконец, втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит, даже при самом высоком приливе.

Устали порядком.

16 ноября

После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможной и прибегли бы к чужой помощи. Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь таким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо; не проповедаю возврата на первые ступени человеческого развития; но вместе с тем я убедился на опыте, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно бы было идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного.

17 ноября

Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог—естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка и т. д. и т. д. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; больше догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чувствовать меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и неввязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден,—единственное средство для удаления недо-

верия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы при моих посещениях бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагаси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, дозволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагаси у меня все под рукой, и инструменты для антропологических измерений и аппараты для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду подмышкой в особых мешках. Я не упускаю случая при посещении горных жителей измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и между прочим собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение качества волос представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, поэтому я никогда не пренебрегаю случаями пополнять свою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собиранье представляло сперва некоторую трудность.

Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы¹². Отказаться от собиранья волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя, который между всеми моими новыми знакомыми становился самым ручным? Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно в обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои.

Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительный возраст и то место на голове, откуда они были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать волосы с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около дер. Мале, куда я, однакож, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не уда-

лось: было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где и решил переночевать, к великому удивлению туземцев. Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую «буамбраму»* Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, послышались возгласы женщин и плач детей.

Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то много мне говорил, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагаси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтоб отделаться, лег на барлу—род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек—и, закрыв глаза, повторял: «Няварь, няварь» (спать, спать). У меня часов не было, и хотя было не поздно, но, утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамбраме, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотой и затем подкрепленным пищей, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагаси.

В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особенным образом; взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было сзади проткнуть меня копьём. Я был невооружен по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел,

* Буамбрамами называются большие хижины, особым образом возстроенные и назначенные исключительно для мужчин¹³.

однакож, цел и невредим до Гарагаси, где был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду увидеть меня в живых.

22 ноября

На днях я убил голубя (*Carpophaga*) у самой хижины, и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то отпрепарировал аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как скелет среди белого дня пропал с дерева, в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывающуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа. Сегодня утром мне удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, который занимался приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось недолго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услышал голос его, зовущий меня. Я вышел—действительно это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характерен и даже эффектен; темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одной рукой опирался на копьё, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка из грубой тапы спускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине двенадцатого я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила; я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкой и одеялом.

23 ноября

Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя—не что иное, как звукоподражание ее крику «кокониу-кэй». Когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона снова лихорадка, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящичков от консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября

Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженях в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

У Ульсона снова лихорадка и даже более сильная, чем в прошлый раз. Глаза, губы и язык сильно опухли, и я снова принужден исполнять все домашние обязанности.

25 ноября

Несмотря на значительный прием хины (1—5 гран), у Ульсона опять пароксизм с бредом и с сильной опухолью не только лица, но и рук. Опять приходится рубить дрова, стряпать кушанье, уговаривать и удерживать Ульсона, который вдруг вскакивает, хочет купаться и т. д. Особенно надоедает мне эта стряпня. Если бы приходилось делать это каждый день, то я отправлялся бы в деревню и предоставлял туземцам варить таро и ямс за меня.

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: «да», «нет», «дурно», «хочу», «складно», «отец», «мать»... Просто смешно, но что я не могу добиться и узнать—это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять—не понимают или не хотят понять. Все, на что только можно указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не узнаешь случайно то или другое слово. Между другими словами, узнаанными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагаси, возвращаясь откуда-то, я узнал совершенно случайно название звезды: «пири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-пири»; луну—«каарам-пири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

Ульсон объявил мне утром, что, вероятно, более не встанет; он едва мог приоткрыть глаза (так опухли его веки) и шевелить языком, который, по его словам, был вдвое толще против обыкновенного. На его опасения смерти я возразил, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поутру, после чего я его заставил проглотить раствор около грамма хины в подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой. Хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, но пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два. Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти что не осталось. Когда я пробирался через чащу, в одном месте на меня напали осы. Я бросился бежать, оставив дрова и даже топор. Боль от укусов была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асел и Вуанвум, сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда раскрашенные красной и белой краской, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием соединены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи (т. е. во время полнолуния) в форме пронзительного и протяжного воя до Гагаги.

Так случилось и в прошлую ночь. Я был разбужен Ульсоном, спрашивавшим, слышал ли я крики и заряжены ли у меня все ружья. Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Горенду, послышался громкий пронзительный крик, в котором, однакож, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние 5 минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это, может быть, сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку. Из многих деревень неслись однообразные удары барума.

Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом,

как бы приветствуя ее восход. Это объяснение показалось мне совсем удовлетворительным и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября

Спустили опять на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал; главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало что мог делать.

30 ноября

Солнце становится у нас редкостью, проглядывая лишь ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничто не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немислимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря

Ходил в дер. Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о своем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление: так в ней все чисто, зелено, уютно. Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде. Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расчипывают свои волосы.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеепеченным дегарголем. Человек 8 собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому — кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча. Когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «талъ Маклай», т. е. дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими по-

дарками, они убрались все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажигать потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защищаться от сквозняка нечего и думать.

Деревня Горенду. Февраль 1872

Теперь с 8 или 9 часов вечера идет дождь, который начался при заходе солнца и будет итти, вероятно, часов до трех или четырех утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение итти каждый день. Дождь барабанит по крыше; вода протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым плащом, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною. Про Боя уже и говорить нечего: он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет вдвое чаще меня; правда, последний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовить чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагаси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, так как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо было в темноте и под дождем спуститься к ручью. При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнии, благодаря которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать с собой фонарь было бы бесполезно. Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным.

Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель 5 как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними, старались высушить сухари сперва на солнце, а потом на огне, но черви все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я, действительно, нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис с керри и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразие даже нравится мне; кроме того, все эти неудобства и мелочи вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природой, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться.

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный 10-минутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был сделан, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике.

Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листок, даже шип, который сейчас уколол руку. Только одна секунда—и опять все черно, и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего вернуть мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь среди красивой местности и если около меня нет надоедающих мне людей.

Однако уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, надо завер-

Корой, папуас из деревни Горенду

5 декабря

нутья скорей в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб.

Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головой одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лест-

Дюгу, папуас из деревни Горенду

нишы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытьи и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с 4 часов. Везде все сыро.

6 декабря

Бой очень страдает. Я не думаю, что он проживет долго.
Другой инвалид сидит, тоже повеса нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим, сообщил с очень серьезным видом, что Бой скоро умрет, что

Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу,—при этом он указывал на все пальцы рук и ног, желая этим сказать, что придет много людей,—придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проколют копьем шею, грудь и живот, и нараспев печально приговаривал: «О Маклай! О Маклай!»

Я сделал вид, что отношусь к этим словам как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут; на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О Маклай! О Маклай!».

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убиении.

Скучно то, что вечно нужно быть настроже: впрочем это не помешает спать. Пришло человек 8 туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда-нибудь корвет?» Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда, не знаю», я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуаски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает 2 дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но должно быть неладно, по крайней мере другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: [пропуск] «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными. Мне снова пришлось смутить их: взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бум—бум» (день, день). Опять пошли толки, но порешили на том, что завернули обрезки в лист хлебного дерева и тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добьюсь.

Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь более туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю; думаю, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраной одного Ульсона.

8 декабря

Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду и когда, после полуминутного горения, фальшфейер потух, пирог и след простыл.

Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми краями. Было бы, однако, неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги его представляются такими худошавыми, это также неудивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как я это заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками, лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негropодобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отбрасываться со мною на Новую Гвинею и даже в день ухода «Питязя» предлагал ему вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и переубьют нас, и ненавидит Туя, которого считает шпионом.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирогов приближались или уже приблизились к нам. Ульсон закричал: «Идут, идут!» Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно звавшими меня по имени. Я не

двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их итти далее». Я знал, что выстрел из одного ствола, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия*, и поэтому ждал спокойно, тем более что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя: «Ники, ники!», протягивал мне правую руку с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставила меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Еме-ме-еме-ме», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

13 декабря

Несмотря на большое утомление, хочу записать еще сегодня происшествия дня, так как нахожу, что рассказ будет более реален, пока ощущения еще не стусевались несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю при первой необходимости мои бумаги, не только исписанные, т. е. дневники, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, поглядывал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О Бой! О Бой!». Затем, подойдя ко мне, пристал, чтобы я отпустил Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти и его. К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при таких условиях ложиться только в случае самой крайней необходимости.

---

* Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звуки выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им—не понимаю; бояться его, как противника, они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника. Теперь уже поздно.

Победив спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей шлюпке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой, но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка,—так он похудел в последнюю неделю—и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго остается ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось еще peritonitis (воспаление брюшины). Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол, и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не мог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа через полтора или два. Известие подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали эту смерть уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату. Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через пять он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату.

Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шлюпку, и чем больше, тем лучше, для того, чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно нянчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком трудно, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддержали немного падающий дух Ульсона. Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, в главное, что камней будет достаточно, я отправился сам

к шлюпке. Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою посмотреть, в каком он положении.

В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до руки умирающего. Пульса более не было. Нагнувшись и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни. Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, т. е. поджавши ноги и скрестив руки. Ульсон, стоявший за мною, несмотря на то, что при жизни Боя он постоянно бранил его и дурно отзывался о нем, был очень тронут и стал говорить о боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего. Когда я выразил Ульсону свое давнишнее намерение, именно—распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно упрасивал меня этого не делать.

Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде своей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы, и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался, не без сожаления, от желания сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами, языком и т. д., вспомнив обещание, данное мною моему прежнему учителю проф. Г. ¹⁴, живущему ныне в Страсбурге, прислать ему гортань темнокожего человека со всей мускулатурой ее. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию. Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же при перерезании *plexus brachialis* рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте.

Наконец, все было кончено, и надо было отправить труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка; как зашнуровали их, оставив отверстие для камней; как в темноте несли его вниз, к шлюпке; как при спуске к морю благодаря той же темноте Ульсон оступился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, мы опустили труп, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камня в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив как на зло. Нам

опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду.

Не успели мы взяться за весла, как перед нами, в $\frac{1}{4}$ мили, из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий..., десятый огонек. То было 11 пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство.

Одним словом, то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес?»,—предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее,—сказал я,—может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? Шлюпка не подвигается: мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе. Мы изо всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно.

Наше глупое положение было для меня досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели. Я хотел сделать это, даже несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла в голову счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку.

Мы снова взяли за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев. «Если они увидят Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас»,—заметил Ульсон. Я наполовину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было 33, по 3 человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая превосходство своих сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами. Но и у нас были шансы: 2 револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиной того, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них.

Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень темная. От огней на пирогах ложились длинные

столбы света на спокойной поверхности моря. От каждого взмаха весел вода светилась тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его.

Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим.

Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыска Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь. Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять благодаря темноте и отливу долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

14 декабря

Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке.

Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, тот человек, который пришел за ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью.

Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил блюдечко на веранду и позвал своих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать другому из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым моим движением. Я прилил к спирту на блюдечко несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горячий спирт из блюдечка, который продолжал гореть, на лестницу и на землю. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убралась немедленно, как бы опасаясь увидеть что-нибудь еще более страшное. Но минут через десять они показались снова и на этот раз уже

целой толпой. То были жители Бонгу, Били-Били и о. Кар-Кар. Толпа была очень интересна, представляла людей всех возрастов; на всех было праздничное убранство и многочисленные украшения, материал которых определялся местом их жительства. Так, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян; между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлей морских животных, были навешаны украшения из раковин, костей рыб, щитов черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело их, преимущественно голова, было вымазано черной землей и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно черный, но при виде тех, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей о. Кар-Кара в действительности только немногим темнее жителей этого берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красной охрой; и в волосах, за перевязями рук, и под коленями у них были воткнуты красные цветы *Hibiscus*. Всех пришедших было не менее сорока человек, и три-четыре между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым различным образом, то черной, то красной краской, в них были воткнуты гребни, украшенные цветными перьями разных попугаев, казуаров, голубей и белых петухов. У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как на о-вах Ново-Гебридских и Соломоновых. Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горячей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрасивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописуемый: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили бы им, если бы они двинулись. Они стояли как вкопанные, оглядываясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями. Не ушло только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить «гаре» (кожа), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал их отгонять. Я не мог помочь им серьезно, но все-таки облегчил их мучения, обмыв раны карболовой водой, перевязав и тем освободив, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел основание быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и хотел непременно надеть его на меня.

15 декабря

Снова больные из Били-Били. Один страдает сильной лихорадкой. Я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усилению замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоенным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль в спине и плечах (вероятно, ревматизм). Я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, затем, вероятно подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные таким поведением, не знали, как отнестись к этому, сердиться ли им или смеяться. Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего диалекта (Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, несколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые показались мне не темнее жителей Самоа.

16 декабря

Занимался уборкой в моем палатце, что всегда отнимает много времени, и вполне согласился с верностью индусского афоризма [пропуск в тексте.—Ред.]. Если это случается даже с высокими людьми, то подавно может случиться со мною, вовсе не претендующим на такую мудрость. Я положительно не имел времени на научные исследования за последнюю неделю.

18 декабря

Туземец не видать. Очень часто думаю, как хорошо я сделал, устроившись так, чтобы не иметь слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзины, служащих мне койкой.

Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами. и места, где были эти пятна, можно было без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце. Многое оказалось негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?», был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде.—род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа»—из кости кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок.

20 декабря

Наша хижина приняла жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши очень неудобна. Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря

Три дня лихорадка. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уже буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свиццом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно, потому что он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

Замечательно, как одиночество действует различно на людей. Я только вполне отдыхаю и доволен, когда бываю один, и среди этой роскошной природы я чувствую себя, за исключением дней, когда у меня бывает лихорадка, вполне хорошо во всех отношениях. Сожалею только, когда натываюсь на вопросы.

которые, вследствие недостаточности моих знаний, не могу объяснить. Бедняга Ульсон совсем обескуражен: хандрит и охает постоянно; ворчит, что здесь нет людей и что здесь ничего не достанешь. Из предупредительного и веселого он стал раздражительным, ворчливым и мало заботящимся о работе: спит около одиннадцати часов ночью, даже еще час или полтора после завтрака и находит, что здесь все-таки «das Leben sehr miserabel».

В чем я начинаю чувствовать, однако, положительный недостаток—это в животной пище. Вот уже три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все время консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтобы немного разнообразить стол. Свинину, которую я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу. Вчера Туй принес мне и Ульсону по значительной порции свинины. Я, разумеется, отдал свою Ульсону, который принялся за нее сейчас же и съел обе порции, не вставая с места. Он не только обглодал кости, но съел также и всю толстую кожу (свинья была старая). Смотря на него и замечая, с каким удовольствием он ел, я подумал, что никак нельзя ошибиться в том, что человек—животное плотоядное.

Со шлюпкой много дела, так как якорное место здесь очень плохо. При рисовании мелких объектов руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности когда требуются от них движения отдельных мускулов. Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой, и матросом, а не только баринном, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире.

Руки мои и прежде не отличались особенной нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, порезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые появляются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных инструментов, приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательные: по крайней мере в три раза толще моих (я срезал их и мой ноготь для сравнения). Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие

этого, по сторонам ногти легче обламываются, чем в середине. и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

27 декабря

Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние. по их мнению, волосы, я осматривал содержимое одной из

Дерево, срубленное каменным топором

сумок («гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них подмышкой. Я нашел в ней много интересного.

Кроме двух больших донганов, тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно, инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур», раковина (*Cardium*), имеющая зубчатый нижний край и служащая у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корой (разбитой подобно тапе полинезийцев); это могло

служить очень удобным шилом. Эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своей цели. Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, например, браслеты («сагю») или повязки для придерживания волос («дю») из различных растительных волокон. Но странно, они не плетут циновок, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в циновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Туземцы их очень берегут; правда, при примитивных инструментах из камней и костей каждая работа не очень легка; так, например, над деревцом сантиметров 14 в диаметре двум папуасам приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишенные иногда довольно красивого орнамента. Заметив оригинальность и разнообразие последнего, я решил скопировать все виды его, встречающиеся на туземных изделиях¹⁵.

28 декабря

Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоявшего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов *Hibiscus*. Стоя на платформе пироги с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотря по сторонам, следя за рыбой, грациозно балансируя при движениях маленькой пироги, он был каждую минуту готов натянуть тетиву и спустить стрелу; его фигура была, действительно, очень красива. Длинные зеленые и красные листья *Colodracon*, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охрой и поэтому яркокрасный, немало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида.

Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры молодого папуаса. Она состояла из гирлянды или полувенка пунцовых цветов *Hibiscus*; спереди—три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянды и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами *Hibiscus*, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табак и отослал курить на кухню.

в шалаш, и когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу—дать им зеркало, после чего каждый по очереди принялся за подновление прически.

Бонем вытащил все гребни и цветы из волос и принялся взбивать большим гребнем слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы. После этого волосяная шапка его увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке («гатесси»), которые тоже удлиннились. Затем снова воткнул цветы и гребни в свой черный «парик», посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и передал зеркало соседу, который в свою очередь принялся за свою куафюру.

Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов принимают разнообразный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разногласии, встречающейся в разных учебниках по антропологии. Из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась минут через 5 раздергивания и взбивания в эластичную шапку папуасских волос, так часто описывавшуюся путешественниками, которые видели в ней что-то характерное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу, прокричав мне «Э мем» (не знаю все еще, что значит это слово).

У Ульсона сегодня лихорадка. Не успеваю я немного опраться, как он заболевает.

29 декабря

Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов. «Не приносили оттого,—хором возразили папуасы,—что «тамо русс» (русские люди, матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось орехов».

Зная очень хорошо, что это было большим преувеличением и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочило и побежало указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо». Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-помалу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземной—небольшими табирами вместо блюд и половинками скорлуп кокосовых орехов, служащих мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономию, но и рот (язык, зубы, десны и губы) вешеством, которое они разжевывают; оно называется «таваль». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях.

1872 ГОД

1 января

Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над крышей, падали, и одна из них, около 7 м длиной и 3—4 см толщиной, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я измерял температуру воды.

2 января

Ночью свалилось с шумом большое, надрубленное у корня дерево и легло поперек ручья. Потребовалось много работы, чтобы очистить последний от сучьев и листьев.

3 января

Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую, полосатую, разновидность¹⁶. Темнобурые полосы сменялись светлорыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся его чистить, скоблить и варить. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едой, можно было видеть, насколько люди—животные плотоядные. Да, кусок говядины—важная вещь! Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселяясь в местность, где не было таковой, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассмотрением моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов. Особое распределение волос на голове считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось неверным положение, что волосы папуасов растут на теле пучками или группами. Но громадный «парик» моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно

волосы распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть. После завтрака, лежа в своем гамаке, я скоро заснул, так как свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущих, тотчас же вскочил. Это был Колле из Бонгу с мальчиком лет девяти, очень коротко обстриженным.

С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти. Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы они позволили вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как это можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как и у нас. Это, на взгляд многих, может быть, очень незначительное наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа.

Несколько человек, пришедших из Горенду, снова подали мне повод к наблюдениям. Лалу попросил у меня зеркало и, получив его, стал выщипывать себе волосы из усов, те, которые росли близко у губ, а также все волосы из бровей; он особенно старательно выщипывал седые волосы. Желая пополнить свою коллекцию, я принес щипчики и предложил ему свои услуги, на что, разумеется, он сейчас же согласился. Я стал выщипывать по одному волоску, чтобы видеть их корни.

Замечу здесь, что волосы папуасов значительно тоньше европейских и с очень маленькими корнями. Рассматривая распределение волос на теле, я заметил на ноге Бонема совершенно белое пятно, происшедшее, вероятно, от глубокой раны. Легкие поверхностные ранки оставляют на коже папуасов темные шрамы, а глубокие остаются долгое время, может быть навсегда, без пигмента. Кстати, ноги Бонема очень широки—около пальцев от 12 до 15 см; затем пальцы ног кривы; у многих нет ногтей (старые раны); большой палец отстоит значительно от второго

У Дигу лицо носит следы оспы. Он объяснил мне, что болезнь пришла с северо-запада и что от нее многие умерли. Когда это случилось, и случилось ли это раз или больше, я не сумел узнать. Между прочим я убедился, что язык Бонгу, деревни, отстоящей от Горенду всего на 10 минут ходьбы, имеет много других слов; так, напр., камень называется в Горенду «убу», в Бонгу—«гитан», в Били-Били—«пат»¹⁷. У Лалу очень типический анфас по узкости лба (115 мм) и ширине лица между скулами (150 мм).

Последние две недели дули довольно свежие ветры, преимущественно от 10 часов утра до 5 часов пополудни (здесь они являются редкостью в октябре и ноябре), почему днем теперь гораздо свежее.

Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но, как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также рыбной ловлей. Я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам посмотреть, как они это делают. Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиной бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

Пироги, однако, вернулись, и минуты через две шлюпка была окружена десятком пирог, и почти что каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю. На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы (*Imperata*). Стоящий на носу пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с «юром» (острогой), футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать юр из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, держась почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

Январь 5¹⁸. Я отправился в своей лодке на разведку. Наблюдение за дымом в горах—единственный способ установить расположение деревень, а утро, когда туземцы приготавливают утреннюю еду, самое благоприятное время для осуществления этого. При отсутствии ветра дым очень ощутим. Я установил таким образом положение двух или трех деревень, которые надеюсь посетить. Я не получаю от туземцев никаких сведений об их соседях, как будто бы они не хотят, чтобы я знал других людей, кроме них.

После обеда я пошел в Горенду. Прежде чем войти в деревню, я свистом дал знать о своем приближении. Я уже дважды убеждался, что этот знак предотвращает общее возбуждение и дает время женщинам и детям уйти, так как всякий раз, когда я входил неожиданно, бедные перепуганные женщины бросались в кусты и прятались куда попало. Теперь, когда они слышали сигнал, они знали, что «Маклай» подождет, пока они не уйдут.

Тем временем я отдыхал на старом стволе дерева, который нашел около этой деревни. С тех пор как я принял этот метод, я обнаружил, что мужское население принимает меня более доброжелательно, никогда не вооружаясь. Туземцы занимались приготовлением вечерней еды, Туй, сидевший на барле, сдирал бамбуковым ножом шкуру с таро; близ него на земле между камнями горел костер, и на камнях стояло два горшка. Один из них был более чем 15 дюймов в диаметре, другой—много меньше; горшки были накрыты листьями хлебного дерева и поверх—скорлупой кокосового ореха.

Когда ужин был готов, я увидел содержимое горшков, которое Туй разделил на три табира, взяв немного таро, а также несколько связок сваренных листьев. Мне предложили самый большой табир, от которого я отказался, но принял одну из связок. Желая узнать ее содержание, я принес ее домой и обнаружил, что ею обернут сарган, которого варили в связке листьев, предварительно испеки его прошлой ночью.

В деревне я был недолго. Я мог заметить, что мое присутствие причиняло туземцам какое-то неудобство и что они ожидают моего ухода; и это после обоюдного знакомства в течение трех с половиной месяцев в ближайшей к моему дому деревне, когда я имею обыкновение видеть их почти каждый день. Я думаю, что это хороший пример недоверчивости этой расы; зная, что в таком случае поможет одно терпение, я больше не навязывал себя и вернулся домой.

Январь 6. Приступ лихорадки.

Январь 7. 7.30 вечера. Весь день шел дождь и было холодно. У меня начинался второй приступ лихорадки в течение дня. Дрожь была все чаще, каждые пять минут. Несмотря на то, что я очень тепло одет, на мне две фланелевые рубашки, две пары фланелевых штанов, одно одеяло на коленях и другое на плечах, мне очень холодно, и я чувствую, что мне делается все холоднее с каждым часом, а также испытываю сильное головокружение.

Только крепко подпирая лоб левой рукой, я в состоянии писать.

Весь день вчера и до 6 часов сегодня я не был в состоянии что-либо делать и мог только лежать и терпеливо ждать с ужасной головной болью, когда пройдет приступ. Около 6 часов мне стало лучше, но теперь, через час с небольшим, я снова чувствую симптомы нового приступа. Испытав три пароксизма в течение 34 часов, я проглотил 4 г хинина (0,5 каждая доза). Не туземцы, не тропическая жара, не густые леса—стража берегов Новой Гвинеи. Могущественная защита туземного населения против вторжения иноземцев—это бледная, холодная, дрожавшая, а затем сжигающая лихорадка. Она подстерегает

нового пришельца в первых лучах солнца, в огненной жаре полудня, она готова схватить неосторожного в сумерки; холодные бурные ночи, равно как дивные лунные вечера, не мешают ей атаковать беспечного; но даже и самому предусмотрительному лишь в редких случаях удастся ее избежать. Сначала он не чувствует ее присутствия, но уже скоро он ощущает, как его ноги словно наполняются свинцом, его мысли прерываются головокружением, холодная дрожь проходит по всем его членам, глаза делаются очень чувствительными к свету, и веки бесильно смыкаются. Образы, иногда чудовищные, иногда печальные и медленные, появляются перед его закрытыми глазами. Мало-помалу холодная дрожь переходит в жар, сухой бесконечный жар, образы принимают форму фантастической пляски видений. Моя голова слишком тяжела, а рука слишком дрожит, чтобы продолжать писать. Только 9 часов, но лучше всего мне лечь.

Январь 8. Лихорадка.

Январь 9. Лихорадка.

Январь 10. Лихорадка.

11 января

Целых пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать свое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если встану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытьи и принимал хину, вероятно, не во-время; это и было главной причиной того, что лихорадка так затянулась.

Около 12 часов пришло несколько человек из Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот самый кокос, который он принес мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня «табир» (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз посередине. Придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ, и оба, достав из своих мешков по «яруру» (*Cardium*), стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белой кашей; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же

яруры—в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха перед всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «монки-ля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накрапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что мое знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснение многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу в шлюпке. Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку вытасченной на берег, так как был прилив, и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однакоже, большое, свесившееся над водой дерево, называемое туземцами «субари» (*Calophyllum inophyllum*), к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и таким образом оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню. Нескольким туземцам, стоявших по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег. Когда я собрался итти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек 25 туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за пять до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел крышу первой хижины, стоявшей у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но, кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные семьи, в деревнях встречаются еще и другие постройки—для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, лежащей на столбах и доходящей почти до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же хранится посуда, размещенная разным образом под крышей, для общественных праздников. Таких общественных домов, нечто вроде клубов*, было в Бонгу 5 или 6, по одному почти на каждой площадке.

* Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии.

Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по нескольку кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали, по крайней мере я не видел ни одной. Деревня Бонгу была значительнее Горенду, раза в три больше последней. Как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных одна с другой короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы; вокруг меня собралось около сорока человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 высоты. Крыша только на 1 фут не доходила до земли и поддерживалась посередине тремя здоровыми столбами. По сторонам, по 3 с каждой, были вкопаны также столбы в 1 м высоты, к которым была привязана или прикреплена тем или иным образом крыша и на которые опирались главным образом стропила. Крыша была немного выгнута наружу и сделана капитально, представляя изнутри частую, тщательно связанную решетку. Можно было быть уверенным, что она устоит против любого ливня и продержится десятков лет. Над нарами, как уже я сказал, было подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках; старые кокосовые орехи были сучены под нарами. Все казалось солидным и удобным.

Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из папуасов принимать за меня ответные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п. У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры*, была разрисована белой, черной и красной краской. К несчастью, шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных изображений рыб, солнца, звезд, кажется и людей и т. п.

В одной барле я нашел, наконец, то, чего искал уже давно, а именно несколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более 2 м) стояла посередине барлы около нар, другая (метра полтора)—около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снял копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые спрашивали, есть ли такие «телумы» в России и как они там

* Которая оказалась *vagina foliorum* (влагалищем листа) арековой и других пальм.

Резные идолы (телумы). О-в Били-Били

называются¹⁹. В одной барле, укрепленное довольно высоко, так что я не мог его рассмотреть, висело бревно, вырезанное в виде ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и не представляла, кроме телумов, ничего особенного, что бы давало право считать эту постройку за храм, как были описаны аналогичные постройки в Дорэ и в бухте Гумбольдта на Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов. Я вынул нож и показал, что дам их два или три за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однакоже, не взял, ожидая, что получу лучший.

Резной идол (телум).
О-в Били-Били

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, обмениваясь рукопожатиями и провожаемый возгласами «Эмеме». Когда мы добрались домой и выбрали все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкой. «Мало дают; кокосы старые, рыба жестка как дерево, бананы зеленые, да и ни одной еще женщины не видали», — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

15 января

Ночью была гроза и ветер, юго-западный, порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я два раза думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо; почти что нет комаров и чувствуется прохлада. Около часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что решительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако, очень рано шумом сильного прибой.

Было 5 часов. Начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед крыльцом была покрыта черной массой, выше человеческого роста; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самой хижиной. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а влечет за собою массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или по крайней мере сучья их, опутанные лианами упавшего дерева. Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому

отправиться за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить около дома.

Записав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был, однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который затем сварил, испек в то же время в золе сладкий картофель. После завтрака я прилег отдохнуть, но моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до 3 часов.

Один из них указал мне на глубоко сидящую шлюпку; она была полна воды вследствие дождя, и нельзя было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь, и тогда шлюпка могла затонуть. Нехотя полуразделся, добрался до шлюпки и вычерпал не менее $23\frac{1}{2}$ ведер воды. Занятие это с непривычки очень утомительное. Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было 5 часов. Пришлось итти снова на кухню и готовить обед; варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около четырех часов. Сварил поэтому снова рису, приготовил кэрри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то неспокойно: пришлось итти снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахару уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник. В 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуру воды, ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну. Я описал сегодняшний день, как пример многих других, на тот случай, когда, позабыв подробности своей жизни здесь, буду к досаде своей находить, что мало сделал в научном отношении на Новой Гвинее.

17 января

Вздумал отправиться в Бонгу закончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему итти со мною. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на отлогий

берег почти что выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, я должен был выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебежать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, и пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали; к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было человек пять, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и гамаши. Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, но на этот раз (кажется первый) женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижины. Лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от костюма мужчин тем, что, вместо пояса, спереди и сзади на них болтаются какие-то толстые фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно испеченных на углях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свиной, а другой—собачьим мясом, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачьего мяса, но кончил тем, что съел и его. Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший собачье мясо лучше свинины.

25 января

Дней шесть страдал от лихорадки; один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Ходил в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно—в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц своего пребывания здесь, папуасские слова, означающие «утро», «вечер»; слова «ночь» еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня мне удалось

узнать, как передать по-папуасски слово «хорошо» или «хорошее». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употреблял его. Очевидно, папуасы не понимали, что я этим словом хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь знать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-то слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь «хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь. Потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением. На слово «дурно» туземец тоже говорит свое. Пробираешь несколько раз с разными туземцами—слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял. Оказалось, слово «хорошо» по-папуасски—«казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли: «казь», «казь».

Однако я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на 3-й месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я встретил, как мне казалось, в Бонгу очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами около хижины стоял хороший горшок и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил вышеописанную процедуру. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал проверять, показывая на разные предметы, как то: целый и разорванный башмак, плод, годный для пищи, и другой, негодный, и спрашиваю: «ваб»? (слово, которое он мне сказал). Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже открыл, что «казь»—туземное название табака, а «ваб» означает большой горшок. К тому же у дикарей вообще есть обыкновение повторять ваши слова.

Вы говорите, указывая на хороший предмет: «казь»; туземец вторит вам: «казь». И вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно, слово для «хорошо»—«ауе» я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться

в разговор папуасов между собою, и чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, что нашел его, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо», выражается словом «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного, которое есть «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляли очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т. е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно появилось и каким образом произошло это недоразумение, я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго пополняется и вряд ли когда будет значительным.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

7 февраля

По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе итти в Бонгу. Туй решился сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится итти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдаёт ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой телум, который и не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за 3 куска табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли череп, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев Бонгу показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто другой из туземцев не хотели достать его. Тогда я сам направился к кусту и отыскал череп, лежащий на земле и окруженный костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки готовы были расстаться с черепами своих земляков, показали мне, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь врагу и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом

туземцев, на что, с удивлением, услышал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал много, потом выменял ветку созревающих бананов, которую взвалил на плечи. Наконец, с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести бананы и пару кокосов.

Наконец, я добрался домой. Едва успел я сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти под влиянием лихорадки так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я подобного пароксизма и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был немало удивлен странным ощущением. При переходе от озноба к жару я почувствовал вдруг очень странный обман чувств. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, достает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и т. д. Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду их.

Мои промокшие ноги и ощущение холода во время утренней прогулки не прошли мне даром.

8 февраля

Я принял 0,8 г хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и, хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29° Ц), совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песней цикад. По временам проглядывал луч солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палатки. Далекое море казалось более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами. Потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Крикливые люди также не мешали сегодня: никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя

(правда, трудно достижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противоположном.

Я так доволен в своем одиночестве! Встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто кажется назойливым, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на своей половине. Мне кажется, что, если бы не болезнь, я здесь непрочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все выросли на одной ветке. Здешняя растительность отличается от растительности умеренных зон громадным разнообразием паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветви деревьев, теряющих по удалении всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся тогда очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, напр., у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий листья гордо поднимаются по утрам после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что нехватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать.

9 февраля

Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке; она привела меня к забору, за которым я увидел головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду: вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади, на них, как и на мужчинах, был надет только пояс, но гораздо более узкий, чем у последних; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группами сахарного тростника и не показывались, пока я был на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко одна к другой воткнутых в землю палок, собственно стволов сахарного тростника: они были посажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 см. Этот промежуток был наполнен обрубками стволов, сучьев, кусками расколотого дерева; а затем очень часто тростники, приходившиеся один

против другого, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезом в заборе, так что приходилось переступать порог фута в 2 вышины. Это мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию.

Несколько перекрещивающихся дорожек разделяло большое огороженное пространство на участки, на которых возвышались очень аккуратно расположенные, довольно высокие полукруглые клумбы. Они имели около 75 см в диаметре; земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения, как то: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но, кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток, я ничего не мог найти.

У забора дымился небольшой костер, который главным образом служил туземцам для закуривания сигар. До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят его с собою и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух²⁰. Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова «говорить». Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией; он повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте. Но очень вероятно, что он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

12 февраля

Сегодня был счастливый день для меня. Добыл 6 хорошо сохранившихся, цельных черепов папуасов, и вот каким образом. Узнав случайно, что в Гумбу много черепов, я отправился туда и приступил сейчас же к рисованию телумов, что, однако, оказалось неудобным по случаю темноты в хижине. В других, однакоже, тоже нашлись телумы, которые были вынесены на площадку, где я их и нарисовал, после чего, раскрыв связку с подарками—гвоздями, табаком и полосками красной материи, я объявил, что желаю «тамо-гате».

Послышались голоса, что черепов больше нет, что русские забрали все. Я остался при своем, настаивая, что они имеются, и показал еще раз на кусок табаку, три больших гвоздя и длинную полоску красного ситца; это была назначенная мною плата за каждый череп. Скоро принесли один череп, немного погодя два других, затем еще три. С большим удовольствием роздал и туземцам обещанное да еще дал каждому, вместо одной, две

полоски красной материи. Я связал добытые черепа, прикрепив их к палке, и, несмотря на массу муравьев, взвалил добычу на плечи. Я очень жалею, что ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть, которую туземцы здесь хранят у себя и нелегко с нею расстаются. Она служит им памятью по умершим²¹.

14 февраля

Сегодня в первый раз Туй принес мне испеченное таро. Только что я расположился рисовать пятый череп, явились гости из дальней горной деревни. Ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономии в зеркале, надо было видеть их глуповато изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались, а потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести с весьма оригинальным орнаментом на несколько железных безделушек.

По их уходе Ульсон заметил, что из нашей кухни пропал нож, и сказал, что он подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и именно вследствие этого я не могу оставить ее без внимания и должен принять меры против повторения подобных okazji. Сегодня, однако, я не мог пойти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шлюпкой, которая стала сильно течь: во многих местах оказались проточины червей. Я решил, очистить низ шлюпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шлюпку опрокинуть или поставить набок, что для двоих было тяжелой работой. Мы, однако, одолели ее.

16 февраля

Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан позвать меня Туем, на которого обрушилось дерево. Туй его рубил, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню; раненый полулежал на циновке и был, кажется, очень обрадован моим приходом. Видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев. Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собою кривые ножницы, которые оказались необходимыми, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мною, я только раздражал рану. Мелкокурчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору.

Сделав, что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сказал, что подозреваю одного из жителей Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож. Вернувшись позавтракать в Гарагаси и на этот раз захватив ножицы, корпию и т. д., я возвратился в Горенду. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочим, здесь находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал: «Принеси мне мой нож». Он очень спокойно, как ни в чем не бывало вытащил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду.

Туя я объяснил, чтобы он лежал, не ходил по солнцу и не снимал повязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи. Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток «ауся»²² и сахарного тростника, приготовленного для меня; это был, кажется, гонорар за лечение. Туй не хотел взять за это табаку, который я, однако, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему. Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожающие падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и предлагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха—это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

17 февраля

Кончил рисование черепов; они все оказались *hipsi-stenoserphali* (по Велькеру), т. е. длинно-высокоголовые. Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак: все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

18 февраля

Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась, и над глазом и даже под ним распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером. Я только что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду; он сказал,

что для меня готова рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако, дома, а затем отправился с Лялай и Лалу в деревню.

Пройдя ручей, я услышал вдруг восклицание Лалу; обернувшись и спросив, что такое, я узнал, что Лалу наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укушения которой человек умирает. Немедля я вернулся к тому месту, где Лалу указал мне на змею, спокойно лежавшую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик: «Борле, борле, ака, Маклай моен!» (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет!). Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню. По обыкновению мой свисток предупредил жителей Горенду о моем приближении; я это делал, как уже заметил ранее, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не желают показывать их мне. Не желая стеснять их, я предупреждал свистком о моем присутствии, чтобы показать, что я не подкрадываюсь и не стараюсь подсмотреть их образ жизни. Я много раз замечал, что туземцам очень нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины, от мала до велика, прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое. Пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу.

Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай «тамо билен» (человек хороший). При этом я услышал за собою женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидел старую женщину, которая добродушно улыбалась,—это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, с отвислыми, плоскими, длинными грудями, морщинистым телом, одетая в юбку из каких-то грязных, желто-серых волокон, которая закрывала ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы, спускаясь и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим туземцам очень понравилось. При этом из-за хижины и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки, в очень коротких костюмах, хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другую.

Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем,

что избавились, наконец, от обязанности прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежавшего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткой таро. Многие из молодых женщин, как, напр., жена старшего сына Туя, Бонема, были недурны собою. Лицо и тело имели довольно округлые формы, и небольшие стоячие груди напомнили мне конические груди девушек Самоа.

Здесь, как и там, девочки рано развиваются, почти что дети, они уже начинали иметь вид маленьких женщин. У девушек длинные юбки из бахромы заменялись другим костюмом, который можно сравнить с двумя фартуками, из коих один закрывал заднюю, а другой—переднюю часть тела. По сторонам верхние части ног от пояса остаются непокрытыми. Передний фартук короче заднего. У девочек моложе двенадцати лет фартуки принимают вид кисточек, из которых задняя гораздо длиннее передней и похожа на хвостик. Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагаси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти домой, как меня захватил ливень.

19 февраля

Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Лялай был послан за огнем, но, вернувшись минут через 10, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли он где-нибудь огня. Прибежало несколько девочек, и они вместе с Лялаем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешил себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что у моих соседей пока еще нет средств добывать огонь.

Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как до сих пор они никогда не видели меня вблизи. Я и сам осматривал их внимательно. У некоторых девочек волосы были совсем острижены, у многих смазаны золой или известью: первое—для уничтожения насекомых, второе—чтобы сделать волосы светлыми. Старухи носят их длинными, и «гатесси» (локоны на затылке), густо смазанные черной землей, висят вокруг всей головы. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых

охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок был полон и тяжел, они сильно нагибались, чтобы сохранить равновесие.

Как и у мужчин, носовая перегородка у женщин продырявлена. В ушах, кроме обыкновенного отверстия для больших серег, есть еще другое в верхней части ушей. Через них проходит шнурок, средняя часть которого перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак. Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, семилетний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук оказался новым видом и совершенно целым, почему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй указал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. п.

20 февраля

Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Последнее обстоятельство—присутствие женщин—особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали у него сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открыть глаза. Туй едва говорил. Туземцы суетились около него, думая, что он, пожалуй, умрет. Осмотрев больного и найдя, что вся масса флюктуировала, я решил пойти в Гарагаси за всем необходимым, чтобы делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радости. Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро без надреза значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменяя их очень добросовестно.

Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии: все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень нелегко, и это все равно не дало бы ясного представления. Главное занятие женщин и девочек—поиски в куафюрах мужчин вшей, которых они раскусывали зубами и, вероятно, глотали. Я роздал сегодня женщинам по несколько полосок красной материи и по некоторому количеству бисера, который я отмеривал чайной ложкой, давая каждой по две ложки. Раздача женщинам шла гораздо спокойнее, чем раздача чего-нибудь мужчинам. Каждая

получала свое и уходила, не прося прибавки, и только улыбкой и хихиканьем выражала удовольствие. Табак, кажется, по нравился женщинам больше, чем все другое. За болезнью Туя, жена его с женой сына приготавливали ужин для семьи и меня. Следя внимательно за приготовлением пищи, распределением и уничтожением ее туземцами, я удивлялся массе, которую папуасам приходится пожирать для существования. Не жадность, а положительная необходимость заставляет их есть так много в странах с недостаточной животной пищей. Туземцы, особенно дети, надеются до того, что им положительно трудно двигаться.

21 февраля

Чувствовал себя очень скверно, но опасение за здоровье Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше и еще уменьшилась, когда я придавил ее пальцами, причем из раны вылилось большое количество материи. Вернувшись домой, я вынужден был пролежать весь день.

Сегодня, когда я пришел в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Туя лучше, они отправились работать на плантации, куда уходят обыкновенно на весь день. Для дикарей женщины более необходимы, чем в нашем цивилизованном мире. У диких женщины более работают для мужчин, у нас—наоборот; с этим обстоятельством связано отсутствие незамужних женщин между дикими и значительное число старых дев у нас. Здесь каждая девушка знает, что будет иметь мужа; они сравнительно мало заботятся о своей внешности.

22 февраля

Сегодня сделал интересное открытие. Проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятие. Перед ним стояла чаша из большого кокосового ореха; другая, с отверстием посередине, тоже скорлупа ореха, имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую чашу на первую, он из третьей налил на траву какую-то темнозеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня: «кеу», и показал мне, что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное, как *Piper methysticum*, или полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно²³.

24 февраля

Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел, несмотря на палящее солнце, около работавших членов семьи. Отправив

Дигу, папуас из деревни Горенду

его в деревню, я остался несколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли. Я уже говорил, что плантации папуасов очень хорошо обработаны и что круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более 2 м длины, называемого туземцами «удья», и узкой лопаты в 1 м длины. Вот в чем заключается процесс обработки. Двое, трое или более мужчин становятся в ряд и вместе разом втыкают свои колья, по возможности глубже, в землю, потом, тоже разом, поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, вооруженные «удья-сабами»—узкими лопатами, разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

26 февраля

Достал из Гумбу еще череп, и на этот раз с нижней челюстью. Видел несколько жителей Колику-Мана, которые приглашали притти к ним; с ними была молодая женщина, сравнительно с другими очень красивая.

27 февраля

Встал до света. Запасся провизией—вареными бобами и таро—на целый день и отправился в Горенду, где, по уговору, я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня. Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ—ушел в Теньгум-Мана. Где Дигу?—ушел с Бонемом. «Тамо борле»,—сказал я. Мне было тем досаднее, что я не знал дороги в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на юг, идешь, оказывается, часто на север, затем, идя большими извилинами то на запад, то на восток, находишь, наконец, настоящее направление. Бывают также такие оказии, тропинка вдруг кончается, перед тобою открывается узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда итти, чтобы выйти на дорогу? Тропинка хорошо протоптана, много людей ею прошло, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый в зелени, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пень, уже по другой стороне оврага, где тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья,

идя в воде, шагов на 100 или 200, чтобы выйти опять на тропинку. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу. Вынул компас; туземцы отступили шага на два, но все же могли видеть движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) и очень самоуверенно выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил итти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали двух человек. Но эти люди пришли более для того, чтобы уговорить меня не итти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы, наконец, к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов на 30 или 40 ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Эта бухточка оказалась бы для меня задачей, подобно выше описанным. Тропинка, подходя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было итти на юго-запад. Лако подошел к дереву и махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне направление и сам быстро, но осторожно стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал за ним по этой воздушной лестнице, которая, хотя и казалась головоломной, но в действительности была не особенно трудной. Приходилось, разумеется, держаться на руках и, вися в пространстве, искать ногами следующую опору; в случае, если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут 5 по берегу, мы опять вошли в лес. Послышался снова вдали крик. То были те же люди из Горенду. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мною в Колику-Мана. Сначала шли лесом, затем вброд, через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум, по которой спустились к морскому берегу; затем перешли еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодной (25,5° Ц) и контрастировала очень неприятно с температурой горячего берегового песка, уже накаленного солнцем до 39° Ц, хотя было всего 8 час 30 мин. утра.

Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, ока-

залось, служит постоянным привалом путников, идущих в Колику-Мана. Скоро, однако, мы вышли на поляну, покрытую высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки почти невозможно пробраться даже на короткое расстояние.

Солнце давало себя чувствовать. Пересекавшие иногда поляны участки леса приятно оживляли своей прохладой. Мы незаметно поднимались в гору, но затем пришлось опять спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали над нею свод; она напоминала мне сицилианские фьюмары. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более фута глубиной, со своеобразным рокотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, с очень крутым падением, что объясняет их стремительность; при дожде в несколько часов они делаются совершенно непроходимыми, катят с шумом и пеной большие камни, роют берега и несут оторванные или поломанные деревья.

Поднявшись на другую сторону, тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако показал мне первые хижины Колику-Мана. Ряд открытых холмов тянулся к главному хребту. По ним в некоторых местах можно было различить черную линию тропинки, которая вела выше и выше. Тропинка оказалась крутой, скользкой от бывших недавно дождей. Солнце сильно пекло, но виды по обе стороны были очень хороши.

Мы прошли вдоль забора обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, взглянув на величину ее и тщательную обработку земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились. Сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то: им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мною на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Из-за тростника я скоро увидел приближавшуюся молодую женщину. Когда она подошла к забору, говорившие с ней туземцы быстро расступились, и перед нею стоял я. Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого. Полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить ей. Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я. Бросив ей кусок красной материи, я пошел далее.

Тропинка становилась все круче. Наконец, показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной шестью или семью

хижинами. Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которому присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили хорошее впечатление обо мне. Насколько я мог понять, они расхваливали мои качества: исцеление раны Туя, говорили о разных диковинных вещах в моем «талъ» и т. п.

Отдохнув и раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки, я принялся рассматривать окружавшую местность и хижины. Площадка, на которой мы расположились, составляла вершину одной из возвышенностей хребта и была окружена густой растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно было видеть окрестную местность. Вид на север был особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На юг и юго-восток виднелся целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скалы были зеленого цвета, именно те, которые были покрыты не лесом, а унаном (*Imperata*²⁴).

Хижины не особенно отличались по своему характеру от хижин береговых деревень; они были, однакоже, меньше, вероятно вследствие небольшого пространства на вершине и трудности переноски строительного материала.

Собравшиеся вокруг меня туземцы не представляли различий от берегового населения; по внешности они отличались тем, что носили гораздо меньше украшений. В буамбраме я нашел телум, который нарисовал; потом пошел к следующей группе хижин, а затем к третьей, которая стояла отдельно, выше двух остальных, и куда пришлось лезть по крутой тропинке. Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о «маб» (вид кускуса), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли только обломанный череп одного и нижние челюсти двух других мабов. Нам подали, наконец, два табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оставили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением кеу. Поданное мне блюдо было громадно, и я, разумеется, не съел и четверти содержимого. Несмотря на мое возражение, все оставшееся было завернуто для меня в банановые листья, чтобы кушать это «мондон» (потом), а пока повешено в буамбраме.

В одном месте, где деревья расступались, открывался вид на окрестности, где мне между прочим указали положение деревень Энглам и Теньгум-Мана, куда я собираюсь отправиться. Все туземцы были очень предупредительны, и, когда я собрался итти, из каждой хижины хозяйкой было вынесено по несколько «аян» (*Dioscorea*), которые были положены к моим ногам²⁵.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагаси.

Был четвертый час, и солнце все еще сильно пекло. Особенно утомительна была дорога вниз, по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. Когда я вышел к морю, где меня охватил ветер, мне показалось очень холодно, почему я, несмотря на усталость, прибавил шагу, но все-таки не избег пароксизма лихорадки. Придя в Бонгу, я, не говоря ни слова, отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я решил итти домой, что оказалось возможно по случаю прекрасной лунной ночи.

28 февраля

Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, направлявшейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над головой лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правой рукой делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй, третий, четвертый.

Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими: так легко, свободно они двигались. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне. Поровнявшись с нами, он ударил правой рукой себя в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное), и крикнул: «Марагум—Горенду!» Второй последовал за ним. Окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же. Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары барума: эти удары были другого темпа, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия.

Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силой остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «таль Маклай».

Марагум-Мана—большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое

невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготавливали оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей спокойной жизни. Несколько слов о происшедшем, сказанных Ульсону, привели его в сильную тревогу. Он попросил приготовить шляпку, на случай если бы

Бонем, папуас из деревни
Горенду

Марагум-Мана тамо оказались слишком многочисленными, и сказал, что если нам не удастся отстоять хижину, мы можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить еще слишком рано и что первый выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие дроби, которая почти наверное разгонит их. Я, однако, зарядил свои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Скоро я уснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей. Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо. Был разбужден криками и шумом в лесу. При этом я услышал изменившийся голос Ульсона: «Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не буду знать, что делать», говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке. Я приказал ему загородить ящиками дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности, притом постараться, чтобы руки его не так тряслись.

Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера и ружье-револьвер. Двустольное ружье, заряженное мелкой дробью, я держал в руках. Между деревьями, за ручьем, показались головы. Но что это? Вместо копий и стрел, я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума.

Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Марагум тамо, и рассказали мне о причине тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнако-

мых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услышав шаги бегущих за собою, подумали, что за ними гонятся, стали еще более кричать и направились к плантации, где работало несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, но достигли, однакоже, противоположного. Жены и дочери подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду. Поэтому они кинулись бежать в Гумбу, где и рассказали слышанную уже мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. п. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана и поэтому они все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось то обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев. Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии, действительно, защитить себя и тех, кого возьму под свое покровительство.

Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, кинулись было бежать, но остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут Марагум тамо. Ружье туземцы назвали сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались или брали в руки, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом вошло в употребление и здесь.

1 марта

Приходили люди Гумбу просить меня итти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум, говоря, что будут делать все, что я прикажу, и прибавляя, что, услышав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут дальше в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум тамо будет плохо. Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие штуки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогой.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били. Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауся и бананов себе на ужин и наслаждался тишиной ночи, как вдруг мой слух был поражен сильными и учащенными ударами барума в Горенду. Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: «Люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду», откуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это обстоятельство, как и то, что бессонницей делу не поможешь, заставили меня лечь спокойно спать и не прислушиваться к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

2 марта

Ночью, сквозь сон, несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывание туземцев. Около половины пятого утра услышал сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Бангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, часто спотыкаясь вследствие темноты о корни и лианы.

На первой площадке Горенду я был встречен Туем, весьма бледным от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: «Выпей кеу и покушай аяна и буам». По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположилось человек 50 туземцев. Открывшаяся картина была не только характерна для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна. Было, как я сказал, около 5 часов утра. Начинало светать, но лес еще покоился в густом мраке. Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю сторону представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона была не совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане, вблизи ряда костров, группировалась на циновках и голой земле, вокруг нескольких больших табиров, толпа туземцев в самых разнообразных позах и положениях. Некоторые, закинув голову назад, стоя допивали из небольших чаш последние капли кеу; другие, с уже отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток: трети уже спали в разнообразнейших позах (одни лежа на животе, другие на спине, с раскинутыми руками и ногами,

третьи полусидели с головами, низко склонившимися на грудь). Иных уже одолели бессонная ночь и кеу; другие, сидя вокруг табиров с аяном и буаом, еще весело болтали. Были и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем.

Несколько, вероятно, отъявленных любителей папуасской музыки, подняв высоко над головой или прислонив к деревью свои бамбуковые трубы более чем в 2 м длины, издавали протяжные, завывающие, громкие звуки; другие дули в продолговатый просверленный сверху и сбоку орех и производили очень резкие свисткообразные звуки. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов. Картина была в высшей степени своеобразной, представляя сцену из жизни дикарей во всей ее первобытности, одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения. Но и для художника картина эта могла бы представить значительный интерес разнообразием поз и выражений у толпы здоровых, разного возраста туземцев, странностью освещения первых лучей утра, уже золотивших верхние ветви зеленого свода, и красным отблеском костров.

Я погрузился в рассмотрение новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розоватый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали

Участник обрядовой пляски

меня от наблюдений и созерцания. (Я часто в своих путешествиях желал и желаю быть единственно зрителем, наблюдателем, а не участником происходящего.)

Завтрак должен был быть сейчас готов, о чем возвестили усиленные завывания бамбуковых труб, причем я ощутил всю неприятность этих раздражающих ухо звуков.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень—Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накупились на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свежееотколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной с уверениями, что это очень вкусно. То был «буам» (саго, приготовленное из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело действительно приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым орланом²⁶, но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили банановые листья, посудой, т. е. тарелками и чашами,—скорлупы кокосовых орехов, вилками—обточенные бамбуковые палочки и заостренные кости, а многие пускали в ход и свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень—синонимы); ложками служили яруры. Было оригинально видеть это разнообразие инструментов, употребляемых здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне был дан целый сверток вареного аяна, и послышались приглашения притти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие пронесли, также на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за ней другую и третью.

Дальше шесть туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторой торжественностью; припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания. Все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивалось угощение, начавшееся накануне вечером.

Не зная наверное, приду ли я к обеду, за мною пришло несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись обещанным табаком. По дороге я был остановлен женщинами из трех деревень: «Дай нам табаку!» Пришлось дать. Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно и только служат при чистке съестных припа-

сов; для них, как и для детей, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживленной и имела иной характер, чем утром. На одной стороне, на цыновках, лежали куски распластанных свиней; кроме нескольких ножей, обмененных у меня, туземцы резали мясо бамбуковыми ножами и своими костяными донганями, а затем очень искусно рвали его руками.

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута 1,5 в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, 5 горшков еще большего размера, в которых варился буам. В середине площадки очищали буам от листьев и грязи и скребли кокосы. Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков. Я пришел как раз в то время, когда шел дележ мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя «тамо», человек, такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке). Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя: «Маклай, тамо русс». Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса.

Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял для меня назначенный горшок, и так как я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, как это делали все гости, то мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева два больших листа и положил их крест на крест на дно горшка; затем вынул из большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном, один—стоя с полной корзиной по одну сторону ряда горшков, другой—по другую, наполняя их, как можно плотнее, аяном.

Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, исполнявшие как хозяева роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водой, и стали разливать воду в каждый горшок, причем морской воды они лили приблизительно одну треть, доливая двумя третями пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбой»²⁷. Это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось в большом порядке, как бы по установленному правилу; то же самое происходило и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться

кушанье. Костер имел не менее 18 м длины и 1 м ширины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что оно скоро вспыхнуло.

Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами, сохраняя начисто выскобленные половинки скорлупы. Наскобленный орех назначался для буама, который варился в особенных, больших, горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами «ай». Главный состоит из бамбука, метра два и более длины; бамбук хорошо очищен, и перегородки внутри него уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая значительно губы, и, дуя, или, вернее, крича, в бамбук, издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили.

Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из шнурков с нанизанными на них скорлупами орлана, прикрепленных к ручке. Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто-то трясет большими деревянными четками. Затем «монки-ай» — пустая скорлупа кокосового ореха с отверстиями наверху и сбоку, которые попеременно закрываются пальцами. Приложив к губам и дуя в верхнее отверстие, туземцы производят резкий звук, который варьирует вследствие открывания и закрывания бокового отверстия, а также в зависимости от величины кокосового ореха. Имелось и еще несколько других инструментов, но три описанные были главными. Участники этого папуасского пиршества, отрываясь временами от работы, принимались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство по возможности более оглушительным образом, чтобы превзойти, если можно, все предшествовавшие, раздиравшие уши звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается. Женщины все еще чистили аян, по временам отщипывая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им вместо ножа, вследствие чего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, вырезав себе накануне, вовсе не желая того, из пальца кусок мяса. В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу, и уставшие от работы женщины пристали ко мне, прося табаку. Так как мужчин нигде не было видно, то они были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно, в присутствии их мужей, отцов и братьев. Доступ женщинам на площадку, где пировали мужчины, как и мальчикам до операции «мулум», после которой они считаются уже мужчинами, строго воспрещен.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько стариков принялись за приготовление кеу. Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня Туя, а Туя — Маклай. На мое замечание, что я Маклай,

а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заботился о Туе во время болезни, что я исцелил его и что поэтому Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклай, а Маклай—Туй.

Значит и здесь, на Новой Гвинее, существует обычай обмена именами, как и в Полинезии.

Жара, а особенно оглушительная музыка имели результатом сильнейшую головную боль, и я сообщил Тую, что отправляюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке было готово, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что тяжесть ее равнялась той, которую может нести рука человека. Я пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиной того, что я отнес домой²⁸.

3 марта

Пришедший Туй, заметя около кухни пустую корзину, в которой вчера я принес свою порцию из Горенду, привязал ее к одной из ветвей дерева около хижины, сказав мне, чтобы, если кто-нибудь спросит, откуда это, я отвечал: «Буль (свинина) и аян от Туя в Горенду». Таким образом, я узнал значение корзины разной величины, висящих на деревьях в деревнях. Я не раз спрашивал, зачем они там висят, в ответ на что мне называли имя какой-нибудь деревни.

4 марта

Заперев при помощи палок, гвоздей и веревок обе двери моей хижины и укрепив перед каждой пальмовую ветвь, одним словом заперев их совершенно à la raroа, т. е. так, как делают туземцы, я поднял около 12 часов ночи якорь и направился на Били-Били—островок, отстоящий отсюда миль на пятнадцать.

Я рассчитывал добраться туда при помощи берегового ветра и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем норд-вестом, к вечеру сегодняшнего же дня. Береговой ветерок действительно потащил нас вперед, хотя и медленно; впрочем спешить было некуда; перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную для меня картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть конфигурацию хребтов и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть далее. За Мале, не доходя Богати, береговой хребет как бы расступается. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед норд-вестом, который начинает задувать около 8—9, а

Каин, туземец острова Били-Били

иногда только в 10 часов утра. Пришлось грести, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна.

Наконец, мы приблизились к юго-восточному берегу островка, состоявшего из поднятого кораллового рифа, о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены большие пироги и так высоко, что, казалось, они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за которыми в свою очередь высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых ярко выдавалась на темнозеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти всем мужским населением. Не видя женщин, желая также познакомиться с ними, а главное желая избавить их от затруднения—прятаться при моем приближении, я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я намеревался им дать. Каин, одна из влиятельных личностей деревни, который уже не раз бывал в Гарагаси и знал диалект Бонгу, узнав от меня, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били согласиться на мое предложение. Тогда на зов мужчин из хижин вылезло несколько старух, почти совсем голых, некрасивых существ. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернуться.

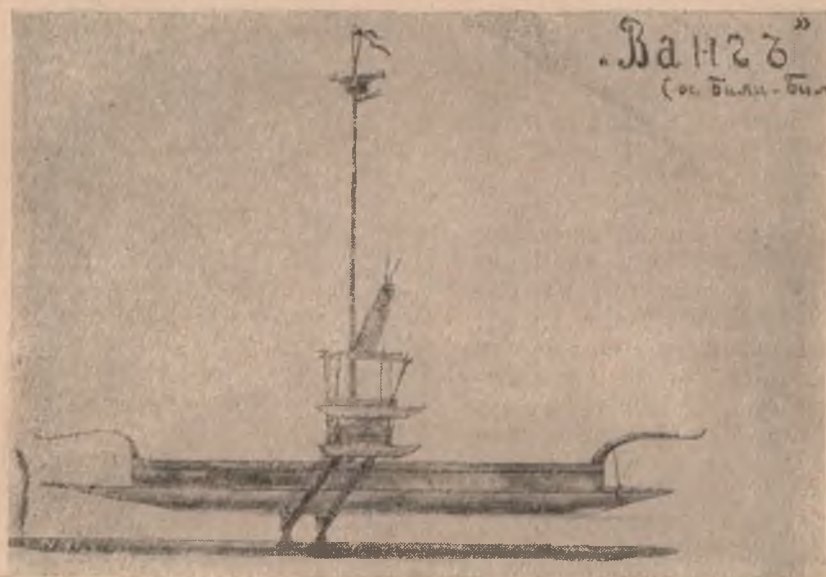
Резной идол (телум).
Деревня Теньгум-Мана

Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть па их телумы. Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, я направился в довольно обширную буамбраму, стоявшую посередине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Срисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, однако, к сожалению, все вершины гор были покрыты клубами облаков. Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с плантаций. Все они громко просили бус и красных тряпок, которые они видели у старух, получивших их от меня утром.

У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. У девочек моложе тринадцати лет он ограничивался очень небольшой кисточкой спереди (закрывающей *mons Veneris*) и более длинной сзади. К поясу, придер-

живавшему кисточки, по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен, которые лежали по сторонам сзади на ягодицах. Уши были продырявлены во многих местах. Женщины на островке Били-Били очень деятельны; на них лежит приготовление горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях.

Перед отъездом я хотел напиться и спросил кокосовых орехов. Мне принесли несколько таких, которые туземцы называют

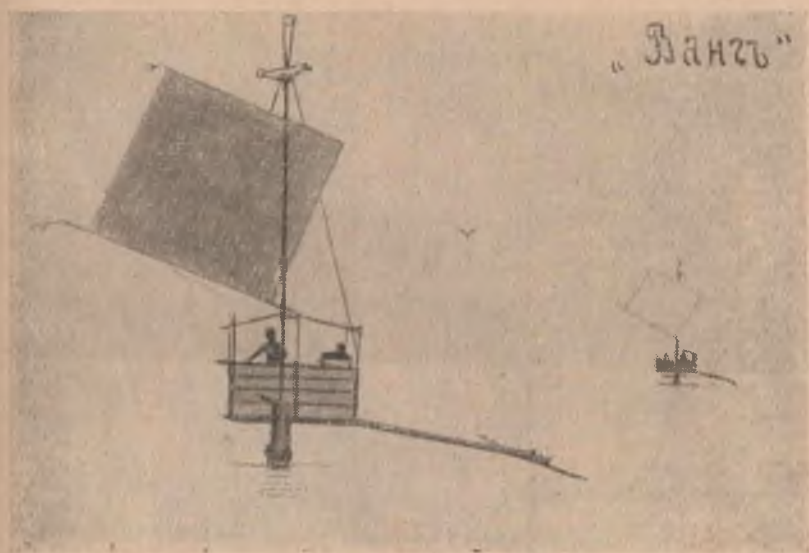
Папуасская пирога

«ниу». Я записал слов 15 или 20 диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя встречаются и одинаковые слова. Многие жители Били-Били, однако, знают диалект Бонгу.

Шутя я сказал, что, может быть, перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители островка с восторгом (скорее поддельным, чем искренним) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что люди Били-Били лучше, чем люди Бонгу, и т. д. Когда я собрался уезжать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, к видимому удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке по случаю дождя нельзя было, поэтому я попросил указать мне место, где я мог бы провести

ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытасенных на берег больших пирог. Эти пироги заслуживают внимания своей постройкой. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них приблизительно около 10 или 12 м, и они (как малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того, чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришито» по длинной планке или по две, одна на другой. В борте пироги (в стволе) и в планке сделано по отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий

Парусная лодка. О-в Били-Били

ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежутки, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитой и вымоченной в воде древесиной какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокой, иногда выгнутой доской с различной резьбой. На одной стороне пироги находится вынос, прикрепленный к лодке двумя поперечными перекладинами²⁹.

На перекладинах выноса находится платформа, на которой в больших пирогах Били-Били построена целая хижина, длиной метра в 2, шириной 4 и 5. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта разделяла хижину на две части, по обеим сторонам которых находились два длинных сиденья, где лежа могли помещаться двое. Таким образом, считая других, которые могут спать на полу, в хижине имелось на ночь или па случай непогоды помещение не менее чем для восьми человек. Верхняя половина хижины имела

Туземная парусная лодка. Остров Били-Били

разборные стены, даже крыша могла быть разобрана в очень короткое время. Вообще все в пироге было прилажено очень удобно, и нигде в этой хижине не терялось напрасно место. У самой мачты, на высоте сиденья, был укреплен плоский ящик, наполненный землей, в котором в случае надобности мог быть разложен огонь совершенно безопасно. Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, светлее и чище, чем хижина, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться со временем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым

орехом. Перед заходом солнца дождь перестал, что позволило мне обойти еще раз деревню, причем в углу одной хижины я открыл череп крокодила, которых, как меня уверяли, очень много в море³⁰.

Затем я имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится по берегу Новой Гвинеи на несколько десятков миль. Неудивительно, что Били-Били доставляет их такое количество, так как выделкой горшков занимается почти каждая семья, и у каждой хижины, под крышей, стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков падает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная со смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудия, употребляемые при выделке горшков, ограничиваются двумя или тремя дощечками и парой круглых, немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва с помощью плоской палочки делается из глины верхний ободок горшка, который остается сушиться на солнце. Когда он немного отвердеет, к нему постепенно прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку придается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответственному месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста и обкладывают листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер.

Все горшки приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или род звезды, иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг островка. Я уже чувствовал себя в Били-Били, как дома, и познакомился

Два орнаментированных глиняных горшка. О-в Били-Били

со многими тропинками и закоулками островка. Как замечено выше, весь остров покрыт лесом, в котором обращают на себя внимание несколько красивых старых деревьев и живописные группы пальм. Самый край берега, который у деревни отлог и песчан, здесь обрывист и состоит из поднятого кораллового известняка; в некоторых местах в нем находятся глубокие пещеры, в которые с шумом вливается вода. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже

однообразный, убаюкивающий гул прибоя мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно хорошей. Я даже нашел два уголка, где мог бы поставить свою хижину, и не знал, которому отдать предпочтение.

Одно обстоятельство, однако, мешает: островок мал, а людей много, пожалуй, будет тесно. Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду; никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь зато люди гораздо разговорчивее или любознательнее. Местожительство туземцев—на небольшом ос-

Хижина на сваях. Остров Били-Били. Март 1872

тровке—значительно повлияло на их занятия и характер. Не имея достаточно места на острове для земледелия, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирога и т. п.

Возвращаясь в деревню, я был остановлен у одной хижины: хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то несчастную собаку за задние лапы, ударил ее с размаху головой о дерево и, разможив ей таким образом череп, положил ее к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел его остановить. Понятно, что это был подарок, и, не желая обидеть дарящего, я принял подарок, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе.

Перед тем как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Было также очень много детей, многим из которых родители хотели дать имя Маклай, на что, однакоже, я не согласился.

Форма головы (чрезмерно пирамидальная, с покатым лбом) одного из грудных детей обратила на себя мое внимание. Можно было подумать, что такая форма была придана голове искусственно, но я положительно не нашел никаких доказательств искусственной деформации черепа. Впрочем, такие конические головы я не раз встречал в Полинезии.

5 марта

Проспав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к 7—8 часам утра собираются облака и ложатся на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два горных прохода в береговой цепи, около дер. Мале и около дер. Богатим, так и манили возможностью пробраться внутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за моими взорами. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет посильнее. В ожидании саго и ветра я занялся составлением словаря диалекта Били-Били, который значительно разнится от языка моих соседей. На физиономиях туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее, желание, которое они довольно хорошо скрывали под личиной большой любезности. Чувство это я нашел вполне естественным, может быть вследствие того, что сам испытывал его нередко. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, было для них хотя сперва и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть, вполне натурально.

Туземец с острова Били-Били

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек 30 проворно стащили в воду мою шлюпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они и выразили громким «ай!», и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей Били-Били и обещаниями скоро навестить меня. Главной причиной этого желания было то, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, почему множество больных в Били-Били пристали ко мне, прося помочь

Таль Дялум в деревне Мале. Октябрь 1872

и им, но, не взяв с собою никаких лекарств, я объявил, чтобы они приехали ко мне.

К 2 часам пополудни мы были уже в виду мыса Гарагаси, и не без нетерпения и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в первый раз оставил так надолго без присмотра, и не был совершенно уверен, что мои веревки и пальмовые листья окажутся достаточно надежною преградою любопытству папуасов. Все, однако, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек 20 или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «в Били-Били», сказали, что думали, что я отправился в Россию. После обеда мы выгрузили подарки из Били-Били; оказалось около 50 кокосов, 4 ветви хороших бананов и фунтов 20 саго. Табак и гвозди окупилась.

6 марта

Выйдя утром на веранду, я увидел на своем столе медленно и красиво извивавшуюся змею. Уловив момент, я живо схватил ее за шею, у самой головы, и, опустив ее в банку со спиртом, держал до тех пор, пока она, наглотавшись спирту, выпущенная мною, бессильно опустилась на дно банки³¹.

Явился Туй, и я имел с ним долгий разговор о Били-Били, Кар-Каре, Марагум-Мана и т. д. Между прочим, он сообщил

Деревня Мале. 29 марта 1877

мне несколько названий предметов на диалектах девяти ближайших деревень.

Между кокосами из Били-Били было много таких, которые уже пустили ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом. По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду, все ли принадлежат деревне или отдельным лицам. Туй сообщил мне, что в Горенду одни кокосовые пальмы принадлежат отдельным лицам, а другие—всей деревне. Так же и большие хижины: есть буамбрамы, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне³².

Вечер был очень темен и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого, свесившегося над водой дерева. Поверхность моря была очень спокойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, можно было видеть, что они движутся самостоятельно и с различной скоростью. Это зрелище было совершенно иное, чем видимое ночью с судна.

движение которого может быть причиной раздражения и испускания света разными морскими животными.

7 марта

Опять хозяйственные заботы. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст. Ульсону пришлось отбирать испорченные бобы, что продолжалось до двух часов. Вечером я отправился в Горенду за аяном и застал Туя опять в лежачем положении: он ходил много по солнцу, вопреки моему запрету, вследствие чего у него появился за ухом нарыв, который причинял сильную боль. Пришлось вернуться за ланцетом и вскрыть нарыв, откуда вытекло много гноя. Туя дал очень скоро понять, что чувствует большое облегчение. Возвращаться пришлось в темноте, но я довольно хорошо пробрался по тропинке, где и днем приходится часто спотыкаться о лианы и корни. Становлюсь немного папуасом: сегодня утром, напр., почувствовал голод во время прогулки и, увидев большого краба, поймал его и съел сырого, т. е. съел то, что можно было в нем съесть.

8 марта

Шлюпка опять сильно течет: в день набирается около 23 ведер воды. Почти по ведру в час.

9 марта

Ходил в Горенду, где хорошо позавтракал аяном и саю. В середине февраля прекратился дегарголь; в начале марта почти что исчез сахарный тростник; скоро, говорят, не будет и аяна, а вместо него на смену явится «бау»³³, а потом еще один род бобов; аусь тоже с каждым днем становится хуже, так как часть его оказывается черной и изъеденной отчасти червями.

14 марта

Встал с сильнейшей головной болью; малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве, к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду (*Microglossus aterrimus* Gm.), этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти прямо над головой, на высоте по крайней мере 100 футов. Ружье было заряжено очень мелкой дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался в эффекте выстрела, но все-таки выстрелил, чтобы по крайней мере спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Стрелял я почти не целясь, тем не менее птица с пронзи-

тельным криком, сделав несколько кругов, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более 1 метра.

К 12 часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал, почти не двигаясь, без еды, до следующего утра.

15 марта

Отпрепарировал мозг птицы и оставил мой первый экземпляр черного какаду для миологических исследований.

Вечером зашел в Горенду и видел на туземцах результаты большого угощения в Бонгу. Туземцы так наелись, что их животы, сильно выдававшиеся и натянутые, были настолько нагружены, что им трудно было ходить. Несмотря на то, каждый нес на спине или в руках порядочную порцию еды, с которой они намеревались покончить сегодня. Полный желудок мешал им даже говорить и, ожидая приготовления ужина, что было предоставлено сегодня молодежи, большинство мужчин лежало, растянувшись у костров. Я долго не забуду этого зрелища.

16 марта

Несколько пришедших из Колику-Мана людей принесли мне в подарок поросенка, за что получили установившуюся уже цену—небольшое зеркало в деревянной рамке. Так как их пришло человек 10, то нужно было каждому дать что-нибудь; дал по небольшой пачке табаку, который здесь начал очень расходиться, так как при каждой встрече—приходят ли туземцы ко мне, иду ли я в деревню—все пристают: «табак, табак».

Разговоры о нападении со стороны Марагум-Мана продолжают. Они так мне надоели, что положительно желаю, чтобы эти люди, наконец, действительно пришли.

29 марта

Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я им не причиню никакого вреда, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежей провизией. Я не пренебрегаю при этом даже мясом попугаев, какаду и других. Попробовал на днях мясо *Corvus senex*, скелет которого был мною отпрепарирован.

Туземцы очень боятся выстрелов из ружья; несколько раз они просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Молодой папуас из деревни Колику

Вчера часы у меня остановились. Желая встать до света, я лег очень рано и заснул крепким сном. Когда я проснулся, было темно; мне показалось почему-то, что я спал долго и что скоро пора итти. Часы стоят. Я оделся и пошел сам развести огонь. Заварил чай, испек в золе аусь и бананы. Позавтракал и стал ожидать первых лучей солнца. Сидел, сидел—все так же темно. Решил, наконец, снять часть охотничьей амуниции и поспать немного. Заснул, несколько раз просыпался—все еще было темно. Полагаю, что я завтракал в 12 часов или в час ночи. Положительно очень неудобно не иметь часов.

В Горенду застал Туя, готового сопровождать меня, и с восходом солнца мы отправились. Влезли сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на юго-восток. Хребет

невысокого кряжа был покрыт негустым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, итти было удобно. Птиц, однако, почти что не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому скату хребта, покрытому высоким унаном, откуда открылась очень красивая обширная панорама холмов, кряжей и гор, поросших темным лесом, между которыми в немногих местах проглядывали светлозеленые лужайки, покрытые унаном. На дальних высоких вершинах гор клубились уже облака.

Туй не дал мне долго любоваться видом и стал быстро спускаться по крутому скату кряжа, держась за унан и почти что исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава сменилась тростником и папоротниками. Здесь послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке). Снова вошли в лес. Изрытая везде земля указывала на частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько вырезанных фигур. Они меня очень заинтересовали, и я их срисовал. Спрошенный Туй объяснил, что, вероятно, кто-нибудь из людей Теньгум- или Энглам-Мана вырубил их топором. Я спросил, стало ли это дерево теперь телумом, на что получил отрицательный ответ. Хотя я здесь уже слишком полгода, но знание языка все-таки оказалось недостаточным, и я не мог дознаться, зачем сделаны эти фигуры и что они означают.

Мы подошли к самой реке, которая оказалась видной далеко с моря. Она на значительном протяжении отделяет низкий береговой хребет от более высокого внутрененного, течет с юга на север и, наконец, впадает около Гумбу в море³⁴. Русло речки очень широкое, но в это время года оно было пересошим; несколько отдельных рукавов различной ширины образовало множество островков, покрытых преимущественно крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте широкое (шире Невы против Петропавловской крепости), и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В двух или трех средних вода бежит очень стремительно.

Не желая мочить обувь, я снял башмаки, что оказалось ошибкой: так как я не привык ходить босиком, мне было трудно итти по мелкому булыжнику. Течение было здесь также сильное, и только благодаря копыю Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через 4 остальных рукава мы не рискнули. Туй попробовал было, но в нескольких шагах погрузился выше пояса в воду. Я не настаивал на том, чтобы итти далее, потому что при глубине реки и силе течения, не умея плавать, я не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. На силы Туя, не совсем еще оправившегося от раны, я не мог положиться. Когда я переходил

вброд через первый рукав, ноги мои были неприятно бомбардированы довольно крупными булыжниками (больше куриного яйца), которые неслись по течению. В средних, более широких и глубоких рукавах камни эти были больше и могли бы, пожалуй, сшибить человека с ног.

Виды на оба берега были живописны, и я пожалел, что при жарком солнце не было возможности сделать полный рисунок; пришлось удовольствоваться поверхностным наброском. Булыжники на островке, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые величиной с детскую голову), что свидетельствовало о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежащие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях масса воды в реке должна быть очень значительной. Туй сказал, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ловить ее. Я не хотел возвращаться старой дорогой. Мы поэтому влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался упан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет хорошая охота на птиц, но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Позавтракав очень рано и не взяв ничего с собою, я почувствовал, что желудок мой очень пуст. Не находя решительно никакой добычи, я направился домой. Туй попросил подождать его, говоря, что он хочет вырезать недалеко несколько бамбуков. Я согласился. Продав полчаса, я стал его звать, — ответа нет. Употребил в дело свисток — молчание.

Продав еще четверть часа и думая, что Туй преспокойно возвратился домой, я также направился к дому. Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я должен был проложить себе путь сам, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представляет упругую массу, раздвинуть которую руками или ногами подчас оказывалось не под силу. Чтобы двигаться дальше в таких местах, я придумал употреблять средство, которое увенчалось успехом. Я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно опускался; вставая, я мог идти далее или должен был снова повторять придуманный маневр. Трава была выше моего роста, почему только при помощи коммаса, который, к счастью, я захватил с собою, я мог идти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам. Раз пять я отдыхал: так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбрюя вызвали у меня даже опасение солнечного удара; несколько раз я чувствовал головокружение. Наконец, я добрался до леса, но и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагаси. Вернувшись домой, я выпил две чашки чаю, хотя не особенно хорошего и очень жиденького и без сахара, тем не менее они значительно освежили меня.

30 марта

Приготовил скелеты серого ворона и красного попугая⁸⁵. Окончив работу, я из обрезанных мускулов сделал себе котлетку, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлетка оказалась очень вкусной. Погода так же хороша, как и вчера: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто. Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед моей хижиной, на что они сперва пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь на ловлю рыбы. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась. Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценой ловли. Все конечности ловца заняты при этом: в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только он начинает гаснуть; правой туземец держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, тогда как левой по временам снимает рыбок с юра. Когда ловля кончилась, мне преподнесли несколько рыбок.

31 марта

Я измерил рис и бобы на следующие пять месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать, что не завишу от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена. Последние недели я замечаю изменение погоды: норд-вест, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, сменился тихим ветерком, и часто, даже днем, наступают штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но последние дни по ночам собираются кругом черные тучи.

По деревням я замечаю тоже недостаток провизии.

2 апреля

Около 3 часов почувствовал себя скверно—пароксизм, и должен был пролежать весь вечер, не двигаясь, по причине сильнейшей головной боли. Ночью была великолепнейшая гроза. Почти непрерывная молния ярко освещала деревья кругом, море и тучи. Гроза обнимала очень большое пространство; почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его почти что над головой. Частые молнии положительно ослепляли, в то же время самый дальний горизонт был так же ясен, как днем. В то же время меня трясла сильная лихорадка; я чувствовал хлод во всем теле. Кроме того, холод и сырость, врывавшиеся с ветром в двери и щели, очень раздражали меня. Как раз над головой, в крыше, была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная

капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висевшие над крышей, что имело бы последствием падение тяжелых ящиков, лежавших на чердаке надо мною.

Нуждаясь в нескольких часах сна и отчаиваясь заснуть при всех этих условиях, я принял небольшую дозу морфия и скоро уснул.

3 апреля

После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы пойти туда, пока еще сухо. По обыкновению, по приходе гостя туземцы готовят ему угощение, которое сегодня вышло не особенно удачным: вместо аяна сварили «бау», а саго имело сильный запах плесени. Я сидел у костра, у которого несколько женщин занимались приготовлением ужина, и удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами—обломками раковин и бамбуковым ножом. Одна из женщин пробовала чистить «бау» ножом, данным мною ее мужу, но легко было заметить, что она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно резала слишком глубоко, вероятно, потому, что, работая своими инструментами, она привыкла прилагать гораздо более силы, чем это требовалось для европейских. Мне показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), которые туземцы поджаривают, как мы, напр., жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, что испугало женщину, которая моментально поднялась и удалилась в хижину. Ребенок не переставал, однако, реветь, почему женщина вышла снова из хижины и положила его в большой мешок, который повесила себе на спину так, что шнурок мешка охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать взад и вперед по площадке между хижинами. Ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк. Мой ужин был готов, и меня повели в буамбраму и пригласили сесть на нары, после чего перед мною поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов обычай—оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий, по собственному желанию, присоединился к нам. Когда я собрался идти, уже почти что совсем стемнело, и только на берегу моря можно было различать предметы. В лесу царствовала полная темнота, и только ощупью я мог пробраться по узкой тропинке и не без труда дошел до Горенду, где жители были крайне удивлены моим поздним приходом. Несколько человек сидели около своих

хижин и в темноте перекидывались изредка словами: только в буамбрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дома. Мне хотели дать проводника, но я отказался, полагая, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом. Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, почему я и бросил полено на полдороге. Несколько раз я сбивался с тропинки, по которой днем проходил много сотен раз, наткнулся на пни и сучья и раза два усомнился, дойду ли я в этой темноте до дома. Я уже примирился с мыслью переночевать в лесу, но все же подвигался вперед и, наконец, добрался до дома, где с удивлением убедился, что пришел с целыми глазами и неопарпаным лицом.

6 апреля

Приготовился совсем итти в Теньгум-Мана. Думал в шлюпке отправиться в Бонгу, переночевать там и рано, с восходом солнца, итти в Теньгум-Мана, но сильная гроза с проливным дождем заставила меня остаться дома.

7 апреля

Теньгум-Мана, горная деревня, лежащая за р. Габенеу, особенно интересует меня как одна из самых высоких деревень этого горного хребта, носящего общее название Мана-Боро-Боро. Хотя многих горных жителей деревень я не раз уже видел в Гарагаси, мне хотелось посмотреть, как они живут у себя. Оставив Ульсона в Гарагаси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, еще будучи студентом в Гейдельберге и Иене, я исходил многие части Германии и Швейцарии. Захватив с собою самое легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако, ноша моя оказалась слишком тяжелой, почему я в Горенду отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал Дигу, который охотно взялся нести мои вещи.

Прилив был еще высок; пришлось разуться и, часто по колени в воде, итти по берегу. Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Большинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие по случаю моего прихода остались, чтобы приготовить мне ужин. В Бонгу были также гости из Били-Били, и мы вместе поужинали. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажигать других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, да и эти не горели, а догорали. Люди сидели, ели и бродили почти в полной темноте. Это хотя и показалось мне оригинальным, но не совсем удобным. Может быть, это происходит от недостатка сухого леса и значительной трудности рубить свежий лес каменными топорами. Когда надо было немного более света, папуасы зажигали пук сухих кокосовых

листьев, который ярко освещал окружающие предметы на минуту или на две.

Туземцы имеют хорошую привычку не говорить много, особенно при еде—процесс, который совершается молча. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах, и отражение их, двигаясь по воде, местами освещало пену прибоя. Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала

Остров Кар-Кар

молния, и по временам слышался далекий гром. Я присоединился к группе сидевших на берегу, на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики лет восьми или десяти стояли у платформ пирог, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки словленных рыбок. При резком освещении профиль мальчиков мне показался типичным, типичнее, чем профиль взрослых, у которых усы, борода и громадная шевелюра, у каждого различная, придавали индивидуальный отпечаток. У мальчиков же безволосая нижняя часть лица и почти у всех выбритая голова представляли очень типичные силуэты.

Три особенности бросились мне в глаза: высокий, убегающий назад череп с покатым лбом, выдающиеся вперед челюсти, причем верхняя губа выдавалась более вперед, чем конец носа, и, в-третьих, тонкость шеи, особенно верхней части, под подбородком. Каждый рыбак принес мне по несколько рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе. Когда я отправился в буамбраму, где должен был про-

вести ночь, меня сопровождало человек пять туземцев, которым было любопытно посмотреть, как я лягу спать.

Лако, хозяин хижины, сидел у ярко горевшего костра и занимался печением пойманной им рыбы. Внутренность хижины была довольно обширной и производила, при ярком освещении, позволявшем рассмотреть все до малейшей подробности, странное впечатление своей пустотой. Посередине помещался костер, у правой стены—голые, длинные нары; род широкой полки шел вдоль левой стороны, на ней лежало несколько кокосов, над нарами висели 2—3 копыя, лук и стрелы. От конька крыши спускалась веревка, имевшая четыре конца, прикрепленные к четырем углам небольшой висячей бамбуковой корзины, в которой завернутые в зеленые листья лежали вареные съестные припасы. Вот и все, что находилось в хижине.

Несколько кокосовых орехов, немного печеного аяна и рыбы, 2—3 копыя, лук и стрелы, несколько табиров, 3 или 4 маль составляли единственную движимую собственность Лако, как и большинства папуасов. Хотя у него еще не было жены, но уже имелась хижина, между тем как у большинства неженатых туземцев хижин не было.

Я приготовил себе постель, разостлав одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец и надул каучуковую подушку, к величайшему удивлению туземцев, сбросил башмаки и лег, закрывшись половиной одеяла, между тем как другую половину подостлал под себя. Человек 6 туземцев следили молча, с большим интересом за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

8 апреля

Проснулся ночью, разбуженный движением нар. Лако, спавший на противоположном конце, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; на голое тело его, должно быть, неприятно действовал ночной ветерок, пробиравшийся через многочисленные щели хижины. Лако не удовольствовался тем, что раздул костер и подложил дров; он разложил еще другой костер, под нарами, под тем местом, где лежал, так что теплый дым, проходя между расколотым бамбуком, из которого был сделан верх нар, согревал одну сторону его непокрытого тела. Я сам нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством; ночь была действительно прохладная. Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь.

По временам будил меня также крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня, так что я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горящей головней в руках принужден был искать дорогу

к берегу моря, куда впадал ручей. Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только бледнеть.

Умывшись у ручья и наполнив принесенный бамбук водой, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов, которые все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен

Остров Кар-Кар в хорошую погоду

тем, что еще темно, хотя я уже около часа был на ногах. Не имея с собою часов, я решил снова лечь и дожидаться дня. Проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил отпустить людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернуться завтра с людьми Теньгум-Мана домой. Дело уладилось, и вместо двух со мной отправились семь человек.

Перейдя через береговой хребет (около 400 футов), мы спустились к р. Габенеу. Спуск был очень крут, так как тропинка шла без всяких зигзагов, прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копыю, которое взял у одного из спутников. Наш караван остановился у берега реки, мутные воды которой шумно неслись мимо, стуча камнями, катившимися по дну. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе; распределив снятые вещи между спутниками, дал один конец линя, который захватил с собою, одному туземцу и сказал другому, дав ему другой конец, чтобы переходил через реку. Течение значительно подвигало его наискось, и он еще не был на другом берегу, когда мой 25-саженный линь оказался недостаточно длинным, почему я приказал первому зайти в воду настолько, чтобы веревки хватило до другого

берега. Таким образом, лить был растянут поперек самого стремительного места рукава.

Я сошел в реку, держась одной рукой за лить. Вода показалась мне очень холодной (хотя термометр показывал 22° Ц) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшие гальки, которые не в состоянии были сбить человека с ног. Я убедился, что и без лия можно было бы перейти реку, подвигаясь наискось, что я и сделал при переходе через следующие

Деревня Теньгум-Мана

три рукава. Главное неудобство заключалось в неровном, кремнистом дне и в мутности воды, не позволявшей разглядеть дно.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, почему я и остался в своем легком, хотя и не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые ноги. Вместо того, чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по каменистым отмелям, переходя десяток раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли, таким образом, около двух часов под палящим солнцем, и, чтобы предупредить возможность пароксизма лихорадки, я принял грана 3 хины.

Оба берега реки были высоки, покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты, причем можно было видеть залегающие пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенного сюда, вероятно, в последнюю

высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более по воде не придется итти. Пока я одевался, туземцы курили, жевали бетель и разглядывали мои башмаки, носки, шляпу и, рассуждая о них, делали очень смешные замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором и похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

Когда мы подошли к правому берегу, мне указали там, где я меньше всего ожидал, узкую тропу вверх; только с помощью корней и ветвей можно было добраться до площадки, откуда тропинка становилась шире и отложе. Не стану описывать наш путь вверх; скажу только, что дорога была очень дурна, крута, и я несколько раз принужден был отдыхать, не будучи в состоянии итти постоянно в гору. Обстоятельство это ухудшилось тем, что, идя впереди всех и имея за собою целый караван, я не мог останавливаться так часто, как если бы я был один. Никто из туземцев не смел или не хотел итти впереди меня.

Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и бананов, мы достигли вершины. Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, пришлось итти далее. В ответ на крик моих спутников послышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показалось несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, увидав меня. Много слов и крику стоило моим спутникам вернуть их. Боязливо приблизились они снова, но, когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону.

После этой церемонии мы отправились в деревню: я впереди, а за мною гуськом человек 25. Мое появление в деревне тоже вызвало панический страх: мужчины убегали, женщины быстро ретировались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, начинали выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и через короткое время почти все убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знакомство с диалектом Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я мог объяснить, что я намереваюсь остаться ночевать в деревне и чтобы мне указали хижину, где я мог бы провести ночь; я прибавил, что желал бы достать в обмен на ножи по одному экземпляру маба³⁶ и дюга (казуара).

После некоторых прений меня привели в просторную хижину; оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпой туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посередине тянулась довольно широкая улица; с обеих сторон ее стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густой зеленью. Между хижинами

и за ними поднимались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были посажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньших размеров, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши, так как стей по сторонам почти не было видно. Перед маленькой дверью имелась полукруглая площадка под такой же крышей, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Пока я занялся рисованием двух телумов, для нас, т. е. гостей,

Буамбрамра в деревне Теньгум-Мана. 1872

готовилось «инги». Прибежали два мальчика с известием, что инги готово. За ними следовала процессия: четыре туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных—вареный бау. Все четыре были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции монки-ля и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть. Немного поодаль расположились жители Теньгум-Мана, и я имел удобный случай рассмотреть их физиономии, так как они были заняты оживленным разговором с людьми Бонгу. Между ними было несколько таких физиономий, которые вполне соответствовали представлению о дикарях. Вряд ли самое пылкое воображение талантливого художника могло придумать более подходящие!

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители

не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае. Мои спутники между тем наговорили так много страшного обо мне, т. е. что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д., что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне, пока я там нахожусь. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застрашивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью установить мою репутацию как очень опасного или очень мощного человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы и выставили меня как их друга и покровителя.

Мне так надоели вопросы, останусь ли я в Теньгум-Мана или вернусь домой, что я повторил мое решение остаться, лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Моя сиеста продолжалась более часа. Сквозь сон я слышал прощание туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целой свитой туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка; выше ее была еще третья—самая высокая точка в Теньгум-Мана. Вид оттуда должен был быть очень обширный, но его значительно закрывала растительность. На северо-восток вдали расстилалось море, на восток, отделенная глубокой долиной, возвышалась Энглам-Мана, на запад, за рядом холмов, виднелось каменистое ложе р. Коли, на юго-запад тянулся лабиринт гор. Расспросы о них убедили меня, что только Энглам-Мана заселена, что все другие видневшиеся отсюда горы совершенно необитаемы и что туда никто не ходит и там нет нигде тропинок.

Возвращаясь, я обратил внимание на хижины. Перед входом во многие из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, у некоторых даже человеческие черепа, но без нижней челюсти. В одном месте, поперек площадки, на растянутой между деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках из других деревень. Энглам-Мана изобилует арековыми пальмами и кеу. Когда я поставил столик, сел на складную скамейку, вынул портфель с бумагой и камерулюциду, туземцы, окружавшие меня, сперва попятнулись, а затем совсем убежали. Не зная их диалекта, я не пытался говорить с ними и молча принялся рисовать одну из хижин.

Не видя и не слыша ничего страшного, туземцы снова приблизились и совершенно успокоились, так что мне удалось сделать два портрета: один из них был именно того субъекта, о котором я сказал, что он внешнею особенно походит на наше представление о дикаре. Но так как эта «дикость» заключается

Деревня Колику (вверху); деревня Теньгум-Мана (внизу)

не в чертах лица, а в выражении, в быстрой смене одного выражения другим и в подвижности лицевых мускулов, то, перенеся на бумагу одни линии профиля, я получил очень недостаточную копию оригинала. Другой туземец был гораздо благообразнее и не имел таких выдающихся челюстей.

Обед и ужин, которые мне подали, состояли снова из вареного бау, бананов и наскобленного кокосового ореха. Один

Дягусли, папуас из деревни
Теньгум-Мана

из туземцев, знавший немного диалект Бонгу, взялся быть моим чичероне и не отходил все время от меня. Заметив, что принесенный бау так горяч, что я не могу его есть, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок таро и дуть на него; поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки и предложил ему скушать те кусочки бау, которые он готовлял для меня. Это, однако, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только что подносил ко рту, туземец поспешил полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав мне, бросил.

Чистотой здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастаться. Это отчасти объясняется недостатком воды,

которую им приходится приносить из реки по неудобной горной лесной тропе. Когда я спросил воды, мне налили из бамбука, после долгого совещания, такую грязную бурду, что я отказался даже пробовать ее.

Около 6 часов облака опустились и закрыли заходящее солнце; стало сыро и холодно, и скоро совершенно стемнело. Как и вчера в Бонгу, мы остались в темноте; при тлеющих угольях можно было едва-едва разглядеть фигуры, сидящие в двух шагах. Я спросил огня. Мой чичероне понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и, принеся целый ворох сухих пальмовых листьев, зажег их. Яркое пламя осветило сидящую

против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель. Среди них, около огня, сидел туземец, которого я уже прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Хотя никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся. Такие субъекты, род начальников, которые, насколько мне известно, не имеют особого названия, встречаются во всех деревнях; им часто принадлежат большие буамбрамы, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания³⁷.

Мне захотелось послушать туземное пение, чтобы сравнить с пением береговых жителей, но никто не решался затянуть «мун» Теньгум-Мана, и я счел поэтому самым рациональным лечь спать.

9 апреля

Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась; туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника. Только что я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещало группу туземцев, которые привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. Потом ночью сильный кашель в ближайшей хижине часто будил меня; также спавшие на других нарах двое туземцев часто поправляли костер, разложенный посреди хижины, и подкладывали уголья под свои нары. С первыми лучами солнца я встал, обошел снова всю деревню, собирая черепа кускуса и что найдется интересного. Приобрел, однако, только два человеческих черепа без нижних челюстей и телум, который туземцы называли «Кария». Этот последний я получил, однако, только после долгих разговоров, крика Минема и обещания с моей стороны, кроме гвоздей, прислать несколько бутылок.

После завтрака, состоявшего снова из вареного таро и кокоса, я дал нести мои вещи трем туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг; посередине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньей. Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и произнес при общем молчании речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что люди этой деревни снесут ее в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест.

Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке. Все хранили молчание

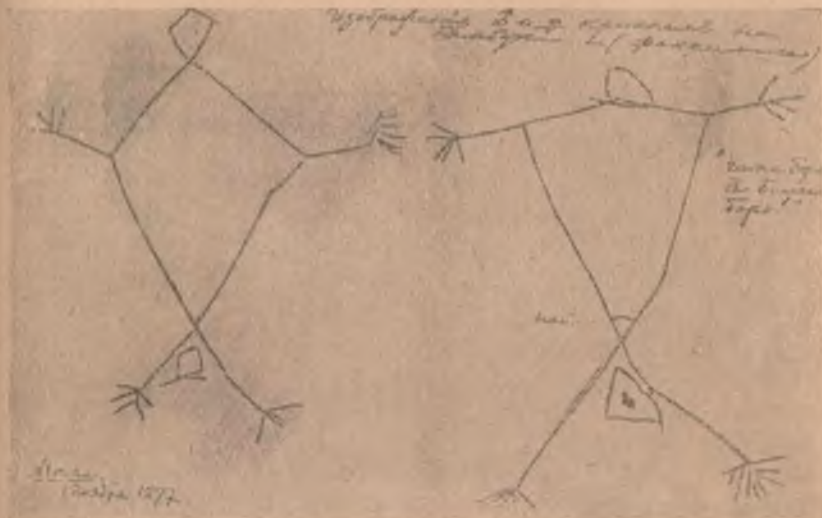

Ален, папуас из деревни Теньгум-Мана

и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа. Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание диалекта Бонгу, ответил Минему, причем имел удовольствие видеть, что меня понимают и что остаются довольны моими словами. Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньей, а чтобы видеть людей, их хижи-

ны и горы Теньгум-Мана; что хочу достать по экземпляру маба и дюга, за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»); что за свинью я также дам в Гарагаси то, что и другим давал, т. е. «канун» (зеркало) (общее одобрение); что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана—хорошие люди; что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклая, то получит табак, маль (красные

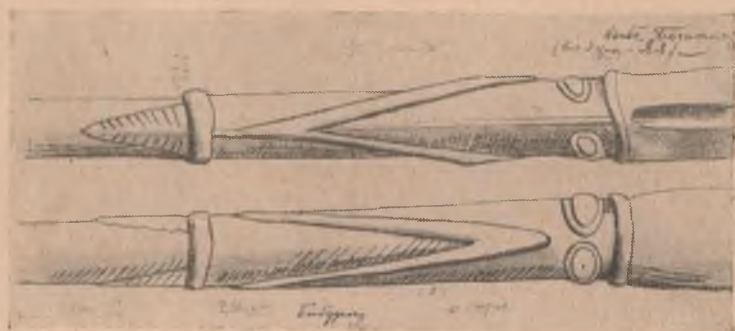
Изображения мужчины и женщины на бамбуке (с папуасского рисунка).
Деревня Малё

тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: «Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши»). После рукопожатий и криков «Эме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольной улыбкой повторила свои фокусы со шнурком, которые оказались теми же, которыми занимаются иногда и дети в Европе³⁸.

Сходя с одной возвышенности, я удивился многочисленности проводников, которые все были вооружены копьями, луками и стрелами. Для закуривания многие несли с собою дымящееся об гленное полено, не открыв, повидимому, до сих пор способа добывания огня. Они повели меня другой дорогой, а не той, по которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу,

они хотели сократить путь, который оказался круче и неудобнее чем тот, по которому мы шли вчера. В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, по крайней мере в 1 метр в диаметре. На стороне, обращенной к деревне, было вырублено несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старше последних.

Резьба на копье. Деревня Богатим

Орнамент на копье.
Деревня Горима

Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу (о которых я говорил) и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они представляют собою не что иное, как начатки письменности, первые шаги в изобретении так называемого идеографического письма. Человек, рисовавший углем или краской или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить известную мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение;

так, напр., в Били-Били изображение праздничной процессии было сделано в воспоминание об окончании постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил смысл своих иероглифов.

Я с удовольствием услышал шум реки, потому что тропинка была утомительна; необходимо было полное внимание, чтобы не задеть ногой за какую-нибудь лиану, не оступиться о камень, не расшибить себе колено о лежащий поперек ствол, скрытый

травой, не выколоть себе глаз о сучья и т. п. Все это мешало спокойно рассматривать местность. Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа в несколько десятков футов вышиной оказалась прогалина, и вид на реку был очень живописен.

Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местоположения в альбом, сказав людям, чтобы они сошли вниз

Изображение лица на
топорище

То же, вид сбоку

к реке и там ждали меня. Картина оживилась сошедшими вниз папуасами и приобрела тем туземный колорит. Я насчитал 18 человек. Они расположились отдыхать разнообразными группами. Одни лежали на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они зорко осматривали противоположный берег. Я узнал потом, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаби-Мана; поэтому они все были вооружены, и несколько человек стояли часowymi во время отдыха товарищей.

Я так загляделся на окружающую меня картину, что позабыл рисовать, притом мой неискusstный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполную, бледную копию с этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера, разделся, и мы от-

правились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось итти, поранили мне ноги до крови. Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но она улизнула. Человек 10 пустились преследовать ее; она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительной ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец, ящерица скрылась между камнями под камышом, но и здесь туземцы отыскивали ее. В один миг камыш был выдернут, камни разбросаны, и земля быстро раскопана руками. Один туземец схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка, у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что показалась кровь, но улизнуть она не могла.

При переходе через один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни, и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые и раненые рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин. Сегодня пришлось итти вниз по реке дольше, чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или Горенду. Придя, наконец, домой часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся вследствие двух пароксизмов, так как он не вовремя принял хину. Я узнал, что в мое отсутствие Туй ночевал в Гарагаси (вероятно, приглашенный Ульсоном), чем я остался очень недоволен. Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек 40 туземцев. Раздав табак и по куску красной материи моим проводникам, я дал, согласно обещанию, зеркало одному из них за свинью, бутылки и несколько больших гвоздей за телум и отпустил их, очень довольных, обратно в Теньгум-Мана. Сам же, не евши в течение десяти часов, с удовольствием выпил чаю без сахара с вареным аяном.

10 апреля

Ночью я почувствовал боль в ноге, и, когда встал утром, она оказалась сильно опухшей, с тремя ранками, наполненными материей. Это был результат вчерашнего перехода через реку. Невозможность надеть башмаки и боль при движении заставили меня сидеть дома. Я поручил жителям Бонгу привязать на свой лад принесенную вчера свинью, так как мне не хотелось зарезать ее немедленно.

12 апреля

Два дня сидения дома имели хороший результат для моей ноги; я оказался в состоянии отнести сам порции свиного мяса в подарок жителям Горенду, так как сегодня свинья из Тень-

гум-Мана была зарезана Ульсоном. Она была слишком велика для двоих, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил отдать половину знакомым в Горенду и Бонгу. Принесенные куски мяса произвели большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины с трех площадок, чтобы чистить и готовить аян и бау.

Отдыхая в прохладной буамбраме, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила. Затем я обратил внимание на приготовление папуасского кушанья «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного и слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок полутора или двух лет тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Сегодня опять имел случай видеть обстоятельно процедуру приготовления кеу. Видел также, что и женщины пьют иногда этот напиток.

14 апреля

Несколько человек явилось из Бонгу за лекарством; один пришел с больными ногами, другой принес мне экземпляр трубы, которую я ему уже давно заказал, остальные явились с кокосовыми орехами.

Передавая мне длинный бамбук, туземец сказал, чтобы я не показывал «ай» (общее название всех музыкальных инструментов) женщинам и детям, что это для них может быть худо. Здесь туземцы хранят все свои музыкальные инструменты втайне от женщин и детей и занимаются своим «ай» (т. е. музыкой) всегда вне деревни. Причина устранения женщин от музыки, пения и т. п. мне остается неизвестной.

15 апреля

Погода меняется: частые штили, слабый ветер иногда с юго-востока, пасмурно. Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самого строгого порядка и не ставить и не класть каждый день аккуратно все на место, положительно негде было бы сидеть. Эти постоянные уборки сопряжены с значительной скукой и потерей времени.

16 апреля

Придя утром в Горенду, я встретил там двух женщин из другой деревни, которые пришли в гости к женам Туя и Бугая. Большие мешки с подарками (бау и аян) висели у них за спинами, между тем как веревки этих мешков обвивали лоб. Мешки были так тяжелы, что они не могли идти или стоять иначе, как полусогнувшись. Они были очень любезно встречены женщинами

Горенду, которые пожимали им руки и гладили по плечу. Женщины, здороваясь между собою, подают одна другой руки или 2—3 пальца. У этих женщин на плечах и грудях, опускаясь к средней линии тела, был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи. Впрочем, этот род татуировки встречается далеко не у всех.

17 апреля

Сегодня видел в Гумбу, как при помощи простой раковины и нескольких осколков кремня выделяются из бамбука папуасские гребни. Верхняя часть этих гребней украшается орнаментом, выцарапанным очень искусно осколками кремня. Бордюры эти очень разнообразны, я нарисовал несколько из них (сделал факсимиле). Чтобы вырезать подобный гребень своими примитивными инструментами, туземцу требуется почти полдня работы.

Последнее время приходилось серьезно заниматься охотой, так как наша ежедневная пища (стакан кофе утром с небольшим количеством таро, вареного или печеного, и немного бобов, таро и чашка чаю за обедом) становилась недостаточной. Охота здесь нетрудна, так как птицы, еще не знакомые с действием огнестрельного оружия, не боязливы и подпускают очень близко.

Мне вздумалось испытать на себе действие кеу. Наскроб ножом корень и стебель *Piper methysticum*, нарезал листья и на полученную массу, составившую около двух полных столовых ложек, налил воды в обыкновенный стакан, почти до края. Дал настояться около часу, после чего выжал размокшую массу (корень, стебель и листья) через полотно несколько раз, постоянно смачивая ее той же жидкостью. Выжатая жидкость была зелено-коричневого цвета и имела горький, но не неприятный вкус. Запах был сильный, характерный, но не неприятный. Выпив около стакана этой горькой жидкости так, как пьют лекарство, т. е. не обращая внимания на не особенно хороший вкус, я не почувствовал никакого особенного действия. Не думаю, чтобы виной этому была слабость настоя, а скорее отсутствие слюны, которая производит брожение жидкости и делает напиток кеу одуряющим.

19 апреля

Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

20 апреля

Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежавшую на земле стрелу и, заметя обломанный конец, вынул нож, чтобы заострить его, так как для

туземцев эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени. Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Когда я спросил, убит ли маб, он ответил, что нет, что маб находится в соседней хижине. Я отправился, или, вернее, влез в хижину (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу, которая и оказалась мабом. Хижина была в два этажа, и животное висело крепко привязанным за хвост головой вниз. Желая рассмотреть маба поближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковиной перерезал лиану, привязанную к хвосту маба, который при этом ухватился передними лапами [пропуск] и с такою силой, что Вангум, ухвативший его за хвост обеими руками, не мог стащить его с места, так как животное вонзило свои крепкие острые когти в дерево. Прежде чем я мог остановить его, Вангум с силой ударил толстой палкой по передним ногам маба; от боли животное вынуждено было уступить, и его, наконец, стащили вниз. Держа его за хвост, чтобы не быть укушенным, Вангум выбросил его из хижины. Я последовал за ним.

Бедное раненое животное сердито разевало рот и при каждом моем движении показывало свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовало убежать. Оно имело около 50 см длины и было серовато-белого цвета. мех был мягок и густ, но волосы, однакоже, не длинные. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями³⁹. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег; может быть, это вызывалось тем, что животное не оправилось еще от сильного удара палкой по передним ногам или от раны стрелой. Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож, который для туземцев был бы хорошей ценой за животное, и спросил, кому он принадлежит. Оказалось, что настоящего владельца у него не было, потому что он был пойман следующим образом.

Утром двое туземцев в одно и то же время заметили зверя, который спускался с дерева, почти у самой деревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на отдельно стоящую пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранив животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил его, остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща и уже приготавливали костер, чтобы опалить его густую шерсть. Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: «животное мое». Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба. Я знал очень хорошо, что если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому, но мне не хотелось поступить

несправедливо и силой завладеть чужой собственностью. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросились помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни одного звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ноги, но маб был уже на костре, и я должен был удовольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бороздками.

21 апреля

Срисовал морду, ноги и хвост маба и отпрепарировал череп, который оказался отличным от черепов, полученных в Теньгум-Мана. Мех у той разновидности был также черный с желтоватыми пятнами. Вынул мозг, срисовал его и сделал несколько разрезов. Когда я занимался этим, я услышал легкий шорох. Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длиной, собирала под верандой обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарировав череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро перебежав площадку перед домом, скрылась в лесу⁴⁰. Я сделал несколько шагов и был остановлен странным звуком над головой. Высоко между зеленью я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время я услышал падение ореха кенгара (*Canarium commune*).

Обойдя дерево, я увидал другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом (другое было прострелено), упала вниз. Несколько дробинок пробило череп, глаз был налит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Бамбуковая палка в 3 см в диаметре, схваченная клювом, была изгрызена в щепки. Птица упала, наконец, на спину, открыла широко клюв и усиленно задышала. После продолжительного дыхания она могла закрыть мясистым языком все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к небу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц), несомненно, имеет значение, напр., при полете птиц.

Какаду недолго заставил ждать меня, и я скоро мог начать препарировать скелет. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол и выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они действительно красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

Несмотря на пароксизм лихорадки, я отпрепарировал тщательно скелет, причем вес срезанных мускулов равнялся приблизительно 2 фунтам; вес же всей птицы был около 4,5 фунта. Срубленные обрезки мускулов какаду дали нам по чашке (сделанной из кокосовой скорлупы) хорошего бульона. Я должен сказать, что наша посуда мало-помалу заменилась более примитивной, которая не так бьется, как фарфор или фаянс. Я наделал с десяток чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заступали постоянно место разбитых тарелок и блюд.

23 апреля

В Гумбу трое туземцев занимались плетением большой корзины для ловли рыбы. Работа в высшей степени основательная и прочная. Корзина почти вся состоит из бамбука и довольно замысловатой формы. Несколько девочек и женщин проделывало разные фокусы длинным со связанными концами шнурком, при этом они употребляли не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Пришлось поспешить вернуться домой, так как я почувствовал приближение пароксизма лихорадки. Еле-еле добрался домой и сейчас же лег, как только пришел. Пароксизм был почему-то сильнее обыкновенного. Он прошел, однако, к 6 часам, оставив после себя большую слабость.

25 апреля

Вчера был опять пароксизм. Днем погода стояла очень хорошая, по обыкновению; ночью же шел сильный дождь. Зюда-оста все еще нет.

26 апреля

Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били. Сегодня с раннего утра толпа моих знакомых расположилась перед хижиной; между пришедшими были также 4 человека из деревни Рай. Эта деревня лежит на юго-восточной стороне залива, за рекой, и я первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил кусок данного мною железа и прикрепил его к ручке совершенно так же, как туземцы прикрепляют камень. Он пробовал отточить железо на камне, но это ему не удалось, почему он и принес свой новый топор в Гарагаси. Из этого, как и из многих других подобных примеров, видно, что туземцы с радостью примут и будут употреблять европейские орудия при первом представившемся случае.

Мои гости сидели долго, и, наконец, перед уходом люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а также могут убивать людей, попросили меня показать им «табу» и выстрелить, вероятно, чтобы разнести об этом описание и рассказы далее по деревням. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого, т. е. не стрелять. Другие, однако, их пристыдили, так что все стали упрашивать меня удовлетворить их любопытство, и я согласился.

Когда я вынес ружье, то мои папуасы, как стадо баранов, сгруппировались очень близко один к другому. Многие обхватили соседей рукой в ожидании страшного происшествия. Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на землю; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Было интересно видеть выражение страха, написанного на их лицах; рты были полуоткрыты, язык двигался, но еще не мог внятно произносить слова, глаза также были открыты более обыкновенного. Трясущейся рукой многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие.

Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали друг другу свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и т. д. Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев непродолжителен и что они скоро привыкают к этому ощущению. Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 мм в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам, внизу и вверху; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол.

Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Съев достаточное количество, одни снова принимались за флейту, другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и принимаясь за музыку. Оригинально то, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как

бы с характером употребляемой пищи; так, напр., «тюмбин» они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них без употребления; когда едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

29 апреля

Подходя к Бонгу, увидел вытасченную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними, и хотя видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было так кротко и мягко, что подобные физиономии, помимо цвета кожи, представляли бы исключение даже между так называемыми цивилизованными расами.

Мои соседи имеют вид гораздо более суровый, и обращение их не такое предупредительное; вообще они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень. Украшений у них больше, и сделаны они гораздо тщательнее; вероятно, их образ жизни оставляет им более свободного времени.

Пока в деревне для меня приготовляли ужин, я обратил внимание на выделку большого бамбукового гребня; единственным орудием служила при этом простая раковина. Нельзя было не подивиться терпению и искусству работавшего. Несколько мальчиков и девочек, лет восьми и девяти, совершенно голых, таскали сухие пальмовые ветви, вероятно для кровли. Они возвращались обыкновенно бегом, стараясь перегнать друг друга; бег девочек с их длинными туловищами и короткими ногами невольно обращал на себя внимание сравнительно с легким, свободным бегом длинноногих мальчиков.

Когда гости с островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что между подарками деревни Бонгу, состоявшими из большого количества таро, в корзинах находилась также одна пустая бутылка и три гвоздя как большие драгоценности. Таким образом, вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и давать, может быть, повод к неправильным соображениям, предположениям и т. д.

30 апреля

После весьма счастливой охоты (мне удалось убить 6 больших птиц в один час) я направился в Гумбу, желая отдохнуть и напиться воды кокосового ореха; дорогой я заметил несколько деревьев со следами вырезанных фигур и орнаментов, вероятно очень давнего происхождения. Придя в Гумбу, не нашел положительно ни одной души в целой деревне, не заметил даже ни одной собаки.

Ульсон очень обрадовался моей добыче, уверяя меня, что часто чувствует голод, чему я не очень удивился, так как зачастую сам чувствую, что недостаточно ем.

2 мая

Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца два или три тому назад, принесли первые плоды. Туй и Лялу пришли утром пригласить меня притти вечером «поесть тыквы». Я был удивлен, что они запомнили это слово, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другими туземцами делающим парус пироги. Работа была не хитрая. Между двумя шестами были протянуты довольно часто тонкие растительные шнуры; один туземец обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого получались две длинные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурками. Я присел к этой группе, и скоро пришло еще несколько человек туземцев из леса с длинными шестами. Шесты были прямые, и все ветви и веточки с них были тщательно устранены (вероятно, с помощью раковины). Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, освобождена тщательно от верхней кожицы и разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тюмбина.

Оказалось, что Туй пришел пригласить меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее и положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыквы, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Но новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом и в этом виде скоро уничтожили всю тыкву.

4 мая

Слышанные вечером удары барума в Бонгу продолжались время от времени всю ночь. Около полудня пришло несколько туземцев с приглашением итти с ними поесть свинью и послушать их пение. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины—одни женщины и дети; зато на площадке, в лесу, я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место, немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек 10 были заняты приготовлением еды, несколько других образовывали в другом углу

группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кеу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; большинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо Анут»*. Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных маль, а что нас всего двое: я и Ульсон. Будучи уверен, что это может случиться не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма непрочь разделить с теми людьми добычу, я счел подходящим обратить все это в шутку и прибавил, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагаси, а затем переменял разговор, спросив, не пойдет ли кто-нибудь со мною в Энглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Энглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда итти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума, при этом все бывшие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кеу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer. По случаю пира головы и лица туземцев были раскрашены: у одного вся голова была намазана черной, у других—красной краской; у третьих голова была красная с черным бордюром, у иных—черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще старики употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шею.

6 мая

Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книгу фигуры разных животных и людей. Я удивился твердости руки при употреблении такого совершенно нового для него инструмента, как карандаш, и прямизне линий. Узнал, между прочим, что нос и уши туземцев продырявливаются или заостренной бамбуковой палочкой или дигланом аяна (шипом *Dioscorea*). Светлые пятна на руках и ногах мужчин, на плечах и грудях женщин производятся не только небольшими кусочками горячей древесной коры, но и раскаленным камнем.

Только сегодня, т. е. в конце 8-го месяца, мог я узнать папуасские слова (диалект Бонгу): отец, мать, сын. Я воспользовался приходом четырех туземцев, чтобы поднять шлюпку

---

* В точности я не мог определить, где живут эти люди; мне известно только, что где-то за рекой, около Марагум-Мана, и составляют не одну, а много деревень.

еще выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов 20, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли его с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, воодушевляя друг друга восклицаниями, и действительно успевают сделать то, что навряд ли могли бы сделать, действуя молча и медленно.

14 мая

Много посетителей: из 'Энглам-Мана человек 15 или 20, из Ямбомбы, Тути, Били-Били и др.

Нога очень болит. Маленькие ранки, полученные при экскурсии в Энглам-Мана, слились вследствие небрежного за ними ухода в несколько больших, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: вареное таро, печеный плод хлебного дерева, саго с натертым кокосовым орехом.

22 мая

Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

23 мая

Пришедший Туй рассказал, что только что вернулся из Богатим, где многие жители окрестных деревень собрались по случаю смерти одного из них. Вот почему, объяснил мне Туй, мы слышали много раз в продолжение вчерашнего дня удары барума. Это делается, продолжал он, когда умирает мужчина; при смерти женщины этого не бывает. Буа принес мне экземпляр маба, и я приобрел его за нож. Препарируя скелет, я отдал обрезки мяса Ульсону, который изрубил их для супа, так как вареное и печеное мясо маба вследствие его ароматичности и приторности мне не нравится.

25 мая

При восходе солнца послышался в Горенду барум, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил выпить кофе, чтобы идти туда же. Дорогой встретил целую вереницу туземцев, вооруженных

копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать.

Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню наша группа остановилась; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой, очень похожий на вой здешних собак. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись крики, иногда очень громкие речи. Сопутствовавшие мне туземцы, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и образовали ряд против первой группы уже находившихся там.

Я остановился в таком месте, что мог видеть происходящее в деревне и быть в то же время заслоненным от стрел. Между обеими, одна против другой стоявшими группами или шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу (кажется, родственник умершего). Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьем. От времени до времени являлся с другой стороны противник и также действовал более гортанью и языком, чем луком и копьем. Некоторые пускали свои стрелы, очевидно, стараясь не задеть никого. Крик, беготня и суматоха были значительны. Туземцы выступали поочередно, не вместе; навстречу выходил также один противник. Смотря на эту военную игру, я не мог не любоваться красивым сложением папуасов и грациозными движениями их гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непрошенного гостя.

Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением «папуасского гроба»; были принесены отрезки листовых влагилиц разных пальм и шиты лианами, так что образовали два длинных куска. Эти куски были положены крест-накрест и снова скреплены посередине, затем концы загнуты так, что двойная средняя часть образовывала дно в 50 см в квадрате. Загнутые концы образовали стенки большой коробки в 1 м высоты. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса. Вой в хижине покойника то усиливался, то стихал.

Немного в стороне варился в большом горшке бау, который, еще совсем горячий, был положен на листья, связан в пакет и повешен на сук дерева, около хижины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что ее потом будут есть гости, присутствующие при погребении.

Гробница папуаса. О-в Били-Били

Несколько человек вошли в хижину умершего, и скоро они показались в дверях, неся покойника, который был уже согнут в сидячее положение, так что подбородок касался колен; лицо смотрело также вниз; рук не было видно: они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом покойника, чтобы удержать члены в желаемом положении. Трое туземцев несли умершего; двое придерживали его по сторонам; третий, обхватив туловище и ноги руками, собственно нес его.

Женщины, из которых одна была мать умершего, а другая—жена, заканчивали процессию, придерживая концы пояса, который обхватывал тело покойника. Обе они были измазаны черной краской, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений, и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине юбка их была заменена сегодня поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы, также черной, которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивыми голосами тянули печальную песню.

Когда покойника вынесли из дверей, все присутствующие

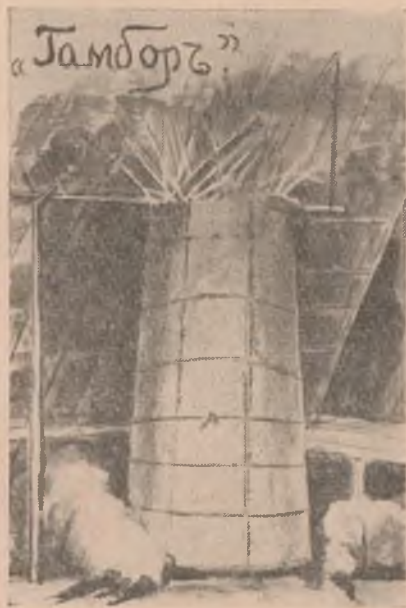
смокли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в вышеописанную коробку, стоящую посередине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головой так, что коробка приняла форму трехгранной пирамиды; затем обвязали очень тщательно лианами и привязали верхний конец к довольно толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствующие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело—зарюют или оставят просто в хижине.

Последнее предположение оправдалось. Шест был поднят на верхние перекладины под крышей, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины. Вдова, уже старая женщина, принялась раскладывать огонь немного в стороне.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек 40 зашли ко мне в Гарагаси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и битого стекла для бритья.

28 мая

Отправился в Гумбу, чтобы найти спутников, желающих итти со мною в Энглам-Мана. Двое с удовольствием согласились. У одной хижины заметил несколько туземцев, изготовлявших якоря для своих сетей. Якорь состоял из обрубка довольно толстого ствола с четырьмя или пятью сучьями, расходящимися почти в одном и том же месте. Эти ветви, обрубленные и заостренные, образовывали лапы якоря. Вокруг средней части ствола были прикреплены лианами камни, оплетенные таким образом, что, казалось, лежали в корзине. Тяжесть камней предохраняет якорь от всплытия.

Гробница папуаса. О-в Били-Били

Недалеко от нас сидела дочь Бугая, девочка лет десяти. Она держала большой плоский камень почти что между ногами и занималась стачиванием раковины из рода *Copius* в плоские кольца, употребляемые женщинами и девочками в виде ожерелья. Камень был смочен водой, и работа быстро подвигалась вперед.

29 мая

Способ захоронения у папуасов

торую ожидала меня молодежь Гумбу. С криками «Маклай гена!» (Маклай идет), «Эме-ме» они выхватили мои вещи у несших их мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. «Тамо» сидели на барле, «маласси» — на земле около хижины⁴¹. Как я узнал, сегодня был ужин в честь или в воспоминание умершего, по случаю чего ели свинью, но одни только тамо; маласси же довольствовались одним бау. Как «тамо боро» (большому человеку) и как гостю передо мной поставили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне, на циновке около костра, лежал Кум и просил меня помочь ему: он жаловался на сильную боль в боку и в животе. Я дал ему несколько капель *tincturae opii*, и на другой день Кум прославлял мою воду, т. е. лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна всходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях и т. п. Перешли потом к луне, которую, очевидно, смешивали с понятием о России, и хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на которых именно я был, и т. д.

Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием. Стало холодно и сыро, и я пожелал итти спать. Несколько человек проводили меня в обширную буамбраму, принадлежавшую Олуму, одному из туземцев, который должен был итти со мною. Более половины буамбрамы в длину было занято широкими нарами, другая—двумя большими барумами, так что для прохода оставалось не много места. Я прозяб, сидя на площадке, и был доволен, что могу напиться чаю, ибо взял с собою все необходимое для этого. На пылающем посередине хижины костре быстро вскипела вода. Так как в буамбраме было недостаточно светло, хотя огонь костра весело пылал, я зажег стеариновую свечку. Отыскал чистую доску и, покрыв ее салфеткой, разложил все вещи, необходимые для чаепития, т. е. небольшой чайник, жестянку с сахаром, другую—с бисквитами, стакан и ложку. Все эти приготовления к ужину до того удивляли туземцев, что они даже не говорили, а молча, с напряженным вниманием, следили за каждым моим движением. Я уже так привык не стесняться десятками глаз, устремленных на меня в упор и следящих за каждым моим движением, что нисколько не стеснялся и поспешил выпить чаю, чтобы отдохнуть. Я постлал на барлу одеяло, красный цвет которого и мягкость возбуждали взрыв удивления, и, сняв башмаки, улегся на нары. Человек 5 или 6 остались в хижине и продолжали болтать, но одного жеста с моей стороны было достаточно, чтобы выслать их всех вон. Скоро все стихло в деревне, и я заснул.

Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако, так темно, что нельзя было ничего разобрать. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто лег на них. Недоумевая и удивленный

Туре, папуас из деревни Гумбу

смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто-нибудь лег рядом со мною. Я не ошибся; но как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою, и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мною лежала женщина. Убеденный, что эта оказия была делом многих, и что тут замешаны папаша и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошенной гостьи, которая все еще не выпускала моей руки. Я поднялся с барлы и заявил, что я спать хочу и, не зная все еще достаточно туземный язык, заметил: «Ни гле, Маклай нангели авар арен» (Ты ступай, Маклаю женщин не нужно). Подождав, пока моя ночная посетительница выскользнула из хижины, я снова занял место на барле. Впросонках слышал я шорох, шептанье, тихий говор вне хижины, что подтвердило мое предположение, что в этой проделке участвовала не одна эта незнакомка, но и ее родственники и другие. Было так темно, что, разумеется, лица женщины не было видно. На следующее утро я, разумеется, не счел подходящим собирать справки о вчерашнем ночном эпизоде—такие мелочи не могли интересовать человека с луны. Я мог, однако, заметить, что многие знали о нем и о его результатах. Они, казалось, были так удивлены, что не знали, что и думать.

Хотя я поднялся часов в 5, мы собрались в путь не ранее 7, когда солнце уже поднялось довольно высоко. Мой багаж я разделил между двумя туземцами, и, несмотря на то, что каждый нес не более 18 фунтов или даже менее, оба жаловались на тяжесть ноши.

Сперва лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкой и очень быстрой. Вода точно кипела. Я сошел в нее и только с помощью туземцев, которые окружали меня, мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах почти не было возможности. Пройдя через песчаную отмель, мы снова должны были идти в воде, чтобы переправиться через другой рукав. Потом я оделся, и мы вошли в лес, где прохлада была очень приятна после прогулки под солнцем, действие которого я нашел возможным с успехом парализовать, натирая себе затылок, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира действие солнечного жара на кожу в этих странах могло бы быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через два ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между красивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрель-

бы из лука. Для этого они сняли с плеч свою ношу, и один за другим пустили стрелы, натянув сколько было силы тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов, то есть от 46 до 50 метров, но

Олум, папуас из деревни Гумбу

- на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Шагах в 20—25 эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а только молодые люди и мальчишки (четырнадцати—двадцати пяти лет). Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собою остатки от вчерашнего ужина, чтобы было чем закусить в дороге, и предложил часть своим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласси не могут касаться до него, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано вполне серьезно, с полной верой в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии⁴².

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большей частью вдоль открытых склонов, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мое лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собою ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не встречая препятствий для движения. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку. Иногда он представлял значительное затруднение, так что его приходилось поднимать копыями. Солнце давало себя мучительно чувствовать. На значительной высоте, там, где уже начались плантации Энглам-Мана, открылась далекая панорама: было видно несколько островков у мыса Дюпере. Берег от Гумбу далеко простирался на северо-восток и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две — одна небольшая, а другая не меньше реки Габенеу.

Пока я записывал и рисовал виденное, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь с плантаций. Наконец, в ответ на их зов, послышалась женские голоса. Мои спутники обступили меня, так что собиравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои расступились и женщины, прежде никогда не выдавшие белого, остановились передо мною, как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать, наконец, опомнившись, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унанае. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску. Здесь, обменявшись с туземцами несколькими словами, Обор сломал ветку, прошептал что-то над ней и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал и ударил раза два веткой по спине, затем, изломав ветку на мелкие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отправляясь в более далекие экскурсии. Так было и сегодня; двое из моих спутников запаслись огнем, но, узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию сопровождавших меня туземцев, уже случалось зажигать спички и давать им возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак и зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить. Крики моих проводников были услышаны жителями Энглам-Мана, которые, завидев меня, тотчас же умили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись далее. Тропинка обратилась в лестницу, состояв-

шую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другой, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны труднодоступной.

Я был рад добратся, наконец, до деревни. Мои ноги чувствовали 10-часовую ходьбу, и первое требование мое по приходе в деревню было дать мне молодой кокосовый орех, чтобы утолить жажду. К великому неудовольствию оказались только старые орехи, воду которых нельзя пить. Зато меня усердно угощали бетелем, предлагали сделать кеу и т. д. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целой процессией, по деревне или по кварталам ее, которых оказалось три. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум- и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь телумами, меня зазывали во многие хижины, и я удивился множеству виденных телумов сравнительно с числом их в береговых деревнях. Я срисовал некоторые из них. Везде, где только я останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум- и Энглам-Мана изобилуют. Вернувшись к хижине, где я оставил вещи, я увидел, что для меня готовят ужин.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Энглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давно забыл и припоминал теперь, при рассказе туземцев. Разумеется, все было очень изменено, преувеличено, пройдя целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Слушая, что обо мне говорилось, причем упоминалось и о луне, и о воде, которую я мог заставить гореть, о выстрелах, о птицах, которых я убиваю в лесу, и т. д. и т. д., мне стало ясно, что здесь меня считают совершенно необыкновенным существом.

Пужинав и не желая приобрести насморк, от которого страдала большая часть населения деревни, я сказал, что хочу спать. Тогда десяток людей бросился с горящими головнями, чтобы показать мне дорогу в небольшую хижину. По сторонам узкого прохода стояла пара нар—одни небольшие, другие побольше. Пока я развешивал одеяло и устраивался на ночь, в хижину набралось так много туземцев, что передние были понемногу совсем притиснуты к моим нарам. Надеюсь, что они скоро уберутся, я, завернувшись в одеяло, лег, повернув лицо к стене. Жители Гумбу, вероятно, рассказали туземцам, не удержавшись при этом от прибавлений, обо всех диковинных вещах, которые они видели вчера вечером, когда я пил чай, и думали

увидеть снова, но ошиблись. Поэтому они уселись у огня, стали говорить, курить, жевать бетель и раздувать костер, увеличивая чад и дым в хижине до того, что глаза стало резать. Мне это очень надоело, и я объявил, что от разговоров Энглам-Мана тамо уши Маклая болят и что Маклай хочет спать. Это подействовало: все замолкли, но только на время; думая, что я заснул, они снова принялись говорить, сначала шопотом, а затем столь же громко, как и прежде.

Так как заснуть мне не удавалось, я вышел из хижины и и сказал снова, что хочу спать, что от болтовни Энглам-Мана тамо уши болят и что дым ест мне глаза.

Ночь была звездная. Большая группа туземцев сидела на площадке вокруг костра; когда эти люди узнали, в чем дело, несколько из них поднялись, повидимому, с выговором мешавшим мне туземцам. По крайней мере, последние, один за другим, выбрались из хижины, куда я вернулся, пропустив последнего.

31 мая

Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Вспомнил свою неудачную попытку измерить высоту Теньгум-Мана над уровнем моря с помощью аппарата Реньо и стал придумывать средство, как бы снова не испугать туземцев и сделать наблюдение. Придумав подходящий способ, я постарался заснуть, что мне вполне удалось. Было уже совершенно светло, когда я проснулся. Увидев, что в хижине уже было полное собрание туземцев, я нашел время удобным для опыта. Вставая, я стал кричать и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мною, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «самбо борле» (нога болит). Я посидел, как бы что-то обдумывая; затем встал, говоря: «У Маклая есть хорошая вода: потерярь ногу—все пройдет».

Все туземцы поднялись с нар посмотреть, что будет. Я достал мой гипсотермометр, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру в книжке, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок.

Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал натирать ногу, наливая на нее воды; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль в ноге пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления, и вполголоса стали говорить о нем. Минут через 10 я начал шевелить ногой, попробовал ступить на нее, и, сперва хромая, уложил все вещи, а затем вышел из хижины уже совсем здоровым, к великому удивле-

нию туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне. Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды больше нет, но что в Гарагаси я могу найти для них лекарство.

Приготовление чая, новые вещи и невиданная процедура отвлекали внимание толпы. Я мог срисовать оригинальную хижину, в которой провел ночь. Она стояла позади других на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и не отличалась постройкою от прочих. Фасад ее был метра 3,5 в ширину и средняя часть его не превышала 3 или 3,5 м. Длина хижины равнялась 6 м; крыша по сторонам спускалась до самой земли. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей более на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека. Над дверью висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы *Buceros*, зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами, серой старой крышей, обросшей травой, придавало хижине особый характер. Между четырьмя телумами один обращал на себя особенное внимание: он был самый большой, и хотя физиономией он мало отличался от остальных, но держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую неправильными нарезками, похожими на какие-то иероглифы, почти потерявшие, впрочем, от ветхости свои контуры. Внутренность хижины тоже отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука; там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шепотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, которая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть. Задняя часть хижины была занята тремя большими барумами; большие горшки и громадные табиры стояли на полках по стенам рядом с тремя телумами; под крышей висели нанизанные рядами, почерневшие от дыма кости черепах, птиц, рыб, челюсти кускуса, свиньи и т. п.; все это были воспоминания об угощениях, происходивших в этой хижине.

Не успел я кончить эскиз хижины и выпить чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что идти сегодня домой оказывалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, я сделал с помощью камеры-люциды портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией. Жители оказались здесь очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем среди береговых папуасов. О женщинах и говорить нечего: уже после первого ребенка они здесь все становятся

одинаково некрасивы. Их толстые животы и груди, имеющие вид длинных, полупустых мешков почти в 1 фут длиной, и неуклюжие ноги исключают всякую претензию на красоту. Между девочками четырнадцати-пятнадцати лет встречаются некоторые,

Боге, папуас из деревни
Энглам-Мана

но и то редко, с приятными лицами. Я узнал, что жители соседней деревни, лежащей на северо-восток от Энглам-Мана, называемой Самбуль-Мана, узнав о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал им руки и указал каждому место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не переводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он в свою очередь начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его главным образом потому, что вкус его оста-

ется во рту очень долго и изменяет вкус всех других продуктов.

Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Энглам- и Теньгум-Мана. У них также часто встречаются элифантиазис и другие кожные болезни; оспа тоже оставила на многих свои следы. Наречие Энглам-Мана немного отличается от наречия Самбуль- и Теньгум-Мана. Я собрал ряд слов всех трех диалектов.

После непродолжительной сиесты я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся на побережье. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне незнакомы. Я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой. Голод вернул меня в деревню. Один из первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух кур и при мне размозжили им головы о дерево; затем вместо ошипывания опалили или сожгли перья, принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня. Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он действовал им не только хуже и медленнее, беспре-

станно зарезая слишком глубоко, но под конец даже обрезался, после чего двое туземцев принялись за изготовление бамбуковых ножей.

Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие длинные пластинки, которые, будучи согреты на углях, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкое таро и ямс, но также мясо и даже волосы. Пример этого я видел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногой в лужу, обрызгал грязью волосы другого, после чего первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но редким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел бритье волос головы небольшой девочки такой же деревянной бритвой. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целой толпой сопровождая меня всюду, умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них или без оглядки убегая при первом моем взгляде.

Такая свита везде и всюду весьма утомительна, особенно когда не можешь говорить с ними и сказать им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

1 июня

Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и ее окрестностям, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я во всяком случае скоро отправился бы туда, переходя из одной в другую, все выше и выше. Но высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах, выше Энглам-Мана, нет и признаков жилья⁴³.

Позавтракав, я стал торопить туземцев итти обратно. Человек 12 захотели итти со мною: одни, чтобы нести мои вещи, другие—свинью, подарок туземцев, третьи—ради прогулки. Один из намеревавшихся итти со мною, старик лет под 60, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленой веткой, постоянно что-то шептывая. На мой вопрос, для чего он это делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги и, чтобы иметь их, он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда его содержимое было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Энглам-

Мана, то один из последних взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, высказав пожелание, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья.

Вследствие дождя дорога стала очень неудобной, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Энглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти у каждой лежал на спине громадный мешок с провизией, подарок жителей Энглам-Мана; мужья же их несли одно только оружие. Я вернулся в Гарагаси не ранее 5 часов после с лишком восьмичасовой ходьбы.

2 июня

Был рад просидеть весь день дома и не видеть и не слышать с утра до вечера людей около себя.

3 июня

Убил в продолжение двух часов семь различных птиц. Между ними оказался молодой самец райской птицы (*Paradisea apoda*), а также в первый раз убитый мною *Centropus*⁴⁴; последний редко летает, а обыкновенно бегаёт в кустарниках. Туземцы называют эту птицу «дум», подражая ее заунывному крику. Я много раз слышал этот крик, не зная, какая птица его производит. Перья у нее черно-зеленого цвета, хвост очень длинен сравнительно с небольшими крыльями. Не думаю, однако, чтобы это был новый вид, а не уже описанный *Centropus*.

6 июня

Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагаси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром рассказывал четырем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу», и о том, как они уже имели случай удостовериться в его действии. Пока мы говорили, тихо прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моей хижинкой. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам не мало струхнувший, вернул их, однако, уверяя, что Маклай человек хороший и им дурного ничего не сделает. Какаду показался мне очень большим; когда я смерил расстояние между концами его крыльев, оказалось 1027 мм. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к птице, заохали и стали очень смешно прицеливать языками. Я им подарил перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны,

и несколько больших гвоздей; с последними они не знали что делать, вертя их в руках, ударяя один о другой и прислушиваясь к звуку, пока Бугай не рассказал им об их значении и о той многосторонней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы. Прислушиваясь к их разговору, я не мог ничего понять. Диалект был также отличен от языка Самбуль- и Энглам-Мана.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне в Энглам-Мана. Пока мы их ждали, Ульсон стал готовить суп и, отправившись за водой, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до 5 часов. Они даже принесли с собою кеу; одним словом, распорядились у меня в Гарагаси, как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

8 июня

Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и предупредил Ульсона не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу: она осторожно пробиралась между хворостом. Не желая раздробить ей кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища была больше метра.

Пришедшие туземцы очень меня упрашивали дать им шкуру легуана⁴⁵. Они обтягивают ею свои «окамы» (небольшие барабаны). Мясо ящерицы также очень ценится.

13 июня

* Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет у меня отлично. Ест все—рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно свернувшись, но все-таки ест, если ему дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

14 июня

Приходили туземцы с просьбой указать им место, где находятся их три больших «ненира» (корзина для рыбной ловли), которые были снесены в море, несмотря на якоря. Они были крайне разочарованы, услышав, что я не знаю, где они находятся.

Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просившими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне была показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы также не были еще курчавыми.

17 июня

Было большое угощение жителей в Горенду, на которое и я был приглашен. Не менее как 8 больших связок таро, из которых каждую несли по два человека, очень большая свинья, несколько собак и один кускус с разными аксессуарами папуасской кухни были очищены, сварены в сорока или более громадных горшках и, наконец, съедены при звуках разнокалиберных папуасских ай и барума. Это угощение отличалось от других тем, что происходило в деревне и что женщины хотя и отдельно, но участвовали в нем. Музыканты же не переступали порога буамбрамры.

18 июня

Встречаясь с туземцами или проходя через деревню, приходится постоянно отвечать на вопросы, как, напр.: «Куда идешь?», «Что сегодня убил?» и т. п. Возвращаясь назад, снова приходится отвечать на вопросы: «Где был?», «Что ел?», «У кого?» «Что несешь?» и т. д. Это любопытство нельзя, однакоже, считать характерным для черного племени; оно не меньше развито среди образованных европейцев, только вопросы задаются другого рода.

Ульсон жалуется постоянно на нездоровье; работа его ограничивается варкой бобов, бау и едой. Такие субъекты, как он, наводят скуку. Ему сегодня нездоровилось. Он уверял, что чувствует приближение сильного пароксизма. Мне пришлось готовить, но я предпочел есть почти сырые бобы и недоваренный бау, чем смотреть за огнем и раздувать его.

20 июня

Туземцы начинают собирать орехи кенгара (*Canarium Comtine*). Несколько человек влезает на дерево и сбрасывает ветки с множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные орехи. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже 3 или 4 как мне приходится частенько слушать крики папуасов, которые ежедневно несколько раз приходят под деревья спугивать какаду. Эти дисгармонические человеческие крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

Встал с головной болью, но, несмотря на это, отправился на охоту. Пароксизм захватил меня, и мне пришлось лечь в лесу, так как я был не в состоянии оставаться на ногах по случаю головокружения и сильной головной боли. Несколько часов пролежал я в лесу и, как только стало немного лучше, еле-еле добрался домой. Пришлось лечь, и сильнейшая головная боль промучила меня далеко за полночь.

26 июня

Последние дни мне не приходилось ходить на охоту. Растущие у самого дома большие *Canarium* были покрыты спелыми орехами. Разные виды голубей прилетали с утра и доставляли провизию для завтрака или обеда. Эти дни приходил ко мне несколько раз Коды-Боро, брат туземца, которого один из офицеров «Витязя» прозвал диким, похожим на черта. Он приходил с настойчивым приглашением приехать в Богатим, уверяя, что там всего много, предлагая, подобно жителям Били-Били, построить мне хижину и прибавляя, что люди Богатим дадут мне двух или трех жен, что женщины там гораздо больше, чем в Бонгу, и т. д. Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, когда его предложения не произвели желанного эффекта.

30 июня

Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий, гладкий, толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, т. е. при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и восьмилетняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе: так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других, т. е., если кто-нибудь делает что-нибудь не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действий. Это заметно даже в детях; много раз маленькие дети, лет шести или семи, показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок, наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, ста-

раясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они раньше начинают заниматься хозяйством и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная.купаюсь в море несколько раз в день. По вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако, не превышает 31°.

1 июля

Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является «наренг» (*Buceros*)⁴⁶ не только по своей величине, большому, немного загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Эти птицы летают очень высоко, обыкновенно попарно, садятся на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетают. Несмотря на все старания, мне не удалось пока застрелить ни одного наренга.

Сегодня в продолжение трех часов, по крайней мере, я провозился с одним из них. Выстрелив в него очень мелкой дробью и ранив его, вероятно, незначительно, я проследил его далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятно, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую чащу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты *Calamus*, цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут около десяти. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве. Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги, над деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высокое, и, для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх; через полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым приходилось плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, но откликнулся на постоянный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня, наконец, вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

4 июля

Погода стоит замечательно хорошая. Занимался микроскопическим исследованием волос папуасов. Нашел большое разнообразие в толщине и контурах поперечного разреза волос, срезуемых с различных частей тела одного и того же человека. У белой расы не только толщина, но и цвет волос, растущих в разных частях тела, различны. Проходя недалеко от дерева, где два дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого—летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

10 июля

В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу, Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

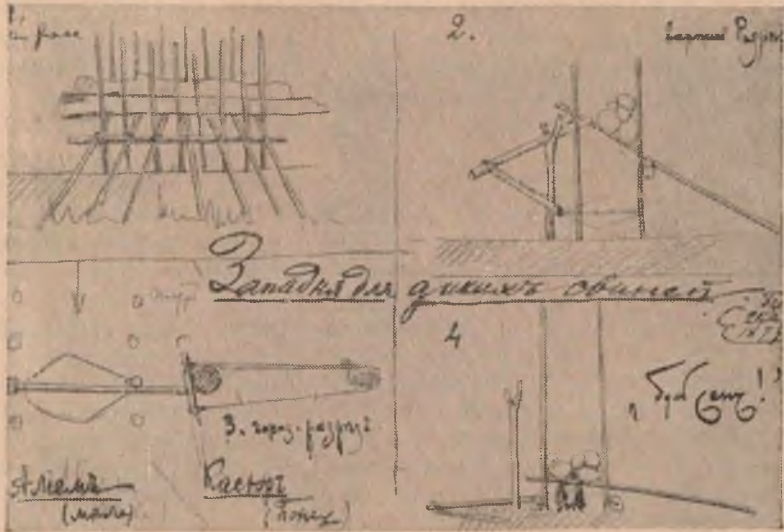
11 июля

Около 4 часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснило, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось. Следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне. Не успел я додумать, быстрее, чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее, быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду, или веранде. Дерево было совсем зеленое и казалось совершенно здоровым, только в метрах двух от земли (место перелома) оно было почти что проедено личинками разных жуков. Высота дерева оказалась 96 футов, и если бы оно свалилось на хижину, то проломил бы крышу, могло бы переломать много вещей и, пожалуй, ранить одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагаси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти что не было.

12 июля

В последнее время туземцы часто говорили мне: «Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных. Маклай пойдет со своим «табу» бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами». Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня снова уверяли, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

Не было еще 11 часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, и затем скоро явилось несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по два копыя,

Западня для диких свиней

концы которых были натерты красной краской, как бы покрытые кровью. Кроме развевающихся на голове перьев, в волосах туземцев красовались алые цветы китайской розы; за «сагю» были заткнуты ветки с красно-желтоватыми листьями разных видов *Coleus* или длинные темнокрасные листья *Colodracon*. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий своеобразный эффект. Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует итти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрой свитой.

Пройдя ближайшей тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя после себя черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края около Бонгу, и с другой стороны на восток за Гумбу, около берега реки Габену. Пожар

только еще начинался, и мы расположились в тени, у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы курить и жевать бетель. Через три четверти часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на полмили благодаря норд-весту, который гнал дым в противоположную от нас сторону.

Мы пошли по сожженной поляне, которая оказалась далеко не такой ровной, как я себе ее воображал: она вся, насколько я мог обнять глазом, была покрыта кочками футов около 5 высотой, и приблизительно футов 10 или 12 в диаметре у основания. Эти кочки были неравной величины и состояли из земли и мелких камней. Происхождением своим они, вероятно, обязаны земляным постройкам *Maleo*⁴⁷. В лесу находятся подобные же кочки, но реже.

Мы подошли шагов на десять к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буробелого дыма поднималась к небу, и пламя большими языками несло по ветру; порой же пламя почти потухало, пелена дыма разрывалась, открывая вид на далекие горы и ближайший лес. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшей землей.

Туземцы, стоя в воинственных позах, держа луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой—копье, над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти-одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером того, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение. Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв ветра гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос и рот, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жару уже и без того палящего солнца.

Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы по мере удаления огня голос соседнего часового не напоминал мне, что надо итти вперед. После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией. Взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и, когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих кочек. Несколько жителей Гумбу, образовавших противоположную линию, тоже заявили, что ничего не видели.

Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копыю, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Я занялся рассмотриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены, так же как и ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохнулось от дыма.

Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «буль, буль!»—заставил меня оглянуться. В сотне шагов, лавируя между многочисленными копыями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на 20, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычание.

С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в шести от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще поднималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок, другое копьё пролетело мимо, а из трех стрел одна («палам», с широким, плоским бамбуковым наконечником) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней конечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось⁴⁸. Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моею и стали расхваливать мое «табу» и меня самого.

Далекие крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники один за другим удалились, раздраженные первой неудачей. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ждать. Вдали слышались крики: «Буль, буль, буль!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там были еще две свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моего «табу». Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею исцурсан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом «буль» Маклая. Мы

отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевязать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинной процессией.

Туземцев было человек сорок. Когда они расположились, куря, на площадке Гарагаси, я увидел, кроме животного, о котором уже говорили выше, называемого туземцами «габенеу», еще вид мыши и большого серебристо-белого маба. Приобретя его, а также несколько экземпляров других животных, для коллекции, я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретила плачущие женщины и сын его. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом, на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавали еще более жалкий вид раненому, который, размахивая здоровой рукой, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копье в смертельно раненную свинью, как та внезапным движением переломила копье и сшибла его самого с ног (обе ноги рассказчика были сильно увеличены в объеме вследствие элифантиазиса), как, поранив его, свинья пробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньей, которая уже была сильно поранена, занялись другой и не видели происшедшей с ним катастрофы. Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл раны, затем смазал их карболовым маслом и перевязал. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где, между тем, борову опалили щетину и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение ночевать, или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако, так тяжела, что пришлось отдыхать фазы два. В восьмом часу я сел спокойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как почти целый день был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили соседним деревням о начале «ай», который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день. Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно. Отдохнув часа два и не будучи в состоянии заснуть, я вздумал отправиться снова в Горенду, желая вполне познакомиться с папуасским «ай» и взглянуть, что они делают по ночам во время этих пиршеств. Я взял с собою Ульсона, которому очень хотелось побывать во время «ая» в деревне. Вооружившись фонарем, так как на луну нельзя было надеяться (ее часто закрывали черные тучи), мы отправились. Пришлось идти очень медленно, потому

что Ульсон, не привыкший к здешним тропинкам, спотыкался и падал несколько раз. Подходя к площадке «ая», я закрыл свет фонаря и тихо приблизился.

На площадке пылал большой костер, над которым был устроен род большой жаровни (более 1 м высоты, 2 м длины и около 1 м ширины). На ней пеклись куски свинины. Кругом, сидя, лежа, стоя, туземцы занимались своей музыкой. Каждый по обыкновению старался заглушить остальных своим инструментом. Некоторые спали. Жир, в изобилии капавший с жаровни, увеличивал по временам пламя, освещавшее всю картину.

Раздавшийся внезапно звук моего свистка заставил на несколько минут смолкнуть нестройную музыку, потом послышались возгласы: «О, Маклай, гена! Анди гена!» и т. п. Я отыскал себе удобное место на циновке, но оставался недолго, так как замолкнувшая было музыка возобновилась с новой силой.

14 июля

Ходил утром в Бонгу, чтобы перевязать раны Саула. Узнал, что при вчерашней охоте людьми трех деревень были убиты, кроме множества мелких животных, пять больших свиней, не считая той, которую убил я. Я поспешил вернуться в Гаргаси, где занялся рисованием и препарированием купленных мною вчера животных (*Brachymeles Garagassi* Mcl.⁴⁹).

16 июля

Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался. Хотел сделать портрет Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я это сделаю, он скоро умрет. Странное дело, что в Европе существует подобное же поверье.

17 июля

Прибирал и чистил вещи в хижине. Если по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в 7 кв. футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую «удья-саб» и скреб ее раковиной, другой такой же раковиной заострял концы своего юра, третий уже ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Женщины искали вшей в головах мужчин, дети (подростки) были заняты тем же. Двое женщин распространяли свою любезность и на собак и ловили у них блох, причем собаки

послушно лежали у них на коленях. Когда я собрался итти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы итти со мною. У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению, он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы

Налай, 10—11 лет. Июль 1872

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятного соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный морскими животными; вобрал в себя такое количество соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную соль. Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие: моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, за исключением мяса. Я обратил внимание на донган, заткнутый за браслет Бугая: он был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Оно называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев, тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает.

Лихорадка сильно беспокоила меня и заставила потерять несколько дней. Ульсон также хворает, даже чаще меня.

У входа в Горенду, на пригорке, сидела девочка, лет десяти, и бросала вниз кокосовые орехи. Несколько мальчиков, пяти—десяти лет, с заостренными палками стояли по сторонам, стараясь, бросая палку, вонзить ее в упругую скорлупу ореха. Эта сцена представилась мне, когда я пришел сегодня в деревню. Пожалел, что я недостаточно художник, чтобы набросать оживленную картину.

Сахарный тростник, которого не было видно некоторое время, опять появился и опять жуется туземцами в большом количестве.

Несколько туземцев приехало в Гарагаси на своих пирогах, некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д. Вдруг один из них, точно ужаленный, в два прыжка соскочил с лестницы с криками: «Маклай, гена, гена!» (Маклай, иди, иди сюда!); остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головой, на крыше, услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты, чтобы упав с высоты 70—80 футов, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услышал над головой легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагаси не безопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину в другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», продолжаю жить здесь.

В Бонгу, куда я хожу каждый день перевязывать раны Саула, я присоединился к группе курящих, жующих бетель и разговаривающих, надеясь узнать что-нибудь новенькое из разговора с ними. Завел речь о названиях разных народностей и мест. Желал узнать, имеют ли жители этого берега общее название; такового, однако, не оказалось, хотя туземцы хорошо понимали, что я желаю знать. Они называли людей, прибавляя к слову «тамо» название деревни. Рассказывали, что жители деревень в горах на северо-восток, которых называли «тамо дева», пробуравливают себе ноздри и вставляют в них перья.

Потом разговор зашел о моей хижине, о падении сухих ветвей и т. д. Мне опять предлагали построить новую хижину. Угощение следовало своим обычным порядком: сначала выпили кеу, потом, отплеываясь и делая разные гримасы, вызванные горечью напитка, принялись за наскобленный кокос, затем за груды вареного бау, аяна и каинды; в качестве десерта следовало жевание бетеля, а затем курение. Это обыкновенный порядок туземных угощений. Я не принимал участия ни в первом, ни в обоих последних отделах ужина, поэтому отправился ранее других в обратный путь.

У одной хижины я остановился, чтобы пропустить целую вереницу женщин. Среди них было много гостей из других деревень. Когда я остановился, около меня собралась группа мужчин. Женщины, выходя из леса и завидя нашу группу, сейчас же весьма заметно изменяли походку и, поровнявшись с нами, потупляли глаза или смотрели в сторону, причем походка их делалась еще более вертлявой, а юбки еще усиленнее двигались из стороны в сторону.

Я так запоздал и было так темно, что мне пришлось ночевать в Горенду. Нары оказались гораздо удобнее моей койки и мягче, и, закрывшись новыми циновками, я проспал недурно, хотя несколько раз просыпался от жесткости толстого бамбука, заменявшего подушку. Когда лежишь на спине, бамбук представляет довольно удобную подушку, но она делается неудобной как только ляжешь на бок; надо ухитряться спать на спине и не ворочаться.

1 августа

Рассматривая мой метеорологический журнал за 10 месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32° Ц, большей частью 29 или 30°; ночью на 7—8, очень редко 10° холоднее дневного максимума. Притом здесь нет, собственно, дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно—лихорадка.

4 августа

Четыре или пять пирога пристали к берегу около Гарагаси. Туземцы из Бонгу принялись усердно колоть в щепки ствол, почти в 40 м длины; он был принесен приливом еще в марте и пролежал здесь около пяти месяцев. Мне объяснили, что завтра они собираются в Теньгум-Мана и эти щепки отнесут в подарок горным жителям, которые, сжигая их, получают пепел, употребляемый ими вместо соли. В прибрежных деревнях прибавляют к пресной немного морской воды; горные жители заменяют это пеплом. Нагрузив все пироги, туземцы отправились к себе, обещая вернуться.

7 августа

Почти каждый день лихорадка. Остаюсь на ногах до последней возможности. Хины остается мало. Вчера целый день раздавались в лесу удары топоров. Отправился посмотреть, что там делается. Значительное пространство леса было очищено от кустов и лиан, у больших деревьев обрублены ветви, оставлены только самые толстые сучья; несколько больших деревьев повалено, — и все это в два дня⁵⁰. Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор. Муравьи — желтые, черные, коричневые, белые, большие, малые, — потревоженные или лишенные своих жилищ, заставили меня уйти.

9 августа

Приходили люди Бонгу с гостями из Били-Били. Один из прибывших просил очень послушать гармонику Ульсона. Когда последний пошел за нею, туземцы поспешили окутать голову бывшего с ними пятилетнего мальчика своими пальцами, чтобы он не видел «ай». Когда Ульсон кончил играть и ушел, ребенка освободили⁵¹.

13 августа

Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах этого берега, которые намерен послать академику Бэру. Пришло очень большое число жителей окрестных деревень, одни только «тамо боро», с весьма странной просьбой: они хотят, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал уехать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили так серьезно, один после другого, повторяя то же самое, что видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что если я и уеду (в чем я несколько не был, однако, уверен), то вернусь опять, и что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, и что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались во всяком случае довольны табаком, который я роздал членам депутации. Вот уже шесть месяцев, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономными со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде, и совершенно *a la rarioa* собираем белый пепел, который и употребляем как соль. Чтобы выпарить морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для

добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Я, впрочем, легко и скоро отвык от соли и не замечаю никакого вредного действия для здоровья от ее недостатка.

15 августа

Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в двадцати между деревьями, около сухого пня, небольшое животное. Это был небольшой кенгуру рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его легко было словить. Очень обрадованный своей добычей, я вернулся домой немедленно, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я здесь, и это был первый экземпляр тиболя который мне удалось добыть. До этого времени я ни разу не видел подобного.

16 августа

Пригласили меня в Бонгу специально, чтобы попробовать еще невиданное мною кушанье «таун», приготовление которого довольно сложно. Сперва с этих орехов снимается шелуха, они складываются в корзины и вымачиваются дней 10 или более в морской воде; затем их растирают и смешивают с наскобленным кокосовым орехом. После чего полученное тесто, разделенное на порции, заворачивается аккуратно в банановые листья и варится около трех часов, после чего таун готов и раскладывается небольшими пакетиками на чистые циновки. Таун мне понравился, несмотря на какой-то запах гнили (орех, должно быть, отчасти гниет во время пребывания в морской воде). Принимая во внимание сложность приготовления, трудно догадаться, каким образом туземцы дошли до открытия подобных кушаний. Вся деревня принимает участие в таких экстраординарных угощениях.

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор, какой только мне случилось встретить; шириной он был около 12 см и замечательно хорошо отшлифован.

20 августа

Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слышал в Гумбу при похоронах Бото. Голос был женский, и скоро показалась сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза или утирала слезы, шла медленно и крикливо, нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за ней следовало

несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил: «О чем это плачет и кричит Кололь?» (имя женщины). Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как по покойнику. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах, как упоминалось выше, некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиной много, она отвечала, указывая на груди, что она сама вскормила эту⁵².

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко. При каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин—кричать, выть, плакать. Мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют. Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому принадлежала, быть отправленной в Бонгу, куда ее и понесли. Такие обоюдные подарки, от одной деревни другой, здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, обозначающий получение свиньи и начало «ая».

22 августа

Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери не веревкой, а белой ниткой, которой опутал их, как паутиной. Ночью ветер был слаб, зыбь, однако, значительная; к рассвету, после небольшого шквала с дождем с норд-норд-веста, совсем заштилело. Через час гребли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпой шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирог выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, как они рады моему приезду. Красивый островок с густой растительностью, толпа туземцев у берега, разукрашенных цветами и листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики туземцев—все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями. Выбрав место у берега, я направил туда мою шлюпку. Когда она врезалась в песок, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег. Был уже девятый час, и, выпив воды кокосового ореха, я почувствовал сильное желание заснуть, так как всю ночь не пришлось спать. Это желание нетрудно было исполнить, и я расположился, как и в первый приезд, в одной из указанных мне туземных пирог.

Отдохнув, я занялся рисованием. Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов, выцарапанных на бамбуке. Обходя деревню, я останавливался около многих хижин. Около одной

Асел, папуас из деревни Горенду

из них несколько туземцев работало над большим веслом, причем можно было видеть, как железо легко вытесняет из употребления в качестве орудий раковины и камень. Небольшой обломанный гвоздь, тщательно обточенный на камне, в виде долота, в руках искусного туземца оказался превосходным инструментом для вырезания прямолинейных орнаментов. Работа была долгая, но все же гораздо легче и проще резьбы камнем или раковинной.

У многих хижин висели вновь выкрашенные белой и красной краской щиты, которые не встречаются у моих соседей, но в большом употреблении у жителей других островков, как, напр., Тиара и Митебог. Они сделаны из одного куска дерева, круглы, имеют от 70 см до 1 м в диаметре и около 2 см толщины. На передней стороне около края вырезано два концентрических круга; фигуры посередине представляют значительное разнообразие. Щиты эти раскрашиваются только в исключительных случаях.

Некоторые из туземцев, желая показать мне свою ловкость, схватили копья, взяли щит на левую руку так, чтобы середина его приходилась почти у плеча, и стали производить разные воинственные эволюции, причем щит закрывал голову и грудь и мог в значительной степени защитить их от стрел и копий.

23 августа

Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени), который лежит сам не знаю где, но так как дует свежий норд-норд-вест и на море сильная зыбь, то туземцы просят подождать хорошей погоды; норд-норд-вест, дующий с открытого моря, сопровождается обычно значительной зыбью и называется у туземцев «карог»; вест-норд-вест также очень обыкновенный здесь ветер, но он не сопровождается сильным волнением, ибо дует с берега; он называется «яварь».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину.

24 августа

Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукой, только гляди, узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее, бал в Богатим (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лица изменялись несколькими цветными узорами. «Сари» различных форм и небольшие барабаны, употребляемые во время пляски, не были забыты. Отправляясь, совсем готовые, к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом, сыром (был отлив) песчаном берегу

род репетиции пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богатим. При этом они держали в зубах свои сари, представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правой рукой. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели (причем вследствие держания сари в зубах пение их имело странный звук), но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головой. Пляска была в высшей степени оригинальной.

25 августа

Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, я оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми должен был отправиться в Тиару⁵³. После нескольких отворок Каин разбудил Гада. Они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пирогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега своих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои подарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную картину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе, или на «кобум-барле», по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой на корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около 3 часов утра все было готово, и пирога—на диалекте Били-Били «кобум»—была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб; несмотря на это, пирога без шума стала двигаться вперед.

Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон, так как этот берег я увижу днем, а ночь была слишком темна и нельзя было разглядеть ничего, кроме силуэтов деревьев, выступавших над общим уровнем леса. Упругая бамбуковая настилка платформы представляла довольно удобную койку, и я отлично проспал более часа. Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти что на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах. Между прочим я узнал, что планету Венеру они называют «Бой», созвездие пояса Ориона—«Даманг», Плеяды—«Баресси».

Когда мы прошли островок Ямбомбу, мне показалось, что берег образует в этом месте залив. Рассвет, однако, показал, что предполагаемый залив кончается проливом, и мы скоро очутились в нем. С обеих сторон берег представлял поднятый коралловый риф, покрытый густой растительностью. На юге находилась оконечность материка Новой Гвинеи, которую туземцы называют Бейле, на севере—о. Грагер с деревнями Гада-Гада и Митебог; за ним далее, на северо-западе, два островка, Багер и другой, имя которого я забыл. Мы вошли в значительную

Деревня Тиара. Август 1872

бухту с островками разной величины, образовавшими целый архипелаг: они одинаково образованы поднятым коралловым рифом и покрыты лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Грагером совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островками, огражденная со стороны моря рифом, представляющим, впрочем, несколько проходов, может служить хорошей гаванью. Этой бухте мне надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули три небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены плантации жителей Гада-Гада; пять или шесть других необитаемы. В глубине, на юг, находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии—о. Тиару. Группа кокосовых пальм

и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни. Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно грести. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Как только пирога подошла к песчаному берегу, она была разом вытащена высоко на песок целой толпой туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружавшим нас жителям Тиары свои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой были поставлены привезенные мною столик и складная скамейка.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагаси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел громко их имена. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они, один за другим, по мере того как я произносил их имена, подходили ко мне и по моему знаку усаживались у моих ног; потом целый день они почти не отходили от меня, стараясь услужить мне, чем и как могли.

Каин и Гад также почти не покидали меня. Вся толпа жителей Тиары образовала большой полукруг, молча глядя на меня и на привезенные вещи, при этом я мог удобно разглядеть их физиономии. Здесь, как и в других местах, между совсем плоским и выдающимся немного носом имелись десятки переходов, и, выбрав из целой деревни две крайности, можно представить физиономии двух весьма различных типов. Но эти отличия—чисто индивидуальные, в чем можно убедиться, рассмотрев физиономии остальных, представляющие всевозможные переходы от одного типа к другому. Я положительно не нахожу основания полагать, что эта раса, живущая на островах, смешанная или отличная от жителей материка.

Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими кусками; этого хватило только пожилым; из молодых табак получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более 1 м высоты, но, как и вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню; она была не мала, но не отличалась такой чистотой и уютностью, как деревни моих соседей. Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев готовящими нам обед.

За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, так как они были очень красиво вырезаны. Я обратил здесь внимание на особенную породу собак с Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинеи. Собаки с Кар-Кара имеют толстое, удлиненное туловище, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага

на запад и юго-запад, записав при этом более тридцати названий островов.

Наш «кобум» был уже нагружен и готов в обратный путь. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около Грагера навстречу нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я хотел вернуться в Гарагаси. Когда мы вышли из пролива в море, пирогу нашу стало очень сильно качать благодаря значительному волнению. Остров Кар-

Остров Ваг-Ваг с юго-запада

Кар был ясно виден, хотелось бы туда, так кажется близко, а оттуда на о. Ваг-Ваг, где, по словам Каина, туземцы даже не строят пирог ввиду своей изолированности.

26 августа

Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богатим. У всех был очень усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки величиной с серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным материалом (оно служит для бритвы, шлифования дерева и вырезания орнаментов), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети, собрались около шлюпки, протягивая руки. Хотя ветер был не сильный, но попутный, я вернулся в Гарагаси около 4 часов, т. е. употребил почти 6 часов для переезда; на путь из Гарагаси в Били-Били потребовалось часов двенадцать.

Дома нашел все в порядке, хотя, по разным обстоятельствам, я уверен, что немало туземцев побывало в Гарагаси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить своего любопытства, найдя двери опутанными веревкой и ниткой. Вероятно,

они думают, что если дотронуться до веревки у дверей, на них посыплются со всех сторон выстрелы, или, если прикоснуться к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастье.

30 августа

Отправился в Богатим и добрался туда только через 6 часов, так как сначала дул ровный ветер, а потом только порывами. Подходя к берегу, где я был 11 месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которые присели, когда

Хижина в два этажа. Деревня Богатим

шлюпка приставала, и оставались в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самой большой между всеми расположенными вокруг бухты Астролябии. На большой площадке виднелись еще следы плясок, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами подогретыми еще и сегодня, т. е. на третий день после праздника. Мне также был подан большой кусок «ай буль» (свиньи, убитой по случаю «ая»).

Несмотря на все старания, я не мог достать черепа с нижней челюстью. Были принесены два, но без нее.

Коды-Боро снова заговорил о моем поселении в Богатим и, желая подтвердить свои слова положительными доводами, повел меня через всю деревню к хижине, откуда вызвал молодую, здоровую, довольно красивую девушку. Что он ей сказал, я не понял. Она же поглядела на меня и, улыбнувшись, юркнула назад. Коды-Боро объяснил мне, что я могу взять ее себе в жены, если поселюсь в Богатим, и повел меня далее. Выйдя из деревни, минут через 5 ходьбы мы подошли к высокой изгороди планта-

Деревня Богатим. Август 1872

ции, перелезли через высокий порог и направились к группе работающих женщин. Коды снова позвал одну; то была недуренькая девочка, лет четырнадцати-пятнадцати. На этот раз я уже знал, что означало его вызывание, и сейчас же покачал головой. Коды, не теряя надежды найти для меня подходящую невесту, кивнул головой, указывая языком* по направлению нескольких девушек. Этот смотр невест мне надоел, и я вернулся в деревню, не слушая больше Коды. За отсутствием ветра нельзя было и думать о возвращении в Гарагаси. Я остался ночевать.

* Кроме указания рукой или кивком головы в каком-нибудь определенном направлении, туземцы иногда заменяют эти жесты высовыванием кончика языка то направо, то налево, смотря по месту нахождения указываемого предмета.

Закрывшись флагом, я провел ночь неплохо. Не обошлось, однако, без попытки со стороны Коды привести в исполнение, пользуясь темнотой ночи, те планы, которые потерпели фиаско днем. Хотя, ложась спать, я был один в хижине, около моей барлы не раз слышались женские голоса. Я решил игнорировать это и спать.

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож «орлан-ай». Тайком

Вид из деревни Богатим

обходя хижины позади, Коды привел меня к небольшой буамбрамре, где показал мне «орлан-ай». Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в цыновку и с той же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый «орлан-ай», и положил его сам, под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали⁵⁴. Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус, а я, сидя у руля, не прокричал им прощального «Э-аба» и «Э-ме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

1 сентября

Сильная лихорадка

2 сентября

Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

3 сентября

Ульсон с десятком жителей Горенду вытащил шлюпку высоко на берег; она стала принимать до 80 ведер воды в сутки.

5 сентября

По случаю боли в колене не могу ходить на охоту. Провизия наша почти на исходе, приходится питаться тем, что приносят туземцы. Сегодня было пасмурно, свежий вест-норд-вест и не более как 26°

9 сентября

К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел 3—4 очень неприятных дня, в течение которых пароксизмы сопровождались сильнейшей головной болью. К довершению удовольствия приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и его причитания по поводу того, что мы оба якобы умрем от лихорадки или от голода, и т. п.

Погода в эти дни стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

13 сентября

Занимался препарированием и рисованием мозга маба, который издох в прошлую ночь, прожив несколько месяцев у меня на веранде. Я поправился и, так как и погода улучшилась, хожу опять на охоту.

15 сентября

Решил сохранить остатки провизии—бобы и рис—исключительно на те дни, когда не буду в состоянии итти на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет итти за провизией в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся ямсом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

17 сентября

Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

18 сентября

Несколько дней как птиц совсем нет. Черных какаду, которых во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, более не видно. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин малочисленности птиц в настоящее время. Другая

причина, вероятно,—рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубая мелкий кустарник и ветви больших деревьев. Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутых в землю стеблей тростника и расщепленного дерева, поваленных стволов.

20 сентября

Отправившись на охоту, я забрался в такую глушь, что даже с помощью ножа еле-еле мог пробраться между лианами и колючим кустарником. В этой трудно проходимой чаще леса я был неожиданно и к немалому удивлению моему остановлен забором плантации. Надо отдать справедливость туземцам в умении находить места для своих огородов в очень глухих, трудно находимых закоулках леса. Перебравшись через забор этой плантации, где росли бананы, сахарный тростник, ямс и сладкий картофель, я отыскал калитку и таким образом нашел тропинку, которая вывела меня из леса к морю. Я был недалеко от Гумбу, но, не желая заходить в деревню, расположился отдохнуть на стволе повалившегося дерева, недалеко от морского берега. Мимо меня прошло несколько женщин, идущих, вероятно, на плантацию; они несли пустые мешки на спинах и громко болтали. Значительная партия жителей Богатим, в полном вооружении, прошла в противоположную сторону, к деревне. Я остановил последнего из них, чтобы узнать, каким образом они пришли сюда, и узнал, что пришли пешком, следуя по морскому берегу, выйдя еще до рассвета из Богатим.

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и в случае нужды я могу быть уверенным в их помощи. Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу. Но три пункта заставляют меня призадуматься относительно того, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и, в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

24 сентября

Коды-Боро, сопровождаемый толпой людей Богатим, принес мне поросенка, за что получил установившуюся плату—небольшое зеркало в деревянной оправе, которое из его рук перешло по очереди к каждому из посетителей. Некоторые долго держали его перед собой, делая всевозможные гримасы: высовывая язык, надувая щеки, жмуря глаза, то отдаляя, то приближая зеркало, то поднимая его вверх, и при каждом новом, появляющемся в зеркале образе произносили: «а!» «э!» «о!». Другие, подержав

недолго зеркало в руках и заглянув в него, как бы чего-то испугавшись, отворачивались и сейчас же передавали его следующему.

27 сентября

Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня немедленно принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне пришлось вырубить новые стойки. Вырубил, но не был в состоянии снести их из леса к хижине.

В 2 часа пошел дождь со шквалом. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на перспективу, что хижина может рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед, лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. «Qui dort, dine», говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли уже удастся заснуть, ибо при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться и принять меры, чтобы моя постель не была совершенно залита. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гуттаперчевую простыню над головой так, что вода будет теперь стекать по ней, а не падать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях специально для тех людей, которые воображают, что путешествия—ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа позабывали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, сырость кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Бывают, однако, положения и хуже.

10 октября

Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже незначительное, для меня стало трудно, и часто, даже идя по ровной дороге, я еле-еле волочу ноги. Хотя к занятиям охоты и есть, но здесь я так устаю, как никогда раньше. Не могу сказать, чтобы при этом я скверно себя чувствовал; изредка только посещают меня головные боли, но они находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, кроме как в Горенду или в Бонгу за провизией; а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гара-

гаси восхитительны. На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, прерывая мои занятия, что я раз объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такой ужасной, то пусть повесится или бросится в море, и что, зная причину, по которой он это делает, я не подумаю ему помешать.

На днях посетили меня люди Билия, одного из островков архипелага Довольных людей. Двое или трое молодых папуасов имели замечательно приятные и красивые физиономии, положительно не уступающие в этом отношении ни одному из красивейших, виденных мною полинезийцев. Сыновья Каина, напр., хотя и не особенно красивые, очень напоминают мальчиков о-ва Мангаревы и архипелага Паумоту.

Узнал, что между туземцами здесь происходят дуэли из-за женщин.

Расспрашивая Каина о знакомых в Били-Били, я спросил о Коре, очень услужливом и понятливом человеке. Каин ответил, что Коре получил рану в ногу при следующих обстоятельствах. Он застал жену свою в хижине другого туземца. Когда Коре отвел ее домой, другой туземец вздумал воспротивиться. Коре схватил лук и пустил несколько стрел в противника, которого и ранил; но последний успел также вооружиться луком, и пущенная им стрела в свою очередь пронзила Коре ляжку. Другой поединок на почве ревности из-за жены произошел месяца два тому назад в Богатим. Оба противника оказались ранеными, а один чуть было не умер. Копье вонзилось ему в плечо и переломило ключицу.

Опять каждый день слышатся раскаты грома, как и в прошлом году в это время.

12 октября

Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо больше, чем обыкновенно.

Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо вредных причин, иногда в тот же самый день. Напр., если утром ходил в воде по колено и оставался затем долго в мокрой обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, в час или в два часа пополудни непременно наступает пароксизм.

Сегодня Ульсон мыл свое белье в продолжение трех часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1 или 1,5° ниже температуры воздуха. В 3 часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров.

Возвращаясь утром с охоты, почти у самого дома я услышал голос незнакомой птицы. Рассмотрев ее в кустах, я взвел курок, но потом раздумал стрелять, жаль было пистона—их у меня остается очень мало. Для завтрака и обеда провизии было довольно. Я раздумал тревожить маленькую птичку и опустил ружье. Мое внимание обратилось на очень курьезного паука с отростками на всем теле. Правой рукой держал я дуло, так что кожа между большим и указательным пальцами перегибалась через край ствола. Я поймал паука и, сделав шаг вперед, поднял, не изменяя положения руки, ружье. Раздался выстрел, и боль заставила меня выпустить ружье из руки. Боль была незначительная, хотя крови из небольших ранок вытекло немало. Несколько дробинок пробило кожу. Очень сожалею, что пострадала правая рука, так как вследствие ее большего употребления эти незначительные ранки долго не пройдут.

21 октября

Вчера вечером и всю ночь слышен был барум в Богатим. В него ударяли изредка и однообразно. От пришедшего Саула узнал, что, действительно, в Богатим был покойник, которого сегодня утром похоронили. Я спросил, не приходил ли кто-нибудь из Богатим и не сказал ли ему об этом? Саул сказал, что нет; он только слышал барум и знает, что, следовательно, умер человек, но кто, ему неизвестно. Следя за ударами барума, он понял, что умершего уже похоронили.

25 октября

Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у костров. Один из них нашел, что и ему нужно итти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли. Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамбраму и просили остаться непременно ночевать. Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснил, что хижина его была заперта и завязана, что «тамо русс» открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его «окам» и что теперь у него окама нет, так как их делают только «тамо Рай-Мана». Он просил меня о возвращении окама или по крайней мере об уплате за него. Другой тоже пристал, уверяя, что «тамо русс» подняли его «ненир» (корзина для ловли рыбы), вынули рыбу, а может быть, взяли и «ненир» или опустили его в нехорошем месте, так как после этого он не мог нигде его найти. Третий заявил, что из его хижины «тамо русс» взяли очень хорошее копье.

Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их требования и обещал вознаградить за вещи, взятые «тамо русс». Зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за «ненир» я предложил нож, а за копье мне показалось довольно дать три больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить, когда хотят, в Гараси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, вызвало громадный восторг, и возгласы: «Маклай—хороший, хороший человек!»—послышались со всех сторон. Меня, однако, немало удивило, что через 14 месяцев туземцы еще не забыли всего происшедшего во время посещения корвета «Витязь».

Два больших табира с вареным аяном для меня и Калеу были принесены и поставлены перед нами, что послужило знаком, чтобы вся толпа, окружавшая нас, немедленно разошлась, оставив нас одних. Когда мы поели, все вернулись обратно, и некоторые предложили мне приготовить для меня кеу, от чего я отказался.

Несмотря на желание собравшейся публики продолжать общий разговор, я предпочел отдохнуть и, сказав, что хочу спать, растянулся на барле, привыкнув уже давно ничем не стесняться при публике. Туземцы, видя, что я закрыл глаза, продолжали свой разговор шопотом. Многие разбрелись. Отдохнув более часа, я сделал прогулку в лес, сопровождаемый десятком молчаливых туземцев. Я заметил в лесу многих птиц, которые не попадались мне прежде. Вернувшись в деревню, я заявил, что желаю иметь несколько телумов и человеческих черепов. Мне принесли несколько обломанных деревянных длинных фигур. Ни одна никуда не годилась, что очень опечалило хозяев. На палке принесли мне два человеческих черепа. Я спросил, где челюсти. Оказалось, как обыкновенно: «марем арен». Когда я отказался от черепов, туземцы бросили их в кусты, говоря: «Борле, дигор» (нехороший, сор). Это было новое доказательство, как мало уважают туземцы черепа и кости своих родственников, сохраняя только их челюсти.

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос из подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного крепкого тонкого шнурка. Они держали шнурки очень близко к коже, причем попадавшие волосы вкручивались между обоими шнурками и небольшим движением руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение двух или трех часов.

Несколько туземцев усердно ели, облизывая себе пальцы, соленый пепел тлевшего большого ствола.

Очень смешно было видеть, как довольно большой мальчик, лет более трех, съел несколько кусков ямса из табира своей матери, рядом с которой он сидел, переменял положение,

положив голову на колени матери, и, схватив толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого), стал сосать. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, насосавшись молока, снова принялся за ямс⁵⁶. Вечером, кроме вареного аяна и бананов, мне сварили зрелый плод пандануса; последнее кушанье не имеет особенного вкуса, и съедобная часть плода незначительна, но оно очень ароматично.

Я записал несколько слов диалекта Мале, который отличается от языка Бонгу. Приобрел здесь два черепа тиболя, но без нижней челюсти, а также один череп небольшого крокодила, которого туземцы недавно съели в один присест.

28 октября

Одиночество производит на Ульсона очень странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислушивается, затем снова заговорит. Нечего мне терять времени, давая ему совет чем-нибудь заняться, так как он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал, было приготовление пищи; иногда же он валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус был противен, я почти не говорил с ним и не настаивал даже приказывать ему; было достаточно с моей стороны, что я переносил его присутствие, кормил и поил его, когда, по лени или болезни, он не хотел или не мог двинуться с места.

Мне много раз случалось долго прислушиваться: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь, звуки немного приближаются, и что же оказывается? Оказывается, муха жужжит (может быть и не муха, потому что я ее не видел, но жужжит, производя звуки, очень похожие на человеческий голос). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и сами туземцы бывают вводимы в заблуждение.

30 октября

Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и на книги... Положение мое теперь следующее: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсуль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день нерационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь двух птиц. Многие препараты приходится выбросить, новых нельзя сохранять, так как нет спирту; донашиваю последнюю пару башмаков. Лихорадка сильно истощает. Хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

2 ноября

Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду нельзя было и думать. Птиц не было слышно.

3 ноября

Утром приходил Туй, и, так как шел проливной дождь, я должен был принять его под навесом. Я его поместил на веранде у самой двери моей комнаты, около которой я сидел. Он пришел просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все делали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь непременно перестанет. Туй просил долго, и я узнал от него множество мелких, но интересных подробностей папуасской жизни. Хотя я порядочно говорю на диалекте Бонгу, но все-таки мне еще потребуются годы, чтобы действительно ознакомиться с образом мышления и с образом жизни этих людей. В продолжение пятнадцати месяцев я ни разу не присутствовал при их церемонии бракосочетания, ни разу—при операции «мулум» (обрезание) и не видел много, много другого.

4 ноября

Отправился за ямсом поутру рано, ничего не евши по той простой причине, что в Гарагаси не было ничего съедобного. Как только пришел, решительно все жители не на шутку пристали ко мне, чтобы я прекратил дождь, потому что он очень вредит их плантациям. Каждый принес мне по несколько провизии и не хотели ничего брать за нее, прося дать им лекарство от дождя. Желая выведать от них, каким образом они сами заговаривают дождь, я предложил сделать это при мне. Бугай показал мне, как они это делают, но прибавил, что в настоящее время их «оним» не помогает. Туземцы уверены, что я могу, но не хочу согласиться на их просьбу.

18 декабря

Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кеу, раздирающая уши музыка прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамбраме Саула.

19 декабря

Хотя уже свет утренней зари проник в буамбраму, я еще не поднимался, так как ночью меня много раз будили музыка и крики, которые всегда сопровождают здесь «ай».

«Биа, биа!» (огонь, огонь!)—послышалось в некотором расстоянии от буамбрамы. Несколько туземцев вошли очень встревоженные и заявили, что около Кар-Кара виден сгонь или дым от огня. «Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан»,—сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая. «Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?»—«Я посмотрю, а потом скажу»,—отвечал я. Несколько человек прибежали, крича: «Маклай! О, Маклай! Корвета русс гена; биарам боро!» (Маклай! О, Маклай! Русский корвет идет; дым большой!). Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом же взгляде всякое сомнение исчезло: дым принадлежал большому пароходу, вероятно военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае мне надо было отправиться сейчас же в Гарагаси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судну. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне немного провизии и отвезти большого Ульсона в ближайший порт, посещаемый европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагаси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но, когда я ему сказал, что мне надо флаг, что приближается военное судно, я подумал, что этот человек положительно сошел с ума. Он так болтал несвязно и не то смеялся, не то плакал, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок. Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанный еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, бывшее около о. Ямбомбы, переменяло курс и направилось прямо в Гарагаси. Я вернулся в свою комнату, хотел переодеться, но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог бы надеть, было во всех отношениях одинаково с тем, которое уже было на мне. Я сошел вниз, к песчаному берегу, и немало труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. Я мог видеть офицеров на мостике, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня.

Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников, Сагама и Дигу. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение. Когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали троекратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки

также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня.

Я был встречен командиром клипера «Изумруд» М. Н. Кумани и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан генерал-адмиралом и что, между прочим, г. Р. был переведен с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я был убит или умер, и даже многие из офицеров признались, что, увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены, что не застанут меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана относительно того, что надо предпринять. Самым подходящим мне казалось с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать мои исследования, отослав в ближайший порт совершенно ненужного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и кончить начатое письмо об антропологии папуасов академику К. Э. фон-Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Михаил Николаевич сказал мне, между прочим, что по случаю моего не слишком хорошего здоровья он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевозку моих вещей из Гарагаси на клипер предоставил одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным. «А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и так как я полагаю, что вам возможно будет уделить мне немного провизии, взята с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я прошу вас позволить мне ответить вам завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде» или останусь еще здесь». Михаил Николаевич согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал между прочим от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученой целью вокруг о. Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив свое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми

силами и новыми запасами на берег Маклая. Я рано вернулся в Гарагаси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет?

20 декабря

Желание командира «Изумруда» было остаться здесь по возможности на короткое время, так как на этом месте после непродолжительной стоянки на корвете «Витязь» заболело несколько человек. Но в два или три дня я буду не в состоянии написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным. Это было одно.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голландском судне. Одно мне казалось положительным, это то, что мне необходимо будет вернуться снова сюда, где вследствие знакомства с туземным языком и заслуженного мною у туземцев доверия дальнейшие исследования по антропологии и этнологии мне будут значительно облегчены. Таковы были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время берег Маклая, с тем чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану М. Н. Кумани свое решение, он спросил меня, сколько мне необходимо будет времени, чтобы собраться. Я ответил, что через три дня после того, как «Изумруд» бросил якорь, он будет в состоянии поднять его и идти, куда пожелает. Остающиеся два дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагаси. Вечером пришло ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители Мале и Колику-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагаси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каждой деревне по берегу и в горах мне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать из девушек по жене или даже по две жены, если одной недостаточно.

Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь со временем и опять буду жить с ними.

Люди Гумбу пристали ко мне, прося идти в Гумбу, где, по их словам, кроме местных жителей, собрались люди Теньгум, Энглам и Самбуль-Мана, которые все желают меня видеть. Не желая отказать им, может быть в последний раз, я пошел, окруженный большой толпой туземцев с факелами в руках.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагаси. Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах. Последние два дня я много ходил и не обращал внимания на раны на ногах, которые сильно опухли и очень мешали при ходьбе. Я пошел, однако, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагаси. Боль была так сильна, что туземцы, устроив из нескольких перекладин род носилок, перенесли меня на них до мыска Габина, а оттуда перевезли на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны.

По приказанию командира, толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанной надписью,

VITIAZ. Sept. 1871. MIKLOUHO—MACLAY. IZOUMROUD. Dec. 1872.
--

должна была быть прибита к одному из деревьев, около моей хижины в Гарагаси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет самым подходящим. Я выбрал большой *Canarium commune* — самое высокое и представительное дерево в Гарагаси.

Остаток дня я провел дома, заканчивая упаковку вещей, так как завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

21 декабря

Вечером, засыпая, я думал, что в продолжение 14 месяцев и даже более я не нашел времени, чтобы устроить свою койку более удобным образом, и что край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, будучи дюйма на два выше крышки другой корзины, где лежали мои ноги, мог быть сделан для меня менее чувствительным весьма простым способом: стоило только положить два бруска под более низкую корзину. Разумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки.

Я вчера уговорил туземцев приехать на клипер осмотреть его, и, действительно, довольно многие явились в Гарагаси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньше отважилось взобраться на палубу. Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть таким образом в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в своих движениях, я попросил одного из матросов принести мне конец; середину его я обвязал себе вокруг талии, а оба конца

веревки предоставил моим папуасам. Таким образом, я мог идти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня. С таким хвостом, беспрестанно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам назначение разных предметов, обошел я всю палубу. Пушки пугали туземцев, они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе

Дерево с прибитой к нему мемориальной доской в память пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси

«бик». Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободился из петли и предоставил им свободно ходить по ней.

Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагаси и Ульсон также перевезен на корвет и как больной помещен в лазарет. Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагаси. Даже и теперь, уезжая после 15-месячного пребывания здесь, я не мог сказать «много», так как этого слова я до сих пор не узнал, почему ответил «навалобе», что значит приблизительно: «со временем».

с тем заинтересовало,—это два небольших бычка, взятых в качестве живой провизии для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя: «бик», «бик», «бик». Спустились вниз в кают-компанию; дорогой туда машина им очень понравилась. Разумеется, они не могли понять, что это такое. Затем большие зеркала в кают-компании, в которых они могли видеть несколько человек сразу, очень им понравились. Фортепиано, которое я назвал «ай боро русс», не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх.

На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но, забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей подсказал ему «бик», и они все хором затынули: «бик»,

С самого утра несколько пирог окружило клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы начинали кричать, но шум якоря, который стали подымать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги, и крики «Эме-ме» и «Э-аба» стали не так ясно доноситься с берега, как с пирога. Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум. Проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных людей и порт вел. кн. Алексея, мы обогнули мыс Круазелль и вошли в пролив между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом Изумруд.

ТЕРНАТЕ

24 декабря 1872 г. я оставил берег Новой Гвинее на клипере «Изумруд», который перевез меня в Тернате. О моем пребывании в Новой Гвинее скажу пока только, что, несмотря на многие труд-

Тернате

ности, лихорадку и лишения, я выполнил часть моих задач; со следующими почтами я надеюсь послать г. академику К. Е. фон-Бэру довольно полный антропологический отчет о папуасах; Русскому Географическому обществу—сообщение о моем пребывании в Новой Гвинее, этнологическое описание туземцев залива Астролябии (жителей берега, гор и прилежащих островов); г. академику Вильду—результаты метеорологических наблюдений за целый год. Зоологические мои исследования думаю, по мере обработки статей, поместить в разных научных периодических изданиях.

После трудного, но не безуспешного начала я более чем когда-либо намерен продолжать начатое и надеюсь в продолжение этого года отправиться снова в Новую Гвинею на голландском военном судне, которое назначается исследовать южный берег острова. Подробности этой экспедиции могу узнать только в Батавии, куда теперь отправляюсь.

Прибавлю только, что, несмотря на часто повторявшуюся сильную лихорадку в Н. Гвинее, я теперь здоров и, как мне кажется (вследствие акклиматизации), еще более чем прежде способен перенести болезни и трудности нового путешествия. Жители Астроляб-Бай, которые в продолжение первых 3 или 4 месяцев все собирались, но не решились убить меня, при моем отъезде очень уговаривали и пресили не оставлять их или по крайней мере вернуться к ним.

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ О МОЕМ ПРЕБЫВАНИИ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ОСТРОВА НОВОЙ ГВИНЕИ (в 1871—1872 годы)

19 сентября 1871 года около 10 часов утра открылся высокий берег Новой Гвинеи близ мыса King William, и на другой день, в четвертом часу пополудни, корвет «Витязь» бросил якорь недалеко от берега, в заливе Астролябии. С двумя слугами отправился я на берег, и в одной из близ берега лежащих деревень, из которой большинство жителей при нашем приходе разбежалось, встретил первых папуасов. Они с большою боязнью предложили мне разные подарки: кокосовых орехов, бананов и свиней.

Так как корвет спешил в Японию и посетить для выбора несколько местностей восточного берега Новой Гвинеи было нельзя, то я решил остаться здесь. На другой же день я выбрал место для хижины, и плотники корвета начали ее строить. Следующие четыре дня были употреблены на постройку хижины, очистку кругом нее леса и перевозку вещей. Командир и офицеры корвета с большою любезностью помогли мне и даже снабдили меня разными вещами и припасами, которых мне не доставало, за что я всем им приношу мою искреннюю благодарность. 27 сентября утром корвет ушел.

Туземцы, которые во все время пребывания корвета показывались трусливо и в небольшом числе, по уходе его в тот же день нахлынули толпами ко мне из ближайших деревень, с расспросами, вернется ли корвет, долго ли останусь и т. д. Они казались очень недовольными, что я поселился в их соседстве, и хотя принесли мне несколько подарков, но не расставались со своим оружием, посматривали на меня очень недружелюбно, а когда я не пустил толпу в мою хижину, некоторые стали грозить мне своими копьями.

Установив вещи и устроившись в своем помещении (хижина имела 1 саж. ширины и 2 саж. длины и была разделена парусиновой перегородкою на две половины, так что я помещался в комнате в одну квадратную сажень, другую половину занимали мои слуги), я начал знакомиться с местностью. Несколько лесных тропинок вели из одной деревни в другую, далее идти было неудобно без проводников, которых нельзя было достать—никто не хотел идти; мне пришлось поэтому ограничиться тремя соседними деревнями. Жители оказались очень подозрительными, и им очень не нравились мои визиты, хотя сами они приходили ко мне за табаком или за разными безделками, которые я им дарил или выменивал на плоды и овощи. Они очень следили за каждым моим шагом, и в особенности, когда я подходил к их деревням. Я стал понемногу изучать их язык, но изучение шло медленно, папуасы неохотно и лениво отвечали на мои вопросы.

Один из моих слуг, полинезиец с о. Ниуе, слег, к хронической серьезной болезни присоединилась сильная местная лихорадка. Его примеру последовал и другой слуга, европеец, швед по происхождению, бывший матросом на китобойном судне. Мне пришлось готовить пищу для троих, лечить больных и ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасов, делать метеорологические и другие наблюдения. Однако же Ульсона (шведа) я поставил вскоре на ноги, и он мог помогать мне. В начале ноября 1871 г., полтора месяца по прибытии, и я почувствовал первые пароксизмы лихорадки, которые уже не покидали меня во все время пребывания на Новой Гвинее, возвращаясь каждые две недели один, иногда и два раза, очень ослабляя организм и мешая многим предприятиям. Пароксизмы сопровождались бредом и сильною опухолью лица, шеи и рук, которая опадала в апирексиях⁵⁶.

Папуасы разных берегов и горных деревень почти ежедневно толпами посещали мою хижину, так как молва о моем пребывании распространялась все далее и далее. Это вносило разнообразие в мою монотонную жизнь с двумя больными, но подчас, когда я чувствовал себя крайне нездоровым, посещения папуасов, с их подозрительностью и любопытствующим нахальством, были мне даже неприятны. Риф, который окружал мысок, где стояла моя хижина, мог бы быть источником интересных зоологических наблюдений и исследований, но для этого я должен был бродить по пояс или по колено в воде, следствием чего было возобновление пароксизмов, почему я должен был отказаться и от этого.

Наконец, полинезиец, который не хотел принимать никаких лекарств, хотя страдал сильно хронической болезнью, очень изнуренный лихорадкою, умер 14 декабря, прослужив мне как повар только полторы недели.

Видя, что нас только двое, причем Ульсон часто болеет (сам я, когда болел, тщательно скрывал это от туземцев), папуасы делались все нахальнее и требовательнее. Незнакомые с огне-

стрельным оружием, — которое я им до того времени не показывал, чтобы не увеличить их подозрительности и не отстранить их еще более от себя, — и предполагая большие сокровища в моей хижине, они стали угрожать убить меня и Ульсона.

Я принимал их угрозы в шутку или не обращал на них внимания. Попрежнему ходил по лесу, посещал их деревни. При моем появлении подымалась в деревнях страшная суматоха: женщины и дети с визгом бросались в хижины и в лес, собаки выли, мужчины с оружием с криком и с особенным воинственным рычанием сбегались и окружали меня; не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелые копыя вокруг головы и шеи и даже подчас без церемоний совали острие копий мне в рот или разжимали им зубы. Я отправлялся всюду невооруженный, и индифферентное молчание и полное равнодушие к окружающему были ответом на все эти любезности папуасов.

Исключая две или три царапины, никто не решался нанести мне серьезную рану — диких ставил втупик мой неизменный индифферентизм; я же, поняв, в чем заключается моя сила, не изменял своего обращения с ними, решив, что когда-нибудь папуасы привыкнут к моим посещениям и к моей личности. Спал спокойно в папуасских деревнях, несмотря на копыя и стрелы туземцев; папуасы не расходились, даже когда я засыпал.

Однако время шло; я во что бы ни стало хотел добраться до горных деревень, а для этого проводники были необходимы. Несмотря на наши натянутые отношения, я отправился в Бонгу (вторая ближайшая береговая деревня от моей хижины) и объяснил, что я хочу итти в горную деревню Колику-Мана, для чего мне нужны люди, чтобы нести вещи. Начались переговоры между папуасами, потом они стали советовать мне не ходить: дорога дурная, камни, глубокие ручьи, горные люди убьют меня и т. п.

Увидев, что уговариванием и обещаниями ничего не поделаешь, я встал и объявил им, что иду один в Колику-Мана; вынув небольшой компас, прибавил, что эта движущаяся стрелка покажет мне дорогу, а если что со мною случится, — всем им будет плохо. Приняв очень серьезный вид, я вышел из умолкнувшей толпы, которая казалась озадаченной и боязливо расступилась. Таинственная коробка с живою движущеюся иглою и моя решимость подействовали; через полчаса меня нагнали несколько человек с изъявлением готовности итти со мною и защищать от горных жителей. Так совершил я первую более отдаленную экскурсию, за которой последовали другие.

Заметив, что наша провизия сильно убывает, и не надеясь постоянно получать свежие припасы от соседей, я разделил ее на порции, приблизительно до следующего августа месяца. Эти порции риса и бобов были очень невелики; к тому же почти полное отсутствие животной пищи было очень чувствительно, так что я стал замечать, что силы мои значительно убывают при частых

приступам лихорадки. Недоверие папуасов было так велико, что в продолжение целых пяти первых месяцев нашего обоюдного знакомства они не решались даже показать своих жен и детей, которые убегали и прятались при моем приближении. Это недоверие, явно недружелюбная замкнутость и трудность проникнуть в горы подали мне даже мысль отобрать часть вещей, нагнать ими оставленную мне «Витязем» шлюпку и отправиться далее по берегу, искать более благоприятного пристанища и более гостеприимных жителей. Это было в конце января 1872 г.

Два обстоятельства помешали, однако же, исполнению этого плана. Первое было то, что шлюпка, стоявшая долгое время на якоре около кораллового рифа, оказалась проеденною червями, сильно текла и была негодна для дальнего, может быть, плавания; второе обстоятельство было изменившееся отношение папуасов ко мне, которые стали искать сближения со мною и даже моего расположения. Причин тому было много, между прочим та, что я помог выздоровлению одного папуаса, которому свалившееся дерево проломило голову. Каждый день перевязывая рану и видясь с жителями деревни, где лежал раненый, я приучил их настолько к себе, что они стали позволять женщинам оставаться в моем присутствии и гораздо охотнее стали приносить мне съестные припасы в обмен за табак.

Более важная причина желания сближения со мною лежала, как я узнал потом, в событиях, происшедших в папуасском политическом мире. Между моими соседями и жителями нескольких береговых деревень была объявлена война; мои соседи ожидали нападения со стороны неприятелей. Предполагая, что я обладаю какою-то таинственной силой, которая мне позволяет не бояться и относиться равнодушно к их копьям и стрелам, они, как более слабые, сочли удобным приобрести во мне союзника и просили позволения, в случае нападения, прислать ко мне под мое покровительство своих жен и детей.

Хотя мне не хотелось вмешиваться в их распри, но я на многое соглашался, видя в том случай сблизиться, наконец, с этим недоверчивым племенем. Нападения на деревню не случилось, война ограничилась стычками в лесах; неприятель, услышав, что я стану на сторону моих соседей, и напуганный преувеличенную молвою о моей таинственной силе и моем могуществе, заключил с моими соседями продолжительное перемирие.

Все эти обстоятельства позволили мне, наконец, свободно заглянуть в семейную и общественную жизнь папуасов, видеть многие обычаи и при частых сношениях изучить их язык, так что я свободно мог объясняться с ними о ежедневных делах. Под разными предлогами я посетил многие горные деревни, причем мои соседи оказались хорошими проводниками и переводчиками, так как почти в каждой деревне туземцы говорят на другом диалекте, непонятном для папуасов ближайших деревень. При этих экскурсиях я узнал, что выше 1200—1500 футов,

в горах около Астроляб-Бай (доходящих приблизительно до 7000 и 8000 футов) жителей нет, тропинки также находятся только около деревень, выше горы покрыты труднопроходимым тропическим лесом.

Это отсутствие жителей, а в особенности тропинок было для меня непреодолимым препятствием подняться выше в горы; никто не соглашался идти со мною, несмотря на щедрые обещания, уверяя, что тропинок нет и что в горах нечего есть. Итти одному без провизии или с небольшим запасом ее, неся на себе принадлежности для ночлегов, перемену платья, оружие для охоты и кое-какие аппараты для рисования и наблюдений, показалось мне нерациональным; в такой сбруе я с трудом выдерживал трех- и четырехдневные экскурсии по проложенным тропинкам, а чтобы добраться до вершины гор, потребовались бы недели. Взять Ульсона было тоже невозможно, он болел, был слаб и почти весь день лежал.

Эти обстоятельства, к которым присоединялась мысль, что еще и у моих соседей многое остается для меня неизвестным, о чем следует разузнать, и нередкое истощение сил вследствие лихорадки и недостаточной пищи убедили меня подчиниться обстоятельствам и ожидать в окрестностях моей хижины прихода русского судна, которое, может быть, придет. Моя провизия давно бы уже истощилась, если бы я не пользовался свежими овощами папуасов и если бы охота благодаря отличному ружью не была так удачна. Туземцы приносили мне иногда интересных животных (кускусов, кенгуру, ящериц, змей и т. п.), но, к сожалению, редко; некоторых же животных, несмотря на обещание подарков, мне не удалось получить, как, например, казуара, которого мне также не пришлось ни разу встретить на охоте.

В одну из экскурсий в горы я с высоты увидел, что у мыса Дюпере находится несколько островов. В августе 1872 г. я собрался посетить ту часть берега. Починив не без труда шляпку, я отправился за мыс Дюпере и нашел там архипелаг, состоящий из с лишком 30 островков кораллового происхождения; они расположены отчасти в небольшой бухточке, отчасти тянутся вдоль берега. Жители этих островов, уже давно слыхавшие о моем пребывании на берегу Н. Гвинеи, знавшие твердо мое имя, приняли меня очень дружелюбно. Нашлись между ними такие, которые уже приходили в мою хижину посмотреть на белого человека и которые упрашивали переехать к ним.

Жизнь этих людей, их отношения между собою, обращение с женами, детьми, животными произвели впечатление, что эти люди довольны вполне своею судьбою, самими собою и всем окружающим. Я назвал поэтому эту группу островов, на которой еще не был, кроме меня, ни один европеец и которая не нанесена еще на картах, архипелагом Довольных людей. Этот архипелаг, где обитает мирное население, которое возделывает многие корнеплодные растения, разводит свиней и кур, может представить

удобную якорную стоянку и имеет то громадное преимущество, что климат относительно здоров, лихорадки (как мне сообщили жители) очень редки, что очень вероятно, потому что небольшие островки эти обладают более морским, чем береговым, климатом. К тому же в бухту впадает значительная река с хорошею водою. Этот архипелаг, если со временем будет сделан промер, может оказаться гораздо более удобным якорным местом чем глубь залива Астролябии.

Вернувшись с архипелага Довольных людей, я застал Ульсона в худшем положении, чем прежде: к лихорадке присоединился хронический ревматизм; он не вставал с постели, целый день стонал. Я потерял поэтому много времени на хозяйственные заботы, носку воды и дров, приготовление пищи; особенно утомительно было поддерживать постоянный огонь. От сырости мои запасы спичек (несмотря на запаянные жестянки) почти все оказались негодными, пришлось около семи месяцев рубить большие деревья и, перенося толстые пни в шалаш, который служил мне кухнею, поддерживать ими постоянный костер.

В августе, не увидав ни одного судна, которое постоянно надеялся открыть на горизонте, Ульсон потерял последние остатки энергии и даже стал заговариваться, так что я серьезно боялся за его рассудок. С этих пор он не только ничем не помогал мне, но стал для меня обузою и много мешал, так как мне приходилось кормить и лечить его. Как неутешительна была моя жизнь с этой стороны, так успех с другой ободрял и даже увлекал меня.

Я близко сошелся с моими соседями и успел познакомиться со многими их обычаями, которые они до того времени тщательно от меня скрывали. Отношение диких ко мне совершенно стало другим, чем в первые пять или шесть месяцев. Мое равнодушие к их стрелам и копьям, неизменность моего слова при обещаниях, мои далекие экскурсии в труднопроходимом лесу, в горах, несмотря на время,—днем в жару, ночью часто при сильных тропических грозах, при нередких землетрясениях,—мое внезапное появление при таких условиях без провожатых в деревнях, где обо мне знали только понаслышке, вселили в папуасов не одно удивление, но и род суеверного почтения или страха ко мне, которые преодолели, наконец, их подозрительность и недружелюбие. К тому же помощь больным и подарки туземцам сделали мне среди них немало несомненных друзей.

Не видав до прихода «Витязя» ни одного судна, папуасы были твердо убеждены, что они единственные жители. Видя, что я физически отличен от них, и предполагая во мне особенные, непонятные для них качества, они не хотели верить, что я такой же человек, как они, и мысль, что я явился к ним с луны, так засела в их головах и так распространилась, что никто не верил, когда я отрицал это происхождение. Кроме моего имени «Маклай», которое они знали и помнили с первого же дня моего знакомства с ними, они стали звать меня «каарам-тамо» (человек

луны) или «тамо боро-боро» (человек большой-большой). Ставя меня выше самых старых и почитаемых глав семейств, которых они называют просто «тамо» и редко «тамо боро» (человек, человек-большой), они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра; были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому, думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, зажечь море.

Несмотря на предполагаемое всемогущество, мое положение становилось довольно затруднительным. Крыша текла, столбы, на которых стояла хижина, подточенные муравьями, стали обваливаться; приходилось ставить подпорки из боязни, что пол или даже вся хижина в один прекрасный день обрушится; запасы хины почти истощились (сокращенная доза, которую я принимал и давал также Ульсону, была два грамма). Что касается пищи, то уже давно я употреблял только то, чем питались туземцы. Охотой также приходилось пользоваться очень умеренно, так как из взятых 1500 капсуль оставалось у меня не более 300. От двенадцати пар обуви разного рода не оставалось ни одной целой; мне пришлось, срезав голенища охотничьих сапог, ходить в этих тяжелых и неудобных башмаках. Появились раны на ногах, которые не заживали. Здоровье Ульсона становилось с каждым днем хуже, и я решил по смерти его, которую ожидал, переселиться в горы, отчасти чтобы поправить свое здоровье, предполагая, что лихорадка в горах не так злокачественна, отчасти чтобы изучить очень разнообразные диалекты горных жителей. Туземцы разных деревень предлагали мне построить новую хижину, я хотел воспользоваться предложением, чтобы оставить в одной из береговых деревень мои вещи, а самому перебраться в горы.

Для переговоров о постройке новой хижины находился я утром 19 декабря прошлого года в Бонгу (в одной береговой деревне), когда несколько встревоженных папуасов прибежали ко мне, уверяя, что в одном месте между островами Кар-Кар и Били-Били (о. Дампиера и о. Витязя) из моря выходит дым, прося меня сказать, что это значит. Небольшое темное облачко действительно виднелось на горизонте в указанном месте; я не мог иначе объяснить его, как дымом приближающегося или проходящего парового судна. Это предположение оправдалось. Минут через десять можно было различить топы мачт. Папуасы были в большом смятении, хотели сейчас же угнать своих жен и детей в горы; я с трудом уговорил их оставить всех в деревнях. Вернувшись в пироге домой, я поднял русский флаг у хижины и стал ожидать приближения судна, которое признал сперва за русское по флагу, а потом за клипер «Изумруд».

Немало уговаривания и приказаний потребовалось, чтобы заставить папуасов войти в пирогу и выехать со мною навстречу клиперу. Мне понадобился весь мой авторитет «человека луны».

чтобы папуасы не вернулись к берегу, когда от клипера отвалил катер для промера якорного места. На нем я узнал офицера, служившего прежде на «Витязе» и бывшего при моей высадке на этом берегу. Мои папуасы страшно боялись и чуть было все не бросились в воду, когда с вант клипера раздалось троекратное «ура», которым я был встречен при приближении к «Изумруду». Пена и шум винта, гул отданного якоря, спущенный трап, одно за другим пугали моих гребцов, которые дрожали, прося вернуться на берег, и еле-еле управлялись с пирогами.

Наконец, я подъехал и вошел на клипер, где был радушно встречен командиром М. Н. Кумани и офицерами, с которыми я еще прежде познакомился во время стоянок «Витязя» на островах Зеленого Мыса и Рио-де-Жанейро. От них я узнал, что клипер прислан в Астроляб-Бай по особому приказу е. и. в. генерал-адмирала, что они удивляются, застав меня в живых, и что английские газеты меня уже похоронили. Так как мой завтрак в Бонгу был прерван новостью, что из моря подымается дым, а с того времени прошло около полутора часов, то я не отказался продолжать завтрак на клипере. После папуасской кухни европейские кушанья показались мне очень странными на вкус, особенно сладкие, так как сахару я не пробовал уже более года. Соль была также приятно новинкою; последние семь месяцев я все варил и ел с морской водою, так как соль у меня вся вышла.

Офицеры любезно снабдили меня обувью, в которой я очень нуждался, и бельем—мое вследствие сырости было очень гнило и отчасти проедено насекомыми. После завтрака несколько офицеров и я отправились на берег. Я показал им мое помещение в одну квадратную сажень, заставленное вещами, с текущей крышей, с дырявыми стенами и еле державшимся полом. Ульсон был вне себя от радости выбраться с этого ненавистного для него берега; он как будто бы ожил, перестал даже постоянно стонать.

Папуасы в ту же ночь пришли уговаривать меня не оставлять их, обещая построить большую хижину, дать мне запасы кокосовых орехов и разных корней. Я действительно колебался оставить Астроляб-Бай. Приход «Изумруда» был так неожидан, я уже так привык к мысли остаться всю жизнь на этом берегу, что просил командира клипера дать мне время до следующего утра обдумать, еду ли я на «Изумруде» или остаюсь. Трудность попасть на этот берег, знакомство с местностью, с жителями, с языком, отношение туземцев ко мне, новые запасы провизии и некоторых необходимых вещей, которые я мог бы получить теперь с клипера, сильно поддерживали желание остаться, но состояние здоровья, невозможность привести в порядок в несколько дней мои дневники для отсылки в Европу, а главное, возможность возвратиться в следующем году на Новую Гвинею на голландском военном судне, которое должно будет отправиться, как мне сообщил Кумани, вокруг острова, говорили за уход на время из Новой Гвинеи. Плавание на «Изумруде», который отправлялся в

голландские колонии, могло к тому же значительно поправить мое здоровье, необходимое для второй экспедиции.

На другое утро я решил оставить берег Маклая в Новой Гвинее* и стал укладывать вещи. Днем я был занят сборами, причем некоторые офицеры клипера были так любезны, что помогли мне. По ночам беседовал с папуасами, которые днем мало показывались, боясь клипера, ночью приходили, зная, что я один остаюсь в хижине. Они усердно просили остаться, обещая делать все, что я ни потребую, уверяли, что на них по моему нападут старые неприятели. Я две ночи ходил в деревни, сопровождаемый целую толпою туземцев с факелами, чтобы освещать путь. Соседние деревни устроили прощальные пиры, на которые стеклось много жителей других деревень с подарками. При этом они с разными обрядами и церемониями прощались со мною, и каждый давал мне в подарок кокосов и разных корней. На последнем ночном собрании старики предложили мне в каждой деревне построить по хижине, дать в каждую много съестных припасов и по жене для хозяйства, просили это принять и поочередно жить по нескольку времени в каждой деревне. Я отказывался от подарков, раздавал вместо того свои и обещал при прощании, может быть, к ним вернуться.

Наконец, у меня все было готово, вещи уложены, перевезены на клипер, подарки туземцам розданы, и 24 декабря с рассветом «Изумруд» стал поднимать якорь. Папуасы, стоя около моей полуразрушенной хижины, не смея из боязни «тамо русс» (людей русских) близко подъехать к клиперу, издали кричали мне свои последние «Эме-ме» и «Э-аба»; когда же клипер снялся и стал удаляться, раздались далекие удары «барума» (большой барабан), возвещавшие соседним деревням, что «человек луны» покинул берег Габинау (туземное название порта вел. кн. Константина), прожив там с лишком пятнадцать месяцев, хотя не легкою и покойною, но интересною и уединенною жизнью.

Тернате, 3 февраля 1873 г.

Дневник первого пребывания на берегу Маклая на Новой Гвинее опубликован: 1) в томе I «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая, 1923; 2) в томе I «Путешествий», 1940. Рукопись хранится в Институте этнографии АН СССР (Ленинград).

«Тернате»—выдержка из письма, опубликована в «Известиях РГО», 1873, т. IX, стр. 94; письмо хранится в Архиве АН СССР, ф. 143, оп. I, № 39.

«Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу острова Новой Гвинее в 1871—1872 гг.» опубликовано в «Известиях ВГО», 1939, т. 71, стр. 272; рукопись хранится в Архиве ВГО, ф. 6, оп. I, № 25.

---

* Я таким образом называю берег Новой Гвинее вокруг Астроляб-Бай и бухты с архипелагом Довольных людей по праву первого европейца, поселившегося там, исследовавшего этот берег и добившегося научных результатов.—Прим. Миклухо-Маклая.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РАПОРТА

КОМАНДИРА КОРВЕТА «ВИТЯЗЬ» О ПРИБЫТИИ В ЗАЛИВ
АСТРОЛЯБИИ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ И ПОМЕЩЕНИИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ НА БЕРЕГУ

Путешественник Миклухо-Маклай, избрав эту местность для своего первоначального пребывания, просил вдасться в залив и избрать место для его жительства. Залив оказался весьма углубившимся вовнутрь острова, заселенный дикарями Папуа по всему протяжению своих берегов. Избрав более удобное и безопасное для корвета якорное место, в 3 часа пополудни бросил якорь на глубине 26 сажень, в 75 саженьях от берега. У самого берега глубина оказалась 6 сажень.

Напротив места якорной стоянки корвета г. Маклай избрал место на берегу для своего жительства. От корвета были даны все средства к устройству жилья и защиты его от нападений дикарей. В течение пяти дней было употреблено 110 человек рабочих, не считая гребных судов. Расчистили местность кругом его дома на 30 саж. в диаметре от девственного непроницаемого леса. Сделали кругом дома в некотором расстоянии шесть мин, вполне вооружили и зарядили их на случай нападения дикарей; проводники провели все в его дом и научили, как ими действовать. Г. Маклай прибыл на Новую Гвинею совершенно без всяких средств для устройства и существования своего и его двух наемных слуг, из которых один шведский подданный, другой дикарь острова Ниуе.

Местность, избранная им для жилья, по общему нашему убеждению, неудобная; в случае крайности ему отрезаны все пути для отступления, и она имеет все данные для развития лихорадки. Переночевавший одну только ночь в доме Маклая инженер-механик прапорщик Богомолов получил лихорадку перемежающуюся 16 сентября и болен по сие время; слуга швед остался там уже пораженный лихорадкой, и сам г. Маклай уже ощущал припадки лихорадки. Через пять дней по уходе корвета лихорадка начала развиваться в команде корвета. Кроме этих губительных обстоятельств для г. Маклая, он не может из своего жилья усмотреть ни одного проходящего корабля, и, обратно, ни один корабль, проходя мимо, никогда не будет в состоянии рассмотреть местопребывание европейца и флаг, который я ему устроил на мачте. Г. Маклай не озаботился приобрести никакой лодки, чтобы иметь возможность делать наблюдения на воде или ловить морских животных, или иметь возможность удалиться в случае неприязных действий жителей. А потому я решился отдать ему имеющийся при корвете 4-весельный ял со всеми принадлежностями.

Жители окружающих нас берегов в первые дни нашего пребывания приезжали на корвет, но потом, заметив, что на берегу,

кроме рубки дров, производится постройка жилья, начали смотреть на нас с подозрением и удалились от всяких сношений с нами. Тогда мы сами отправились партиями к ним в селения с разными подарками, чтобы завести с ними дружбу и укрепить ее для будущего времени в пользу г. Маклая. Но они не обращали внимания на подарки, и с каждым днем деревни их пустели, наконец хижины их были покинуты совершенно; бывшие по берегам пироги исчезли, и дома, обозначающие места их жительства, перестали быть видимы.

С самого первого появления дикарей на берегу и на корвете мы видели их без оружия, и во все время пребывания никогда они не приближались к нам вооруженные. Из всего окружающего их имущества мы не нашли никаких признаков, которые показали бы о посещении этих берегов европейцами. Железо им не было известно. Когда я им показал два прута железные, то они смотрели равнодушно, но, увидя его гибкость, а потом услыша звук при ударе железа о железо, они были удивлены такому материалу и приняли этот подарок с удовольствием. Лодки жителей Новой Гвинеи безобразны, едва выдолбленные кривые деревья; мы видели даже недолбленные бревна с заостренными концами, что заменяет лодку, тогда как лодки жителей Томбара или Новой Ирландии сделаны весьма искусно, красиво, легко, с украшениями и выкрашенные. У гвинейских Папуа парус грубо сделан из травы, веревки кокосовые, или бамбук, или лианы, виды которых весьма разнообразны в лесах Новой Гвинеи. Климат определить трудно по краткости времени пребывания, но можно заметить, что он скорей нездоровый.

ВТОРОЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

(27/VI 1876 г.—10/XI 1877 г.)

1876 г. Июнь

Прибыл 27 июня на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea-Bird» (Морская птица). Заметил значительное изменение вида высоких вершин гор. Туземцы были очень обрадованы, но несколько не изумлены моим приездом: они были уверены, что я сдержу свое слово. Когда я съехал на берег в Горенду, в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбежались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением.

Я не досчитался нескольких стариков—они умерли в мое отсутствие, но зато многие мальчики были уже почти взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, которые должны были скоро стать матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться среди них, но я, как и в 1871 г., предпочел не жить в самой деревне, а поселиться в некотором расстоянии от нее. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от «улеу» (песчаный берег) к площадке, выбранной мною.

На этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура, но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также и крыша были сделаны уже здесь, на месте. К сожалению, желание не задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, почему оно очень скоро пришло в негодность, главным образом от белых муравьев, больших врагов деревянных построек в тропических странах⁵⁷. В числе деревьев берега Маклая имеется,

правда, немало видов, которые противостоят этому насекомому, но достаточного количества их нельзя было бы добыть в короткое время.

Июль

На шестой день дом мой был готов. В постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы и кривших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг дома. Вследствие того, что сваи, на которых стоял дом, были около 2 м высоты, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи (около 70 ящиков, корзины и тюков разной величины), и я мог отпустить шхуну 4 июля.

Папуас берега Маклая

При помощи своих трех слуг, из которых один был малаец и служил поваром, а при случае и портным, а двое—микронезийцы, туземцы о-вов Пелау, и нескольких жителей Бонгу я скоро привел свою усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно.

Очень интересные сведения я получил от туземцев о бывших в мое отсутствие землетрясениях. Как я уже сказал, изменение вида вершин Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 г.) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые склоны оказывались голыми. Туземцы рассказывали мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины.

Береговые деревни пострадали главным образом от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу. При этом я узнал далее от туземцев, что давно, еще до моего приезда в 1871 г., целая деревня Аралу, находившаяся недалеко от морского берега, между реками Габену и Коли,

была совершенно смыта громадной волной вместе со всеми жителями. Так как это случилось ночью, то все жители погибли, только несколько мужчин, бывших случайно в гостях в другой деревне, остались в живых, но не захотели вернуться жить на старое место и переселились в деревню Гумбу, которая избежала разрушения, как построенная далее от берега.

Разрушение этой деревни хорошо помнят даже не очень старые люди, и полагаю, что это случилось около 1855—1856 гг.*

Буамбрамбра и хижина на берегу Макляя

После этой катастрофы в соседних местностях случилось много заболеваний, окончившихся смертью. Это последнее обстоятельство произошло, может быть, от разложения органических остатков, выброшенных на берег волнами и гнивших на солнце**.

Я приехал как раз в то время, когда туземцы берега Макляя жгли унан. Вместе со множеством экземпляров *Perameles* мне принесли один экземпляр тиболя (*Macropus Tibol* McL.), для которого я устроил род клетки, желая сохранить его живым. Туземцы различают здесь два вида тиболя, называя одного «итиболь», а другого «вальтиболь» (речного и приморского тиболя). Первый из них, т. е. речной, больше ростом и редко достается туземцам. Последние уверяют, что тиболь ест иногда рыбу⁵⁸.

* Мне указали на молодого туземца, который только что родился, когда случилась катастрофа в Аралу; ему не могло быть более 20 лет.

** Подобный же прилив случился на о. Луб в 1875 г. и был сообщен мною в моем письме Русс. геогр. о-ву, напечатанном в Изв. Г. О., т. XV.

2 августа собрался итти в Марагум-Мана, а затем 5—в деревню Рай.

Экскурсия в Марагум-Мана 2 и 3 августа 1876 г. (часов 5 от берега). В шлюпке до устья речки Морель, затем через лес на холмах, покрытых унаном. Общее направление—юго-юго-восток. С холма обширный вид: Самбуль-Мана

Уголок в хижине
Н. Н. Миклухо-Маклая.
Бугарлом

на запад, Энглам-Мана—юго-запад, Марагум-Мана—юго-юго-восток. Следы землетрясения попадают на дороге часто в виде длинных трещин и обвалов. Часа через три вышли на дорогу, которая тянется высоким и обрывистым берегом реки Камран; берега этой реки представляют хорошие геологические разрезы. В широком ложе течет несколько рукавов реки, и в некоторых местах видны обработанные поляны. Горные породы, которые здесь везде встречаются,—глинистый сланец и белый известняк.

Деревня сама разделена на несколько деревушек, отделенных одна от другой глубокими оврагами, и не представляет ничего особенного. Хижины вообще низки, покрыты унаном и однообразной постройки. Коков мало. Высота над уровнем моря около 750 футов.

Экскурсия в деревню Рай. По случаю противного ветра оставался весь день в бухточке при устье реки Боу, затем остановился в другой бухточке—Леле. Ночью, обогнув скалистый берег мыса Риньи, прибыли к улеу Рай, первой после Гумбу береговой деревне на юго-восток. За деревней—ряд невысоких холмов, состоящих из поднятых коралловых рифов (на несколько сот футов). За ними—более высокий конический холм, высоту которого не удалось определить.

Везде в горах заметны были следы землетрясений в виде длинных, довольно глубоких трещин, расселин и обвалов.

8-го предпринял экскурсию вверх по р. Габенеу. После четырех часов ходьбы русло поднимается приблизительно на 300 футов над ур. м.

Долина реки Камран

Экспедиция на пик Константина 12 августа. Когда к 9 часам в своей дынге я отправился в Богатим, вся гора Тайо с пиком Константина была ясно видна. Нигде ни

Хижина в деревне Рай

облачка. Благодаря свежему ветру через полтора часа прибыл в Богатим. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину Коды-Боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы идти на гору, и следует подождать до завтра.

Марагум-Мана. Наму. (19,2 - 14,2).

Наму ала.

деревянный
венок из

Наму—папуас из деревни Марагум-Мана

Противный ветер. По дороге в Рай. 5 августа 1876 г.

13 августа

Поднял людей в 3 часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете

Вид на юг из деревни Рай

неполной луны сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу р. Иор. Когда рассвело, я записал имена своих спутников, которых оказалось 34 человека.

Вид на гору Тайо (Пик Константина)

Так как я не взял провизии, мне пришлось зайти в дер. Ярю (810 футов над ур. м.). Моим спутникам очень не хотелось идти далее в горы, но я не обратил на это ни малейшего внимания, тем более что людей у меня было раз в пять более, чем нужно.

К каравану присоединилось несколько человек из дер. Ярю. Мы продолжали следовать по ложу реки; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням.

Вообще дорога была не особенно удобна. В третьем часу пошел дождь, и все горы покрылись облаками, итти поэтому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе кофе и смерил высоту местности при помощи аппарата Реньо, показание которого было почти одинаково с показанием моего анероида. Высота оказалась равной 860 футам. Было очень прохладно, вероятно вследствие дождя. Всю ночь дождь лил, как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла, растянутого над моей койкой, оказалась расположенной удачно: несмотря на ливень, я оказался совершенно сухим, но воздух был весьма сыр, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки. Я поднялся в 6 часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо билен могут следовать за мной, а тамо борле могут оставаться. Это подействовало: почти все последовали за мной. Вследствие дождя, шедшего ночью, в реке было гораздо больше воды, чем вчера; камни были очень скользки, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах. Пройдя немного, пришлось лезть по склону направо, без малейшего следа тропинки.

Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, почему мне пришлось итти, или, вернее, лезть, вперед. К великой моей досаде я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, склон был покрыт лесом, так что можно было, как помнится, придерживаясь и цепляясь за сучья и корни, подвигаться вперед. В одном крутом месте я протянул руку к лиане, а что произошло после этого, положительно не знаю... Проснулся я как будто от человеческих голосов. Я открыл глаза—вижу кругом лес; не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления снова закрыл глаза и при этом почувствовал значительную боль в разных частях тела, и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении: голова лежит низко, между тем как ноги—гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь. Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня послышался голос: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько туземцев выглянуло из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лез на гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался несоответствующим ее крепости, и вот каким образом я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении. Я недоверчиво ощупал ноги, бок и спину и затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и, кажется, я чувствовал себя

бодрее, чем когда упал. Хотел посмотреть на часы, но оказалось, что, вероятно, от толчка при падении они остановились.

Солнце было уже высоко, так что я имел основание думать, что я пролежал в не особенно комфортабельном положении более двух часов, а может быть, и дольше. Времени нельзя было терять, а то к 3 часам, пожалуй, опять пойдет дождь, и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих anerоидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы была 1500 футов. Немного пошатываясь, спустился я в неглубокую

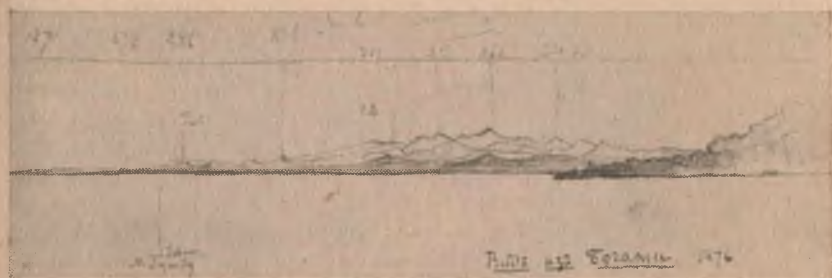
Карта берега Макля
(собственноручный набросок Н. Н. Миклухо-Макля)

долину, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумуша и высота которого была 1880 футов. За ним следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 футов. Идя далее, мы пришли к куполообразной вершине горы Тайо, которая с моря придает этому пику такой своеобразный вид. На небольшой площадке росли высокие деревья; высота здесь была 2680 футов.

Мои спутники, чтобы показать жителям окрестных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер. Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, могущий противостоять некоторое время разрушению и прикре-

пленный к палке, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз. Я был разочарован этой экскурсией, потому что густая растительность закрывала вид с вершины пика, а я не подумал взять с собою несколько топоров, чтобы вырубить кругом деревья. Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направились в Богатим. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из 200 человек. Хотя я чувствовал

Вид из деревни Богатим.

значительную усталость, я не захотел нигде останавливаться, и при свете многих десятков факелов мы вошли в Богатим часу в десятом вечера.

23 августа

Отправился на о. Били-Били, где туземцы построили мне хижину, темную, но прохладную, на месте, называемом Айру, и куда я думал приезжать от времени до времени. Вернувшись в Бонгу, я посетил деревни Энглам-Мана, Сегуана-Мана и Самбуль-Мана.

Все эти деревни не отличаются значительно одна от другой ни характером построек, ни типом и внешним видом жителей. Собрал при этой экскурсии значительное число черепов, а также разузнал довольно много интересных данных по этнологии горных жителей.

Сентябрь

Экспедиция в Бан-Мана, Сангдимби-Мана, Бурам-Мана, Манимба-Мана и Колику-Мана. Результатом этих экскурсий было прибавление материалов по этнологии, черепов папуасских для коллекции и несколько дней лихорадки.

Был в Гарагаси, где все очень заросло. Из посаженных мною кокосовых пальм принялись только шесть. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево изъедено муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей. Все сваи моей хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногой было достаточно, чтобы повалить их. В Гарагаси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ Бонгу, и знакомые крики их живо напомнили мне мою жизнь в этой местности (в 1871—1872 гг.).

Распорядился, чтобы Мебли, мой слуга с Пелау, и несколько жителей Горенду расчистили площадку на месте моей бывшей хижины и около растущих там кокосовых пальм.

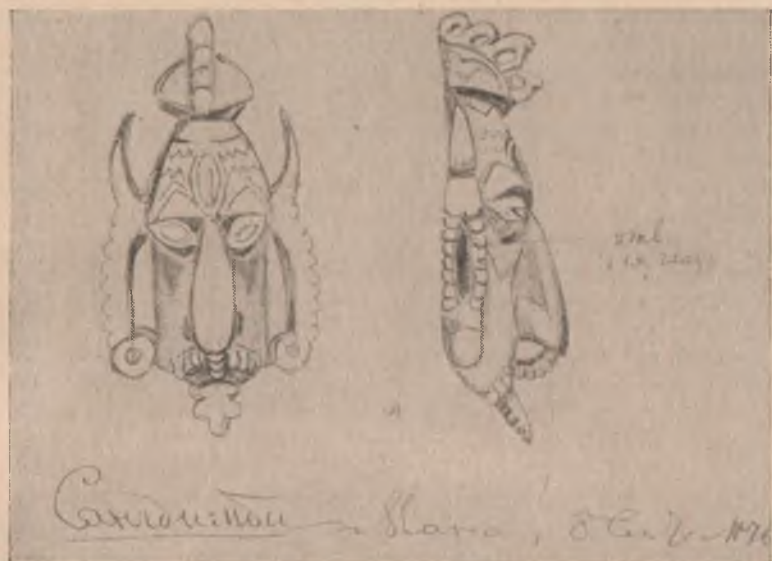
Резная доска. Деревня Богатим.

Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем в Гарагаси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно действует на здоровье. В конце сентября и в начале октября я собрал кукурузу, которую посеял в июле. Затем я снова посеял ее и множество семян других полезных растений, привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовые пальмы, которые все принялись.

Небольшие ранки на ногах вследствие ушибов о камни, трения обуви и т. п. превращаются здесь мало-помалу при небрежном обращении с ними, а главное от действия на них морской воды, от которой нельзя уберечься, в значительные, хотя и поверхностные раны, которые долго не заживают и часто очень болят. Они не раз удерживали меня от экскурсий и заставляли частенько сидеть дома.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагаси это было

О к т я б р ь

Маска из дерева. Деревня Сангдимби-Мана

Буамбрама в деревне Бонгу

немыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя в этих манипуляциях над ними. Не нахожу, однако, удобным измерять женщин: мужчины здесь ревнивы, а я не желаю давать повод к недоразумениям.

Одним словом, в этом случае «*le jeu ne vaut pas la chandelle*». К тому же измерения женщин сопряжены с слишком большой возней: уговариваниями, глупыми возражениями и т. д.

В Бонгу был большой «ай», в котором принимали участие и женщины (что я в первый раз увидал). Возвращение «ай» в деревню представляло очень характерное зрелище, которое стоило бы зарисовать.

Узнал подробности операции «у-равар», или «мулум» (обрезание). Все «улеу тамо» следуют этому обычаю (за исключением обитателей некоторых островов архипелага Довольных людей), но почти все горные жители не признают его.

Н о я б р ь

Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают. Когда было возможно, занимался сравнительно-анатомическими работами, а то читал. Боль от ран бывает по ночам так значительна, что приходится принимать хлорал, чтобы спать. Когда температура по утрам опускается до 21°, то я положительно ощущаю холод, совершенно как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом.

5 д е к а б р я

После многодневных приготовлений сегодня начался «мун» в Бонгу, самый значительный, какой мне пришлось до сих пор видеть, почему я постараюсь описать его.

Мун в Бонгу 5—6 декабря 1876 г. После долгих приготовлений день муна был, наконец, назначен. Последние дни туземцы соседних деревень почти каждую ночь упражнялись в пляске и пении; барум часто раздавался днем и даже ночью; жители Бонгу ходили в Энглам-Мана за кеу к празднику. Была установлена программа: сперва 5-го числа, вечером, должен был плясать мун Горенду, затем на следующий вечер должны были притти мун Богатим и Гумбу. До начала муна ай вышел из Бонгу с хворостом, который был брошен в море, и после церемонии в лесу туземцы Горенду и Бонгу стали одеваться к муну. Главным характерным украшением были громадные 3-этажные султаны (сангин-оле), которые были так велики, что только курчавые куафуры папуасов могли их удерживать. За пояс были заткнуты три большие ветки *Coleus*, которые при каждом шаге качались за спиной. Такие же ветки, воткнутые за сагю (браслеты), украшали ноги и руки. Султаны состояли: 1-й, большой, нижний,—из казуаровых перьев; 2-й—из перьев

какаду, из которых некоторые были прикреплены верхушкой; 3-й—из перьев райской птицы; он был прикреплен к эластичному стеблю и при каждом движении танцора приходил в движение. Кроме выбеленных двух дю, некоторые туземцы имели на голове род диадемы из собачьих зубов. На шее, кроме буль-ра, ямби и других мелких украшений из зубов или бус, висели у большинства губо-губо. Европейские тряпки (подарки времени Гараси) играли также немалую роль.

Мун-Коромром. Танцоры попарно, при звуках окамов, покачивая в такт и одновременно своими сангин-оле, плавно вошли в Бонгу и, описав дугу, стали описывать круги вокруг площадки, иногда попарно, иногда, образуя длинную цепь, в одиночку. Перед пляшущими, лицом к ним, один из туземцев Бонгу двигался, постепенно пятясь назад; он не был украшен подобно танцорам, имел только несколько красных цветков в волосах и держал в руке обращенное острием внутрь копье. На конец копья был насажен кусок скорлупы кокосового ореха из опасения ранить нечаянно своих визави. (Этот как бы встречавший гостей туземец напомнил мне «чекаледе» и встречи в деревнях на Молуккских о-вах.) Пляска и пение были довольно монотонны. Пляска состояла из плавных небольших шагов и незначительного сгибания колен, причем корпус слегка нагибался вперед, и султан также кивал вперед. Мало-помалу присоединялись к группе танцоров и женщины, в новых малях, с множеством ожерелий, а некоторые—украшенные зеленью, заткнутой за сагу на руках. Многие были беременны, другие с грудными детьми на руках. Пляска женщин была еще проще мужской и состояла только в вихлянии задом. Единственная вариация состояла в том, что танцоры останавливались, образуя круг, продолжая петь, бить в окамы и кивать султанами. Женщины тоже останавливались и, расставив немного ноги, еще усерднее вертели задом. Мун продолжался до рассвета; в нем принимала участие молодежь Горенду и Бонгу.

Мун. Я из Богатим пошел в Бонгу засветло, часов в пять. Мун был гораздо многочисленнее и группировка была иная, чем в Мун-Коромром. Главных танцоров с сангин-оле и губо-губо окружали женщины, которые держали их луки и стрелы и, кроме того, несли свои большие мешки на спинах. Было также много вооруженных туземцев, которые пели и в случае неимения окамов били небольшими палочками по связкам стрел, которые они несли в руках. Движения пестрой толпы были не так медленны, и двое главных танцоров выделяли довольно замысловатые па (напр., заложив окам за шею и закрыв глаза, выкидывали ногами). Но что особенно мне показалось интересным,—это мимические пляски, при которых танцоры расступались, оставляя между собою свободное пространство, где главные танцоры производили свои эволюции. Мимические представления изображали охоту на свинью, убаюкивание ребенка отцом и матерью, причем

один из мужчин надел женскую юбку и мешок и представлял женщину, а окам, положенный в мешок, представлял ребенка. Этот пассаж следовал после сцены, изображавшей, как женщина прячется от преследующего ее поклонника за спиной другого. Но еще замечательнее была карикатура, изображавшая туземного медика и принесение им онима: один из танцоров сел на землю, другой с длинной веткой в руках стал, танцуя вокруг, ударять ею по спине и бокам первого; затем сделал несколько кругов вокруг площадки, прошептал что-то над веткой, потом вернулся к больному и возобновил первую операцию. Танцор представил затем, как совсем запыхавшийся и вспотевший медик отнес ветку в сторону и растоптал ее на земле.

Обрядовый головной убор.
Справа фрагмент.

Мужчины и женщины имели однообразно раскрашенные физиономии; во рту все мужчины вертели губо-губо.

Когда я пришел утром (туземцы плясали всю ночь), мун, обойдя вокруг кокосовой пальмы, остановился около нее, в то время как один из участников муна, туземец из Богатима, влез на дерево и стряс все орехи, которые и послужили угощением для членов муна.

Что мне бросилось вчера в глаза,—это безобразие физиономий, впечатление, которое на меня произвели также туземцы о-вов Адмиралтейства.

Сель-мун (Гумбу). Около восьми часов, в совершенной

темноте, при свете одного только факела и негромком звуке окамов вошел Сель-мун на другую площадку Гумбу. Высокими сангин-оле и множеством зелени украшенные танцоры, из коих многие были окрашены черной и белой краской, при слабом свете разгоравшегося костра и при отдаленном громе и частых молниях, имели очень фантастический вид. Из трех сангин-оле самый высокий превышал три человеческих роста и был по крайней мере 5 м вышины. Для того чтобы держать эти громадные бамбуки на головах, бамбук на конце был расщеплен и во многих местах привязан к волосам, которые почти скрывали лицо; спина и грудь были закрыты большим маль; подмышками, почти до колен, висели большие пучки зелени, которой были также украшены руки и ноги. Весь этот наряд почти что скрывал чело-

веческий образ. Эти танцоры двигались почти самостоятельно от прочих, даже когда другие останавливались; напр., когда один из туземцев при общем молчании произносил речь, они, как заведенная машина, продолжали ходить вокруг костра. Сель-мун, который я уже видел в 1872 г. в Гумбу, является ночным; как и при «коромром», туземцы двигались толпой вокруг костра. Мун продолжался до восхода солнца.

Познакомившись с папуасскими танцами, можно заметить: 1) что женщины в них не играют главной роли; 2) что танцы не имеют безнравственного характера. Мужчины являются хорошими танцорами, довольно грациозны и выделывают довольно хитрые штуки. Женщины, как уже сказано, приводят в движение только зад, поэтому обращаются спиной к зрителям.

М о р о р - м у н. Уже вчера были приготовлены пирамидообразные связки кокосовых орехов, которые назначались для туземцев Гумбу, Горенду, Богатим, Колику-Мана. По окончании муна и завтрака туземцы Бонгу принесли большие корзины с аяном, из которых многие едва могли поднять 4 человека, и связки саго. Все корзины были расставлены по группам; к каждой поставили по палке, украшенной веткой *Coleus*. Один из туземцев Бонгу сказал речь, держа при этом палку с веткой; затем другая длинная речь была сказана Моте, который говорил долго и весьма взволнованно. Можно было заметить, что речи были не импровизации, а приготовленные заранее; по интонации, жестам и выражению казалось, что ораторы не были лишены красноречия. Тон речей, особенно Моте и Эгли, был презрительный, и я предполагаю (речей я не мог понять), что ораторы укоряли своих сограждан за то, что те принесли мало продуктов для морора. Была и ответная речь туземца из Горенду. Каждый оратор приставил обратно палку с веткой к куче корзин, но, когда ораторы кончили свои речи, один из них собрал все палки и отставил их в сторону; затем ораторы и жители Бонгу удалились. Калун взял метелку, лист пинанга, и шепча что-то, обмел вокруг корзин. Туземцы вернулись, неся много табиров, гунов, малей, собак, и положили все это около корзин. Особенно большая куча образовалась около Муля, который стоял близ одной кучи с женой и дочерью, между тем как у другой стояли жена и дочь Калуна. Отдавая Мулю табиры или мали, клали их ему на голову. Разложив и передав вещи, жители Бонгу, покрыв голову табирами, пробежали по площадке, говоря что-то. Принесенным собакам завязали морды и убили их, ударяя изо всех сил головой о землю. Их также положили на кучи малей и табиров. В одной группе Калун передавал принесенные табиры и пр. Мулю из Богатима, в другой Омуль отдавал их Бонему (из Горенду), который, воткнув копьё в землю и поставив табир перед собою, снял сюаль и положил его в табир, накрыв веткой. Омуль, отдавая Бонему один табир за другим, накрывал каждый веткой. Бонем передавал их своему брату. То же было проделано

с прочими предметами до последнего, после чего Омуть получил сюаль. Подобным же образом табиры и другие вещи клали на барум Мало, который в свою очередь роздал их присутствовавшим туземцам Богатима. После этого дошли до пинанга и кокосов; большие пирамиды их были повалены и разобраны. Тем морор и кончился.

Мун вообще много, и все они различны. Различны мелодии, а также и сама пляска варьирует; для плясок, впрочем, не установлено строгой последовательности, и фигуры их зависят от самих танцоров.

Декабрь

Состояние моих ног заставляет сидеть дома.

22 декабря

Курьзная сцена произошла сегодня в Бонгу. Как я уже не раз говорил, днем в деревнях людей обыкновенно не бывает: мужчины или в других деревнях, или на охоте, на рыбной ловле, в лесу, или на плантации; женщины с детьми также на плантациях. Возвращаются они перед заходом солнца. Зная это, а также и то, что мун уже кончился несколько дней назад, мы удивились, услышав несколько громких поспешных ударов в барум, который сзывал людей с плантаций в деревню. Я отправился также туда и был там один из первых. Подоспевший ко мне Буа рассказывал мне следующее (в это время из хижины Лако неслись крики его жены). Лако, вернувшись раньше обыкновенного в деревню, застал в своей хижине жену в обществе Калеу, молодого неженатого человека лет 22. Туземцы вообще ходят так тихо, что виновные были застигнуты совершенно врасплох. Калеу, побитый или нет—не знаю, выбрался из хижины Лако, который начал тузить жену. Он на минуту оставил ее, чтобы созвать с помсщью барума своих друзей. Когда я пришел, Калеу стоял, потупившись, около своей хижины, а Лако продолжал чинить расправу в своей. Наконец, он выскочил, вооруженный луком и стрелами, и, оглядев кругом присутствующих, которых уже набралась целая толпа, увидел Калеу. Тогда он остановился и стал выбирать стрелу для расправы. В то же время один туземец подал и Калеу лук и несколько стрел. Смотря на Лако и на крайнее его возбуждение, я не думал, чтобы он был в состоянии попасть в противника, и, действительно, стрела пролетела далеко от Калеу, который стоял не шевелясь. И другая стрела не попала в цель, так как Калеу во-время отскочил в сторону, после чего он не стал ждать третьей и быстро скрылся. Стрелял ли он в Лако или нет, я не заметил; я следил за последним. Мне, однако, сказали, что он выстрелил раз и не попал. По уходе Калеу ярость Лако обратилась на хижину первого: он стал рвать

крышу и ломать стены ее; но тут туземцы нашли подходящим вмешаться и постарались отвести его в сторону.

На другой день я застал противников дружелюбно сидевшими у берега моря и курившими одну и ту же сигару. Увидя меня, оба захохотали: «А ты вчера видел?»—спросил меня Лако. «Видел»,—отвечал я. «А что же сегодня? Калеу хороший или дурной человек?»—захотел я знать. «О, хороший, хороший»,—заявил Лако. Со своей стороны Калеу то же говорил о своем сопернике.

На тропинке в Бонгу я встретил Унделя и указал ему на сидящих Лако и Калеу. Ундель сказал мне, что Лако прогнал свою жену, которая живет теперь в хижине Калеу, причем он прибавил известную пантомиму и громко рассмеялся.

Однако такие случаи происходят не часто; это всего третий, о котором я узнал.

1877 ГОД

Январь

Наблюдения по антропологии. Волосы новорожденных не курчавы. До сих пор измерил 102 головы мужчин, 31—женщин и 14—детей. Рассматривал также ноги, руки и ногти туземцев.

Февраль

Пребывание в Айру и экскурсия на архипелаг Довольных людей и в деревню Эремпи. Так как Каин не знал дороги в эту деревню, то мы заехали на о. Сегу и забрали там двух людей как проводников. Из бухты мы вошли в речку Аюн-Монгун. Проехав незначительный приток ее, мы очутились в небольшом, почти что круглом, окруженном лесом озерке, называемом Моут-Монгун. Здесь пришлось оставить пирогу и итти по узкой тропинке, очень неудобной по причине множества пересекающего ее ротанга, цепляющегося за платье. Замечательно высокий дикий бананник обратил на себя мое внимание; плоды были маленькие, зеленые, полные зерен. Их нельзя было есть. Листья были, сравнительно с другими видами, очень узки⁵⁹. Мы продолжали наш путь на запад и после более чем часовой ходьбы пришли в дер. Эремпи. Жители ее были очень испуганы моим неожиданным появлением и, вероятно, моим видом, так как они до сих пор, как мне сказал Каин, не видали белых.

Несколько протяжных ударов в барум созвали жителей деревни, которые работали на плантациях и в окружающих селениях. (Люди Эремпи живут в небольших, разбросанных в лесу хижинах, приходя от времени до времени в главную деревню.)

Хижины в Эремпи были почти все на сваях, но люди внешностью ничем не отличались от других папуасов берега Маклая. Я смерил несколько голов и записал несколько слов их диалекта.

Хотя люди здесь, как говорят, людоеды, но в своих украшениях не имеют ни одного человеческого зуба или кости, и последние никогда не употребляются ими как орудия. Каин мне сказал, что остатки костей выбрасываются в море. Я здесь видел щиты другой формы, чем на о-вах Довольных людей,—они не круглы, а продолговаты.

Возвращаясь на другой день рано утром, я с удивлением услышал очень громкий голос, который я не мог приписать никакому мне известному животному; во всяком случае, можно было думать, что животное это должно быть значительных размеров. Я был очень удивлен, узнав, что это был голос взрослого казуара⁶⁰. Каин уверял, что их здесь, в этом лесу, особенно много и что он часто слышал их.

Тревога людей Бонгу вследствие булу-рибут около моей хижины. Мне как-то не спалось, и я подумал, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Я вспомнил, что, путешествуя по Малайскому полуострову, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной, заунывной музыки малайских булу-рибут.

Надеясь, что Сале сумеет их сделать, я заснул, очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале действительно умеет делать булу-рибут, я приказал ему сделать мне 4—5 штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое булу-рибут, по крайней мере та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора и Явы. Они состоят из стволов бамбука различной длины (до 60 футов и более), внутренние перегородки которых удалены и в которых в разных местах и на различных расстояниях одна от другой сделаны продольные щели, широкие и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин или на деревьях в деревне, а иногда и в лесу. Ветер, проникая в щели, производит весьма курьезные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то всякий ветер приводит в действие эти оригинальные эоловы арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения булу-рибут (т. е. находится ли он посередине дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне пять штук сделанных им булу-рибут; два из них имели более 45 футов в высоту. С помощью своих людей я распределил их по вершинам стоявших около хижины деревьев, укрепив один из них на самой веранде моего дома. Так как полагается, по объяснению Сале, чтобы булу-рибут стояли отвесно, то нам стоило немало труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более что нужно было привязать их во многих местах для того, чтобы их не сдуло

ветром. Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удалось ли Сале его булу-рибут. Днем ветер слишком силен, так что шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе вокруг мыска заглушают звуки малайской арфы. Разные занятия в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках, и, только когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные меланхолические звуки, а затем был озадачен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист этот повторялся неоднократно. Несколько других, трудно определяемых звуков, не то завыванье, не то плач, слышались близ дома. Я услышал голоса Сале и Мебли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии.

В течение ночи меня раза два будил резкий свист на веранде; так же явственно слышались звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленной этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось, раз туземцы целые два дня не показываются около моего дома. Это было совершенно против их обыкновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я вышел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно возвращаются с работ. Я застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистить для меня место на барле.

— Отчего вчера и сегодня не приходили в таль Маклай? Туземцы потупились, говоря: «Мы боялись».

— Чего?—с удивлением спросил я.

— Да тамо русс.

— Каких тамо русс? Где?—допрашивал я, озадаченный.— Где вы их видели?

— Да мы их не видели, но слышали.

— Да где же?—недоумевал я.

— Да около таль Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их там много, они так громко говорят.

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиной этого недоразумения, и я невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: «Когда прибыли тамо русс? Каким образом? Корвета ведь нет? Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их?» Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. «Никаких тамо русс в таль Маклай нет. Приходите посмотреть сами»,—сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни,—отправив-

шейся искать тамо русс и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако же, не были совершенно убеждены, что тамо русс не являются, по крайней мере, по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходить ко мне после захода солнца.

Невеста из деревни Бонгу

Звуки булу-рибут первое время своей пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал. И когда я засыпал, то эта мягкая заунывная музыка под аккомпанемент шелеста деревьев и плеска прибора убаюкивала меня.

М а р т

Свадьба Мукау. Несколько мальчиков из Горенду прибежало сказать мне, что невесту уже ведут из Гумбу. Я последовал за ними к песчаному берегу около ручья и застал там несколько сидящих тамо из Гумбу и нескольких туземцев из Бонгу, пришедших с невестой. Они сидели и курили, пока двое из молодых людей (лет 17—18) занимались туалетом невесты. Я подошел к ней. Ее звали Ло, и она была довольно стройная, здоровая, но не особенно красивая девочка, лет 16. Около нее вертелись три девочки, 8—12 лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом невесты занимались, как я уже сказал, молодые люди. Они вымазали ее, начиная с волос головы до пальцев ног, положительно всю, за исключением мест, покрытых несложным костюмом папуасок, красной краской—«суру». Пока невесту натирали охрой, туземцы, сидевшие поодаль, подходили к ней, чтобы оплевать ее со всех сторон нажеванной заговоренной массой: это называлось «оним-атар». Последний из оплевывавших нажевал какую-то специальную массу, обрызгал ею нижнюю часть живота невесты, отогнув для этого верхний край ее костюма. Он проговорил еще что-то, и тем операция оним-атар

кончилась. Невесте провели три поперечные линии белой краской (известью) поперек лица, а также линию вдоль спинки носа и навесили много ожерелий из собачьих зубов, а за браслеты на руках воткнули тонкие и гибкие отрезки пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику. Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с величайшим терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которую натирали. Поверх небольшого девичьего пояса, очень короткого спереди, надела на нее новый маль, желтый с красными полосами, доходивший до колен, но по сторонам оставлявший ноги и бедра совершенно открытыми. Остатками суру вымазали девочек, сопровождавших невесту.

Ло положила обе руки на плечи девочек, которые обнялись таким же образом, т. е. положив руки на плечи своих спутниц, и все двинулись по тропинке в деревню. У всех четырех головы были опущены, они не смотрели по сторонам, а в землю, и двигались очень медленно. На головы им был положен большой женский «гун». Их сопровождали гуськом пришедшие с ними туземцы Гумбу. В процессии, кроме трех девочек, не было других женщин.

Чтобы видеть все, я следовал одним из первых за невестой, смешавшись с толпой туземцев Гумбу.

Войдя в деревню, мы застали всех жителей, мужчин и женщин, у дверей хижин. Дойдя, наконец, до площадки Конило, квартала Бонгу, где находилась хижина жениха, девушки остановились в том же порядке, как и шли. Здесь же сидели женщины Бонгу и приготавливали «инги», а мужчины сидели в разных группах.

Прошло несколько минут общего молчания, которое было прервано короткой речью Моте, подошедшего к девочкам и положившего на мешок, закрывавший их головы, совершенно новый маль. Отошедшего в сторону Моте заменил Намуй, вышедший из хижины напротив, который, произнеся краткую речь, беглым шагом приблизился к девушкам и положил на голову Ло новый табир. Из группы женщин Гумбу выделилась одна, которая сняла с головы невесты табир, маль и гун и положила их около нее. После этого последовал целый ряд жителей Бонгу, принося один за другим разные вещи: табиры, большое число мужских и женских малей, мужские и женские гуны и т. д. Двое принесли по новому копы, так называемому «хадганангор». При этом некоторые из туземцев говорили короткие речи, другие же молча клали свои приношения около невесты и молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили к невесте, чтобы снять подарки с ее головы, и клали их около нее. Когда последний подарок был положен, подруги Ло отошли от нее и занялись разборкой даров, кладя табиры к табирам, мали к малям и т. д., а затем присоединились к группе женщин Гумбу. Воцарилось опять общее молчание. Один из

старых туземцев (тамо боро), Гуна, опираясь на копьё, подошел к Ло и, обвив вокруг пальца пук ее волос, начал речь, обращаясь к невесте, сидевшей у его ног. По временам, как бы для того чтобы подчеркнуть сказанное и обратить ее особенное внимание, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях как жены. Его место занял другой старик, который также, перед тем как начать говорить, навернул себе на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал их так усердно, что девушка привскакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала. Все шло, как по заученной программе; видно было, что обычай так уже установился, что каждый твердо знал свою роль.

Во время всей церемонии присутствовавшие сохраняли глубокое молчание, так что речи, произносившиеся не очень громко, можно было хорошо слышать. Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане, и старик Гуна—одно из главных действующих лиц,—забыв имя жениха, обратился к присутствовавшим, чтобы узнать его, что было принято однакож не без смеха. Также отец и мать невесты не принимали никакого особенного участия в происходившем.

После того как двое или трое стариков прочли свои инструкции, подкрепляя свои назидания дерганьем волос бедной Ло, от чего она все более и более всхлипывала, церемония кончилась. Пришедшие с невестой туземцы стали собираться домой. Женщины Гумбу забрали все дары, сложенные около Ло, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку над локтем и глядя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась ожидать в том же положении прихода своего будущего мужа.

Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау, и в свою очередь они не пойдут единственно в семью невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу. Разумеется, при этом распределении родственные отношения к семье невесты будут играть известную роль.

Когда я пришел в Бонгу через полчаса, то, вернувшись к хижине Мукау, я застал уже будущего супруга Ло, занимающегося приготовлением угощений для гостей. Мукау—лет 14 или 15; Ло годом или двумя старше его. Над первым не была еще совершена операция «мулум», почему многие жители Бонгу изъявили свое неодобрение, другие указывали на то обстоятельство, что Асель, который давно женат и имеет уже детей, не был еще подвержен этой операции. Из этого обстоятельства я видел, что обычай «мулум» не соблюдается слишком строго на берегу Маклая. На другой день я видел целую толпу молодых людей Бонгу, которые шли вместе с Мукау к морю купаться. Они громко говорили и смеялись. Это купанье, очевидно, имело непосредственную связь со свадьбой; провожали ли и мыли ли молодые

девушки Ло, я не знаю; во всяком случае это купанье Мукау было последним актом его свадьбы.

20 июня 1877 г. я видел и другой род свадьбы, именно похищение девушки силой (случай с дочерью Калуна), но собственно силой только для вида, по заранее условленному соглашению. Случай этот произошел таким образом. Часа в два или в три дня послышался барум в Бонгу, призывавший к оружию. Прибежал мальчик в деревню с известием, что несколько вооруженных людей из Колику-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали две или три женщины Бонгу, и увели с собою одну из девушек. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но только для вида (так как все было условлено заранее), после чего все отправились в Колику-Мана, где было приготовлено общее угощение. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя увезенной девушки. Все вернулись с подарками из Колику-Мана, и все довольные. Похищенная девушка стала женой одного из похитителей.

А п р е л ь

Я сидел около дома, любуясь вечерним освещением далеких гор и леса кругом. Пришел Саул-боро и сел возле меня, но долго ничего не говорил. Наконец, он собрался и сказал: «Маклай, сколько у тебя жен, детей, внуков и правнуков?» Я посмотрел на него и невольно улыбнулся. Он говорил очень серьезно и смотрел на меня вопросительно. «Где?»—спросил я.—«Я не знаю,—ответил Саул,—в России, на луне»,—поправился он.—«У меня ни жены, ни детей, нет»,—сказал я. Саул недоверчиво засмеялся. «Маклай не хочет говорить,—добавил он.—Ну так скажи, помнишь ли ты, когда это дерево было очень маленьким?»—спросил он, указывая на громаднейший *Calophyllum inophyllum*, росший неподалеку и которому было, наверное, несколько сот лет.—Ты, может быть, посадил его?»

Поглядев на Саула и не доверяя что-то его серьезности, я пожелал знать, почему он думает, что я так стар? «Да ты никогда не бегаешь, не хочешь плясать, когда все старики у нас пляшут; жен здесь не хочешь брать; седых волос на голове много и ты не хочешь, чтобы тебе их выдернули». В этот вечер Саул ушел от меня очень недовольный тем, что Маклай ничего не хочет ему сказать.

Экскурсия на о-ва Били-Били, Ямбомбу и некоторые острова архипелага Довольных людей. Из Били-Били я отправился на остров Ямбомбу. Дорогой туда остановился у островка Урему, или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах на берегу 12 кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что здесь посадил их Маклай, прибавив, что в следующий мой

приезд я построю себе дом вместо Айру в Урембу. На этом островке никто никогда не жил; только по вечерам слетается сюда, как и на Били-Били, множество голубей, которые остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса. Каин называет часто поэтому Урему Мулики-амб (дом голубей). Мулики означает на диалекте Били-Били голубь, а амб—дом.

На материке, против о. Урему, в море впадает речка Ио-Гуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобной для небольших судов.

Саул—папуас из деревни Бонгу

«Это сделано не людьми». Однако нашелся один, который пояснил, что «наме-наме» (давно, давно) людям Ямбомбы привезли этот камень с о. Карагу*, который находится очень далеко от Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего служили эти камни**.

Группа туземцев работала над новой пирогой, именно—пришивала длинную планку у одного борта ее. Несколько соответственных отверстий было сделано в краях пироги и доски; в них продевалась крепкая лиана, которую туземцы называют «урамер», много раз, пока отверстия, сантиметрово около четырех в диаметре, не были совершенно заполнены оборотами лиан.

* Я много раз от других слышал название Карагу, но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется, что из теперешних жителей берега Маклая никто там не бывал, а только слышали от отца или от деда это имя.

** Этот камень был не что иное, как каменный наконечник палицы; подобные палицы употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах архипелага Луизиады.

ны. Одно подобное закрепление отстояло от другого приблизительно на полметра, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями коры «дым». Работы было немало, но прежде было еще больше, потому что, не имея гвоздей, туземцы должны были делать отверстия каменными орудиями, вследствие чего отверстия были больше; теперь же они обтачивают большие гвозди в виде долот и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия.

Парусная лодка

Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на о. Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им своими столярными инструментами. Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на о. Урему.

Вернувшись на Били-Били, я сказал Мебли, что подниму его очень рано, чтобы отправиться на о-ва Довольных людей.

10 мая

За неимением часов я пожертвовал свечой с пометками, соответствующими часам и получасам. Проснувшись, когда моя свеча-часы показывала половину первого часа ночи, я встал

и разбудил Мебли, но прошло более часа, пока было все готово и мы могли сдвинуть «дынки» в море. Ветер был слаб, и к рассвету мы были не далее как милях в двух на юго-восток от о. Тамб—крайнего острова группы.

Тамб и Матарен имеют улеу, обращенный к лагуне, между тем как о. Певай кругом окаймлен скалами, так что пристать к нему неудобно. Проход между островами Тамб и Матарен чист, между тем как между Певай и Митебог находится риф.

Остров Били-Били

Мы высадились на о. Тамб. Он весь покрыт лесом и не имеет воды. Кроме больших деревьев, здесь встречается один вид пандануса, а также один кустарник, который при положительном отсутствии здесь тропинок очень затрудняет передвижение по острову. После завтрака Гассан очень тщательно собрал все объедки и, свернув их, положив камень в середину и обвязав все гибкой лианой, бросил связку далеко в море, для того чтобы дурные люди, найдя наши объедки, не заговорили их и не причинили нам вреда.

С о. Тамб мы направились к о. Митебог. Везде глубина была значительной, но могла представлять много удобных якорных стоянок. Пролив между материком, мысом Год-Аван и о. Митебог был достаточно глубоким для судов больших размеров. На о. Митебог две деревни: Митебог и Гада-Гада. Жители последней—переселенцы с другого острова, который они покинули вследствие войны с жителями о-вов Тиары. Семейные хижины

все построены на сваях, даремы* же—прямо на земле, как на Били-Били, Тиаре и т. д. На конце конька, над входом, красовалась большая, из дерева вырезанная рыба. Люди здесь были особенно любезны, упрашивали остаться ночевать у них, на что я не согласился потому, что Гассан предупредил меня, что очень боится остаться ночевать в Митебоге или в Гада-Гада, с которыми жители Били-Били находятся в неприязненных отношениях; он боялся, что во время сна ему отрежут несколько волос, заговорят их и что он от этого заболит. В Митебоге строят много пирога; в одной полуготовой, т. е. не вполне выдолбленной, была налита вода, как мне объяснили, чтобы размочить дерево и сделать его более мягким для долбления.

Лишившись моих часов, я должен был приискать какое-нибудь мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно мало) солнечные часы определяют время, но вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь работой, совершенно теряешь всякое представление о времени. Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным. Я взял две стеариновые свечи, у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертой, насколько вторая свеча сгорела, и, заметив время, снова зажег вторую. По прошествии еще часа я сделал то же, т. е. отметил на целой свече, насколько вторая свеча укоротилась вследствие горения в продолжение двух часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отмеченные отдели были почти равны, я взял среднюю величину и разделил ее на четыре равные части. Таким образом, я получил скалу сгорания свечи. Я, однако, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для ограждения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто: вырезав одну из стенок большой жестянки от бисквитов, я получил аппарат, предохраняющий свечу от сквозняка и неровного сгорания. К подсвечнику, который был употреблен для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями. Так как в этой местности почти круглый год солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая свою свечу в 6 часов утра, я мог почти точно определять с помощью ее сгорания часы вечера.

29 мая

Болезнь и смерть жены Моте. Утром мне сказали, что жена Моте очень больна, и просили притти в деревню. В час пополудни один из туземцев пришел с известием,

---

* На диалекте Митебог даремами называются хижины, которые на диалекте Бонгу носят название буамбрамра.

что женщина эта умирает и что муж ее просит меня дать ей лекарство. Я отправился и, услышав жалобный вопль женщин, которые голосили в разных углах площадки перед хижинкой, подумал, что больная уже умерла. Около хижины сидело несколько женщин из Бонгу и Горенду, кормивших грудью детей и голосивших. Мне указали на хижину умирающей, в которую я вошел.

В хижине было очень темно, так что, войдя в нее со света, я сперва не мог ничего разглядеть. На меня набросилось несколько женщин, прося лекарства. Когда глаза мои привыкли к темноте, я разглядел, что умирающая лежала и металась посередине хижины, на голой земле. Около нее расположилось 5 или 6 женщин, державших кто голову, кто спину, кто руки, кто ноги больной. Кроме того, в хижине было еще много других женщин и детей. Умирающая не разжимала зубов и только по временам вздрагивала и старалась подняться. Вне хижины, как и внутри, все толковали о смерти. Сама больная иногда вскрикивала: «Умру, умираю!»

Не успел я вернуться домой, как Моте пришел за обещанным лекарством. Я повторил, что принесу его сам. Отвесив небольшую дозу морфия, я вернулся в Бонгу. Меня встречали и провожали, как будто действительно я нес с собою верное исцеление от всяких недугов. В хижине меня ожидала та же картина. Больная не захотела принять лекарство, несмотря на то, что все уговаривали ее и один из туземцев старался даже разжать ей зубы донганом, чтобы влить лекарство в рот. Больная повторяла по временам: «Умираю, умираю!»

30 мая

Солнце только что взошло, когда несколько коротких ударов барума, повторенных в разных кварталах деревни, возвестили, что жена Моте скончалась. Я поспешил в Бонгу. Вой женщин слышался уже издали. Все мужчины в деревне ходили вооруженные. Около хижины Моте я увидел его самого: он то расхаживал, приседая при каждом шаге, то бегал, как бы желая догнать или напасть на кого-то; в руках у него был топор, которым он рубил (только для вида) крыши хижин, кокосовые пальмы и т. д. Я пробрался в хижину, переполненную женщинами, где лежала покойница, но там было так темно, что я мог разобрать только, что умершая лежит на нарах и кругом нее теснятся с причитаниями и воем женщины. Часа через два Лако и другие родственники покойницы устроили в переднем отделении хижины род высокого стула из весел и палок. Один из туземцев вынес тело женщины, очень похудевшей в последние дни, на руках, другой принял и посадил на приготовленный стул. У покойницы ноги были согнуты в коленях и связаны. Их завернули в женские

мали, а около головы и по сторонам воткнули ветки *Coleus* с разноцветными листьями.

Между тем на площадку перед хижиной высыпали пришедшие из Горенду и Гумбу туземцы, все вооруженные, с воинственными криками и жестами. При этом говорились речи, но так быстро, что мне трудно было понять сказанное. Моте продолжал свою пантомиму горя и отчаяния; только теперь он был одет в новый маль, а на голове у него был громадный «катазан» (гребень с верером из перьев, который носят единственно тамо боро, т. е. отцы семейств); большой гун болтался подмышкой и, как утром, на плече у него был топор. Он расхаживал, как прежде, приседая, т. е. это был род пляски, которую он исполнял в такт под свою плаксивую речь и завывание женщин.

Что все это была комедия, которую присутствовавшие считали необходимым исполнять, было ясно и прорывалось по временам, когда Моте среди своих монологов (он хороший оратор), войдя в азарт, стал неистово рубить топором кокосовую пальму; тогда одна из женщин, кажется сестра его, которая также выла, вдруг прервала свои отчаянные вопли, подошла к Моте и заметила ему самым деловым тоном, что портить дерево не следует; после чего Моте, ударив еще раза два, но уже менее сильно, отошел прочь и стал изливать свою горечь, ломая старый, никуда не годный забор. Также, когда стал накрапывать дождь, Моте выбрал себе сейчас же место под деревом, где дождь не мог испортить его нового маля и перьев на голове.

Пришло несколько друзей Моте из Гумбу, которые принесли, чтобы изъявить свое сочувствие, подарки (табиры), положив их перед входом в хижину умершей. Табиры были сейчас же разобраны членами семьи. Весь день продолжалось вытье Моте, и даже вечером, в сумерках, он расхаживал и тянул свою песню, начинающуюся словами «аламо-амо». Насколько я мог понять, он говорил приблизительно: «Уже солнце село, она все еще спит; уже темнеет, а она все еще не приходит; я зову ее, а она не является», и т. д.

Покойницу принесли снова в хижину, и снова множество женщин окружило нары, на которых она лежала, поочередно воя, поддерживая огонь и болтая.

Зайдя в Бонгу ночью, я застал ту же сцену: женщины бодрствовали внутри хижины и у входа в нее, мужчины—на площадке у костра. Несколько раз ночью я слышал барум, на звуки которого отзывался другой, где-то далеко в горах (как я узнал потѳм, то был барум деревни Бурам-Мана).

31 мая

Придя утром в Бонгу, я застал очень измененное настроение. Люди оживленно болтали, следя за приготовлением угощения, которое, судя по числу горшков, стоявших рядами на длинном

костре, и по грудам шелухи таро, ямса и т. п., над которыми трудилось, жадно хрюкая, несколько свиней, должно было быть значительным. Все приготовления к угощению были сделаны ночью. Мне сказали, что люди Бурам-Мана, откуда была родом покойница и где жило несколько близких ей родственников, должны притти «гамбор росар» (связать корзину) и что их теперь ждут. Я отправился в хижину, где увидел, что труп был уже упакован женщинами в коробку из «губ»*, но голова была еще видна. Подойдя к гамбору, я заметил, что все украшения, ожерелья и т. д., которые были навешаны на покойницу при вчерашнем выставлении ее тела, теперь сняты; даже новый маль не был оставлен и, кроме нескольких ветвей, ничего не было положено в гамбор.

Я вышел из хижины, услышав страшные крики. То была ватага жителей горной деревни Бурам-Мана, которые с криками и воинственными жестами явились со всех сторон на площадку, как вчера люди Горенду, но еще с большим шумом и азартом. Вслед за ними появился ряд женщин Бурам-Мана, которые направились прямо в хижину покойницы, причем завывали самым усиленным образом. Так как люди Бурам-Мана должны были вернуться домой сегодня же, то жители Бонгу поторопились распределить между ними угощение, которое не полагалось быть здесь, а надо было взять с собою. Для этого в каждый табир были положены банановые листья, а на них вареные овощи и куски свинины, так что было удобно связать их в большие свертки; затем к каждому свертку, число которых соответствовало числу пришедших мужчин (почти все родственники умершей), были приложены разные вещи, как то: табиры, гуны, мали и т. п.

Между тем двое из туземцев Бурам-Мана вынесли из хижины гамбор с покойницей, причем вой женщин очень усилился, как и толкотня около гамбора. Мужчины занялись увязкой корзины с телом. Она была привязана к бамбуку, концы которого двое мужчин держали на плечах, а двое других, не скупясь на ротанг, увязывали корзину, доведенную вследствие этого стягивания до весьма небольших размеров. Женщины, не переставая выть, стали кружиться и плясать кругом. По временам они останавливались, продолжая выделывать среднюю часть тела положительно неприличные движения; некоторые скребли и терли руками гамбор, как бы лаская его, причем причитывали на разные голоса. Эти группы постоянно менялись, пока, наконец, гамбор не был внесен обратно в хижину и не повешен при помощи перекладки в углу ее.

В это время люди Бурам-Мана, нагрузив жен своими долями угощения и наследства, поспешили отправиться домой и ушли с гораздо меньшим шумом, чем приходили.

---

* Губ не что иное, как листовые влагалища пальм разных видов.

Застал утром всех туземцев от мала до велика с вычерненными лицами. У некоторых, кроме лица, грудь была также натерта черной краской: у третьих, кроме груди,—и руки, и спина, а Моте, муж покойницы, имел все тело испещренным черной краской—«куму». Мне сказали, что это было сделано уже вчера вечером и что сегодня все туземцы Бонгу и Гумбу оставались в своих деревнях и никто не ходил на работу. Мужчины были заняты питьем кеу и едой из табиров, женщины возились около хижин. Все были испачканы куму, не имели никаких украшений и ходили на трубочистов. Заметив, что все без исключения были вымазаны черной краской, я, подойдя к Моте, попросил куму, которая мне и была тотчас же подана. К величайшему удовольствию обступивших меня туземцев, я, взяв мизинцем немного куму, сделал себе на лбу небольшое черное пятнышко. Моте стал пожимать мне руку, приговаривая: «э-аба», «э-аба», и со всех сторон слышались одобрительные возгласы.

Я вошел в хижину Моте и увидел большой цилиндр из кокосовых листьев метра в два вышиной как раз в том углу, где был повешен гамбор. Раздвинув немного листья, я убедился, что гамбор висел, как и вчера, на перекладине, а цилиндр был сделан вокруг него. В хижине горели два костра, что было целесообразно, так как запах от разлагавшегося трупа был очень сильный.

Июнь

Экскурсия в Гориму. Сидя за ужином на барле, около хижины Коды-боро, в Богатим, я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили не громко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог слышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, слез с барлы и намеревался пройти по деревне, Коды-боро удержал меня, схватив за рукав.

— Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежащая в милях четырех от Богатим по берегу).

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль Маклай.

— Это хорошо,—сказал Коды.

— А отчего же мне не ходить в Гориму?—спросил я.

— Да люди Горимы нехорошие,—объяснил Коды.

Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеленгов⁶¹ для определения положения некоторых вершин хребта Мана-Боро-Боро, который был хорошо виден в этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми.

Вернулся к буамбрамре, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барле и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, т. е. снял башмаки, гамаши и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его.

— Отчего люди Горимы борле (нехорошие)?

Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько больших кусков табаку.

Хижина в деревне Горима

— Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шляпку и поеду прямо в Гориму.

— О, Маклай, не ездь в Гориму! Люди Горимы скверные.

— Ты скажи, почему? Что тебе сегодня сказал Ур?

Видя, что я не оставлю его в покое, Коды решил сказать, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если бы люди Бонгу убили меня, то могли бы все взять, что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль Маклай, чтобы убить меня и взять, что могут, с собою. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая?—спросил я.

— Одного зовут Абуи, другого Малу,—ответил Коды.

Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать. По мере того, как Коды говорил, у меня составилась план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мною (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я в сущности не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых подходящих обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копьё из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу,—на это я их считал вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких соседей. Кто-нибудь может подумать: «Зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи. Я попробую сделать это, и вещи будут мои». Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, и завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим.

Проспав хорошо всю ночь, я был разбужен до рассвета криком петухов в деревне; встав, я нашел, что чувствую себя в расположении итти в Гориму. Недопитая вчера бутылка холодного чаю и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вечернего ужина, послужили мне завтраком. Я оставил большую часть своих вещей в буамбраме и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-накрест небольшой ранец с разными мелкими вещами. Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамбраме, то меня никто не видел, и вышел я из буамбрамы прямо к морю, не проходя через деревню. Хотя я и не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться туда, идя берегом, что было бы, вероятно, немногим дальше, но зато таким образом я не мог бы миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей Богатим, исправлявший что-то в своей вытащенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду; я ответил: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того, чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти р. Киор.

Не стану вдаваться в описание пути. К 11 часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти вброд р. Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли будет надеть их снова, так как они могли быть промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах песок на берегу, делали ходьбу босяком положительно невозможной. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно

берегу, но тропинка так углублялась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при следующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро. Горима была недалеко, но мне не хотелось притти туда ранее 5 часов. Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное, и которое я совершенно упустил из виду, именно, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там вряд ли найдутся люди, знающие диалект Бонгу. Возвращаться, однакоже, было поздно, оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше.

Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в это время около берега, мое приближение заметно было еще издали. Вряд ли я попал бы в тот день в деревню, так как по берегу на значительном пространстве росли мангровы. К счастью для меня, на берегу лежала вытащенная пирога, и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать возвращения туземцев. Нелегко было бы описать выражение их удивления, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы были убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

— Вы люди из Горимы?—спросил я на диалекте Бонгу.

Туземец приподнял голову—жест, который я счел за утвердительный ответ. Я назвал себя и прибавил, что иду осмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились, и так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, по видимому, были даже рады отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал. Солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне. Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю своим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку—жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот. Туземцы поняли, что я хочу есть, по крайней мере один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», что должно было означать, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамбраму. Я не мог объясняться, а то бы я первым делом постарался успокоить жителей, которых, кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход. За себя я был очень рад, так как мог

быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях, из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти что не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу. С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо съел на Новой Гвинее.

Утолив голод, я припомнил главную причину, которая привела меня в Гориму; я подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукой человека, способного служить переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю поговорить с людьми Горимы и узнать, что они мне могут сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Горимы. Пока же я занялся устройством своего ночлега. У входа в буамбраму собралась толпа людей, созванных моим переводчиком. Последний объявил мне, наконец, что все люди Горимы (т. е. тамо боро) в сборе. Обратившись к переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамбрамы. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были:

— Абуи и Малу здесь или нет?— Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть свою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд я получил ответ, что Абуи здесь.

— Позови Малу!—было мое распоряжение. Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абуи и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные места. Затем я обратился с короткой речью к переводчику, который переводил, по мере того как я говорил, т. е. почти слово в слово. Содержание речи было приблизительно следующее. Услышав вчера от людей Богатим, что двое людей Горимы, Абуи и Малу, хотят меня убить, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей. (Когда я стал смотреть поочередно на обоих, они отворачивались каждый раз, как встречали мой взгляд.) Что это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абуи, ни Малу и никому из людей Горимы, что теперь, пройдя пешком от Богатим до Горимы, я очень устал и хочу спать, что сейчас лягу и что если Абуи и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, пока я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы. Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, значительный эффект. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я плохо спал и просыпался

несколько раз, но это происходило не из страха перед туземцами, а, вероятно, по причине моего тяжеловесного ужина, чего я обычно избегаю.

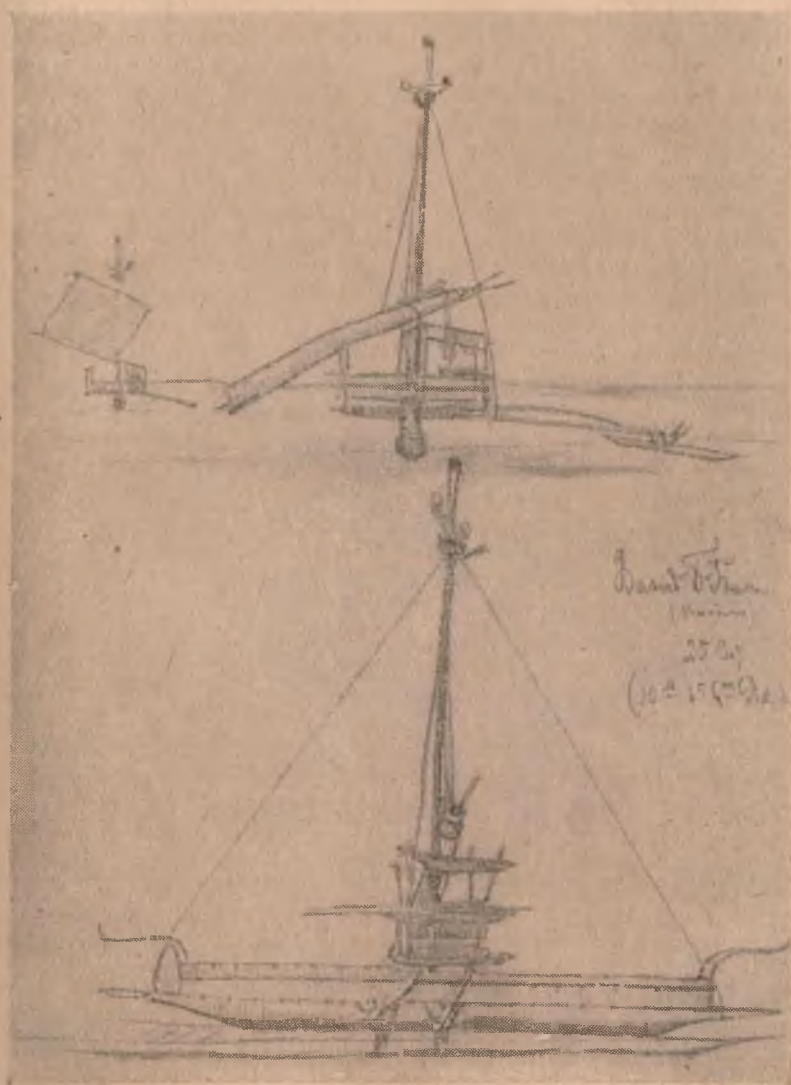
На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед уходом из Горимы Абуи принес мне в дар свинью почтенных размеров и вместе с Малу непременно пожелал проводить меня не только до Богатим, но и в таль Маклай. Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительное впечатление.

И ю л ь

Экскурсия в деревню Телят. Моя шлюпка (дынга) была слишком мала для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экскурсии. Кроме того, она была слишком плоской (низкой) и легко могла быть залита водой при большом волнении. Поэтому я нашел ее неудобной для экскурсии в Телят и решил воспользоваться одним из больших ванг Били-Били. Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно поместительную хижину на платформе, так что в одной из таких пирог я мог не только уместить все свои вещи, включая даже и висячую керосиновую лампу, но нашел место для стола и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги поместился Сале со всеми кухонными принадлежностями. Каждым вангом управляло двое людей: один—парусом, другой—рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой—Кисему, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливым жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телят.

Они изучили эту местность, господствующие ветры, периодичность их, течения, удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил своим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем останавливаться в каждой деревне столько времени, сколько это будет для меня необходимо. Каин и Кисем объяснили мне, что все переходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным зюдвестом, который иногда бывает очень свеж.

Итак, часов в 8 вечера туземцы Бонгу помогли людям Били-Били спихнуть оба тяжеловесных ванга в море. Ветер был незначительный, так что мы подвигались вперед очень медленно. Так как я уже знаком с этим берегом, то лег спать, вполне полагаясь на опытность Каина и Гассана. В некотором отдалении

Ванг. Остров Били-Били

двигалась за нами и другая пирога с Кисемом, его сыном, и Сале в качестве пассажира.

6 июля, на рассвете, мы проходили мимо мыса Риньи, который туземцы называют «Тевалиб». Мыс этот состоит из поднятого кораллового рифа, возвышающегося футов на 15—20 над ур. м. в виде черноватой, изъеденной прибоем стены, над которой в свою очередь поднимается первобытный лес. Пройдя мыс Тевалиб, мы очутились у песчаного берега (улеу), за деревьями которого виднелись хижины покинутой деревни Бай. Немного спустя мы

Вид горы Петра Великого

прошли отмель, около которой вода сильно волновалась и пенилась.

В то время как мы шли вдоль берега, несколько туземцев бежало по берегу, стараясь рассмотреть, кто могли быть эти странно одетые люди (я и Сале), плывущие на вангах Били-Били. Пройдя устье р. Говар*, мы должны были вытащить свои ванги на берег, так как наступил штиль; при этом нам немало помогла система блоков, данных мне П. П. Новосильским еще в 1871 г., за которые я ему не раз был очень благодарен. Мои спутники скоро выучились их применению и обращались с ними очень ловко. С этого места открывался красивый вид на горы. Но мне не пришлось долго любоваться ими, так как большие белые облака закрыли горы и долины. Здесь на берегу когда-то существовала деревня, но вследствие нападения неприятелей

* Жителями других деревень река эта называется Гуан или Вай.

была перенесена в лес на довольно далекое расстояние от берега по правую сторону р. Говар.

Имея перед собою целый день, я пошел с Каином и Гассаном в деревню Бай. Мы шли не спеша все по лесу, представлявшему для меня большой интерес своей разнообразной растительностью, и только после полудня пришли в деревню. Около некоторых хижин,—все они были совершенно новые,—были посажены бананы и много табаку; кокосовых пальм, за исключением одной, не было вовсе. Это обстоятельство, как мне объяс-

Пик Петра Великого

нили, произошло оттого, что туземцы боялись, чтобы пальмы не послужили, когда они подрастут, приманкой для неприятелей. Дарем с особенными украшениями была единственная хижина, отличавшаяся от других своей постройкой. Мы приютились в ней, скрываясь от солнечных лучей. Тут же нам подали угощение, состоявшее из таро и вареной курицы.

Записывая диалект деревни Бай, я нашел, что туземцы здесь не имеют названия для *Piper methysticum*. Они не только не употребляют напиток, приготовляемый из него, но даже отказываются от кеу, когда бывают в деревнях, где он составляет главный аксессуар всякого пиршества.

Нарисовав дарем, я собрался в обратный путь. При прощании туземцы поднесли мне живую курицу и таро. Ночевал на ванге, вытасченном на берег.

7 июля

Разбудил людей очень рано. Мы продолжали путь в темноте. В одном месте Каин указал мне, что тут находилась деревня Миидир, но что она была сожжена и покинута жителями, которые переселились в другое место. Когда стало светать, мы плыли вдоль берега, окаймленного скалами (поднятый коралловый риф). Здесь на значительном протяжении не встречается ни одного улеу, почему нет и береговых деревень. Когда совсем рассвело, мы подъехали к деревне Мегу, где, по словам Каина,

почти все жители вымерли. Несколько рак-рак (пироги, сделанные из невыдолбленных стволов) виднелось у берега. Так как дул довольно умеренный зюнд-ост, то мы благодаря очертаниям берега могли продолжать наш путь в бейдевинд. Пройдя деревню Лемчуг и устье Сарекак, мы обогнули мысок, за которым показался другой, густо поросший кокосовыми пальмами. Это был Бан (деревня Сингор)—одно из значительнейших селений этого берега.

Дарем в деревне Бай

Мы подошли к его улеу около 5 часов пополудни. Большая толпа туземцев ожидала нас у берега и, подхватив наши ванги, вытащила их высоко на берег. Я отправился в деревню. Она оказалась сравнительно очень большой. Тип людей ничем особенно не отличался от типа моих соседей. Костюмы мужчин были совершенно такие же, как у людей Били-Били; замужние женщины закрывали груди, надевая на шею мешок, спускавшийся до пояса. У девушек одежда походила на легкий костюм девочек Били-Били, т. е. кроме небольших кисточек из бахромы спереди и сзади, несколько рядов полукругом спускающихся нитей нанизанных раковин и собачьих зубов висело по сторонам ягодиц. Вообще здешние туземцы в избытке носили украшения из раковин. Здесь также главное место выделки больших украшений, носимых туземцами на груди, так называемых «сюаль-боро», очень ценимых повсюду на берегу Маклая. Мне хотелось при-

обрести один экземпляр этого украшения, почему я предложил большой нож и множество различных безделушек в обмен за сюаль-боро. Но это оказалось недостаточно; прибавив еще нож, я, наконец, получил желаемое. Повсюду валялись большие раковины (*Tridacna*), из которых вытачиваются сюаль-боро; тут же лежали большие точильные камни, на которых вытачиваются эти украшения. К сожалению, я не видел, каким образом они изготавливаются. Множество орехов кенгара лежало в шелухе на цыновках. Орехи выставляются таким образом на 2 или на 3 дня на солнце, после чего мясистая оболочка их делается очень мягкой, и орехи легко от нее отделяются.

Хотя деревня была большая, однако ни площадка ее, ни хижины не содержались в чистоте. Туземцы также не показались мне особенно чистоплотными. Эту ночь я предпочел спать в гамаке, подвешенном мною между деревьями, близ берега моря. Стол, кресло, складной табурет, висящая над столом лампа, а затем появившийся ужин и чай—все это было рядом сюрпризов, и изумление жителей деревни Сингор, видевших белого и его обстановку в первый раз в жизни, все более увеличивалось. К моему удовольствию, удивление их выражалось не шумно, а ограничивалось (я нарочно внимательно наблюдал за выражением их лица), вкладыванием одного или двух пальцев в рот и прищелкиванием языком, причем некоторые прикладывали себе к носу сжатый кулак левой руки. Одним словом, непосвященному европейцу, увидавшему эти странные жесты туземцев, никак не пришло бы на ум, что они служат выражением удивления. Особенно лампа, свет которой я мог усиливать и уменьшать по желанию, привела всех в неопикуемый восторг. Также немало удивляло их, что Маклай запивает «инги» горячей водой.

Толпа не расходилась до тех пор, пока Сале не убрал все со стола и я, сделав записи в дневнике, не снял башмаков и гамашей и не влез в койку. Тогда явился Сале и обьявил через посредство Каина, что сейчас потушит лампу. Это, наконец, заставило туземцев удалиться. Они увели Каина с собою, надеясь, вероятно, узнать от него многое о виденном около моего бивуака и оставшемся для них загадочным.

Песчаный берег около Сингора состоял собственно из крупного гравия или мелкого булыжника, так что всю ночь море разбивалось с большой силой о каменный вал, и шум от набегавших и удалявшихся волн был очень силен и не раз будил меня в течение ночи. Я проснулся, когда было уже совершенно светло, и посмотрел на часы: было уже половина седьмого. Посмотрел кругом—ни один из моих людей еще не встал; все они спали крепким сном. Не желая долго ждать завтрака, я решил их всех поднять зарез, выстрелив из двустволки, привезенной мною для охоты. Трудно описать, как быстро вскочили мои люди и принялись уверять меня, что оглохли на одно ухо. Я их

Деревня Телят

Деревня Телят. Июль 1877 г.

успокоил и сказал, чтобы они скорее помогли Сале разводить огонь и готовить завтрак для всех. Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим случаем и набросился на бедных жителей Сингора. «Как это,—завопил он,—Маклай тамо боро боро, каарам тамо, тамо русс приехал сам в Сингор, и эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна».

Каин так расхотелся, что угнал всех обратно в деревню. По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы; кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком, с бананами и мешками орехов кенгара. Двое пришли сказать, что так как свиньи уже разбрелись, то их можно будет ловить только вечером, когда они вернутся в деревню. Пока длились все эти разговоры, две из принесенных куриц выпорхнули из рук державших их, так что на берегу состоялась в высшей степени курьезная погоня туземцев за курами. Она окончилась тем, что куры исчезли в лесу и были принесены только через несколько времени, обе пронзенные стрелами. Порода кур здесь очень маленькая, и они сохранили все привычки полудикой птицы.

После завтрака я пошел смотреть деревню и нашел, что за нею на юго-восток море образует довольно значительную, хотя мелкую, бухточку с многочисленными коралловыми рифами. На противоположном мыске расположена другая большая деревня—Телят—цель моей экскурсии. Этим обстоятельством я был неприятно удивлен, так как знал, что никакими обещаниями или подарками мне не удастся уговорить моих спутников отправиться далее этой местности; а путешествие в туземных пирогах, с туземными переводчиками, благодаря которым меня всюду ожидал хороший прием, пришлось мне очень по нраву. При помощи бинокля я мог рассмотреть несколько деревень, расположенных вокруг бухты.

Я решил переправиться в деревню Телят, что можно было сделать довольно удобно даже при помощи весел, так как в этот день на море господствовал почти что мертвый штиль.

Мои люди из Били-Били были недовольны мною за то, что я оставил людям Сингора большую свинью, обещанную мне ими; они успокоились, когда я заявил, что они могут взять ее от моего имени при следующем посещении этой деревни, съесть ее на месте или отвезти в Били-Били. Сале, как магометанин, не евший свинины, отнесся к этому подарку совершенно равнодушно. Когда мы подъезжали к одной из деревень в бухте, нам навстречу выехало несколько пирога, предполагаемая в нас людей с о. Тиары (архипелаг Довольных людей). С этим островом здешние жители имеют постоянные сношения, проводя на нем иногда по несколько месяцев, и жители Тиары также приезжают сюда в гости на долгое время. У следующей деревни—Аврай—мы зашли за риф, тянущийся вплоть до самой деревни Телят. Когда ванги наши

были вытащены на берег, я приказал выбрать из них все мои вещи, так как полагал, что, живя в деревне, мне удобнее будет видеть ежедневную жизнь туземцев и иметь их под рукой для постоянного наблюдения. Дарем, или буамбра, для такой обширной деревни, как Телят, представлял собою довольно небольшое здание и был, как я узнал, к великому моему удивлению, единственным даремом во всей деревне. Для меня одного, впрочем, дарем этот был достаточно велик.

Пока перенесли мои вещи, я увидел среди обступивших меня людей первого совершенно седого папуаса, т. е. такого, у которого все волосы до одного были белые. У половины мужчин, которых я знал, волосы были черные с проседью; у некоторых было немало седых волос, но у этого человека все волосы на голове и борода были совершенно белые. Туземцы здесь обыкновенно скрывают седину, постоянно натирая и смазывая себе волосы черной краской (куму) и выдергивая седые волосы из усов и бороды; этот же старик, напротив, как бы гордился своей белой головой и не только не мазал ее никакой краской, но даже содержал ее очень чисто. Я сперва подумал, что имею дело со случаем альбинизма, но, осмотрев старика поближе, нашел, что он сед от старости, а не от чего-либо другого. Через Каина я спросил его, видел ли он когда-либо белого человека и слышал ли что о белых людях. Он без запинок ответил «нет» на первый вопрос; на второй же сказал, что люди ему говорили о Маклае, который живет в Бонгу и Били-Били.

Убедив старика, что я и есть именно тот Маклай, о котором он слышал, я подарил ему нож, к большой зависти остальных, и дал ему большую порцию табаку. Данный старику нож произвел странное действие: всем туземцам вдруг захотелось иметь по ножу, но так как у них не было ни совершенно седых волос, ни каких-либо других характерных особенностей, то я объявил первому из просящих, что дам ему нож в обмен за «буль-ра» (украшение из свиных клыков, которое туземцы носят на груди), другому обещал дать нож за большой табир, третьему—за каменный топор и т. д. Все эти вещи явились в продолжение дня, и каждый получил в обмен за них хороший стальной нож. Как и в Сингоре, туземцы здесь повсеместно сушили на солнце орехи кенгара; свежие орехи, собираемые в это время года, очень вкусны и очень богаты маслом.

Отдохнув немного, я прошелся по деревне, за которой сейчас же начинаются большие плантации, чего мне до сих пор не приходилось видеть в деревнях, расположенных вокруг бухты Астролябии. На этих плантациях росло особенно много бананов, но так как плодов на них еще не было, то я и не мог видеть, сколько разновидностей разводят здешние туземцы. Бананы здесь едят недозрелыми и варят их, как овощи, так что и впоследствии мне не удалось познакомиться с разновидностями этих плодов.

Пройдя через плантацию, я вышел к морю и очутился перед обширной открытой бухтой, тянувшейся на восток. Благодаря биноклю мне удалось рассмотреть хижины трех деревень; но здешние туземцы не находятся в сношении с тамошними, так что я даже не мог добиться названий тех деревень.

Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкора, бус, одним словом несметные для него богатства, но он стоял на своем: «нет», «нельзя», «убьют», «всех убьют», «съедят» и т. д. Вот все, чего я мог от него добиться. Я указывал на мой револьвер. Он хотя и попросил спрятать его, но все-таки продолжал говорить: «убьют», «Маклай один, а людей там много». Часа два бился я с ним таким образом и все-таки не уломал его. В досаде на его возражения я повернулся к нему спиной и заснул, вероятно, прежде чем он договорил.

9 июля

Отправился по широкой, хорошей тропинке, пролежавшей в лесу, в деревню Аврай. Повсюду поднимались высокие стволы кенгара; их здесь так много, что, полагаю, они были насажены предками теперешних жителей. Орехами кенгара туземцы ведут меновую торговлю с соседними деревнями. На рифе, который можно было видеть с дороги, множество женщин собирало морских животных, пользуясь отливом. Деревня Аврай представляет собою живописный уголок в лесу; только весьма немногие мелкие деревья были вырублены и заменены кокосовыми и арековыми пальмами, бананами, кустами разных видов *Coleus* и *Hibiscus*, а большие все оставлены, так что везде на площадках, вокруг которых живописно ютились небольшие хижины, были тень и прохлада. Дарема не оказалось, почему я и пришедшие со мною люди из Били-Били и Телят расположились на циновках на площадках. Я положительно отказался от всякой еды, кроме кокосовой воды и свежих орехов кенгара. Однако туземцы непременно хотели поднести мне что-нибудь, хотя бы курицу. Чтобы поймать ее, туземцы устроили род ловушки, состоявшей из петли, которая была затянута, как только одна из кур неосторожно ступила в круг, где было набросано несколько кусочков кокосового ореха.

Я видел в деревне Аврай несколько очень больших табиров замечательно правильной овальной формы. Трудно себе представить, каким образом достигается такая правильность, так как известно, что туземцы не имеют других инструментов, кроме осколков кремня и разных раковин. Это можно объяснить единственно тем, что на выделку каждой вещи туземцы посвящают очень много времени, уже не упоминая о том, что они обладают очень верным глазом и значительным вкусом. Один из туземцев принес в деревню два вновь заостренных копья. Я пожелал узнать

при посредстве Каина, каким образом они были сделаны. Было видно, что работа сделана только наполовину; недоставало окончательной полировки и окраски.

Деревня Телят

Каин объяснил мне, что концы этих копий были сломаны при охоте на диких свиней и, чтобы заострить их вновь, их отточили на кораллах. Это обстоятельство меня очень заинтересовало, и я попросил, чтобы один из мальчиков сбежал на риф и принес образчик коралла, употребляемого при этой операции. Мне принесли весьма красивый экземпляр из рода *Meandrina* величиной с человеческую голову.

На довольно ровной и вместе с тем шероховатой поверхности его при некоторой силе и ловкости было нетрудно заострить любую палку. На рифе, кроме того, вода и слизистая оболочка

Деревня на острове Били-Били

коралла помогают процессу стачивания. Каин сказал мне, что везде на берегу при выделке деревянного оружия употребляется этот метод полировки.

Вернувшись в деревню Телят, я нарисовал группу хижин, которые напоминали собою скорее хижины горных деревень,

чем хижины на берегу и на островах. Пока я рисовал, Сале прибил к одному из деревьев медный ярлык с моей монограммой.

11 июля

Так как не стоило возобновлять разговор с Каином о поездке дальше вдоль берега, я собрался в обратный путь рано утром.

Дарем. Вальдингби, на дороге к Сируй-Мана

Для возвращения зюд-ост был нам почти попутным ветром. По пути я хотел посетить еще деревню Рай-Мана и взобраться на гору Сируй. Когда мы подошли к берегу около деревни Биби, берег оказался совершенно пустынным, и в деревне никого не было. Каин объяснил, что все жители ушли в горы: «унан барата буль уяр» (жечь унан и есть свиней).

Мои спутники из Били-Били почему-то трусили перед горными жителями и в качестве приморцев полагали, что карабкаться по горам—не их дело. Я знал положение деревни Рай только приблизительно: с пироги я мог с помощью бинокля разглядеть в горах группы кокосовых пальм, но все-таки отправился туда в сопровождении моего слуги Сале. Мне без особенного труда удалось добраться до деревни Рай-Мана, где горные жители приняли меня как нельзя лучше; они, по слухам, уже знали мое имя и сейчас же догадались, кто это к ним пришел.

Я пожалел, что мы не понимали друг друга, но знаками объяснил, что хочу идти на высокий холм, который находился за их деревней и который они называют Сируй-Мана. Проводники нашлись сейчас же, и мы отправились немедленно. С вершины Сируй-Мана (около 1200 футов) открывалась красивая панорама берега Маклая на значительном протяжении. Вернувшись в деревню, я снова был встречен жителями крайне любезно и предупредительно. Я провел ночь в одной из хижин и вернулся на другое утро довольно рано к месту, где оставил ванги. Выкупавшись в море, мы пустились в обратный путь и еще засветло подошли к улеу Бонгу. Встретивший меня Мебли и туземцы Бонгу сообщили мне о смерти Вангума во время моего отсутствия: это был туземец из Горенду, человек лет 25. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через два-три внезапно умер. Мебли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду находились в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля

Я узнал вчера вечером об одном благоприятном для моих планов обстоятельстве, именно, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума или его отец, приготовивший оним, который причинил смерть молодому человеку. Это разногласие, однако, они надеялись устранить весьма простым способом, а именно—напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу для того, чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос: «Маклай баллал кере» (Маклай говорил довольно). После этого депутация удалилась. Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с мана тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу, около барлы, возвышался гамбор; недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды, сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого, кроме меня, не было, то она улыбнулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти

к брату умершего. Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогой увидел отца Вангума, раскладывавшего огонь на берегу под совершенно новой пирогой своего умершего сына, которую последний окончил всего за несколько дней до своей смерти. Пирог был порублен во многих местах; теперь он хотел покончить с нею совершенно, т. е. сжечь ее.

Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз во мнениях.

23 июля

Около трех часов я сидел на веранде за какую-то письменной работой; вдруг является Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мебли в деревню узнать, правда ли это. Когда он вернулся, то рассказал мне следующее. Утром Туй, 9 или 10-летний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить рыбу к р. Габенеу. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим. Собрав в одну минуту все необходимое, т. е. ланцет, нашатырный спирт, марганцево-кислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогой, отправлявшейся в порт Константина, так как она могла довести меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенду, сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только что умер и что надо идти жечь хижины ямбау тамо. Послышалось несколько ударов барума, возвещавших смерть мальчика. Когда я вышел на берег, меня обогнало несколько бегущих и уже воющих женщин. В деревне волнение было сильное; страшно возбужденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины сильно изменяли обыкновенно спокойную и тихую обстановку деревни. Везде

Туй, 9—10 лет, сын Бонема

только и было слышно, что «оним», «кумана», «ямбау тамо барата». Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той же самой семье, где и первая, с промежутком в каких-нибудь две недели, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха. Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали с жаром утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили опим, почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемрут и т. п. Война теперь казалась уже неизбежной. Об ней толковали и старики и дети; всего же больше кричали бабы; молодежь готовила и приводила в порядок оружие.

На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мной и только серьезно покачивал головой. Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду; люди были слишком возбуждены для того, чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я пошел в Бонгу наикратчайшей тропинкой. Здесь тревога хотя была и меньше, но тем не менее довольно значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на мана тамо. Аргументы его были следующие: последние события—результат онима; затем, если они (т. е. тамо Бонгу) не побьют мана тамо, то будут побиты последними. Вернувшись домой, я даже и у себя не мог избавиться от разговоров об ониме; Сале сказал мне, что на о. Яве оним называется «доа», и верил в значение его. Мебли сообщил, что на о-вах Пелау «олай»—то же самое, что оним, и также не сомневался в том, что от действия онима люди могут умирать.

24 июля

Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более спокойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении. «Горенду басса» (конец Горенду),—сказал Туй, протягивая мне руку. Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается оним. Туй сказал, что мана тамо как-нибудь достали таро или ямса, недоеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли. Мы направились к хижине, где лежал покойник и где толпились мужчины и женщины. Неожиданно раздался резкий свист «ая»; женщины и дети переполошились и без оглядки пустились бежать в лес. Я также не понимал, что будет, и ожидал целую процессию; но вместо нее появился только один человек, который непрестанно дул в мунки-ай; свистя, прошел мимо входа в хижину, где лежало тело мертвого Туя, заглянул в нее и снова ушел. Что это значило, я так и не понял. Когда замолк свист «ая», женщины вернулись и вынесли покойника из хижины.

Старик Бугай натер ему лоб белой краской (известью), провел той же краской линию вдоль носа; остальные части его тела были уже вымазаны куму (черной краской). В ушах у него были вдеты серьги, а на шее висело «губо-губо». Бугай прибавил к этому праздничному убранству еще новый гребень с белым петушиным пером, который он воткнул ему в волосы. Затем тело стали обертывать в губ; но это было только на время, так как собственно «гамбор росар» (увязать корзину) должны были не здесь, а в Бонгу. Сагам, дядя покойного, взял труп на плечи, подложил губ под тело и направился скорым шагом по тропинке, ведущей в Бонгу. За ним последовала вся толпа.

Я с несколькими туземцами пошел другой дорогой, а не той, по которой отправилась похоронная процессия, и прибыл на одну из площадок Бонгу почти одновременно с нею. Здесь из принесенных губ был приготовлен гамбор, в который опустили покойника, причем ни одно из украшений, надетых на него, не было снято; голову покойника закрыли мешком. Пока мужчины, ближайšie родственники умершего, увязывали гамбор, несколько женщин, вымазанных черной краской, вопили, приплясывая, причем они очень вертели задом и гладили гамбор руками. Больше всех их отличалась Каллоль, мать умершего: она то скребла землю ногами, то, держась за гамбор, немилосердно выла, приплясывая и делая положительно неприличные телодвижения.

Наконец, гамбор был отнесен в хижину Сагама. Мне, как и другим, был предложен оним для того, чтобы и с нами не случилось какого-нибудь несчастья. Я согласился, желая увидеть, в чем состоит оним. Ион, один из присутствовавших, выплюнул свой оним мне и другим на ладонь, после чего мы все гурьбой отправились к морю мыть руки. Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясение разрушило все деревни в горах, но не делало бы ничего прибрежным жителям.

Вечером этого же дня я услышал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мебли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и таинственно сообщил, что война с мана тамо (вероятно, с Теньгум-Мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь хотя и не очень кровопролитны (убитых бывает немного), но зато бывают очень продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение между ними мира. Во время войны все сообщения между многими деревнями прекращаются*.

* Обе стороны имеют или думают иметь многих союзников, почему боятся итти в каждую деревню, о которой не знают положительно, что она дружественная; таким образом, случается, что нейтральные деревни подолгу считаются союзниками противной стороны.

Преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым. Мне было ясно, что на этот раз мне не следовало, сложа руки, смотреть на положение дел в деревне Бонгу, находившейся всего в 5 минутах ходьбы от моего дома. При этом молчание с моей стороны при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода после смерти старшего брата Туя, было бы странным, нелогичным поступком. Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступить впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный эффект следует действовать еще более сильным и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать охлаждению первого пыла.

25 июля

Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру; проснувшись и перебрав вчерашние размышления, я решил избрать план действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал даже еще сильнее, чем я ожидал. Главное, не надо было торопиться. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, выждал я обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу. Как я и ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал, что и Вангум и Туй были молоды и здоровы и что старик-отец остается теперь один, но что все-таки Маклай скажет то же, что говорил и после смерти Вангума, т. е.—войне не быть. Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа, но в буамбраму, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима. Рассуждать о неосновательности теории онима было бы невозможно ввиду ограниченности моего знания языка туземцев—это во-первых; во-вторых, я только даром потратил бы время, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; в-третьих, это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выступал очень многих. Когда последний кончил говорить, я встал, собираясь итти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил: «Маклай говорит—войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, с людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье». Наступило торжественное молчание; затем посыпались вопросы: «Что случится?» «Что будет?» и т. п. Оставляя

моих собеседников в недоумении и предоставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете». Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, едва мог проговорить: «Маклай, если тамо Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин?» (землетрясение). Этот вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные мною в Бонгу, произвели значительный эффект.

«Маклай не говорил, что будет землетрясение»,—возразил я.— «Нет, но Маклай сказал, что если мы пойдём в горы, случится большая беда, а тангрин—большое, большое несчастье. Это страшное несчастье. Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богатим—все боятся тангрин. Скажи, случится тангрин?»—повторил он просительным тоном. «Может быть»,—был мой ответ. Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой: «Я ведь говорил, тангрин будет, если пойдём. Я говорил».

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на поговорку «у страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются, и военный пыл их, таким образом, начнет мало-помалу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие. Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились. Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил доходивший до меня не раз уже слух, что он и все жители Горенду хотят покинуть свою деревню, хотят выселиться.

— Что так?—с удивлением спросил я.

— Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду, все умрем один за другим. Двое уже умерли от оним мана тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у них стали красные, и они все умрут. Мана тамо зарыли в Горенду оним—вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих мана тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: случится беда. Люди Бонгу трясут, боятся тангрин. Случится тангрин—все деревни кругом скажут: «Люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы...» Все деревни пойдут войной на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся. А в Горенду людей слишком мало, чтобы итти воевать с мана тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны,—закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять.

деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться*. Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбобу, кто в Митебог; только один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится**.

А в г у с т

Новый дом, начатый еще в июне, был окончен в первых числах августа. Размерами он совершенно походит на тот, в котором я живу. Думаю, что, вероятно, не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет ранее конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаясь, как бы они не забрались и в ящик с книгами или бельем. Углядеть за ними очень трудно, так как белые муравьи устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, как, напр., от ящичка к ящику. Осматривать же ящики каждый день—такая возня, что, действительно, в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого леса, который белые муравьи не трогают. Когда его строили, я нарочно не позволял брать других видов дерева, кроме вышеупомянутых. Одно из них было темного цвета, другое—очень белое и твердое, носит здесь название «энглам». Постройка отличалась прочностью.

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к своим соседям в деревню Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей Били-Били и Богатим, которые должны были прибыть туда. Придя в деревню, я вошел в буамбраму, где происходил громкий оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня. Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамбрамы и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богатим. Было целое сборище. Я сел. Все молчали. Было очевидно,

---

* Достоин внимания, что обычай выселяться из местностей, где произошел один, а тем более несколько смертных случаев, который я нашел в силе между меланезийскими номадными племенами о. Люсона, Малайского п-ва и западного берега Новой Гвинеи, встречается также и здесь среди оседлых жителей берега Маклая, дорожащих своею собственностью.

** Покидая берег Маклая в ноябре 1877 г., я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 г. на корвете «Скобелев» и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился отсюда в Горенду. Тропинка сильно заросла; по ней, очевидно, ходили мало. Но, придя на то место, где находилась старая деревня Горенду, я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу: до такой степени все заросло. Куда переселились тамо Горенду, я не успел узнать.

что я помешал их совещанию. Наконец, мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволял иногда сидеть на своей веранде и частенько вступал в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку мне на плечо (что было не простой фамильярностью, которой я не имею обыкновения допускать в моих сношениях с туземцами, а скорее выражением дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богатим, Били-Били?»

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным тоном. Выражение физиономией окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то туземцы и разговаривали перед моим приходом, и я понял, почему мое появление прекратило их разговор. На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица «Баллал Маклай худи» (слово Маклая одно) не должна быть изменена и на этот раз. Поэтому сказать «нет» — нельзя, тем более что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я «да», я поколеблю сам значительно свою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, через несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу эти строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамбрамы, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно, я искал ответа). Косые лучи солнца освещали все предметы, висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к коллекции разного оружия, прикрепленного ниже над барлой*; там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном. Я нашел мой ответ. Сняв со стены именно это, тяжелое и острое копье, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамбрамы и следившему за моими движениями. Я подал ему копье, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо; я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось. Я сказал тогда: «Посмотри, может ли Маклай умереть». Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: «Арен, арен!» (нет, нет!). Между тем некоторые из присутствовавших

---

* У большинства туземных построек на этом берегу крыша опускается почти что до земли, так что образует и стены хижины.

бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном «бабой», я сел между туземцами, которые говорили все зараз. Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня: «Могу ли я умереть?».

С е н т я б р ь

Мун в Богатим.

Привезенные семена, посеянные на плантациях туземцев, хорошо растут.

Крокодилы часто переплывают большие расстояния залива.

О к т я б р ь

Похороны Танока в Гумбу.

Люди Горенду, действительно, думают выселиться.

Н о я б р ь

Недобросовестность моих людей, которые крадут вещи для обмена с туземцами. Не будучи в хороших отношениях друг с другом, один день М. приходит сказать, что С. крадет, на другой—С. показывает, что М. обкрадывает.

6 н о я б р я

Приход шхуны «Flower of Iarrow».

9 н о я б р я

Смерть и похороны матроса Абу.

10 н о я б р я

Около 6 часов вечера подняли якорь. Оставил много вещей в доме, который я запер и предоставил охранять людям Бонгу.

Напечатано: 1) «Путешествия», 1923, стр. 491—552; 2) «Путешествия», т. I, 1941, стр. 163—198. Копия рукописи в Институте этнографии Академии Наук СССР (Ленинград).

МОЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ОТНОШЕНИЯ С ТУЗЕМЦАМИ

Спокойствие жизни среди обширного поля многосторонних исследований составляло самую привлекательную сторону пребывания на Новой Гвинее. Спокойствие это, благотворно действующее на характер, неопределимо, так как деятельность мозга, не

развлекаясь различными мелочами, имеет возможность сосредоточиться на некоторых избранных задачах. Дни здесь кажутся мне слишком короткими, так как мне почти что никогда не удается окончить к вечеру все то, что я предполагал утром сделать в течение дня.

Сплю я здесь обыкновенно от 9, редко от 10 часов вечера до 5 утра; на сиесту (от часу до двух пополудни) полагается еще час. К этим восьми или девяти часам прибавляю на еду три раза в день около часа с половиной, на разговоры с туземцами и слугами уходит еще один час. На работу, таким образом, мне остается около 12 часов в день. Это распределение дня и занятий совершенно нарушается во время экскурсий. Во время моего второго пребывания на берегу Маклая мне не приходилось терять времени на заботы о ежедневной жизни. Мои трое слуг вполне освобождали меня от этих докучных занятий; благодаря ружью и уменья обращаться с ним моего слуги из Пелау мой стол не имел недостатка в здоровой и свежей провизии. Кроме охоты, Мебли занимался также и рыбною ловлею. Он сплел себе для этого корзину из бамбука, такую, какую употребляют его земляки на о-вах Пелау. Корзины эти называются там «пубами». Я приобрел для него туземную пирогу, и Мебли разъезжал вдоль берега, опуская в воду свой пуб там, где надеялся найти рыбу, и редко случалось, чтобы он вынул его пустым.

Кроме птиц и рыбы, у меня почти всегда были под рукою свиньи, домашние и дикие. Прибавив ко всему этому привезенные с собою рис, бобы, бисквиты, кофе, чай, шоколад и даже вино, очень порядочное бордо и шампанское, и пользуясь при этом услугами весьма порядочного повара Сале, я могу положительно сказать, что мой стол был достаточно разнообразен и во всяком случае здоров. Случалось иногда даже такое *embarras de richesses* в этом отношении, что я даже имел возможность быть разборчивым и совершенно устранить свинину из моего стола. К тому же я не желал заставлять моего повара-магометанина касаться до нечистого по его религии животного.

Мои отношения с туземцами. Несмотря на наилучшие отношения наши, я мог пользоваться только случаем. Чтобы видеть что-нибудь, я должен был «случайно» заставить туземцев. Достаточно было предупредить, что приду, или приказать, чтобы позвали меня, когда случится то-то и то-то, чтобы это повлияло на всю процедуру. По опыту я пришел к выводу, что лучше всего относиться к обычаям туземцев с полным равнодушием, и только таким образом мне удастся видеть кое-что из их интимной жизни, не искаженное скрытничеством и ложным стыдом. Несмотря на это утомительное движение в $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ шага вперед, я продолжаю этот путь, подстерегая, под видом безразличия, туземцев, и нередко даже хитростью добывая частички материала к их этнологии, поставив себе за правило верить только своим глазам. Эту главную часть моих наблюдений я тем более не

должен был упустить из виду, что именно она скорее всего изменится и исчезает, как только белый человек появляется между первобытными племенами.

Во время моих пребываний на этом берегу я старался как можно меньше вмешиваться в дела туземцев, чтобы не изменять их обыкновения или обычаи. Мое внимание я употребил только на уменьшение войн, что во многих случаях мне удалось.

*Впервые напечатано в «Полн. собр. соч.» Миклухо-Маклая, т. II.
Рукопись отрывка в Архиве ВГО, ф. 6, оп. I, № 78.*

О ВТОРОМ ПРЕБЫВАНИИ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ В НОВОЙ ГВИНЕЕ

(от июня 1876 по ноябрь 1877)

О моем третьем посещении Новой Гвинеи могу сказать, во-первых, что оно не сопровождалось такими помехами, какие приключились при второй экспедиции (на Берег Ковиай в 1874 г.), и, во-вторых, что, сообразно с моим наперед обдуманном планом, оно составляет во всех отношениях продолжение исследований, начатых во время первого пребывания на этом берегу в 1871—1872 годах.

Мой отъезд в декабре 1872 г. был слишком неожиданным, чтобы не пришлось оставить многих значительных пробелов в предпринятых работах; и если я согласился на отъезд, то это было только вследствие принятого мною уже тогда решения вернуться со временем на этот берег и дополнить, сколько возможно, все то, что приходилось оставить начатым и отчасти едва затронутым.

Направленный местными условиями при первом посещении Новой Гвинеи главным образом на исследования по антропологии и предоставив ее задачам указать мне направление пути при последующих путешествиях (при второй экспедиции в Новую Гвинею, путешествии на Малайском полуострове), я и на этот раз остался ей верным.

Предпринимая путешествие, я намеревался посетить несколько местностей и, выбрав одну из них, остаться в ней долее. Но впоследствии мне казалось, помимо других причин*, вернее и целесообразнее не поддаваться на приманку новизны, а, вернувшись сюда, на берег Маклая, продолжать и дополнять начатое. Пересмотр перед отъездом из Явы (в декабре 1875 г.) сведений, добытых в 1871—1872-х годах о туземцах берега Маклая, по слу-

---

* Причины эти изложены в моем письме князю Ал. Ал. Мещерскому, которого перевод находится в одном из номеров итальянского журнала «Cosmos» за 1877 год.

чаю публикации продолжения моих замечаний о них*, весьма сильно повлиял на это решение: откинув то, в верности чего у меня оставалось сомнение, мне ясно представилось большое число пробелов и вопросов, оставшихся без удовлетворительных ответов. Зная язык и пользуясь доверием туземцев, я более чем кто другой был в состоянии дополнить уже добытые сведения о их нравах и обычаях.

Возвращаясь на берег Маклая, я уже не имел в виду предпринять дальнейшей экскурсии вовнутрь страны. Этот проект, несмотря на всю его заманчивость, я устранил еще при отъезде из программы моей деятельности 1876—1877-х годов, полагая, что и без такой экскурсии мне остается немало дела по дополнению неоконченного и неясного в прежних моих работах; к тому же приобретение запасов и снарядов разного рода, наем необходимого контингента людей потребовали бы значительных расходов, средствами для покрытия которых я не располагал в то время. К тому же эти люди, совершенно необходимые для дальнейшей экспедиции во внутрь страны**, были бы мне совершенно не нужны при продолжительном пребывании в Новой Гвинее и составляли бы даже в последнем случае положительное бремя. Не только их пропитание представляло бы затруднение, но даже сомнительно, что они ужились бы мирно с туземцами; во всяком случае потребовались бы постоянный надзор за ними и разбирательство вероятных частых ссор между ними самими и между ними и туземцами. На все это пришлось бы жертвовать время, с которым европеец в этой интересной, но нездоровой стране должен обходиться весьма и весьма экономно.

С другой стороны, ватага слуг, окружающая путешественника, составляющая как бы живой забор, часто мешает непосредственному наблюдению им туземцев, нередко значительно влияет

---

* N. N. Miclucho-Maklay. *Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea II*, напечатанное в *Natuurkundig Tijdschrift, Batavia*, 1876 г. Я отдал в печать этот 2-й выпуск замечаний, потому, что не знал, сколько времени я останусь в Новой Гвинее и даже придется ли мне вернуться.

** Прислуга при такой экспедиции по многим причинам должна быть набрана не из туземцев этого берега, из коих главные: во 1-х, постоянные войны между деревнями, большая раздробленность населения, отсутствие безопасности в чужих деревнях, что делает туземцев весьма боязливыми вне собственной территории, или участка ближайшей друственной деревни; во 2-х, их припасы (таро, ямс и т. п.) слишком неудобопереносимы (громоздки) и тяжелы при пешеходных экспедициях, а они не хотят заменить свою традиционную пищу другою (напр., рисом и т. п.); в 3-х, туземцы моего берега, не имевшие сношений с белыми и по своему общественному устройству не имеющие понятия об отношениях слуги к господину, весьма неясно усваивают условия договоров, почему всякая дисциплина, необходимая при дальнейшей экспедиции в страну с незнакомым населением, весьма затруднительна, даже почти невозможна; наконец, в 4-х, здесь семейные связи очень препятствуют набору людей, которые даже в последний момент могут поддаться просьбам, увещаниям, слезам матери, жены, детей и т. п.

на сношения с последними, не говоря уже о том, что, внося при случае посторонний элемент в процесс мышления и во взгляды туземцев, запутывает и искажает сведения об их обычаях и воззрениях, которые при знании языка возможно получать непосредственно от них самих*. Взятые мною три человека прислуги достаточно освобождали меня от докучных забот ежедневной жизни, а мое помещение в Бугарломе** было настолько удобно, что я, отдыхая от небольших, несколькодневных, часто предпринимаемых экскурсий в окрестности, мог заниматься моими работами по сравнительной анатомии.

Начну с перечня главных работ, которые занимали мое время.

Во 1-х, работы по антропологии***. Я занимался при случае антропологическими измерениями****, которые, вследствие недоверия и подозрительности папуасов, я не мог предпринять в 1871—1872 годах, но теперь, при старом знакомстве со мною, они не могли более отказывать мне и принуждены были побеждать свое отвращение к подобным, непонятным для них манипуляциям над их личностью. Я увеличил также мою коллекцию дюжиною черепов, которых родственники умерши захотели предоставить мне; но, не желая злоупотребить доверием туземцев, был принужден оставить нетронутыми (иными словами, не украл) несколько, вероятно, полных скелетов, хотя знал, где они находятся; сами же туземцы не захотели понять моих весьма ясных намеков о том, что я желаю иметь скелеты. Зная, что возможно добыть совершенно полные скелеты в разных госпиталях*****, я не желал поколебать легкомысленным шагом добытое с большим трудом доверие папуасов. Отсутствие фотографической камеры весьма чувствовалось: эту работу приходилось отложить до третьего посещения берега моего имени.

Во 2-х, мое внимание было главным образом направлено на вопросы по этнологии, ибо я сознавал, что нахожусь вследствие многих обстоятельств в удобном положении для наблюдения несмешанного и изолированного племени.

Кроме знакомства с туземцами и обоюдного доверия, сознание ими того, что если я и оставлю опять на время этот берег, то

---

* В доказательство каждого пункта я мог бы привести примеры из собственного опыта, но удерживаюсь, считая эти комментарии по своему объему здесь неуместными.

** Бугарлом—туземное название места, где стоит мой домик.

*** Мое мнение об антропологических наблюдениях, которыми большинство путешественников принуждены ограничиваться, я сообщил в моем письме г-ну проф. Р. Вирхову, напечатанном в *Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* за март 1878 года.

**** По программе г. проф. Вирхова (*Anleitungen zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen*, S. 585).

***** Не только скелеты, но и все тело умерших меланезийцев, с немногими, впрочем, трудностями, можно получить иногда в госпиталях Нидерландских колоний в Австралии, Новой Каледонии и др.

впоследствии снова вернусь сюда, заставляет туземцев мало-помалу менее стесняться моим присутствием и не изменять, не стараться скрывать постоянно свои обычаи и насиловать свою обыкновенную *manière d'être**. Немало помогает моему успеху в сохранении и укреплении доверия туземцев то, что я здесь единственный белый, который живет между ними; отсутствие других лишает туземцев мерила, которым они могли бы руководствоваться при оценке отношений к ним каждого белого в отдельности.

Но при всей обширности поля исследования, несмотря на все мое старание не упустить случая, чтобы познакомиться со всеми подробностями папуасской жизни, я должен сознаться, что мои успехи в этом отношении подвигаются крайне медленно. Кто имел случай поставить себе задачу наблюдение первобытного племени при ограниченном знании языка**, тот знает, как туго идет вперед работа, если, относясь критически к каждому так называемому «открытию», отбрасываешь весь хлам неполных, неточных и искаженных посторонним влиянием наблюдений... Выражение «шаг за шагом» весьма недостаточно выражает всю медленность этого движения.

Расспросы у туземцев об их обычаях вследствие многих причин мало помогают***, так как приводят к ошибкам или к воображаемому разрешению вопросов. Единственный надежный путь—видеть все собственными глазами, а затем, отдавая себе отчет о виденном, надо быть настороже, чтобы полную картину обычая или обряда дало не воображение, а действительное впечатление наблюдения. Мне даже кажется полезным быть еще осторожнее: следует удержаться при этом описании виденного от всякого рода гипотез, объяснений и т. п. Далее, для каждого обряда, церемонии, обычая требуется соответствующий предлог; но эти предлоги, как на зло наблюдателю, представляются в некоторых случаях очень и очень редко****.

---

* Эта скрытность, основанная на трудно преодолимой недоверчивости характера, может легко привести к ряду ошибочных наблюдений.

** Хотя я говорю по-папуасски порядочно, но во многих случаях мое знание оказывается все еще весьма ограниченным.

*** Туземцы трудно или совершенно не могут понять цели, для которой мне хочется знать все эти подробности о их обычаях и обыденной жизни; убеждая, что я не могу уличить их во лжи, они большею частью отвечали только из вежливости, лишь бы отделаться. Я много раз наталкивался также на людей, которые сами не знали подробно процедуру обычая; и вообще не всегда легко бывает найти действительно компетентный источник. Другая причина неудобства способа собиранья сведений посредством расспросов та, что при расспрашивании туземцев о каком-либо обычае следует быть весьма осторожным, так как они очень склонны отвечать на все вопросы «да» или так неясно, что приходится угадывать, что они хотят сказать; а станешь угадывать,—девять шансов из десяти впасть в ошибки; к тому же и самая постановка вопросов весьма затруднительна.

**** Так, например, «мулум» (обряд обрезания) производится, соответственно с числом подрастающих мальчиков нескольких соседних деревень, один раз в 6 или 7 лет, так что вряд ли мне придется видеть собственными глазами эту операцию, сопряженную с очень многими церемониями.

Несмотря на установившиеся дружественные отношения с туземцами, я единственно мог лишь рассчитывать на случай; чтобы видеть что-нибудь, я должен был случайно заставить туземцев на месте действия. Предупреждение о моем прибытии или приказ призвать меня, когда случится то и то, когда будут делать это или другое, были часто достаточны, чтобы повлиять на всю процедуру обряда. Опытом я пришел к результату, что лучшим образом действия с моей стороны, для того чтобы узнать и увидеть что-либо в неискаженном виде из обычаев туземцев, состоит в том, что я прижимаю относительно всего сюда относящегося вид полнейшего равнодушия; только таким образом мне удастся узнать кое-что из их интимной жизни, не измененное скрытничеством и суеверным страхом...

Несмотря на это утомительное движение по полушагу вперед, иногда же целый шаг назад*, я продолжаю этот путь, подстерегая ежедневные и экстраординарные эпизоды жизни туземцев под видом полнейшего индифферентизма, иногда даже хитростью добываю по частям материал для их этнологии, поставив себе за правило верить единственно своим глазам и не поддаваться воображению. Я тем более старался накапливать постоянно мои наблюдения в этом направлении именно потому, что эта сторона жизни скорее всего изменяется и исчезает, как только белый человек появляется между первобытными племенами.

Я вошел не без намерения в некоторые подробности относительно способов, которыми я пользовался при собирании материалов по этнологии потому, чтобы показать, через какой фильтр критики с моей стороны проходили собираемые сведения, и чтобы дать понятие о количестве времени и внимания, которыми я должен был жертвовать для их получения. Я старался как можно менее вмешиваться в дела туземцев, старался не изменять их обыкновений и обычаев; только в одном случае я изменял роль беспристрастного наблюдателя, и уже не раз с успехом употребил мое влияние для предупреждения войн между деревнями. Об этом несколько слов ниже.

В 3-х. Я мог более удобно заниматься здесь сравнительно-анатомическими работами, чем на Гарагаси**, где был очень затруднен теснотою помещения и сбразом моей тогдашней жизни, поглощаемой старанием сблизиться с туземцами, заботою о продовольствии охотою, терпел от недостатка в прислуге и т. п.

В этой сфере работы мое внимание сосредоточено главным образом на продолжении моих исследований по сравнительной анатомии мозга позвоночных и некоторых дополнениях по анатомии сумчатых. Не время и не обстановка мешали этим занятиям, а сравнительная редкость материала.

* Например, в том случае, когда, сделав из нескольких наблюдений слишком поспешный вывод, натыкаешься неожиданно на факт, который разрушает созданную теорию.

** Туземное название мыска, где стояла моя хижина в 1871—1872 гг.

В 4-х. На метеорологические наблюдения было обращено должное внимание, и их результаты составят дополнение и проверку 15-месячных наблюдений 1871—1872 гг. Разумеется, пробелами остаются дни, посвященные на экскурсии. Термометры и оба анероида были проверены в метеорологической обсерватории в Батавии перед отъездом.

После этого обзора предметов моих занятий скажу несколько слов о более интересных экскурсиях, которые мне удалось совершить. Если, как сказал вначале, я не имел средств предпринять большое странствие во внутрь страны, то от небольших экскурсий по окрестностям я не отказывался. Я начал их посещением многих деревень, которые по случаю войн между туземцами или по своей отдаленности мне были недоступны в 1871—1872 годах. Это были деревни в горах южного и юго-западного берега залива Астролябии, причем преимущественно мною посещались деревни, за которыми (или выше которых) горы уже не населены. На юго-западе, где высокий береговой хребет понижается и распадается на несколько кряжей, находится большое число деревень и очень значительное население; но мне не пришлось далеко проникнуть в этом направлении, так как почти каждая деревня находится на военном положении относительно другой*, и я не смог уговорить ни моих соседей, ни жителей ближайших гор сопровождать меня, но зато я обошел почти все горные деревни вокруг залива. При этих экскурсиях я имел обыкновенно значительное число спутников из ближайшей деревни—Бонгу. Когда я доходил к вечеру или на другой день до одной из горных деревень, вся моя свита сменялась жителями последней. Люди Бонгу оставались ждать моего возвращения или уходили домой, если я их отпускал, что я обыкновенно и делал, когда не знал наверно, сколько дней продолжится экскурсия.

Береговые жители, не имея сношений, не зная диалекта последующих деревень и отчасти не убежденные в своей безопасности между горцами, редко решались итти выше ближайшей цепи гор.

Переменяя раза по два или по три носильщиков моих вещей, причем для каждой палки и бутылки требовалось по человеку, я обходил деревни; если при первой встрече без страха со стороны туземцев не обходилось, то тем дружелюбнее были проводы (удовольствие отделаться от незваного гостя имело, в чем не сомневаюсь, немало влияния на это добродушие); часто приходилось отказываться от тяжелых и изъятий дружбы—обычных подарков съестных припасов на дорогу.

* Безопасность для туземцев разных деревень на берегу моего имени пока еще «*ria desideria*». Не говоря уже о горных жителях, которые считаются особенно воинственными, и между береговыми положение дел таково, что ни один туземец, живущий у мыса Дюпере, не осмеливается дойти, следуя вдоль морского берега, до мыса Риньи, что составляет лишь 2 или 2,5 дня ходьбы.

На возвратном пути провожатых набиралось обыкновенно очень много, так как в каждой деревне находились охотники взглянуть на «талъ Маклай» (дом Маклая).

Если при этом способе путешествия я нередко должен был, соображаясь с туземными обычаями и характером, подчиняться многим их желаниям, что иногда было скучновато, то, с другой стороны, он представлял и серьезные выгоды. Посещая новые и отдаленные деревни, где имя мое едва было известно понаслышке, имея туземцев моими спутниками, я не только знакомился со взаимными отношениями туземцев, но мог получать и разъяснения многих вопросов, возникающих при новых встречах. Я не встречал боязливой замкнутости со стороны населения и мог свободно знакомиться со страной и людьми; немалое удобство было также иметь почти что всюду переводчиков.

Более отдаленные, но не менее интересные экскурсии мне удалось сделать по морю близ берега, причем я снова воспользовался туземными средствами. Моя шлюпка, в которой я разъезжал по заливу, выходя даже за крайние мысы его, слишком мала (не достигает 4 метров у ватерлинии) для многодневного плавания; не имея тента, днем она представляла серьезное неудобство, не предоставляя возможности укрыться от солнца, и, забрав необходимую поклажу и провизию на несколько дней, с большим трудом могла помещать лишь 3 человек (2 гребца были необходимы в случае штиля). В больших же пирогах острова Били-Били я не только мог разместить удобно все мои вещи, быть укрытым от солнца и дождя, но, главное, я был освобожден от всех работ и забот: быть капитаном, лоцманом и матросом моей шлюпки. Я посетил таким образом острова архипелага Довольных людей* и деревни у мыса Дюпере.

Я нарочно отправился в последнюю местность, узнав положительно, что люди Еремпи, населяющие с лишком 20 деревень, — людоеды. Я провел в одной из этих деревень, лежащей около небольшого озера, два дня. Они не рознились от моих соседей и хороших знакомых ни в антропологическом, ни в этнологическом отношении и отличались единственно обыкновением съедать после войн всех убитых, не разбирая при этом ни пола ни возраста. Так как людской мозг и мягкие части головы считаются ими очень вкусным блюдом и так как люди, как и вообще все животные, здесь съедаются без остатков, обглоданные же и раздробленные кости бросаются, как мне сказали, в море, то при этом посещении, вопреки моим расчетам, моя краниологическая и остеологическая коллекция не обогатилась. Мне кажется также, что им не часто приходится лакомиться этим родом пищи. Я посетил о-в Сегу, один из островов архипелага Довольных людей, где

---

* Весьма удобную якорную стоянку для судов средней величины среди островов этого архипелага, без трудности доступную нескольким достаточно глубоким и широким пароходам, я позволил назвать Портом великого князя Алексея.

строят большие пироги и жители которого посещают иногда (однакоже не каждый год) остров Кар-Кар (о. Дампьер). Целью моего визита на остров Сегу было уговорить жителей его снарядить в скором времени экспедицию в Кар-Кар, в которой я сам думал участвовать*.

Жители островков Били-Били и Ямбомбы, занимаясь горшечным производством, имея большие пироги и посещая значительное протяжение берега материка Новой Гвинеи, находятся благодаря своим торговым сношениям** в мире с большинством береговых деревень и могут безопасно посещать их. Разузнав мало-помалу все подробности этих экспедиций, мне удалось после долгих прений, множества отговорок и задержек разного рода нанять две пироги, в которых я в сопровождении двух слуг (оставив третьего в Бугарломе) и четырех туземцев для управления пирогами отправился вдоль берега по направлению к мысу King William с целью посетить деревни, имена которых я часто слышал от жителей Били-Били. По случаю преобладающего юго-восточного ветра, который дул большую часть дня***, мы подвигались единственно ночью, пользуясь береговым ветром, который дул ровно, но с достаточною силою. Таким образом, почти каждую ночь мы делали переходы, причем темнота не мешала нам, потому что фарватер на 1,5 или 2 мили от берега не представляет никаких опасностей (за исключением банки около деревни Бай, в полумиле от берега). К утру мы останавливались около селений, где проводили день или несколько дней, смотря по интересу, который представляло для меня селение и его жители.

Посещенный берег, как и вокруг залива Астролябии, был довольно густо заселен, и, так же как и там, селения находились преимущественно в тех местах, где берег был песчаный, где же скалы (поднятые коралловые рифы) окаймляли берег на значительное расстояние, деревень не было, хотя в горах селений было немало. Я старался отыскать отличительные черты в сравнении с моими соседями; но ни физический habitus, ни образ жизни не представляли большой разницы, только некоторые производства были специальны для некоторых деревень и произведения служили для мены, которая составляла монополию жителей острова Били-Били и архипелага Довольных людей. Почти в каждой деревне мне приходилось записывать отдельный диалект. На пути я везде разузнавал, между прочим, умеют ли туземцы добывать огонь, но везде слышал один ответ, что никакой способ получать

* Эта экспедиция почти состоялась, когда приход шхуны помешал осуществлению моего плана.

** Замечательно, что единственно эти две деревни (Били-Били и Ямбомба) занимаются горшечным производством. По всему берегу Макляя они не имеют конкурентов. Распространение этого производства по берегам Нов. Гвинеи представим, когда будет известен интересный этнографический результат.

*** Ветер начинался различно: между 9 и 11 часами утра, и спадал между 4 и 6 часами вечера, редко он продолжал дуть после захода солнца.

его им неизвестен*. Как и следовало ожидать, «очень, очень дальние» расстояния, по словам моих друзей с острова Били-Били, оказались весьма недалекими, так что, проведя четыре ночи в море и сделав миль 50 или немного более, считая от мыса Тевалиб (мыса Риньи), мы были у предела, за который морское странствие жителей Били-Били в настоящее время не простирается, и никакие обещания не смогли убедить моих спутников отправиться со мною далее. Море, жители по берегу,—все было им одинаково страшно. Мне пришлось удовлетвориться, видя, что я не в состоянии победить в них страха**.

Значительное селение, которое оказалось последним из посещенных во время этой экскурсии, называется Телят, и я надеюсь при помощи моих заметок определить эту местность, как и положение других береговых деревень (Биби, Бай, Кунила, Миндир, Авой, Дайны, Мегу, Об, Дамтуг, Сингор, Аврай) на карте, сделанной офицерами парохода «Базилиск» в 1874 г.***. К моей большой досаде, погода в продолжение двух дней, проведенных в деревне Телят, была туманная, почему нельзя было разглядеть островов Куруа, Бунанга, Куу****, которые, по словам туземцев, бывают видны отсюда в светлую погоду и по которым я легко бы мог определиться. Местность эта, однакоже, весьма характеристична вследствие положения на выдающемся мысе, от которого идет гряда скал, издали видимых даже при высокой воде*****.

Так как отправиться далее люди Били-Били никак не решились и уговор, заключенный с ними,—посетить вышеназванные деревни до деревни Телят,—был ими выполнен, приходилось вернуться. На возвратном пути, оставив пироги и людей Били-

---

* Я заметил при этом расспрашивании, что мой вопрос многим туземцам казался весьма странным. К чему добывать огонь, если они уже имеют его? Если он потухнет в одной хижине, то в другой он горит или тлеет; если он каким-либо образом погаснет во всех хижинах одной деревни, то найдется в соседней. К чему же добывать его, искать то, что есть. Таков был ход их мысли, смысл их ответов.

** Имей я подходящую для многодневного плавания достаточно большую шлюпку и наемных людей (не папуасов), я, разумеется, отправился бы далее; но в таком случае сомневаюсь, что меня бы так же мирно встречали, как между Бугарломом и Телят, благодаря моим туземным спутникам. Без них я не увидел бы четвертой части того, что мне удалось увидеть.

*** Г-н капитан Моресби был так любезен, что прислал мне в мае прошлого года карты своих съемок восточного берега Новой Гвинеи с приложением нескольких номеров «Hydrographic Notice». Но, к сожалению, береговой контур от мыса короля Вильяма до мыса Риньи (на этой карте) имеет так мало деталей, что мне будет весьма трудно согласить с этою картою мои заметки 1877 г., которые остались в Сингапуре.

**** Туземные имена этих островов: Рук, Лотин и Лонг; но так как мне не пришлось увидеть их, то не знаю, какое туземное имя соответствует английским названиям на картах.

***** Я надеюсь встретить капитана Моресби при моем возвращении в Европу, и, может быть, из разговоров с ним мне удастся разъяснить остающиеся недоумения.

Били, не дойдя до мыса Тевалиб (Риньи), я отправился в горы познакомиться с горными жителями этой местности, которую называли «Хогему Рай» (деревни Рай). Берег оказался пустынным, жители ближайшей деревни Биби были все в горах «унан барата—буль уяр» (жечь унан, есть свиней)*; люди Били-Били трусили горных жителей и как приморцы полагали, что карабкаться по горам не их дело. Я знал положение деревень только весьма приблизительно (с пироги в море я мог с помощью бинокля различить лишь группы кокосовых пальм в горах), но все-таки отправился в сопровождении моего слуги яванца. Мне удалось посетить три деревни и в этот же день взобраться на гору, которая своим положением давно меня манила. Несмотря на то, что мы не могли понимать друг друга (не было переводчика), горные жители Рай приняли меня как нельзя лучше; они по слухам знали мое имя и, увидев белого, догадались, кто пришел к ним. Я знаками объяснил, что хочу итти на высокий холм, который открывался за их деревнею и который они называют Сируй-Мана (гора Сируй). Проводники нашлись, и мы отправились немедленно. С вершины ее (около 1200 футов) мне представилась красивая панорама берега Маклая** на значительном протяжении.

Ночь я провел в деревне Рай; на другое утро рано был на месте, гда оставил пироги и благодаря порядочному попутному ветру к вечеру вернулся в Бугарлом. Мне так понравился этот способ путешествия, что я готовился к экспедиции на остров Кар-Кар*** вместе с жителями острова Сегу.

Спокойствие жизни среди обширного поля многосторонних исследований составляло особенно привлекательную сторону моей новогвинейской жизни. Спокойствие это, благотворно действующее на характер, неоценимо, так как деятельность мозга, не развлекаясь различными мелочами, может быть сосредоточена на немногих избранных задачах. Дни здесь казались мне слишком короткими, так как мне почти что никогда не удавалось окончить к вечеру все то, что я утром предполагал сделать в продолжение дня****. Не забывая назойливаю истину «*einem jeden*

---

* Перед концом сухого времени года (в июле и августе) папуасы обыкновенно жгут унан (*Sacharum Konigii*) главным образом для охоты на диких свиней, почему они сопоставляют обыкновенно эти два удовольствия «унан барата—буль уяр».

** Я называю здесь берегом Маклая часть северо-восточного берега Новой Гвинеи, между мысами Еремпи и Телят, или, соображаясь с картами, приблизительно от мыса Круазиль до мыса короля Вильяма. Очень сожалею, что, не имея с собою моих записок и дневника 1876—1877 гг., нахожусь пока в невозможности приложить картографический эскиз берега Маклая.

*** Я уже сказал, что эта экспедиция по случаю отъезда моего в ноябре не состоялась.

**** Сплю я здесь обыкновенно от 9, редко от 10 час. вечера до 5 час. утра, на сиесту (от 1,5—2,5 час. пополудни) требуется еще 1 час; к этим

Abend sind wir um einen Tag ärmer», приходится нередко отгонять невеселые думы о мизерных свойствах человеческого мозга, о необходимости собирания материалов по песчинкам, иногда даже сомнительной доброты, и т. п.

По временам, однакоже, моя трудовая отшельническая жизнь прерывается на несколько часов, иногда даже на несколько дней неожиданными случайностями. Об одной такой случайности, представившейся недавно, расскажу для примера.

Я заметил выше, что воздерживался от вмешательства в политическую и социальную жизнь моих соседей и старался единственно лишь о предупредении войн между туземцами.

Одна из многих причин междоусобий основана на поверии, что смерть, даже случайная, происходит через посредство так называемого «оним»*, приготовленного врагами умершего, — врагами семьи его или врагами деревни, в которой он жил**. При смерти туземца (иногда даже заблаговременно перед кончиною опасно больного) родственники и друзья его собираются и обсуждают, в какой деревне и кем был приготовлен «оним», который причинил смерть умершему или болезнь умирающему. Толкуют долго, перебирая всех недругов покойного, не забывая при этом и своих личных неприятностей. Наконец, деревня, где живет недруг, открыта, виновник смерти или болезни (чаще, несколько таковых) найден. Открытие мигом переходит из уст в уста, причем часто прибавляются обвинительные пункты и иногда увеличивается реестр виновников. После этих прелиминарий составляется план похода, подыскиваются союзники и т. д. В Бонгу при смерти жены одного из тамо-боро (общее название главы семейства) я услышал совещание о походе на одну из соседних деревень; на этот раз, когда дело касалось смерти бездетной старухи (дети ее умерли малолетними), мне без особенного многословия удалось уговорить туземцев воздержаться от войны. Несколько месяцев спустя, при возвращении с моей экскурсии в деревню Телят, которую я описал в кратких словах выше, я застал ближайšie деревни Бонгу и Горенду в сильной тревоге: Вангум, туземец лет 25, крепкий и здоровый, после 2- или 3-дневного нездоровья внезапно умер. Отец, дядя и родственники покойного, которых было случайно немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население этих деревень отправиться безотлагательно в поход на жителей одной из горных деревень (чаще других обвиняемых в колдовстве). С большим трудом и после очень серьезных переговоров мне

---

8 или 9 часам сна на еду (3 раза в день) уходит около 1,5 часа, так что около 13 часов остается на работу. Это распределение времени нарушается во время экскурсий.

* «Оним» называется заговоренный с какою-нибудь целью предмет; всякое лекарство называется оним.

** Подробности об «ониме» сообщу в следующем отделе (III) моих заметок по этнологии папуасов берега Маклая в Новой Гвинее.

и на этот раз удалось устранить набег на горцев. Обстоятельство, что жители Бонгу и Горенду не были одного мнения насчет деревни, где жил предполагаемый недруг Вангума или его отца, значительно помогло моему успеху. Это различие мнения они, однакоже, думали парализовать простым способом: напасть сперва на одну, затем на другую деревню. Я отклонил их от этих замыслов. Несколько дней спустя я узнал, что брат умершего Вангума, мальчик лет 9 или 10, отправившись с отцом и несколькими жителями Горенду на рыбную ловлю к реке Габенеу, был ужален небольшой змеею; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схвативший ребенка на руки и почти бегом бросившийся в обратный путь, принес его в деревню мертвым. Эта вторая смерть в той же деревне и в той же семье, последовавшая в промежуток нескольких дней, произвела настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха между жителями обеих деревень... Даже самые умеренные стали с жаром утверждать, что жители Теньгум-Мана приготовили «оним», почему Вангум и Налай [Туй.—*Ред.*] умерли и что если этому не положить конец немедленным походом, то все жители Горенду перемрут и т. п. Война казалась неизбежною. О ней толковали старики, дети и бабы; молодежь готовила и приводила в порядок оружие.

Войны здесь хотя и не отличаются кровопролитием (убитых бывает немного), но бывают очень продолжительны, исходя часто или переходя в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими* деревнями прекращаются, преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Я не мог смотреть сложа руки на такое положение дел в деревне Бонгу, которая находилась минутах в пяти ходьбы от моего дома в Бугарломе. Притом молчание с моей стороны при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода при смерти старшего брата, было бы странным, нелогичным поступком; уступив в этот раз, я мог бы потерять мое влияние при всех последующих подобных случаях. Я должен был устранить мою антипатию вмешиваться в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный эффект следует действовать более сильным эффектом, а главное, следовало разъединить их единодушную жажду мести, следовало поселить между ними разногласие и тем способствовать охлаждению первого возбуждения.

Будучи достаточно знаком с процессом мышления и склонностями туземцев, я обдумал план, который, по моему мнению,

* Обе стороны имеют или думают иметь многих союзников, почему боятся идти в каждую деревню, о которой не знают положительно, дружественная она или нет, считая нейтральные деревни за союзников своих противников.

должен был произвести желаемое действие и который, как на деле оказалось, подействовал сильнее, чем я ожидал.

Придя в обычный час (перед заходом солнца) в Бонгу на другой день после происходивших при мне рассуждений о случившемся накануне и заметя, что туземцы интересуются узнать мой взгляд на положение их дел, я сказал, что хотя очень жаль отца, который потерял двух сыновей, молодых и здоровых, но что войны все-таки не должно быть и что все, что я сказал при смерти Вангума, остается верным и теперь.

Весть, что Маклай говорит «войны не должно быть», когда все готовы предпринять ее, облетела мигом всю деревню. Набралась значительная толпа и почти все старики обступили «барлу»*, в которой я находился; каждый старался убедить меня, что война положительно необходима.

Доказывать неосновательность их теории «онима», вступать в теоретические рассуждения о нем было бы с моей стороны не только потерей времени, но и большим промахом.

Я выслушал, однакоже, очень многих; когда последний кончил, вставая и собираясь итти, я повторил тем же обыкновенным голосом, который представлял сильный контраст с возбужденною речью папуасов, но которому я постарался придать тон убеждения: «войны не должно быть; если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье».

Наступило торжественное молчание, затем посыпались вопросы: что случится? что будет? что Маклай сделает? и т. п.

Оставляя моих собеседников в недоразумении и предоставляя их воображению найти перевод моей угрозы на свой лад, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете».

Направляясь домой, проходя медленно между группами туземцев, я мог расслышать, что их воображение уже работает, каждый старался угадать беду, которую я пророчил.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, торопливо проговорил: «Если тамо Бонгу (люди Бонгу) отправятся в горы, не случится ли тангрин (землетрясение)?»

Этот странный вопрос и запыхавшийся старик показали мне, что мои слова в Бонгу произвели значительный эффект.

«Маклай этого», не говорил,—возразил я.—«Нет, но Маклай сказал, что тогда случится большая беда, а тангрин большая, большая беда. Все люди Бонгу, Горенду, Гумбу, Богатим—все, все боятся тангрин. А что, случится тангрин?»—спросил он опять упрашивающим тоном. «Может быть».—был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, проговорив скороговоркою, обращаясь к двум туземцам, которые под-

* Барла—большая, открытая с обеих сторон хижина, преимущественно назначенная для мужчин.

ходили к нам: «Я ведь говорил: тангрин будет, если пойдем. Я говорил».

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на пословицу «у страха глаза велики». Я был уверен теперь, что они сильно призадумаются, и военный пыл мало-помалу начнет охладевать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие. Я не спрашивал, что мои соседи решили; они также молчали, а к войне далее не готовились.

Недели через две пришел ко мне Туй, житель Горенду, самый старый мой приятель*, с неожиданной новостью, что он и все жители Горенду решили покинуть свою деревню, решили выселиться.

— Что так?—спросил я, удивленный.

— Да все мы боимся жить там. Останемся в Горенду, все перемрем один за другим. Двое уже умерли от оним мана-тамо**, так и другие умрут. Не только люди Горенду умирают от оним мана-тамо, но и кокосовые пальмы больны, листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду оним— вот и кокосовые пальмы умирают***. Хотели мы побить этих мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит, случится беда. Люди Бонгу трусят, боятся тангрин. Случится тангрин, все деревни вокруг скажут: люди Бонгу виноваты, Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы... все деревни пойдут войною на Бонгу, если тангрин будет. Так люди Бонгу боятся. Мы и решили разойтись в разные стороны,—добавил Туй все более и более унылым голосом и стал пересчитывать деревни, куда каждый из жителей Горенду думает переселиться****. Так как это переселение начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то не знаю, чем это кончится*****.

---

* Тот самый, который приходил при постройке матросами корвета «Витязь» моей хижины на Гарагаси в сентябре 1871 г. и уверял, что меня убьют, когда корвет уйдет.

** Мана—гора, тамо—человек или люди. Мана-тамо—люди гор,

*** Не помню латинского названия грибка, который причиняет эту болезнь кокосовым пальмам, при которой листья мало-помалу желтеют, затем делаются красными и дерево умирает. Эта болезнь очень часто встречается на Малайском полуострове, на Яве и в многих других местностях.

**** Достоинно внимания, что этот весьма распространенный обычай— не оставаться в местностях, где случился один или тем более несколько смертных случаев,—который был сообщен многими путешественниками в разных странах и который я нашел в силе между меланезийскими номадными племенами острова Люсона, Малайского полуострова, западного берега Новой Гвиней,—встречается также между оседлыми, дорожащими своею собственностью жителями берега Маклая.

***** По случаю моего отъезда в ноябре я и теперь не знаю, приведен ли этот проект выселения в исполнение; или, предполагая, что в мое отсутствие им нечего бояться тангринна вследствие войны, более ярые привер-

Я рассказал немного подробнее этот эпизод из моей новогвинейской жизни потому, что он кажется мне довольно характеризующим мои отношения к туземцам; но для полного понимания предыдущего я полагаю не лишним напомнить о том обстоятельстве, которое так помогло мне уже при первом пребывании на берегу Маклая* и которое представляет повторение уже несколько раз случившегося с европейцами при первых посещениях ими островов Тихого океана**.

Раз возведя меня в положение каарам-тамо (человека с луны), придав мне это неземное происхождение, каждый поступок мой, каждое мое слово, рассматриваемые в этом свете, казалось, убеждали в них это мнение. С моей стороны мне не приходилось и не приходится лгать (напротив, правдивость до последних мелочей—качество каарам-тамо), ни играть роли или быть чем-либо особенным, так что вся моя сверхъестественность обуславливается лишь в воображении папуасов***.

Имей я белых слуг или живи я в близости других белых, туземцы скоро убедились бы в земном происхождении каарам-тамо, но мой образ жизни и мои привычки не смогли изменить установившегося между папуасами мнения об особенностях моего существа.

Я не считаю нужным разубеждать их**** потому, во-первых, что я обращаю мало внимания здесь, как и в других частях

женцы войны сделали набег на одну из горных деревень, и убив 2—6 горцев, думают, что задержали дальнейшее приготовление онима, почему и остались жить в Горенду.

* См. *N. de M. MacLay. Mijn Verblijf aan de Oostkust van Nieuw-Guinea in de Jaaren 1871 en 1872, Natuurkundig Tijdschrift, Batavia, 1873.* Голландский перевод моего сообщения, полнее напечатанного в «Известиях Русск. геогр. общ.».

** Примеров слишком много, и они, полагаю, достаточно известны, чтобы приводить их здесь. Вера в сверхъестественность белых продолжалась в большинстве случаев очень недолго: ром и тому подобные слабости обличали скоро их земное происхождение и помрачали репутацию.

*** Может быть, впоследствии, если найдется время и соответствующее настроение, я расскажу несколько сюда относящихся случаев.

**** На днях произошел весьма курьезный и характеристический разговор между одним старым туземцем Бонгу и мною. Придя в обычное время в деревню, я вошел в барлу, в которой происходил громкий, оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь, что желали скрыть от меня. В барле, кроме жителей Бонгу, были гости из деревень Богатим и Били-Били. Я сел. Все молчали. Наконец, мой приятель Саул, которому я всегда доверял более других и с которым нередко разговаривал о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне и, положив руку мне на плечо (что было более выражение дружбы и просьбы, чем простая фамильярность, которую я имею обыкновение исключать в моих отношениях с туземцами), взглянув в глаза, спросил меня масляным голосом: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богатим, Били-Били?» Вопрос удивил меня своею неожиданностью и серьезным, хотя просительным, тоном, которым он был сказан. Выражение физиономий желающих услышать мой ответ присутствующих показало мне, что не один Саул спрашивает. На ясный вопрос следовало дать ясный ответ, но кото-

света, на «qu'en dira-t-on», во-вторых, потому, что моя репутация и обстановка, с нею сопряженная, представляют ту громадную выгоду, что избавляют меня от необходимости быть всегда вооруженным и иметь в доме наготове заряженные ружья, разрывные пули, динамит и подобные им аксессуары цивилизации. Проходит уже третий год, и ни один папуас не перешагнул еще порога моего дома ни на Гарагаси, ни в Бугарломе; незначительный негативный жест каарам-тамо достаточен, чтобы держать, если хочу, туземцев в почтительном отдалении. Пристальный взгляд каарам-тамо, по мнению папуасов, достаточен, чтобы нанести вред здоровью* и исцелять больных. Мне не приходится носить при себе воинственную амуницию и в незнакомых деревнях быть постоянно «au qui vive?» и т. д.

Эта репутация дает мне иногда возможность видеть и узнавать многое, что, вероятно, осталось бы для меня тайною, если бы в идеях туземцев я был не каарам-тамо, а простой белый человек. Она приносит также и туземцам ту несомненную пользу, что благодаря ей я был в состоянии не допустить несколько раз междоусобные войны, чем избавил туземцев от всех соединенных с ними бедствий.

Признаюсь, однако, что если бы потребовалось для сохранения этой репутации не единственно пассивное молчание, но иногда и уклончивые ответы, я вряд ли воспользовался бы долго ее покровом; и в таком случае мне, конечно, не удалось бы

рый следовало прежде обдумать. Тем более необходимо было обдумать, что туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды. «Баллал-Маклай-худи» (слово Маклая одно) вошло между ними в пословицу, в верности которой им никогда не приходилось сомневаться. Скажи я «нет», пожалуй, завтра или через несколько дней представится случай уличить Маклая во лжи. Скажи я «да», я поколеблю сам значительно мою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорей, нежели я написал последние строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся в длину барлы, как бы ища что-то (собственно, я искал ответа). Наконец, остановившись, я снял со стены солидное папуасское копье. Я выбрал нарочно самое тяжелое; подошел с ним к Саулу, который, следя за моими движениями, стоял посреди барлы, подал ему копье, а сам, отойдя несколько шагов, остановился против него. Затем, сняв шляпу, которой широкие поля скрывали мое лицо (чтобы туземцы могли по выражению лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось), сказал: «Попробуй, посмотри, могу ли я умереть». Недоумевающий Саул, хотя понял теперь смысл моего предложения, не подняв даже копья, первый заговорил: «Арен, арен» (нет, нет), между тем как несколько из присутствующих бросились ко мне, как бы желая загордить меня от копья Саула своим телом. Простояв еще несколько времени в ожидании пред Саулом и назвав его даже шутливым тоном «бабою», я сел между туземцами. Ответ оказался удовлетворительным, так как никто ни разу после этого случая не спрашивал, могу ли я умереть.

* Это было причиною, как я узнал теперь, что в 1871 г. в продолжение с лишком 4 месяцев туземцы скрывали от меня своих жен и детей, что еще и теперь случается в горных деревнях.

прожить так мирно и спокойно, как я живу вот уже около 3 лет между туземцами.

Сообщив в общих чертах о моих работах, о направлениях моих экскурсий и о способах для этих путешествий, рассказав некоторые эпизоды, прерывавшие иногда мою спокойную жизнь, и познакомив, наконец, читателя с причинами, которые помогают мне без особенных хлопот уживаться с папуасами, перейду к обратной, теневой, стороне медали.

Сюда относится, во-первых, нездоровье мое и моих людей, которые чаще были больны, чем я. Кроме моей старой знакомой — лихорадки (*Febris remittens*) с ее непредвиденными и неправильными пароксизмами, которые являются иногда в форме сильных невралгий (*neuralg. ram. I et II. Nervi Trigemini*), род хронической *Dermatitis**, особенно ног, заставляет меня проводить целые дни, иногда даже недели (!) дома, и как на зло, это нездоровье было возвратившийся) предпринять экскурсию, которая помогла бы мне дополнить мои наблюдения над обычаями туземцев.

Другая неприятность состояла в недостатке европейской провизии и многих весьма важных мелочей (между прочим, бумаги, чернил, стальных перьев, носков и т. п.), запас которых или истощился, или которые были забыты и утрачены при переезде моем сюда из Батавии.

Главною причиною этой неприятности было почти годовое запоздание прихода ожидаемого судна. Об этом несколько слов.

Я упустил из вида, что с членом коммерческого сословия условия и поручения должны сопровождаться положительными доказательствами, что при выполнении их он не будет в убытке; я не догадался подкрепить мою просьбу о присылке судна за мною** в ноябре или декабре 1876 года некоторую сумму наличных денег, векселем или тому подобным ручательством. Моя непрактичность была наказана: я остаюсь вот уже 20 месяцев*** без писем и принужден изловчаться прожить с запасом

---

* Да извинят гг. дерматологи мне это чересчур общее название; пока не могу приискать в памяти более специального, подходящего к физиологии болезни, которая, будучи, как кажется, вызвана ничтожными ушибами, царапинами, трением обуви, одежды и т. п., перешла в значительные, хотя поверхностные раны, нарывы, сопряженные с опухолью желез и т. п.; вероятно, основною причиною всех этих «приятностей» были не ушибы и царапины, а общая анемия вследствие неподходящей для белого туземной пищи, на которую я обречен обстоятельствами.

** Судно не должно было притти нарочно для меня одного из Сингапура, но, посещая торговые станции своей фирмы на островах Тауи, Агомес, Каниес, должно было лишь зайти за мною на берег Маклая.

*** Я получил адресованные мне письма, прибыв в Сингапур, в конце января 1878 г., следовательно оставался на этот раз 23 месяца без писем.

провизии на 5 или 6 месяцев*. Вся вина лежит, разумеется, на мне самом: я не могу винить человека, с которым был знаком всего несколько недель, в том, что он не оказал мне более доверия и не пожелал рискнуть суммой, которая могла бы возрасти до значительного размера при большой ценности найма судна (500 долларов в месяц) в зависимости от продолжительности плавания в местностях, подверженных неправильным ветрам (полоса штилей и переменных ветров близ экватора)**.

При другом характере и других воззрениях на окружающее я мог бы отнести к такому стечению обстоятельств, и вследствие весьма некомфортабельной жизни в продолжение многих месяцев, как к значительному несчастью; но на опыте я убедился, что отношусь к этим аксессуарам жизни, которую сам избрал, с большим индифферентизмом, и, замечая новое лишение или недостаток привычного удобства, могу повторять слова философа: «много есть, однакоже, вещей, которых мне не нужно».

Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрываемых видах райских птиц, не обещаю описать сотни и привезти тысячи новых редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций, я отвечу на это, что хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауною Малайского архипелага, все-таки почел за более важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на *status praesens* житья-бытья папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоропреходящи. Те же райские птицы и бабочки даже и в далеком будущем будут не менее восхищать зоолога, те же насекомые наполнять тысячами его коллекции, между тем как почти наверно при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, подобно тому как я искал сакай и семанг в лесах Малайского полуострова.

---

* Это обстоятельство, принудив меня употреблять главным образом туземную пищу, имело для моего здоровья очень серьезные последствия и было главною причиною моей почти 7-месячной болезни в Сингапуре.

** Запоздание шхуны имело, как я узнал впоследствии, весьма критические последствия для пяти белых тредоров, поселенных на островах. Три были, вероятно, убиты (1—на острове Тауи, 2—на группе Каниес), а двое были ограблены и прожили несколько месяцев в очень неприятном положении.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав.

Tempo é galant'uomo

Миклухо-Маклай

Написано в Бугарломе, на берегу Маклая в Новой Гвинее, в октябре 1877 г.

Переписано и дополнено некоторыми примечаниями во время якорной стоянки в лагуне Рифа Канделария, в июле 1879 г.

Напечатано в Изв. РГО, т. XVI, 1880, стр. 149—170. Рукопись в Архиве ВГО, ф. 6, оп. 1, № 64; черновая рукопись в Архиве Академии Наук СССР, ф. 143, оп. 1, № 15.

НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНЕНИЙ О ВТОРОМ ПРЕБЫВАНИИ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ В НОВОЙ ГВИНЕЕ

В 1876—1877 гг.

[Из письма к (князю) А. А. М. ⁶²]

Так как остается еще несколько листов бумаги, то я могу доставить себе удовольствие писать Вам и при этом дополнить мое письмо Географическому обществу, которое не хотел растянуть лишними подробностями, боясь главным образом, что нехватит бумаги, которой, хотя обходился с нею весьма экономно, осталось очень немного. Причина, что многие из моих запасов истощились или близки к тому, та, что вот уже 10 месяцев или более, как со дня на день ожидаю прихода судна, которое должно было притти сюда в ноябре прошлого года, чтобы забрать меня, а в случае если пожелаю остаться, возобновить припасы и привезти письма. Вследствие чего это случилось, я сообщил в письме Географическому обществу. Хотя совершенно верно, что жду шхуну каждый день и подчас с нетерпением, но в то же время боюсь ее прихода, боюсь, что ее приход оторвет меня от работ, которые так интересны, но так трудно и медленно достаются, что приходится дорожить каждым днем, тем более что между прочими индифферентными является иногда такой, который дает более результата, чем неделя терпеливого наблюдения.

Добравшись до моего берега 28 июня 1876 г., я поселился недалеко от Гарагаси, местность, где стояла моя хижина в 1871—1872 годах.

Причина этого выбора была, во-первых, та, что диалект соседних деревень (Бонгу, Горенду, Гумбу) был мне знаком достаточно; во-вторых, потому, что якорная стоянка около этого места, защищенная небольшим мысом Габина (м. Обсервации на карте, сделанной офицером корвета «Витязь»), безо-

пасная и довольно удобная, позволяла всегда сообщаться с берегом, между тем как в очень многих других местностях на берегу бухты Астролябии сообщение не всегда удобное.

Бугарлом, туземное название местности, которую я избрал для постройки дома, находится у самого моря близ довольно

Хижина Миклухо-Маклая на мысе Бугарлом

большой (по здешнему понятию) деревни Бонгу. Я решил жить в близости одной из деревень потому, что знал, что в очень многих случаях моей прислуги мне не будет достаточно, жить же в самой деревне не хотел по случаю людского шума, крика детей и воя туземных собак. Хижина, для которой я привез доски (стены и пол) из Сингапура, построена на сваях с лишком 2 метра высотой, имеет около 10 метров длины на 5 метров ширины. Верхний этаж состоит из комнаты и веранды, между тем как нижний, который также имеет стены, но сквозные, отчасти из досок, часть из бамбука,—это моя препаровочная для анатомических работ, мой кабинет для антропологических наблюдений (измерений) и складочный магазин для припасов

Люди и кухня помещаются шагах в 10 от дома, в отдельной хижине, наконец, для шлюпки построена третья хижина.

Складная мебель, привезенная еще из России и Германии, дополнена в Батавии и Сингапуре. Китайские цыновки, несколько ящиков с размещенным в порядке оружием и инструментами, опрокинутые и снабженные полками и таким образом обращенные в шкаф ящики для книг, банок и склянок обратили мой небольшой домик в достаточно удобное помещение, которого умеренный комфорт был весьма приятен после утомительных

Уголок в хижине Миклухо-Маклая. Бугарлом

экскурсий в горы и ночлегов в палатке или темных и далеко не опрятных хижинах туземцев.

Слуг у меня трое, вернее два с половиной: яванец, весьма порядочный человек, кроме того, что он исправлял должность слуги, он оказался изрядным портным и сносным поваром (по части малайской кухни); другие два—туземцы Пелау. Одного я взял как гребца для моей шлюпки и как охотника собственно не для собирания орнитологических коллекций, а для доставки мне свежей провизии для стола. Третий, лет 12 или 13, прислуживает мне в доме и сопровождает меня иногда при небольших экскурсиях. Хотя я не имел причины быть недовольным прислугой, но вряд ли я взял бы двух последних, если бы

имел случай испытать их с неделю. Но если даже прислуга могла бы быть и лучше, то главная цель достигнута, и я избавлен от ежедневных хозяйственных забот, которые в Гарагаси падали главным образом на меня и которые в то время так были мне противны, что я часто предпочитал голодать, чем носить воду, собирать дрова и раздувать огонь.

Первые месяцы по моем приезде время года было самое сухое на этом берегу, почему я воспользовался, чтобы сделать несколько экскурсий в горы, куда ложе больших рек, почти что высохших в это время, представляло сравнительно удобный путь до высот 2000—3000 футов.

Моей целью при первой экскурсии было не столько посещение горных деревень, сколько желание испытать годность туземцев как носильщиков для более отдаленных странствований. Но уже трех-четырехдневная экскурсия отняла у меня эту иллюзию и доказала, что все попытки этого рода ни к чему не поведут. Главная помеха употреблять людей как носильщиков была невозможность забрать достаточное количество громоздкой и малопитательной туземной провизии, потому что от другой (риса и сушеной оленины) они категорически отказывались. Затем постоянный страх перед горным населением, к чему присоединяется непривычная система ежедневного напряжения. Для опыта я выбрал трех человек, которых считал более надежными и выносливыми. Груз, который каждый, смотря по силам, должен был нести, не превышал 15—20 фунтов, ежедневный переход в гористой лесной местности не превышал 8-часовой ходьбы.

При всех этих умеренных требованиях уже на третий день я имел досаду видеть, что один из папуасов, на которого я даже более чем на других надеялся, первый отказался идти далее. Когда после недолгого отдыха я подал знак двинуться вперед, он не встал, и, лежа, плаксивым голосом заговорил: «Я голоден, таро сегодня кончился, ноги болят, дороги не знаю, дороги нет, горные жители убьют. Все одно придется умереть, так ты, Маклай, лучше убей меня сейчас, ноги так болят, что далее я не могу идти». Видя, что он при таком настроении, что никакие уговаривания не помогут, я взял молча его ношу поверх моей и повторил знак идти далее. Не прошло и часу, как явился и второй инвалид—Мебли, мой слуга с архипелага Пелау, рослый парень, но большой лентяй. Жалостным голосом он сказал мне, что уже второй день у него лихорадка и что он чувствует себя очень слабым, что он догонит нас сегодня или завтра, как только оправится немного. Лихорадка его была выдумкой, я это видел, но крайние меры редко приводят к удовлетворительным результатам. Без него было бы легко обойтись, но не без его ноши, потому что было взято единственно самое необходимое. Три папуаса имели такое раскисшее выражение лица, которое становилось еще кислее, как только я взглядывал на них, что

увеличить их ноши никак не было индицировано, — я и то несколько раз думал, что при каком-нибудь повороте они, оставив мои вещи, скроются. Нести самому еще третью ношу мне было не по силам. Итак, на мой опыт я получил отрицательный ответ. Я свернул с пути в ближайшую горную деревню, из которой, сменив людей, направился в следующую и обошел таким образом несколько деревень.

В знакомой местности, между известными им деревнями, туземцы были хорошими, даже очень предупредительными проводниками. Но едва они вышли из знакомого им (весьма малого) околотка, как становятся совершенно негодными; все им кажется

Остров Били-Били

невозможным, за каждым кустом или камнем они видят неприятеля. Одна только боязнь отказать мне заставила туземцев Бонгу согласиться пойти со мной за границу их обычных странствий.

Высокая цепь гор, не будучи населена, не представляла препятствий со стороны населения, но для переноски самого ограниченного количества вещей требовались люди, а для них провизия. Кроме даже небольшой ноши, человек может нести съестных припасов для себя только на очень ограниченное число дней. Брать для переноски провизии особых носильщиков мало помогает, так как и для последних требуется дневная порция. Мне несколько раз являлась мысль, что, если бы я имел конденсированные съестные припасы, которых переноска для продовольствия в продолжение многих дней не представляет ни слишком большой груз, ни объем, я мог бы один предпринять подобные экскурсии и быть избавлен от множества хлопот,

противного мне уговаривания и т. п. Изобретение такого портативного питательного вещества могло бы сделать возможным длительные экспедиции и таким образом оставить науке немало ответов еще не разрешенных вопросов.

Если вследствие описанных причин мне пришлось оставить мысль проникнуть при помощи папуасов вовнутрь страны, то, переменив план, я употребил с полным успехом их содействие при ознакомлении с горными деревнями, которых образ жизни во многих подробностях, сообразно с местностью, в которой они поселились, отличен от береговых жителей и отчасти беднее и примитивнее жизни последних.

Жители Бонгу и Горенду, воспользовавшись моей склонностью посещать селения, предложили мне идти в Марагум-Мана; с жителями этой деревни они во время моего первого пребывания на этом берегу вели войну. Хотя мир был заключен, но обе стороны, боясь измены бывших неприятелей, не хотели сделать первого шага, хотя и желали упрочить мир возобновлением обоюдных посещений. Отправляясь со мной, жители Бонгу, Горенду и Гумбу считали себя в полной безопасности. Согласившись и отправившись в Марагум-Мана, более 100 человек образовали мою свиту, и вид этой толпы вооруженных и разряженных как на пир (они хотели поразить своим числом и блеском своих бывших неприятелей) папуасов был оригинален и привлекателен.

Экскурсия в Марагум-Мана имела полный успех, и за нею последовал целый ряд других.

Островок Били-Били у западного берега бухты Астролябии и своим положением и образом жизни его жителей представлял для меня удобный центр для морских экскурсий. Когда я выразил желание иметь на острове собственную хижину (каждая хижина была мне к услугам при моем посещении), жители деревни с готовностью исполнили мое желание. Хотя моя вторая резиденция—Айру была не более как папуасская хижина, но я от времени до времени с удовольствием проводил в ней несколько дней, особенно потому, что выбранное местечко представляло весьма обширный, иногда при утреннем и вечернем освещении грандиозный вид гористого берега Новой Гвинеи. Моим хорошим отношениям с туземцами я обязан многими поездками к людоедам Ереппи и вдоль берега до мыса Тевалиб, каковые поездки я не мог бы предпринять в моей шлюпке, которая не более невского ялика. Но малость ее была весьма удобна для других целей, позволяя, например, мне одному разъезжать по бухте, что, однако, я стал предпринимать в крайних случаях, убедившись, что даже при малости и легкости шлюпки, когда приходилось грести при штиле или при противном ветре (лавиrowать с одним парусом не стоило), силы моей хватало ненадолго. Раз, когда я отправился вечером из Бугарлома в Айру без воды и провизии, шлюпку мою, когда затемнело, занесло течением

далеко в открытое море, так что мне казалось, что попасть на один из островов Кар-Кар или Ваг-Ваг можно уже было считать счастливым случаем. Случился, однакоже, еще более счастливый случай: прокачавшись несколько часов, несомый от берега течением (грести я и не думал,—это было бы напрасно выбиваться из сил), явился ветерок с подходящего румба и, подняв парус, в два или три часа пополудни, немного испеченный солнцем, с хорошим аппетитом, я добрался до Били-Били, где я мог бы быть часа в 3 или 4 утра. После этого опыта я стал брать Мебли с собою, который мог гресть в случае надобности.

Другое приключение, которое также благополучно сошло с рук, случилось при восхождении на пик Константина, вершину хребта Тайо, на западном берегу бухты, у подножия которого находится значительная деревня Богатим, и по своей форме—самый характерный пик между горами, окружающими бухту Астролябии.

На второй день ходьбы, проведя по случаю проливного дождя весьма скверно ночь, мне и моим спутникам (человек 20 туземцев деревни Богатим) предстояла самая крутая...* Отправились, карабкаясь и скользя, между скалами и камнями горного потока. Наконец, компас показал, и туземцы согласились—надо было, оставив ложе, направиться в сторону и лезть вверх между деревьями. Не было и признака тропинки, и так как ни один туземец не знал или не хотел знать дороги, приходилось мне идти вперед.

Предыдущий день надо было несколько десятков раз переходить вброд р. Иор, и контраст весьма свежей воды, которая в иных местах доходила мне до пояса, и палящих лучей солнца производил очень неприятное ощущение. Почти всю ночь, не переставая, лил дождь и, несмотря на три фланелевые рубашки, толстое войлочное, а затем каучуковое одеяла, я не мог согреться. Пароксизм лихорадки, для которой причин было достаточно, я ожидал к вечеру, потому поднялся рано, чтобы успеть добраться до вершины. Кроме незначительной головной боли над глазом, я чувствовал по временам легкое головокружение, что заставило меня останавливаться и придерживать за ближайшую скалу, ствол или ветку. В одном месте подъем был особенно крут, и без корней больших деревьев, которые благодаря громадному развитию первых могли удержаться на этой крутизне, и лиан, которые нам служили как канаты, нам пришлось бы, вернувшись почти к месту ночлега, сделать большой обход и подняться с другой стороны.

Эта крутизна представляет метров 20 или 25 ширины, по обеим сторонам которой были обрывы—следствия последнего сильного землетрясения (1873 г.).

---

* Пропуск в оригинале.—*Ред.*

Цепляясь за корни, я почти добрался до более отлогого места, когда я почувствовал сильное головокружение, наступившее так неожиданно, что я не успел рассмотреть ближайшей более крепкой опоры, чем тонкая лиана, за которую я держался в ту минуту.

Когда я пришел в себя, я очутился, лежа в очень неудобном положении (голова лежала гораздо ниже ног и туловища), около большого дерева, между большими корнями. Я долго не мог понять, как я попал сюда и вообще где я нахожусь. Я не чувствовал никакой боли, кроме странного ощущения в голове. Кругом было совершенно тихо, ни души. Мне хотелось спать, и вопрос, где я и т. д., мне казался вовсе неинтересным. Приведя мои члены в более удобное положение, причем я почувствовал с удивлением легкую боль во многих местах, я было закрыл глаза, как вдруг услышал недалеко от меня слова: «Я ведь говорил, что Маклай не умер, что он только спит!» Снова открыв глаза, я увидел папуасов, жителей Богатим, которые сидели и лежали недалеко, и двух или трех, которые подошли ко мне. Мне трудно было собрать мысли и привести их в порядок. Несколько глотков крепкого кофе с небольшим количеством рома (отличный напиток при экскурсиях) помогли мне отдать себе отчет в случившемся и вспомнить всю связь обстоятельств. Солнце было уже высоко, так что я пролежал после падения по крайней мере часа полтора. Рассматривать долго место, по которому я скатился к дереву, и рассчитывать шансы скатиться немного в сторону, прямо в обрыв, было некогда. Ноги и голова были целы, и время подняться на вершину терять было нельзя. Я был очень рад, что утром, уже чувствуя себя некрепко на ногах, передал aneroid и термометр одному из папуасов. Несмотря на это приключение, я имел силы добраться до вершины и в тот же день, правда часам к 11-ти ночи, дойти до деревни Богатим, откуда я предпринял экскурсию. Правда, что дней пять я хромал и дней десяток чувствовал контузию, полученную во время падения в разные части тела.

Эти головокружения являются изменнически, когда их вовсе не ожидают, одно из самых неприятных следствий анемии, происходящей от лихорадки, которая время от времени посещает меня, хотя в последние годы (и также и здесь, в Н. Г.) гораздо реже, чем прежде.

Уже на Яве в 1874, а затем во время странствований по Малайскому полуострову головокружения были причиной весьма неприятных случайностей, которые, однакоже, не имели пока слишком дурного исхода.

Другая немочь, которая гораздо более, чем лихорадка, надоедала мне, была род Dermatitis (?) или...* (я не могу подыскать более специального научного названия), которая прини-

---

* Неразборчиво.—Ред.

мала хронический характер. Самая незначительная ранка, царапинка, ушиб, укол, укушение насекомого образовывали нарыв, который очень долго, по неделе бывало, не заживал. Особенно ноги мои подвергались этому бедствию и представляли по временам более десятка небольших нарывов, за которыми ухаживать было необходимо, но крайне скучно. Если я не обращал на них внимания, они так разбалчивались, что в свою очередь заставляли сидеть несколько дней, не выходя из дома, а сон по ночам был возможен единственно при помощи приема Hydras Chlorat. Я до этого, даже во время первого пребывания на этом берегу, не испытывал подобной неприятности. Терпение и перевязывание As. sagbol. было единственным и достаточным лекарством, но заживает одна ранка, является другая. По виду и характеру они были совсем подобные тем, которых сотни я видел у туземцев, у которых ноги также чаще подвергаются...

Замечательно, что когда ноги болели, я не имел пароксизмов лихорадки, которые обыкновенно напоминали мне каждую неосторожность. При этом я вспомнил о поверии, распространенном на некоторых из Молуккских островов, что, когда есть раны на ногах, нет лихорадки. Действительно, лихорадки и раны на ногах находились в каком-то взаимном отношении. Дни домашнего ареста я употреблял на приведение в порядок моих заметок и на выписку из дневника сообщений Русскому географическому обществу о путешествии из Явы в Новую Гвинею.

Мои люди чаще, чем я, болели лихорадкой, но во многих случаях лень и притворство увеличивали число дней нездоровья. Во всяком случае я не могу жаловаться на особенно нездоровый климат Новой Гвинеи.

Уже вначале, как только поселился в Бугарломе, при помощи туземцев было расчищено место около дома и посажены разные деревья и посеяны семена различных растений (кокосы, бананы, папая, мангис, арбузы, тыквы, кукуруза и т. д.), из которых большинство принялись и стали расти очень хорошо. От времени до времени я призывал жителей Бонгу, чтобы срубить деревья, расчистить тропинки и т. п. Туземцы всегда охотно являлись или, смотря по работе, присылали своих жен, которые даже лучше работали, чем мужчины, часто прерывавшие работу, то чтобы покурить, то чтобы пожевать пинанг. Когда мне нужны были люди для какой-нибудь работы, несколько ударов в гонг, который для этой цели висел у меня на веранде, сзывал их. Если недостаточно было жителей Бонгу, призывались люди Горенду. Без помощи туземцев очень многое необходимое и удобное не могло быть предпринято и устроено. К моему первоначальному домику из привезенных из Сингапура досок прибавились новые пристройки почти одинаковой величины, состоявшие из большой комнаты с двумя верандами, соединенной коридором с жилым домом. Он построен на сваях самого прочного дерева, которое

белые муравьи не трогают, и покрыт прочной крышей из листьев саговой пальмы. Жители Бонгу под управлением обоих моих слуг построили мне этот европейско-малайско-папуасский дом, который образует прохладное помещение и который я позаботился заблаговременно построить, думая, что наскоро крытая крыша первого дома из листьев кокосовой пальмы не выдержитливней декабря и января месяцев.

Сообразно с моим письмом в Сингапуре, я ожидал прихода шхуны за мною в ноябре месяце, но, принимая в соображение довольно далекий путь и зависимость паруса от благоприятного ветра, я не был удивлен, когда шхуна не пришла и в декабре, полагая ее увидеть во всяком случае в январе. Я ожидал ее со дня на день, как видите, еще жду по сей день (2 сентября).

Годовое запоздание прихода шхуны, хотя и было источником многих неудобств, дало мне случай сделать наблюдения над действием папуасской пищи (единственно в подробностях немного отличающейся от пищи жителей островов Тихого океана) на белых.

Кроме писем, приход шхуны интересовал меня в чисто материальном отношении. Имея намерение оставаться этот раз на берегу Маклая пять-шесть месяцев, я никоим образом не имел в виду неисполнение моего поручения, и мои припасы были сделаны сообразно тому. В конце января кончился запас риса, затем в продолжение февраля, марта и апреля—все другие. Зная, что провизии на 5 или 6 месяцев у меня достаточно, я не обратил внимания, когда шкипер шхуны сдал мне многие мешки далеко не полные (сухари, бобы) или подменные (в мешки риса лучшего сорта был подсыпан рис дурного качества).

Возвращаясь из моего путешествия по Малайскому полуострову в ноябре 1875 г. и имея всего два или три месяца до отъезда в Новую Гвинею, я не хотел прерывать моих занятий в Бюитензорге поездкой в Батавию для приготовлений к новому путешествию. Все закупки и приготовления было лучше сделать в Сингапуре, откуда шхуна отправлялась, поэтому я отступил от важного правила, которое должен иметь в виду каждый путешественник: не поручать никому другому приготовления, а делать все запасы и приготовления к путешествию до мельчайшей подробности самому. Я поручил их одной личности в Сингапуре, которая с готовностью взялась исполнить мои поручения и обратить должное внимание, чтобы все было бы хорошо упаковано. Я был наказан за свое доверие и пренебрежение к материальной части моего предприятия.

Я не был доведен до положения, в котором находился в Гарагаси в 1871—1872 гг., когда пришлось обходиться восемь месяцев без соли; у меня и теперь еще есть немного кофе, какао, чай, красное и хинное вино. Некоторые из вещей не были взяты, многие, по случаю дурной упаковки, оказались в мало пригодном состоянии. Оказалось, например, что запас дробы был

весьма мал, так что уже в марте месяце Мебли, который был на деле далеко не такой стрелок, каким его описывали его соотечественники, исстрелял с лишком 1600 патронов и должен был по случаю недостатка дрови прекратить охоту, так что и в этом отношении стол мой обеднел и, чтобы не быть принужденным есть одно таро, надо было приискать другие источники.

Я нашел для лентяя Мебли, вместо охоты, другое занятие, именно рыбную ловлю, которая в результате несколько разнообразит мой даже в сравнении с первыми месяцами пребывания в Бугарломе весьма однообразный стол.

Жизнь в такой отдаленной местности от европейских колоний имеет то большое неудобство, что надо или делать громадные запасы или привыкать обходиться без многих, иногда весьма необходимых вещей. Мои сборы к этому путешествию в декабре 1875 г. были весьма спешны и многое было позабыто. Двое из моих часов были приведены в бездействие, одни вследствие падения при экскурсии в горах, другие вследствие опытов, которые вздумал производить над ними один из моих слуг с о. Пелау. Мне пришлось поэтому быть очень осторожным с оставшимися, и я заводил их единственно, когда предпринимал экскурсии. Днем, когда я оставался дома, высота солнца была для меня достаточным регулятором времени. Для вечера я придумал весьма удобное мерило времени, именно сторание стеариновой свечи. Масштаб, приделанный к подсвечнику, деления которого были определены несколькими опытами, мог мне показать ход времени с достаточной точностью. Если не ошибаюсь, японцы имеют нечто подобное: тоже применяется огонь как мерило времени.

У меня оказалось только полдюжины тонких стекол для микроскопических объектов (?). Пришлось быть весьма осторожным и не пренебрегать самыми малыми осколками. Обуви было значительно, но я позабыл привезти пару туфель.

Последствия расхищения моих вещей в Айве (Папуа-Ковиай в апреле 1874 г.) отозвались неприятным сюрпризом и в настоящем путешествии. Многих вещей, которых я тогда лишился, я не мог пополнить в Батавии и Сингапуре, не успел или забыл выписать их из Европы, тем более что 1876 год я провел почти постоянно «en route» (Сиам, Малайский полуостров). Так, напр., мой большой ящик с анатомическими инструментами, который был унесен папуасами в горы вместе с другими железными и необходимыми вещами, я совершенно забыл заменить новым, во-время выписав из Европы. Пришлось довольствоваться оставшимся небольшим ящиком, дополнив его из несессера хирургическими инструментами и остальными, выбрав даже между столярными принадлежностями.

Не стану далее приводить примеров ухищрений разного рода, к которым мне приходилось прибегнуть по случаю недо-

статочны полных приготовлений к затянувшемуся пребыванию в Новой Гвинее и разным лишениям вследствие запоздалого прихода шхуны. Тех и других я мог бы привести дюжину. Но перейду лучше от этой *misère de la vie journalière* к весьма серьезному вопросу, который занимает меня часто.

Размышления о судьбе туземцев, с которыми я так сблизился, часто являлись само собою, и прямым следствием их был вопрос, окажу ли я туземцам услугу, облегчив моим знанием страны, обычаев и языка доступ европейцев в эту страну. Чем более я обдумывал подобный шаг, тем более склонялся я к отрицательному ответу. Я ставил вопрос иногда обратный: рассматривая вторжение белых как неизбежную необходимость в будущем, я снова спрашивал себя: кому помочь, дать преимущество, миссионерам или тредорам? Ответ снова выпадал—ни тем, ни другим, так как первые, к сожалению, нередко занимаются под маской деятельностью последних и готовят путь вторым. Я решил поэтому положительно ничем, ни прямо, ни косвенным путем, не способствовать водворению сношений между белыми и папуасами.

Возражения подобные: темные расы, как более низшие и слабые, должны исчезнуть, дать место белой разновидности, высшей и более сильной, мне кажется, требуют еще многих и многих доказательств. Допустив это положение и проповедуя истребление темных рас оружием и болезнями, логично идти далее и предложить отобрать между особями для истребления у белой расы всех неподходящих к принятому идеалу представителей единственно избранной белой расы. Логично не отступать перед дальнейшим выводом и признать ненужными и даже вредными всякие больницы, приюты, богадельни, ратовать за закон, что всякий новорожденный, не дотянувшись до принятой длины и веса, должен быть отстранен и т. д.⁶³

Дойдя, наоборот, при помощи беспристрастного наблюдения до положения, что части света с их разными условиями жизни не могут быть заселены одною разновидностью *species homo* с одинаковой организацией*, с одинаковыми качествами и способностью, и додумавшись, что поэтому существование различных рас совершенно согласно с законами природы, приходится признать за представителями этих рас общие права людей и согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы, и что всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений ею. В большинстве случаев [эти злоупотребления] предпринимаются отдельными личностями, которых вся цель жизни сосредоточена единственно на добывании долларов. История европейской колонизации и европейского влияния на островах Тихого океана переполнена

---

* В тексте вначале стояло с «одинаковым цветом кожи»; переправлено рукой автора.—*Ред.*

слишком грустными примерами, чтобы взять на себя ответственность привлечением сюда белых увеличить их число.

Чтобы отогнать эти невеселые размышления, мне стоит только обратиться к моим научным занятиям, которые всегда были и всегда будут главнейшею целью моих странствований. И при этом верность замечания «Im Reiche der Intelligenz waltet kein Schmerz, sondern alles ist Erkenntnis» здесь снова подтверждалась. Так как это письмо, однакоже, не имеет назначения трактовать о научных результатах и бумага еще есть, то, чтобы переменить тему, расскажу случай, который может послужить примером, как осторожно надо быть при делании «открытий» в стране, подобной Новой Гвинее. Обходя горные деревни вокруг залива Астролябии, я провел первую ночь в Энглам-Мана, затем следующую в Сегуана-Мана, где мои спутники из Бонгу пожелали остаться ждать меня, пока я вернусь с моими новыми проводниками и носильщиками из Самбуль-Мана, куда я направился на другое утро. Спускаясь в лощину между обрывом и хребтами и перейдя вброд весьма быстрый горный поток (верховье р. Коли), мы снова поднялись на противоположную высоту, где стояла деревня Самбуль-Мана. В деревне я расположился в большой хижине, назначенной для хранения принадлежностей «ай», для гостей и вообще для мужского населения деревни. Барлы в горных деревнях отличны от подобных построек в береговых деревнях. Они малы, низки, не открытые с обеих сторон. Небольшое отверстие (1 м высоты, 0,5 м ширины) в полуметре от земли в фасаде служило дверью. Крыша доходила до земли, так что боковых стенок не было, передняя и задняя были образованы из расколотого бамбука, корзинообразно переплетенного. Над дверью под крышею были воткнуты, кроме обыкновенных, [одно слово неразборчиво] нижние челюсти свиней, собак, черепа разных видов кускуса и *Perameles* (разные предметы, которые что-либо напоминают или чем-нибудь обратили внимание туземцев*). Не только над входом, но и внутри барлы находятся обыкновенно разные этнографические достопримечательности. Осмотрев все предметы у входа, я вошел в хижину, где было так темно, что пришлось зажечь свечу. Кроме двух из дерева вырезанных масок, какие употреблялись при Ай-Мун, несколько костей, привешенных в самом видном месте среди хижины, главным образом привлекли мое внимание.

* Обломок моей палки. Я заметил обломок сучковатой палки, форма которой мне показалась знакомой. Видя, что я обратил на нее внимание, один из папуасов предупредительно напомнил мне, что это была палка Маклая, которую Маклай сломал давно, давно, по дороге из Гарагаси в Мале. Я действительно припомнил этот случай.

Если во время моего посещения мне случилось иметь с собою консервы, то пустая жестянка выпрашивалась обыкновенно для того, чтобы повесить ее в барле в память моего посещения. То же делали с изорванными после экскурсии брошенными перчатками и т. п.

Это были два позвонка быка (средней величины). Из тщательного образа, каким они обвязаны хорошо скрученным шнурком, и из выражения физиономии окружающих меня жителей деревни я мог заключить, что последние весьма дорожат этим орнаментом барлы.

— Анде рие? (это что?),—спросил я, удивленный, забыв, что оставил людей Бонгу в Сегуана-Мана. Никто здесь не понимает диалекта Бонгу. Хотя ответили многие, и некоторые вдалились в длинные рассказы, я не мог ничего понять. Эта находка меня, однако, сильно заинтриговала. Каким образом эти бычьи позвонки попали сюда? Хотя я читал, что в Новой Гвинее были найдены следы не только быка, но следы и каменного носорога, видеть в этих позвонках доказательства этих открытий мне не пришлось в голову. Однако же я сейчас же послал в Сегуана-Мана за одним из людей Бонгу, чтобы получить объяснения.

На другой день пришел один из жителей Бонгу, и я услышал следующую повесть. По уходе корвета «Изумруд» находили многие предметы, выброшенные на берег, между которыми находили несколько костей, которые были признаны за «сурле бульборо русс». Один из туземцев ухищрялся вечером объяснить мне, что это—кости большой свиньи и что они получили их из Энглам-Мана. Эти кости, принадлежащие «большой свинье с большими зубами на голове», были собраны и сохранены как редкость жителями Горенду, от которых один из туземцев Энглам-Мана получил два позвонка в подарок. От него они перешли к отцу его невесты, жителю Самбуль-Мана.

Другие кости быка были подарены в другие деревни и, может быть, пространствовав подобным образом дальше, не только удивят, но послужат к гипотезам, если будут найдены путешественником по ту сторону Мана-Боро-Боро.

При посещении горных деревень я осматривал со вниманием не только хижины, но также материал всех украшений*, которые носят жители берега Маклая и которые отличаются значительно, смотря по деревням, надеясь найти следы животного, которое, вероятно, существует в Новой Гвинее не только на севере, где его нахождение было доказано мне в 1875 г.** Я говорю о *Gen. Echidna*.

---

* К сожалению, некоторые и даже самые интересные украшения вынимаются и носятся только в экстраординарных случаях, при Ай-Мун, так что в обыкновенное время их не принято надевать.

** В марте 1874 г. на берегу Папуа-Ковиай я видел у одного жителя той местности несколько игл ехидны, прикрепленных к концам ожерелья. Спрошенный, откуда он имел их, он не только назвал туземное имя животного, но сказал, что это животное часто отыскивается собаками в лесу на горах (мои спутники из Серам-Лаута называли его малайским именем «ландак», название, которое дается на Яве роду *Hystrix*) и прибавил, что один такой «ландак» был привезен раз в Кильвару (небольшой остров около Срама). Спрошенный далее, он сказал, что «ландак» не кусается, так как у него нет зубов. Это последнее обстоятельство склонило мое

Я думал найти или иглы его, употребляемые как украшение какого-нибудь рода (в виде ожерелья, браслета и т. п.), или его череп как остаток туземного угощения. Но иглы не нашлись между украшениями, и ревизия всех костей и черепов, которые попались мне до сих пор на глаза, не повела к открытию. К тому же такое животное так характерно, что туземцы, которых я не раз спросил о нем, должны бы его знать...

*Бугарлом, на берег! Маклая,
Октябрь и ноябрь.*

Н о я б р ь 1 8 7 7

В море, около о-ва Агомес

Мое письмо было прервано приходом шхуны. Шхуна не привезла ни писем, ни провизии. Г. Ш. в Сингапуре предположил, что, наскучив ждать шхуны (ждал ее, правда, 12 месяцев), я покинул, вероятно, свой берег с одним мимо проходящим судном, почему заблагорассудил оставить мои письма у себя в Сингапуре. Но, не будучи, однакоже, положительно уверен в возвращении моем, он дал инструкцию шкиперу заглянуть на всякий случай на мой берег. Продав письма 21 месяц, придется прождать еще месяц или два. От шкипера узнал весть о войне России с Турцией и о взятии Константинополя.

Идем в Сингапур, но противный западный ветер или штиль очень задерживает плавание.

*Напечатано: Н. Н. Миклухо-Маклай. Полн. собр. соч., т. II.
Рукопись (черновая) хранится в Архиве Академии Наук СССР,
ф. 143, оп. 1, № 15.*

мнение, что этот «ландак», вероятно, ехидна. Не добыв никаких материальных доказательств о существовании этого животного в Папуа-Ковий, я совсем забыл об этом виденном и слышанном, до тех пор как я прочел (кажется в ит. журнале) письмо г-на Ад. Бекари с островка Сорон, где он упоминает о животном, покрытом иглами, полученном г. Д. Альбертис, которое он, однакоже, не называет ехидною. Существование ехидны в Новой Гвинее оказалось подтвержденным. На севере (в горах Папуа-Нотан) она описана под именем *Acanthoglossus Bruinii*, на южном берегу — под именем *Acanth. Lawesi*. Что касается последнего вида (которого 2 экземпляра я видел в Австралийском музее) [позднейшая приписка. — *Ред.*] то она не более отличается от австралийского вида *E. Nuxtrix*, как последняя от тасманийской *E. Setosa*.

ТРЕТЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ БЕРЕГА МАКЛАЯ

(1883 г.)

Я имел возможность снова посетить берег Маклая, встретив на пути в Австралию, в Батавии, корвет «Скобелев».

Узнав от адмирала Н. В. Копытова, что он намеревается посетить некоторые о-ва Меланезии и, может быть, зайдет на берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моему знанию туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании, а я, с своей стороны, мог бы вновь посетить знакомые мне места. Должен сказать, что берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что случилось с моими новогвинейскими друзьями. Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе «Chuebassa», на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбейн (Квинсленд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро. За неимением свободной каюты, мне было устроено при помощи брезентов и флагов отличное помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте, которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

При заходе в Макассар и в Амбоину я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, двух телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшихся на Малайском архипелаге, в подарок туземцам берега Маклая. Мое желание было исполнено, и, кроме того, на казенные деньги были куплены для подарков туземцам тех островов, куда мы должны были зайти, разные вещи, как то: малайские паранги (большие ножи), красная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того, мною было приобретено множество семян разного рода, между прочим семена дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина, лимона, ланзата, кофейного

деревя, несколько молодых ананасов и много семян разных других полезных растений и овощей.

Пройдя пролив Буру и Сайгуйэн (между о-вами Салавати и Батанта), 12 марта мы подошли к северному берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и вообще вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а итти прямо к берегу Маклая. 15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта на Новой Гвинее. На открывшемся перед нами 16 марта о. Вулкане оказался снова действующим вулкан, как и в 1877 г. 17-го утром, пройдя проливом Изумруд (между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар), мы медленно прошли архипелаг Довольных людей около 2 часов пополудни и в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константина.

Я съехал на берег, на мысок Обсервации, и, увидев там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия—свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и т. п., мы обошли деревню. Она показалась мне на этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 гг. Припомнив расположение деревни, я скоро открыл, что целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились. Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 г., все девушки и молодые женщины были удалены; оставалось только несколько безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более что почти вся молодежь отсутствовала. Одни находились в Богатим по случаю происходившего там большого ая и муна; другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин.

Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove»), затем о приходе в Гарагаси «абадам Маклай» (брата Маклая), как они, вероятно, называли г. Ромильи. Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем. «Туй муэн сен» (Туй умер),—ответил мне Саул. Я очень пожалел о моем старом приятеле. Я вызвал у туземцев Бонгу большое волнение, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мною имена этих животных; все хотели их видеть сейчас же. Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изго-

родь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело. Еще раньше я убедился, что если дать туземцам какую-нибудь вещь для общего пользования, а не исключительно одному, то это всегда окажется ошибкой, так как никто не заботится об общей собственности. Однако дать привезенный скот кому-нибудь одному или же раздать по одному животному на несколько лиц казалось мне несправедливым. Сказав, что приведу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 гг. стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь повсюду большой кустарник; только местами, изредка, проглядывали между зеленой посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество *Carica Papaya* значительной толщины*. Вместо широких дорожек, содержащихся всегда в большой чистоте, около моей хижины оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай. И это было все. Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь 5—6 лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы.

Времени на размышления, однако, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1877 г. у меня росла кукуруза и где мне показалось, что кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревья, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе нетрудно. Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водой, а сам с помощью своего слуги из Амбоины, Яна, и обоих матросов стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит больше, нежели на берегу Маклая. Туземцы, повидимому, интересовались всей этой процедурой. Я тем не менее не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не вылились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкой

---

* Вообще я заметил, что *Carica Papaya* очень быстро акклиматизировалась на берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы она не росла.

у деревни забора для скота. Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду, но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новой. Добравшись, наконец, до места, где 6 лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни остались только две-три хижины; все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткой сиесты я вернулся на берег и пошел снова в Бонгу. Я чувствовал себя, как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым. Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитать; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими старыми приятелями. Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я сам ничем особенным не выражал своего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скажут от радости при виде меня. Были, однако, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия: «и этот умер,— говорили они,— и этот, и этот», и т. д. Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать, когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо русс» с «буль боро русс» (большая русская свинья) приближаются в «кабум ани боро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой. Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как вследствие отлогости берега большому баркасу нельзя было подойти к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, командовал несколькими матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду. Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из выскочивших

матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было нелегко задерживать его. Бычок побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев, которые при виде нового для них животного, казавшегося для них, не знающих животных больше дикого кабана, громадным, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смиреннее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам. В деревне была сооружена изгородь метров 15 в квадрате для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заколочена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько матросов с баркаса, пришедшие смотреть деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; повидимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень беспокоен: он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за животными во время переезда из Амбоины, как бы успокаивало их. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, чувствовали себя спокойнее. Козла и коз, за неимением другого помещения, я предложил туземцам поместить в одну из хижин и сказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана. Один из матросов заметил, что нужно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос стал доить козу, все туземцы сбегались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молоко, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, почему я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся за изгородью, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это же время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень беспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор. Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбегавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще

раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетело из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побегал за тамо русс, как бычок отбежал от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, выбравшись на свободу, как бешеный, полетел по деревне. Туземцы в ужасе быстро попрятались кто куда.

Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать стремглав вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все же скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, удастся загнать бычка обратно за изгородь, так как он очень ручной. Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес, почему я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, завидев людей, бычок стремительно пустился вперед, а туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайšie холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествием дня, что, несмотря на большое желание, не мог исполнить обещанного, т. е. вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта на рассвете корвет «Скобелев» снялся и направился к островку Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта кн. Алексея, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей архипелага Довольных людей несколько, и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между о. Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюпку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О, Маклай! О, Маклай! Эме-ме, э-аба! Гена!»

Несколько пирог приблизилось к шлюпке. В одной из них находился Каин, в другой—Марамай и Гассан и несколько других. Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем последовать за мною на корвет, обещая дать табак и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюпку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отвечать за недостатком времени. Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня

отпустить их домой. Сказав Каину и Гассану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми о-ва Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (т. е. табак и гвозди), и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамай, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент, когда я на него не смотрел, взобрался на полуот и оттуда бросился в море. Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 г. посадил несколько кокосовых пальм, я имел удовольствие видеть, что они все принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая: «Нуи Маклай», «Монки Маклай» (остров Маклая, кокосы Маклая), «Навалобе Маклай Урему и на таль атар» (со временем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом). Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между о. Грагером и мысом Бейле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился к о. Сегу. Адмиралу, однако, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль о-вов архипелага Довольных людей. Мы прошли длинный о. Сегу и увидели пролив между ним и материком, совершенно свободный от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега о. Сегу. Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров. Я отправился с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть бухты обширного порта кн. Алексея. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, т. е. воспользовались приблизившейся пирогой, которая забрала их из воды, и более не возвращались. Хотя я отчасти извинял страх туземцев, но все-таки был сильно раздосадован их поступком, почему, увидя пирогу с двумя туземцами, я приказал рулевому направиться к ней, почти что силой взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвел моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина и Марамай вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был для меня незнаком) моего пленника, что его не ожидает никакая опасность, а, напротив того, он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который благодаря добродушию матросов чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта

Был одет в половине пятого, а после завтрака отправился с лейтенантом Б. в бухту Еремпи, которая оказалась гораздо

более обширной, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточна для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, которые, однако, побоялись приблизиться к пlyingшему паровому баркасу, дым которого очень смущал их. На обратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая мне была знакома еще с 1877 г.

Речка оказалась достаточно глубокой, хотя и узкой. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана с пучками лиловых цветов попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев, они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен*.

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое озеро, которое я видел, отправляясь в деревню Еремпи в 1876 г.

Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника, и поэтому сам отправился с ним в деревню Сегу, которая, однакоже, оказалась совершенно безлюдной. В одной из покинутых хижин я увидел два круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и один очень замечательный телум, представлявший мужскую и женскую фигуры *in corpora*. Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был очень непрочь вернуться обратно на корвет, где все обращались с ним очень хорошо. Встретив на обратном пути к корвету несколько пирог, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, повидимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного колена и бус), я сказал, чтобы они привезли нам на другое утро кокосовых орехов. Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирога, возвращавшихся на о. Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта

До восхода солнца я отправился в деревню Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было видно ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожимая мне руку, он сказал, что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся остаться среди тамо русс без меня, но что со мною он готов вернуться

* Этот вид дикого банана, по рисунку цветов и плодов и по моему описанию, был назван бароном Ф. Мюллером в Мельбурне «*Musa Maclayi*» (см. Proc. of Linn. Soc. of N. S. W.).

хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мною в деревню Бомасия, про которую я только слышал в 1876 г., побывать же там самому мне не удалось.

Кроме Каина, я взял с собою еще и моего амбоинца Яна. В небольшой пироге мы отправились к реке Аю; затем через небольшой приток, по имени Маус, мы переплыли маленькое озеро Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пирогу на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Еремпи. Жители ее сперва было бросились бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня, как мужчины, так и женщины, сбегались, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табак и гвозди, женщинам—бусы и красную матерью, разорванную на длинные полосы. Здесь, как и в Еремпи, жители людоеды.

Мне хотелось приобрести несколько черепов, но Каин уверил меня, что мозг обыкновенно варится в самом черепе, а затем, когда все уже съедено, кости выбрасываются в море. Мне предложили купить здесь очень интересный для меня довольно длинный щит, не деревянный, а сплетенный из ротанга. Этот щит приобретен туземцами от жителей Кар-Кара (о. Дэмфир). Так как владелец щита хотел получить за него топор, которого у меня не было с собою, и не хотел доверить мне и подождать уплаты при посредстве Каина, да и самому ему не хотелось итти на корвет, где он мог получить топор, то мне пришлось отказаться от приобретения щита. Тем не менее мне удалось приобрести копье, лук и стрелы весьма тщательной работы и этим пополнить небольшую коллекцию папуасского оружия. Наконечники стрел в особенности были вырезаны очень искусно, с разными зарубками и засечками.

Когда нам подали угощение из вареного таро и т. п., я желал узнать, имеют ли здешние жители специальные табиры для угощения, на которых бы подавалось исключительно человеческое мясо. Ответ получился отрицательный. Мне сказали,

Марамай—туземец острова
Били-Били

что человеческое мясо варится в обыкновенных горшках и подается тоже в обыкновенных табирах. Так как сегодня меня не угощали мясом, то на этот раз я мог быть уверен, что мне не преподнесли человеческого мяса. На обратном пути нам пришлось пройти несколько довольно больших и очень хорошо обработанных плантаций. Повидимому, земля здесь особенно плодородна.

Мы вернулись на корвет как раз перед сильным ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день. Это меня крайне удивило и опечалило, так как на карту еще не было нанесено и половины обширного порта кн. Алексея.

Остров Маласпена

Все бухточки и якорные места около о-вов Рио, Тиара, Грагер и др., т. е. вся южная часть этого порта, не значились еще на карте, сделанной офицерами корвета «Скобелев». Я несколько раз начинал доказывать адмиралу, как было бы хорошо распространить промер и на остальную часть порта. Адмирал, однако, оставался непреклонен, говоря, что уже сделано все необходимое и что лучшей якорной стоянки, чем мы имели около о. Сегу, искать нечего, что ему необходимо крайне дорожить временем, и т. д. Мне было очень досадно, что не русскому военному судну удастся сделать полную карту отличного порта*.

22 марта

Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-Боро-Боро и архипелага Довольных людей. Сильный

* Я не ошибся, так как месяцев 5—6 спустя германским корветом была сделана съемка южной части порта кн. Алексея, две бухточки которого были названы немцами.

противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой остров, по имени Маласпена, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на о. Сегу, отыскал Каина и через него спросил туземцев, которые считают о. Маласпена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы построить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласны, но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

23 марта

Снялись с якоря в 6 часов, около 8 проходили пролив Изумруд между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар. У юго-западной оконечности последнего мы заметили несколько парусных пирог, и часа через три я убедился, что эти самые пироги были вытащены на берег у мыса Круазиль; это послужило мне доказательством постоянного сообщения между туземцами Кар-Кара и жителями материка.

Напечатано: 1) «Путешествия», 1923, стр. 573—587; 2) «Путешествия», т. 1, 1940, стр. 199—206. Копия рукописи в Институте этнографии АН СССР (Ленинград).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПАПУАСАХ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ *

«... Таким образом, является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи».

К. Е. von Buer. Ueber Papuas und Alfuren, стр. 71.

Приведенное мнение Бэра совпадало и с моим желанием посетить Новую Гвинею и по возможности ознакомиться с ее обитателями. Желание это исполнилось, и я провел 15 месяцев на одном из интереснейших берегов Новой Гвинеи в ежедневном общении с туземцами, которые вначале приняли меня очень недоверчиво и враждебно, а в конце концов обращались со мною дружелюбно.

Ни один европеец не посетил этого берега до прибытия сюда в сентябре 1871 г. русского парового корвета «Витязь»**. На

* Из «Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie» Deel XXXIII. Эта статья была написана на Новой Гвинее в течение 1872 г. На случай, если бы лихорадка или туземцы сократили мое пребывание там, было условлено с капитаном русского корвета «Витязь», что статья будет упакована в жестяном ящике и зарыта в известном, указанном мною месте.

Время, остающееся до моего второго путешествия на Новую Гвинею, которое я намереваюсь предпринять в конце нынешнего года, не позволяет мне привести более подробностей. Полагаю, однако, этим не вполне утрачивается ценность наблюдений, конечно, неполных, но произведенных на месте. При последующей редакции я только немного дополнил и исправил частности.

** Дэмпир⁶⁴ (Dampier) шел на парусах к северу от о-вов Ваг-Ваг (O. Rich) и Кар-Кар (у Дэмпира Île Brûlante, названный впоследствии также о. Дэмпир), в значительном отдалении от берега Новой Гвинеи (см. Suite du voyage du Guillaume Dampier aux Terres Australes. Amsterdam, MDCCV, р. 105 и карты на стр. 1). Дюмон-Дюрвиль⁶⁵ (Dumont d'Urville), который также проходил мимо этого берега и открыл зал. Астролябии и бухту Гумбольдта, тоже не высаживался здесь на берегу. У папуасов этого берега я не нашел никаких следов европейских вещей. Если же принять во внимание, как заботливо хранили туземцы все мелочи, подаренные им мною, и как эти вещи, путем обмена и подарков, способны скоро распространяться, я могу из отсутствия европейских вещей, которых я не застал при моем прибытии, с уверенностью вывести заключение о том, что сношений с европейцами совершенно не было. Ответы туземцев на мои вопросы также подтверждали это предположение.

мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, бывшее совершенно обособленным от сношений с другими народами и жившее притом на такой стадии развития культуры, когда все орудия и оружие изготавливаются из камня, кости и дерева. Еще в Европе я избрал для своего будущего пребывания восточное побережье Новой Гвинеи, как наименее известное и где раса папуасов сохранилась в наиболее чистом виде. Последнее предположение, действительно, оправдалось: я не нашел у туземцев никакой примеси чуждой крови; поэтому наблюдения, которые мне удалось сделать над моими соседями, могут иметь ценность для всей папуасской расы. О результатах некоторых из этих наблюдений я хочу здесь вкратце сообщить*.

В цитированном выше мемуаре г. Бэра, находившемся, к счастью, при мне, приведены почти все вопросы, касающиеся антропологии папуасов и бывшие ранее высказанными или намеченными. Я не преминул ими воспользоваться. Прежде, однако, чем перейти к этим вопросам, мне кажется уместным, для устранения возможных недоразумений, точнее объяснить, с какими людьми я имел дело.

Как сказано, я высадился на берегу зал. Астролябии. Моя хижина была построена на южном берегу бухты, почти посередине между двумя крайними мысами: мысом Дюпере (Duperré) и мысом Риньи (Rigny). Я ознакомился как с прибрежными жителями залива, так и с обитателями соседних островов у мыса Дюпере**. Люди с о. Кар-Кар (о. Дэмбир) также являлись к моей хижине. Я неоднократно посещал папуасов, живущих в горах вокруг залива, до высоты, приблизительно, 1500 футов, в разбросанных там селениях, и мог лично убедиться в том, что высокий горный хребет, идущий параллельно берегу и имеющий приблизительно высоту в 6—8 тысяч футов, необитаем⁶⁶. Полнейшее отсутствие тропинок, густота девственного леса и крутизна горного хребта образуют трудно преодолимую преграду для проникновения в глубь страны, о которой туземцы, несмотря на мои частые расспросы, не могли мне дать никаких сведений, так как они сами никогда не переходят через горы.

Некоторые долины на юго-западном берегу залива проникают далеко в горы. Жители этих склонов также не замедлили навестить белого пришельца. Явились даже люди с восточной части горного хребта, с которыми мои соседи незадолго перед этим заключили мир. Они также вернулись домой довольные, получив от меня подарки.

---

* Подробное описание моего пребывания и моих экскурсий по Новой Гвинее может появиться лишь гораздо позже, т. к. мое путешествие, вероятно, потребует еще несколько лет.

** Я назвал эти острова (числом около 30) «архипелагом Довольных людей».

В общем население вокруг залива довольно густое*. У меня было широкое поле для наблюдений, которые, однако, значительно затруднялись обилием наречий и их различием в ближайших деревнях.

Об этих многочисленных наречиях, так же как и о физиономии и климатологии страны, образе жизни и питании папуасов я подробно сообщу в другом месте; здесь же достаточно сказать, что берег Маклая гористый и порос густым лесом. Селения папуасов расположены в тени лесов, и только при работе на плантациях да на рыбной ловле туземцы подвергаются действию солнца. Пища их главным образом растительная; мясо свиней, собак, сумчатых, птиц и гадов составляет большую редкость; рыбной ловлей здешние папуасы занимаются тоже мало.

Теперь я перехожу к настоящей задаче этого сообщения, т. е. к рассмотрению свойств кожи, волос, черепа и других телесных особенностей у наблюдавшихся мною папуасов.

Р о с т. Самый высокий папуас, измеренный мною, был ростом 1,74 м, самый низкий—1,42 м**; между этими крайними цифрами варьировал рост других, причем, однако, лишь немногие приближались к указанному максимуму. Женщины в большинстве случаев были значительно ниже мужчин. В общем папуасы хоть и невысоки ростом, но хорошо и крепко сложены, что было замечено и ранее другими наблюдателями относительно папуасов, живущих в других местах***.

К о ж а. Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам какую-то особую жесткость кожи****. Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев. То обстоятельство, что здесь многие страдают psoriasis'ом и вследствие этого имеют кожу, покрытую сухими чешуйками, не представляет еще расовой особенности; понятно также, что если многие другие смазывают кожу в течение многих лет

---

* Я считаю население на побережье зал. Астролябии и в окружающих горах, по крайней мере, в 3500—4000 человек; там около 80 селений, и я принимаю за минимальное среднее число жителей в селении 45—50. Это число, вероятно, еще ниже действительного, так как только в самых маленьких деревнях можно было насчитать менее 40 человек, в больших же селениях жителей было по 100 и по 150 (в Били-Били я насчитал позже (в 1876 г.) 41 «тамо-билен», т. е. взрослых женатых мужчин, в Бонгу—32 и 44 женщины, в Горенду только 13 «тамо-билен»). [Слова и фразы, заключенные в угловые скобки {}, здесь и в дальнейшем представляю собой дополнения, отсутствовавшие в первоначальном немецком тексте статьи (журн. «Naturkundig Tijdschrift»), но внесенные впоследствии в русский перевод рукописи рукой Д. Н. Анучина на основании не дошедших до нас пометок Н. Н. Миклухо-Маклая.—*Ред.*]

** В немецком оригинале статьи—1,32 м, но эта цифра, видимо, ошибочна.—*Ред.*

*** A. R. Wallace. Der Malayische Archipel., 2-er Band, S. 234.

**** F. Müller. Reise der Fregatte «Novarra», Ethnographie, S. 14; O. Finsch. Neuguinea. 1865. S. 34, и многие другие авторы.

особым сортом глины [Erde], то неудивительно, что она становится у них несколько грубее. Наконец, также ясно, что кожа у людей, постоянно всюду ходящих нагими и подвергающих себя действию солнца и всем переменам погоды, не может быть так же нежна, как кожа людей, защищающих себя платьем. Одним словом, какую-то особенную жесткость или грубость кожи никоим образом нельзя приводить в качестве одного из признаков, отличающих папуасов от остальных людей.

Цвет кожи. У большинства путешественников приходится встречать упоминание о черном, даже о синеvато-черном цвете кожи папуасов*. Очень темная окраска кожи, действительно, свойственна жителям многих меланезийских островов**, но отличительным признаком для всех папуасов черный цвет кожи считать нельзя.

Здесьние папуасы почти все светлошоколадного, коричневого цвета; попадаются (особенно между горными жителями) желто-коричневые, не темнее самых светлых самоанцев, но встречаются и темноокрашенные, как обитатели Новой Ирландии или Дорэ. В общем я нашел, что цвет кожи папуасов варьирует в широких пределах, не меньше, чем у многих других рас.

Возраст оказывает на цвет кожи значительное влияние, что особенно заметно у мужчин. До двадцатого года юноши бывают иногда очень светлы, старшие же гораздо темнее. Однако и здесь можно найти особей, как и в Полинезии***, более темных, чем преобладающее большинство населения. Как мне кажется, их появление нельзя объяснить иначе, чем аналогичные случаи появления брюнетов и блондинов у кавказской расы. Я видел также светлее и темнее окрашенных детей у одних и тех же родителей. Отклонение от обычного цвета кожи поддерживается также наследственностью. Браки между темными индидуумами случаются здесь часто.

Пигмент распределен по телу неравномерно: некоторые места кажутся немного светлее, чем остальные. Лицо****, ладони,

* «Цвет кожи черновато-ржавый, часто даже иссиня-черноватый» (F. Müllerg, l. c., S. 14, ср. O. Finsch, l. c., S. 39).

** Когда я прибыл с Ротумы на Новую Ирландию, меня поразила темный цвет тамошних жителей в сравнении с полинезийцами; наоборот, на берегу Маклая мне бросился в глаза светлый цвет кожи у жителей горных селений. Туземцы Дорэ (Doreh), которых я видел в Тидоре (человек 60), были все, в среднем, темнее туземцев зал. Астролябии. Негритосы о. Люсона, посещенные мною в апреле 1873 г., были также темнее обитателей гор на берегу Маклая. Очень светлый цвет кожи встречается также у туземцев Новогбридских островов; я встречал таковых на Таити среди рабочих на плантациях.

*** Waitz—Gerland. Anthropologie der Naturvölker, Bd. V, Abt. 2, S. 26 сл.

**** Цвет кожи на лице у многих других темноокрашенных племен (у полинезийцев, малайцев, мулатов) я находил более светлым, чем на остальном теле, обратное, следовательно, тому, что наблюдается у европейцев. Можно, пожалуй, объяснить эту особенность более частым шелушением эпидермиса более нежной кожи лица.

ступни, кожа подмышками, так же, как и места, покрытые браслетами и передником, окрашены светлее. У женщин с отвислыми грудями нижние поверхности грудей и места, покрытые последними, также светлее остальной кожи.

У некоторых папуасов я наблюдал на коже более темные пятна. Цвет этих пятен не отличался значительно от цвета остальной кожи, но контуры их обрисовывались все-таки вполне ясно. Эпидермис на этих местах был так же гладок, как и на остальном теле, и ничто не давало повода предположить, что эти пятна, занимающие часто большие участки кожи (иногда половину спины или значительную часть одной из конечностей), стоят в связи с каким-нибудь болезненным процессом.

Цвет рубцов. Маленькие раны оставляют рубцы, которые несколько темнее кожи; напр., можно различить по более темной окраске мелкие круглые рубцы (у женщин по обеим сторонам груди, у мужчин—на спине и конечностях), сделанные раскаленным углем. Глубокие раны, встречающиеся у здешних папуасов, нередко имеют следствием ряд почти белых рубцов; я видел на теле папуасов много раз белые пятна с очень зубчатыми очертаниями.

Волосы. В распределении и свойствах волос думали найти самый характерный признак папуасов*, поэтому я обратил на волосы папуасов особенное внимание. Прежде всего о распределении волос. Чтобы составить себе правильное мнение о распределении волос на голове папуасов, я исследовал его как у совсем маленьких (3-х—6-ти месячных) детей, так и на бритых головах более старших (7—13 лет). Мне удалось также несколько раз наблюдать распределение волос на головах взрослых людей, когда мне приходилось самому коротко стричь волосы на значительных участках головы (главным образом при ранениях головы, которые я должен был лечить). Таким путем я мог получить ясную картину распределения волос на голове папуасов. Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил. Волосы на голове папуаса *растут совершенно так же, как у европейца и вообще как на человеческом теле*, т. е. отдельные волосы стоят не на одинаковых расстояниях (1—3 мм в среднем) и часто по 2, по 3, реже по 4 вместе.

Вначале волосы папуасов (на голове у детей или на теле у взрослых) длиной приблизительно в 1,5 мм прямые, не изогнуты; лишь потом, когда волосы отрастут и окрепнут, они начинают завиваться в локоны, кольца которых у детей достигают приблизительно 3—5 мм в диаметре, а у взрослых 6—10 мм. <У папуасов юго-западного берега (Papua Opin и Papua Kowiai) я встречал волосы с самой различной степенью завитков>. Каким образом Эрл пришел к убеждению, что волосы папуасов дости-

* E a r l. The Papuans, p. 1; K. E. von Baer, l. c., S. 65, и мн. др.

гают длины в 1 фут, для меня неясно*. Мне кажется, трудно сказать что-нибудь положительное, достаточно проверенное рядом наблюдений, относительно длины, которой может достигнуть волос папуаса, подобно тому, как это трудно сказать относительно длины, какой мог бы достигнуть волос европейца, предоставленный свободному росту**. Папуасы часто бреют свои волосы, смазывают их различными сортами глины*** и разными жидкостями, стригут их и т. д. К тому же рост волос у всех человеческих племен представляет значительные индивидуальные колебания. И у папуасов—один имеет массу волос, вдвое превышающую по размерам его голову; другому же приходится покрывать свою жидковолосую или даже лысую голову шкуркой кускуса; один часто стрижет бамбуковым ножом свои «гатесси» (туземное название длинных локонов на затылке), покрывающие у него не только шею, но и плечи и часть спины, а другой, несмотря на все старания, не может отрастить длинных локонов и печально говорит о своих волосах: «Гатэ борле, борле» (плохие, плохие волосы)****.

Папуасы тратят много труда и времени на расчесывание, разделение на отдельные пряди и окраску своих волос. Если не расчесывают волос несколько дней, то последние образуют вьющуюся, взъерошенную массу, из которой торчат отдельные, более длинные пряди, *но никогда волосы не образуют естественным путем обособленных длинных прядей*, как это утверждает Эрл, а за ним и другие авторы. Я много раз наблюдал, как здешние жители старательно отделяют свои «гатесси» одну от другой. Не следует также думать, что эти «гатесси» состоят каждая из одного пучка; они скорее представляют закрученную, продолговатую массу, состоящую отчасти из отмерших и отпавших волос и из втертой глины (Erde). Нередко части такого локона висят в некоторых местах на четырех-пяти волосах.

Цвет волос. На детских головах можно видеть, что волосы папуасов от природы матово-черного цвета. В более позднем возрасте у всех туземцев без исключения вследствие втирания различных веществ волосы изменяются в цвете и становятся еще более матовыми. Эту искусственно приобретенную окраску не всегда легко наблюдать, так как волосы почти всегда бывают окрашены у них в красный или черный цвет*****.

Отдельный волос, выделенный из локона, представляет спираль, отличающуюся от всякого другого вьющегося волоса

---

* E a g l. L. c., p. 2.

** Нет, кажется, ни одного человеческого племени, у которого бы с детства оставляли волосы свободно расти, не применяли бы бритвы, стрижки, расчесывания, смазывания различными веществами и т. д.

*** В оригинале Erdarten.—Ред.

**** Длинные пышные волосы считаются большим украшением для мужчин.

***** (Черный цвет дает пиролюзит с примесью окиси железа).

(также и европейца) лишь своими более узкими завитками. Если волосы папуаса предварительно хорошо расчесаны, то кольца их (завитки) являются более широкими, и тогда, мне кажется, очень трудно отличить макро- или микроскопически отдельный папуасский волос от вьющегося волоса всякой другой расы. При рассматривании в микроскоп волосы папуасов (мужчин) имеют приблизительно среднюю толщину волос европейца. Многие волосы взрослых папуасов, вымытые в воде*, теряют свой черный цвет, становятся светложелтыми и представляются под микроскопом вполне прозрачными, как всякий другой волос после обработки щелочами. Причина этого—различные реактивы, которыми папуасы обрабатывают свои волосы (в молодости—золой и известью, в позднейшем возрасте—красной и черной глиной).

Говоря о волосах папуасов, необходимо добавить несколько слов *об уходе за ними и о прическе папуасов*. Первые волосы у детей мягки и прямы; уже в самом раннем младенческом возрасте, когда волосы только что показались, голову натирают черной краской. В возрасте от трех до четырнадцати лет волосы часто бреют или подстригают. Прежде употребляли для стрижки бамбуковые ножи, а для бритья—острые осколки кремня или пользовались острыми краями стеблей некоторых трав. Со времени моего пребывания туземцы скоро ознакомились с режущими свойствами стекла, и теперь они бреют себе волосы осколками стекла, если только могут их добыть. Чтобы сколько-нибудь защитить детей от вшей, волосы их натирают золой и водой, отчего на голове образуется толстая корка. Если снять эту корку, то волосы оказываются бурыми или даже светложелтыми. У детей, особенно у девочек, операцию эту часто повторяют; у мальчиков до обряда обрезания, т. е. до тринадцати-четырнадцати лет, волосам не дают отрасти длиннее 5—6 мм, после же обрезания на волосы и прическу обращается особое внимание. Волосы отращивают более 10 см (редко свыше 14 см), расчесывают по нескольку раз в течение дня большим бамбуковым гребнем с длинными зубцами и натирают их мякотью молодых кокосовых орехов, а также различными сортами глины.

Перед большими празднествами и посещением соседних деревень папуасы обыкновенно заняты украшением друг друга. При этом раскрашивается лицо, иногда и спина, расчесываются и красятся волосы. Чтобы краска лучше держалась, сначала натирают волосы наскобленной мякотью кокосового ореха (при помощи раковины), потом тщательно причесывают их длинным бамбуковым гребнем, отрезая лишние, торчащие локоны так, чтобы получилась более ровная и пышная прическа. После

---

* При промывке папуасского волоса, который перед тем был расчесан и поэтому имел широкие завитки, я всегда замечал, что в воде завитки снова становились узкими.

этой операции больше не видно отдельных локонов, а лишь волнистую массу волос, в которой заметны только отдельные волосы, а не отдельные завитки. Далее натирают красной краской (суру) или всю голову, или лишь только часть ее вокруг лица, наподобие ленты; в последнем случае красят волосы на затылке в черный цвет. Часть молодежи и все папуасы более зрелого возраста пользуются для окрашивания волос только черной краской (куму). Потом обвивают вокруг головы одну или две ленточки, изящно сплетенные из тонких полосок листа пандануса, и закрепляют их на затылке посредством приделанных к концам деревянных булавок. Ленточки эти мешают волосам спадать на лоб. Большой бамбуковый гребень, украшенный у молодых людей лишь одним пером, втыкается спереди в волосы. Перо на гребне вырезано так, что при самом легком движении головы или ветерке оно приходит в колебание, что, повидимому, весьма нравится папуасам. Кроме того, в волосы втыкаются красные цветы *Hibiscus*, а на затылке обыкновенно развешивается длинный и узкий, пестро окрашенный лист *Colodracon*, прикрепленный маленьким бамбуковым гребешком. Это обычная праздничная прическа папуасской молодежи (маласси). Прическа более пожилых туземцев (тамо) гораздо проще. Они обыкновенно красят волосы в черный цвет, не употребляют ни ленточек, ни цветов, ни листьев и лишь в особо торжественных случаях втыкают в волосы большой веер или султан из перьев. Но зато они отпускают волосы на затылке, которые, будучи разделены на длинные тонкие пряди, образуют вышеописанные «гатесси», спадающие сзади на шею от одного уха до другого. Длинные гатесси считаются у мужчин большой красой. На темени волосы отпускают и расчесывают, гатесси же густо смазывают черной краской, чтобы лучше изолировать их друг от друга.

В обыкновенное время более пожилые папуасы не носят в волосах ничего, кроме гребня; молодые—лишь несколько цветов и листьев. Вообще волосы приходится красить не особенно часто, так как краска—довольно дорогой продукт, и волосы поэтому имеют часто красно-бурый оттенок.

Женщины и девушки почти вовсе не тратят труда и времени на украшение волос и лишь в редких случаях получают от своих мужей или братьев немного черной или красной краски. Большинство их коротко стрижется или бреет себе волосы.

Горные жители ухаживают за своими волосами не так старательно, как живущие на побережье. Однако в торжественных случаях и их головной убор имеет подобный же вид. Жители Самбуль- и Сегуана-Мана (горные деревни) привязывают к отдельным локонам различные мелкие предметы, как, напр., красиво окрашенные перышки, раковинки, блестящих жуков и т. д. Такой же обычай я наблюдал у жителей Новой Ирландии (порт Праслин).

Седина скрадывается краской; к тому же папуасы, кажется, не достигают преклонного возраста, так что седые волосы редко можно встретить. Если в бороде появляются кое-где седые волосы, их старательно выдергивают. *Лысых* я встретил из многих сотен папуасов только четырех. Редкие или жидкие волосы встречаются у стариков довольно часто.

Брови у папуасов в большинстве случаев сбриваются; если же они не сбиты, то обычно бывают очень густые; они поразительно широки и часто соединяются на переносье.

Ресницы, особенно у молодых людей, достигают значительной длины и обыкновенно красиво изогнуты кверху.

Бороду молодые люди или бреют или выщипывают. Старшие отпускают бороду, которая становится густой и обильной, но не достигает особенной длины, так как ее часто подстригают и даже бреют. Как и в Полинезии, бороду здесь носят не особенно охотно, считая ее признаком старости. Волосы бороды у папуасов (как и у кавказской расы) гораздо толще, чем на голове, поэтому и завитки их значительно шире.

Волосы на теле. Как и на голове, волосы на теле папуасов растут вовсе не группами или пучками, как это утверждают некоторые наблюдатели*. Быть может, поводом к такому ложному представлению послужило то обстоятельство, что у пожилых папуасов волосы на тех местах, где они бывают длиннее (на груди, на внутренней поверхности бедер и т. д.), собираются в небольшие пучочки или завитки. Достаточно, однако, более внимательного осмотра тела любого папуаса, чтобы убедиться, что волосы растут не пучкообразно и что их корни распределены не группами.

Скудный или более обильный рост волос на теле подвержен у папуасов подобным же индивидуальным колебаниям, как и у других племен. Вообще же волосатость тела у здешних туземцев, повидимому, меньше, чем у европейцев; некоторые же части тела представляются, наоборот, более волосатыми, чем у кавказской расы. Так, напр., у папуасов часто можно встретить довольно густые и длинные волосы на спине, начиная от затылка. Эти волосы следуют направлению позвоночника, постепенно суживаясь книзу; я видел также у некоторых папуасов, что все ягодичы их были покрыты обильными волосами. Наоборот, на тыльной стороне рук, где у европейцев нередко можно видеть довольно длинные волосы, я не встречал их у папуасов вовсе.

У папуасов, страдающих psoriasis'ом (по-туземному «массо»), я видел только скудную растительность на теле, а у некоторых не было и вовсе волос на теле. Вообще относительно волос на теле, а равно и растущих подмышками и на половых частях, можно заметить, что все они много толще волос на голове; при этом

---

* J. B. J u k e s. Narrative of the surveying voyage of H. M. Fly. 1842—46. v. II.

волосы подмышками и на половых частях образуют гораздо более широкие завитки, чем волосы на голове.

Череп. Малое число несомненно подлинных папуасских черепов, находящихся в европейских музеях, побудило меня старательно их собирать здесь; но, несмотря на все усилия, мне удалось добыть всего 10 штук. Погребальные обычаи папуасов были благоприятны для моей цели, но позже они оказались причиной того, что мне могли достать лишь немногие черепа. После пребывания трупа около года в земле его выкапывают родственники, по крайней мере голову; нижнюю челюсть тщательно отделяют от черепа, очищают и сохраняют, череп же, наоборот, бросают в каком-нибудь углу деревни, в кусты*. Эти черепа, подвергаясь действию погоды и разным случайностям, могут сохраняться лишь немногие годы; поэтому в каждой деревне можно найти только черепа людей, недавно умерших.

Однако весьма трудно добыть череп с нижней челюстью: последняя, как уже сказано, заботливо сохраняется родственниками умершего. Щедрые подарки редко побеждают нежелание папуасов отдать челюсть умершего родственника, хотя они охотно отдают череп за пустую бутылку. С большим трудом я мог достать 2 черепа с нижней челюстью. До сих пор я не имел возможности обработать свой краниологический материал, который я сохраняю до более подробного изучения. Пока я ограничусь только сообщением некоторых беглых наблюдений.

Череп папуасов берега Маклая долихоцефальный (указатель ширины в среднем 77), высокий (указатель высоты в среднем 72); при рассматривании сбоку (в профиль) верхний контур его представляется весьма выпуклым. При рассматривании черепа спереди или сзади он кажется крышеобразным; вдоль его, через макушку, идет явственный киль, что, впрочем, было отмечено и относительно других папуасских черепов**. Лоб с боков сильно сдвоен, и скуловые кости сильно выдаются в стороны. Надбровные дуги часто бывают сильно развиты. Затылок широкий и плоский***. Верхняя челюсть значительно развита и довольно прогнатна, так что верхний ряд зубов выдается над нижним. Нижняя челюсть спереди узка, с выступающими углами. Положение нижнего ряда зубов по большей части менее прогнатно, чем верхнего.

---

* Я получил однажды в одной деревне (Гумбу) менее чем в 10 минут 5 черепов, которые мне принесли ребяташки за несколько кусков табаку и лоскутков ситца из различных углов позади хижины. Я сам часто находил вблизи папуасских деревень человеческие кости, валявшиеся на земле, в кустах, вместе с костями свиней и собак; они, очевидно, были выброшены самими папуасами вместе с другими костями.

** К. Е. von Ваег, I. с., S. 64.

*** Череп младенцев и детей раннего возраста значительно отличается от черепа взрослых; затылок у них сильно выдается, что у взрослых не так бросается в глаза. Искусственной деформации черепа, как мне положительно известно, у папуасов берега Маклая не практикуется.

Физиономия. Немного покатый, невысокий и узкий лоб, приплюснутый, широкий нос*, часто с большими ноздрями, широкий, выдающийся вперед рот с выпяченной верхней губой**, уходящий назад подбородок и, наконец, выдающиеся в стороны скулы, представляющие резкий контраст с узким лбом,—вот, приблизительно, господствующий тип здешних папуасов.

Но не все лица можно подвести под эту схему. Попадаются и прямые и не особенно плоские носы, даже большие, выпуклые; губы также не у всех толстые и выпяченные, встречаются и узкие, причем иногда и подбородок не отступает заметно назад.

Описание человеческого типа выходит весьма различным, смотря по тому, имеются ли в виду лица более молодых или старых особей. Менее развитая мускулатура, большая толщина жирового слоя, более гладкая кожа значительно изменяют очертания лица***. В предыдущем описании я имел в виду главным образом лица мужчин в возрасте, приблизительно, от 30 до 35 лет. У молодых папуасов лоб обыкновенно более выпуклый и глаза лежат не так глубоко. Глаза вообще большие, с черной или карей радужной оболочкой и матово-белой роговицей, которая у более пожилых имеет желтоватый оттенок****. Между мальчиками нередко встречаются миловидные и приятные лица*****. Среди взрослых мне лишь крайне редко попадались физиономии, о которых можно было бы сказать то же самое. Дети и женщины гораздо ближе по типу к африканским неграм, чем мужчины. Вообще я нигде не встречал такого несходства между лицами детей и взрослых, как здесь, на Новой Гвинее. Физиономии некоторых жителей горной деревни Теньгум-Мана поразили меня своей некрасивостью: с узким и покатым лбом и широким толстым носом соединялся у них рот, имеющий при самом спокойном выражении лица не менее 75—80 мм в ширину; но в той же

---

* Wallace (*Der Malayische Archipel*, Bd. 2, S. 412, 415 и др.) говорит часто о «большом папуасском носе». Таковой, может быть, характерен для некоторых папуасских племен, но здесь я встречал его только в виде исключения у двух-трех особей.

** (Здешние папуасы имеют привычку выпячивать губы, когда они чем-нибудь заняты или когда они спокойно сидят, что-нибудь думая или работая).

*** (Лоб почти всегда в морщинах, что, вероятно, зависит от старания защититься от солнечного света, старания, переходящего потом в привычку).

**** (У более старых папуасов глаза не такие открытые и окружены морщинами, что, вероятно, обуславливается постоянным сокращением мускулатуры век, вследствие стремления защитить глаза от солнечного света).

***** Попадались также нередко лица, напоминающие известный портрет у Raffles (*History of Java*, Plate 31), воспроизведенный К. Э. фон Бэрром (*Über Papuas und Alfuren*, S. 58), причем физиономии не принадлежали больным субъектам, как это предполагал фон Бэр. Папуасский мальчик Ахмат (из Амбермаки), сопровождавший меня с февраля 1873 г., мог бы служить pendant к этому портрету.

деревне оказались и люди с почти красивыми (на взгляд европейца) лицами.

Папуасы берега Маклая прокалывают себе носовую перегородку. Эта операция производится над детьми в возрасте трех-четырех лет. Она несколько изменяет форму носа, так как носовая перегородка немного отвисает. Отверстие имеет в ширину около 5 мм. В носу редко носят тяжелые и толстые предметы: мужчины обыкновенно в качестве носового украшения употребляют продолговатый камешек или кусочек раковины. Жители же горных деревень втыкают в нос бамбуковые, украшенные узорами, палочки длиной в 15—20 см; особенно любят это украшение женщины. У одного племени, живущего к юго-востоку от бухты Астролябии и называемого здешними туземцами «дева», пробуравливают себе крылья носа в их верхней части и носят в отверстиях перья, деревянные палочки и другие украшения*.

Носы папуасов с проколотой носовой перегородкой

З у б ы. У папуасов верхний ряд зубов выступает над нижним. Зубы папуасов крепкие, большие и часто ряд их не симметричен. Вследствие преобладания растительной пищи зубы уже очень рано стираются**. Беспрестанное жевание бетеля является причиной порчи и даже отсутствия зубов у пожилых туземцев***.

Уши папуасов мясистые и не слишком оттопыренные; ушная раковина плоская, но довольно широка. Мочка—вытянутая от ношения тяжелых серег и часто разорванная. Девушки продырявливают, кроме мочки, еще верхний край уха. Прокалывание производится в ранней молодости посредством шипа *Dioscorea* ((аян диглан)).

* Этот обычай я наблюдал также у обитателей Новой Ирландии в порту Праслин.

** Уже на 8-м месяце моего пребывания на Новой Гвинее я заметил значительное стирание своих зубов вследствие почти исключительно растительной пищи.

*** У детей первыми прорезываются 2 средних резца, в нижней челюсти ранее, чем в верхней.

Т у л о в и щ е. У папуасов сравнительно тонкая шея. У некоторых грудь мощно развита и плечи широки. Почти у всех мужчин грудная клетка хорошо развита, и лишь немногие могут быть названы узкогрудыми.

Животы у папуасов бывают выпяченными только после обильной пищи; особенно это заметно у детей; у взрослых это наблюдается лишь после пиров, и то в меньшей степени. То обстоятельство, что это состояние преходящее, ясно показывает, насколько эластичны брюшные покровы и, вместе с тем, какое количество пищи может поглотить зараз человек.

Если смотреть на *спину* папуасов в профиль, то можно заметить в области поясницы более значительную вогнутость, чем у европейца. Я многократно убеждался в том, что кривизна позвоночника у папуасов заметно уклоняется от его изгиба у кавказской расы*.

Ягодицы у мужчин и женщин хорошо развиты, но не чрезмерно, как это утверждалось относительно некоторых других папуасских племен**. У детей обоего пола ягодицы даже очень плоски и мало мясисты***.

К о н е ч н о с т и. Мускулатура верхних конечностей большей частью хорошо развита, и кисти имеют красивую форму****. Хотя папуасы при работе различают правую и левую руки и имеют даже особые названия для них, однако они гораздо больше пользуются левой рукой, чем европейцы. Я замечал это очень часто. Они пользуются для многих целей также нижними конечностями и могут поднимать ногой с земли очень мелкие предметы. При этом они схватывают предмет, не сгибая ножных пальцев, а зажимая между большим пальцем и остальными, что им обыкновенно хорошо удается*****. Я заметил, что у многих

---

* И этот вопрос, как многие другие, должен быть предоставлен более точному анатомическому исследованию на секционном столе. (Повидимому, большая кривизна позвоночника стоит в связи с большим, тяжелым животом, причем для поддержания равновесия приходится отгибать верхнюю часть туловища назад, отчего спина в поясничной области загибается вперед, и это уже в раннем возрасте, как у женщин в позднем периоде беременности).

** Напр., по наблюдению голландской экспедиции, у папуасских женщин пролина Принцессы Марианны (см. O. F i n s c h, 1. с., S. 51).

*** (Поразительно, как у папуасских девушек (вероятно, и у девушек других рас) задние части увеличиваются в объеме в течение двух-трех лет (между двенадцатью-тринадцатью годами). Повидимому, большая ширина этих частей у женщин нравится мужчинам. Когда я указал на Маую и назвал ее красивой девушкой, Туран возразил мне, что она «слишком тоща задом»).

**** (Длина рук по отношению к росту становится, повидимому, с возрастом больше).

***** Я видел, например, как они держали ногами самые различные предметы, поднимали их с земли, ловили в воде маленьких рыб, снимали более крупных с остроги и даже чистили бананы. (У младенцев (несколькох месяцев) ножные пальцы очень вытянуты и находятся в постоянном движении).

папуасов большой палец ноги отстает от остальных на 2—2,5 см; это во многих случаях оказывается им очень полезным, так как дает возможность держать ногой даже крупные предметы. Очевидно, эта особенность приобретенная, так как в большинстве случаев тот же палец на левой ноге не бывает настолько отодвинут от прочих пальцев. Величина обеих ступней иногда неодинакова, что, вероятно, следует приписать большему употреблению одной ноги сравнительно с другой.

Ногти на ногах и руках очень тверды и толсты, а так как средняя часть их еще толще и крепче, то встречаются когтеобразные ногти на руках и ногах, обязанные своей формой тому, что боковые, более мягкие части их легко отламываются.

Хотя и встречаются папуасы с малым развитием икр, но у большинства икры развиты удовлетворительно, только расположены несколько высоко*.

Половые органы. Что касается наружных половых органов у мужчин, то я не заметил ничего особенного, кроме сравнительно малой длины *penis*'а. Очень плотно (даже у мальчиков) прилегающие мали (пояса стыдливости), вероятно, служат причиной частых заболеваний этих органов.

Мальчики в возрасте тринадцати—пятнадцати лет подвергаются обрезанию**. Производится оно острым осколком кремня, которым надрезают вдоль крайнюю плоть; эта операция оставляет в позднейшем возрасте один или несколько кривых рубцов. Обрезание практикуется у большинства жителей берега Маклая, но в некоторых деревнях этот обычай отсутствует***, почему жители их презираются остальными.

Туземцы Новой Ирландии (порт Праслин) также не знают этого обычая. В 1871 г., когда я их посетил, они ходили еще совершенно нагими, и у всех без исключения *glans penis* была закрыта *praeputium*'ом (я видел приблизительно человек 50 или 60 туземцев).

Грудь у молодых девушек конической формы и остаются маленькими и заостренными до первого кормления; впоследствии они принимают иногда значительные размеры, и у женщин двадцати—двадцати пяти лет становятся похожими на длинные полунаполненные мешки, в верхней части несколько более узкие, чем в нижней. Ареола большая (10—12 мм в диаметре) и очень

* Окружность икр редко превышает 30 см.

** Насколько мне известно, ни у одного папуасского племени не наблюдали еще обрезания (см К. Е. V. Вагг. *Ueber Papuas* ..., S 91). (Обрезание совершается над многими юношами одновременно. Для этой церемонии строится в лесу особая хижина, называемая «мулум-талъ». Необрезанные называются «ямбау тамо». Мулум (обрезание) производится через известные промежутки времени (каждые 7—8 лет, может быть, и чаще), причём обрезываются также многие женатые. По этому поводу происходят пиршества, на которые сходятся жители соседних деревень).

*** В горных деревнях Энглам-, Теньгум-, Марагум-Мана, равно как и на о. Тиара, я не нашел этого обычая

темно пигментированная; сосок плоский и мало выдающийся. У женщин старше тридцати лет высохшие груди отвисают надобие пустых, складчатых треугольных мешков*.

Кормление грудью продолжается по несколько лет. Я встречал детей на вид лет трех, четырех и даже старше, которые уже помогали родителям при работе и разделяли с ними всякую пищу, но в то же время продолжали еще кормиться молоком матери.

Утолщенные ноги папуасов

В половом отношении папуасы очень строги. Внебрачных связей не бывает, или они случаются крайне редко, что, вероятно, стоит в связи с ранними браками. Папуасы женятся обыкновенно вскоре после обречения и довольно стесняются только одной женой. Женщины (наверно, от тяжелой работы) не особенно плодовиты: обыкновенно одна женщина имеет двух-трех детей, редко пять. В июле и августе я замечал в папуасских деревнях много женщин на сносях, и большинство рождений приходится на сентябрь. Отсюда можно предположить, что зачатие происходит по преимуществу в известное время года, именно—в декабре и январе,

когда здешние папуасы наименее заняты полевыми работами, и когда ими справляется большинство их ночных праздников, продолжающихся обыкновенно по несколько дней подряд**.

В заключение сообщу еще о некоторых замеченных мною особенностях и привычках папуасов берега Маклая. Несмотря на темный цвет кожи, я мог констатировать у папуасов побледнение и покраснение лица. Под влиянием гнева или страха цвет их лица становится заметно светлее; когда они

* <Повидимому, соски у темных рас больше, чем у белой (также и у мужчин). У папуасок встречается особая форма груди. Часть ареолы, более пигментированная, отшнурована, так что грудь является как бы трехэтажной. Такое образование иногда выражено на одной стороне сильнее, чем на другой. Это—дальнейшая дифференциация кожной груди, которую я наблюдал в Полинезии. Сосок способен к значительной эрекции).

** У австралийцев было замечено подобное же. Ср. «Novarra-Reise». Ethnographie, S. 6—7.

заболевали, я их видел также более бледными. Радость, пляска, быстрая ходьба, натуга, усилие при поднятии чего-либо тяжелого вызывали на некоторое время потемнение цвета лица.

Я не видел здесь ни одного толстого папуаса. В молодости у обоих полов слой подкожного жира довольно толстый, но с возрастом почти все становится тощими. Это обстоятельство, кажется, стоит отчасти в связи со стиранием и гниением зубов и вследствие этого неудовлетворительным питанием*.

П о х о д к а мужчин имеет также нечто своеобразное, что мне скоро бросилось в глаза. Но для определения того, в чем именно состоит ее особенность, мне потребовалось более продолжительное наблюдение. Папуасы делают одной ногой (то правой, то левой) большой шаг, а затем подводят другую ногу. Чем больше им приходится ходить, тем заметнее этот способ передвижения**.

Походка женщин несколько изменяется воспитанием. Мужчины находят красивым, если их жены при ходьбе двигают своими задними частями. Я часто видел в деревнях маленьких девочек, семи-восьми лет, которых их родственники или родственницы учили этому вилянию задом; целыми часами девочки заучивали эти движения. Девушки, желающие понравиться молодым мужчинам, должны это делать особенно демонстративно, и некоторые достигают в этом большого искусства. Что этот способ ходьбы не представляет удобств, видно из того, что девушки, если нет мужчин или они не обращают на них внимания, начинают ходить проще, но стоит мужчине взглянуть на них, как женщины снова начинают двигать своими задними частями.

Походка старых женщин естественнее, но все-таки они не могут вполне забыть привычек молодости. (Пляска женщин состоит главным образом из таких движений)***.

Мужчины *плавают* так, что над водой не видно ни ног, ни рук, а только одна голова; они могут плавать скоро и долго. Женщин я никогда не видел купающимися или плавающими в море, мужчин же, напротив, часто.

Излюбленная поза папуасов—это сиденье на корточках. Это положение обуславливается не только привычкой, но также, несомненно, и соотношением между конечностями и туловищем. Часами сидят они в такой позе, не вставая даже тогда, когда они могли бы лечь или принять более спокойное, по нашим

---

* (Но папуасы могут иногда и толстеть, как, например, папуасские женщины, привозимые на Серам-Лаут).

** (Когда я сравнивал следы моей голый ступни на мокром песке с отпечатком ступни папуаса, я замечал, что у меня пятка производила большее давление, чем передняя часть ступни, а у папуаса—наоборот. Разница была очень заметна: я ступал на пятку, а папуасы—на пальцы).

*** (Малайские женщины имеют также подобную походку, которой они кокетничают. Это повертывание туловища называется «баланган»).

понятиям, положение. Когда я пробовал воспроизводить позу сидящих таким образом папуасов, то мог сохранить равновесие только тогда, когда становился на пальцы ног; став же на всю ступню (как это делают папуасы), я обыкновенно падал назад и ли же бывал вынужден расставлять шире ноги.

Меня часто поражала способность папуасов *быстро засыпать*. Это случалось в любой час дня, даже тогда, когда туземцы вовсе не были утомлены. Излюбленным положением во время сна является лежание на животе, с подложенными под голову руками. Число часов, проводимых папуасами (особенно мужчинами) в спянье, не могу определить точно, но во всяком случае они спят, приблизительно, две трети дня, если только праздник, война или какие-нибудь другие чрезвычайные обстоятельства не нарушают их однообразной жизни.

К самым частым болезням папуасов нужно отнести кожные, из которых наиболее распространены elephantiasis (слоновая болезнь) и psoriasis. Слоновая болезнь встречается и у молодых и у старых (дети моложе пятнадцати лет, повидимому, избавлены от нее), но чаще у мужчин, чем у женщин, и поражает предпочтительно нижние конечности. Несмотря на громадное увеличение объема и значительную деформацию ноги (начиная выше колена до пальцев), движение вследствие этого бывает, повидимому, не особенно затруднено. Я часто видел папуасов, больных слоновой болезнью, бегающими долгое время ради собственного удовольствия. Psoriasis встречается очень часто. Так как эта болезнь передается по наследству, то ее можно встретить иногда даже у новорожденных, причем участки кожи, пораженные болезнью, расположены симметрично на спине; с годами она довольно скоро распространяется по всему телу; от нее не бывает избавлено и лицо (на ушах и щеках я часто наблюдал чешуйки psoriasis'a). У детей десяти—двенадцати лет часто уже все тело покрыто беловатыми, сухими, тонкими чешуйками, образующими обыкновенно очень запутанный узор. Psoriasis здесь почти не считается болезнью: мужчины, больные psoriasis'ом, выбирают себе нередко жен, пораженных той же болезнью, и естественно поэтому, что у большинства новорожденных видны следы того же заболевания.

Больных волчанкой (lupus) я видел в трех деревнях. Они почти всегда закрывали пораженные части лица листьями, вследствие того, что иначе их глубокие раны вызвали суеверный страх в их земляках, предпочитавших избегать сношений с ними.

Заго у папуасов я никогда не видел бородавок и родимых пятен. Было много туземцев, изрытых оспой (особенно на лице): они рассказывали, что оспа появилась с северо-запада и прошла вдоль всего берега и что многие от нее умерли, теперь же этой болезни больше нет. Эпидемия свирепствовала, повидимому, лет 8 или 10 тому назад.

Переменяющиеся лихорадки бывают часто у туземцев не только на берегу, но и в горах. Почти во всех деревнях и в продолжение всего года я видел больших лихорадкой. Так как ночи здесь очень прохладны и папуасы еще не изобрели одежды, несмотря на их большую чувствительность к ночному холоду, то у них существует повсеместный обычай зажигать огонь под бамбуковыми нарами, на которых они спят в своих хижинах. Голое тело спящего очень сильно нагревается снизу, а сверху и с боков охлаждается, поэтому бывают частые случаи простуды, ведущей к заболеваниям органов дыхания.

Наверное, встречаются и другие внутренние болезни, которые мне остались неизвестными, главным образом, вследствие моего недостаточного знания языка для того, чтобы расспросить о том туземцев. Я должен еще упомянуть, что и здесь я наблюдал 2 или 3 случая инфлуэнцы, распространенной на о-вах Тихого океана. Сифилис на этом берегу не распространен, и заболевания половых органов, кроме опухолей (из-за слишком узких передников) и случаев elephantiasis'a, очень редки.

Относительно продолжительности жизни папуасов можно высказать только предположения. Очень старых субъектов я не встречал: самым старым, по-моему, было лет 50—60. Я не могу также сказать что-нибудь положительное относительно смертности. В пяти деревнях, ближайших к моей хижине (население их всех достигало приблизительно 300 человек), умерло в течение года только 4 мужчины и 1 мальчик. О смерти женщин в тех же деревнях я ничего не мог узнать, так как их хоронят очень просто, без большой торжественности. Кажется, однако, смертность среди женщин больше, чем среди мужчин, может быть, вследствие их тяжелой работы. Еще молодые мужчины женились в третий и четвертый раз, так как их жены одна за другой умирали,—и такие случаи нередки. У папуасов берега Маклая женщин сравнительно меньше, чем мужчин, по крайней мере во всех маленьких деревнях, где число жителей мне было известно. С этим согласуются и жалобы мужчин (я часто их слышал) на то, что в их деревне нет женщин для женитьбы.

Мои заметки основаны, как сказано выше, на сопоставлении отдельных, произведенных на месте, наблюдений. Моим стремлением было, следуя совету К. Э. фон Бэра, наблюдать людей по возможности «без предвзятого мнения относительно количества и распространения человеческих племен и рас». В течение следующих лет я надеюсь посетить еще несколько островов Меланезии и собрать там дополнительный материал по антропологии папуасов. Поэтому в ныне публикуемых заметках я избегал всяких предположений, сравнений и выводов.

Но один вывод напрашивается уже и теперь, после того, как я видел папуасов Новой Гвинеи (с берега Маклая и из Дорэ),

Новой Ирландии, негритосов о. Люсона (которые несомненно папуасы) и жителей Новогейбридских и Соломоновых о-вов, именно тот вывод, что *раса папуасов распадается на несколько разновидностей, которые, однако, не обособлены резко одна от другой*⁶⁷.

Сентябрь 1873 г.

Напечатано: 1) «Природа», кн. 2, 1874, стр. 67—76; 2) «Путешествия», 1923, стр. 324—348; 3) «Путешествия», т. 1, 1940, стр. 207—220; 4) на немецком языке в голландском журнале «Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie», Deel XXXVIII, 1873, стр. 225—250. Рукопись на русском языке в Институте этнографии АН СССР.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПАПУАСАХ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ *

«На мою долю выпало редкое счастье наблюдать такой народ, который все еще жил отрезанным от общины с другими народностями и притом на той стадии цивилизации, когда все орудия и оружие изготовляются из камня, кости и дерева».

Н. Маклай. Natuurkundig Tijdschrift, 1873, стр. 2.

ПИЩА ПАПУАСОВ

Пища папуасов берега Маклая преимущественно растительная. Она состоит из плодов и овощей, собираемых ими круглый год с плантаций, или, как кокосовые орехи, с деревьев, разводимых около хижин. Ниже я перечисляю эти предметы питания, следуя степени важности их в хозяйстве папуасов.

1. М у н к и (кокосы) играют у папуасов большую роль, так как ими пользуются круглый год. Число кокосовых деревьев, однако, в некоторых селениях залива Астролябии весьма невелико, и жители стараются раздобыть кокосовые орехи в других деревнях. Только в немногих горных селениях можно встретить кокосовые пальмы, тогда как по берегам ближайших островов деревья эти растут в изобилии, но лишь около хижин, посаженные туземцами. Излюбленное кушанье папуасов—это наскобленная раковиной мякоть кокосового ореха, политая

---

* Эти заметки, как и антропологические (см. *Natuurkundig Tijdschrift, 1873*) были написаны в течение 1872 г. на Новой Гвинее. Было решено зарыть и их, подобно первым, на берегу Маклая в месте, относительно которого я условился с капитаном русского корвета «Витязь». Во время моего пребывания в прошлом году в Бюйтензорге я нашел время и возможность переписать часть их под диктовку. Так как большая часть заметок была написана по-русски, а ни в Батавии, ни в Бюйтензорге не нашлось человека, умеющего писать по-русски, то я решился, переведя сам свои наброски, продиктовать их на немецком языке. Только часть (антропологическую) моих заметок мне удалось выпустить в печати в прошлом году. Моя вторая поездка на Новую Гвинею помешала их продолжению. Теперь, перед моей экскурсией на полуостров Малакку, я нашел еще время просмотреть часть заметок за 1871 и 1872 гг. Хотя мне нужно было бы очень много к ним добавить, однако я этого не делаю, так как надеюсь заняться этим в Европе с большей тщательностью (при более свободном времени). Там только можно будет изготовить к ним рисунки, которые здесь нельзя выполнить и на которые я смотрю как на важную, даже необходимую часть своей работы. Выпуская в свет настоящие очерки, я прошу читателя не забывать, что это только заметки и что они написаны были на месте, на Новой Гвинее.

кокосовым молоком; она образует род каши и под названием «мунки-ля» составляет неизбежную принадлежность каждого пира. Старый тертый кокосовый орех, молоко которого уже не годно для питья, употребляется при изготовлении всяких кушаний вместо жира или масла.

Папуасы не были знакомы со способом приготовления кокосового масла. Я часто объяснял его в разных селениях, но не знаю, пользовались ли им туземцы после моего отъезда.

2. А я н (*Dioscorea*) разводится в большом количестве на плантациях и собирается с августа по январь; его варят в воде, и в эти месяцы он составляет главную пищу. В горах, где воду приходится таскать на большую высоту, аян пекут в золе. Папуасы разводят много разновидностей аяна, разнящихся по величине и вкусу.

3. Ба у (*Caladium esculentum*—таро) (из сем. *Aroideae*)—главная пища с марта по август. (Сажают его в начале октября, и в некоторых селениях (напр., Богатим) можно найти его вплоть до октября следующего года, в других—нет). Бау едят, как и аян, в вареном и печеном виде. Вареный бау толкут небольшой деревянной колотушкой, смешивают с наскобленным печеным кокосовым орехом и таким образом получают род теста, которое разделявают в виде пирогов. Это кушанье считается на пирах большим лакомством. Листья этого растения также употребляются в пищу ((по Крауфорду, вес бау может доходить до 50 фунтов)).

4. Дегарголь (*Convolvulus*). Его также пекут или варят. Папуасы различают две разновидности дегарголя: у первой плод красноватый, у другой—белый. Дегарголь бывает главным образом в сентябре и в октябре; в качестве пищевого продукта он уступает первым двум по значению ((в Богатиме его не разводят)).

5. А у с ь ((на Яве называется «грабук», или «грубак»—из сем. *Gramineae*). Разводится также на плантациях в декабре, январе и феврале. Его варят или завертывают в листья и пекут на углях.

6. Мо га (бананы). Хотя я и нашел у папуасов 8 или 9 сортов бананов, однако вообще их разводят мало, и плоды их составляют редкость. (Впрочем, в некоторых селениях (напр., Богатим) они встречаются чаще). Папуасы едят бананы в вареном виде; нижняя часть ствола и корни молодых бананов тоже варятся и идут в пищу.

7. Б у а м (саго). Вследствие редкости саговой пальмы саго здесь более лакомство, чем пищевой продукт. На долю каждой деревни саго приходится очень мало, и поэтому его едят только в торжественных случаях. (Приготовление саго здесь такое же, как на Сераме (по описанию Уоллеса)).

8. Д е н (сахарный тростник) бывает с октября по февраль. Мужчины, женщины и дети жуют его с величайшим аппетитом.

Сахарный тростник растет на Новой Гвинее великолепно и нередко достигает вышины больше 14 футов (съедобная часть).

9. Б о л и (плод хлебного дерева—*Artocarpus incisa*) не особенно в почете у папуасов, но все-таки его собирают и едят в вареном или печеном виде.

10. М о г а р—небольшие бобы, разводимые на плантациях.

11. О р л а н (*Pangium edule*)—плод дерева, которое растет здесь далеко не везде, так что я даже никогда не видал его. Плоды эти подвешивают на деревьях в лесу, в больших корзинах. Мякоть плода, равно как и зернышки расколотого ореха, образуют быстро, вследствие гниения и брожения, нечто вроде кислой и очень дурно пахнущей жидкости, которую папуасы считают самым главным деликатесом.

12. К е н г а р (*Canarium commune*) собирается в мае, июне и июле. В выставленных на солнце плодах орехи их легко отделяются от мясистой оболочки и сохраняются в таком виде.

Другие плоды, встречаемые на берегу Маклая, напр., п а н д а н у с а, *Mangifera* и пр., попадают в слишком незначительном количестве, чтобы им можно было придавать значение в качестве пищевых продуктов. Не только плоды, но также и листья и цветы многих растений употребляются папуасом в пищу. Во всякое время года горшки, в которых варят аян или бау, наполняются также различными листьями, почками, цветами, их едят преимущественно женщины и дети, мужчины же предпочитают лучшую пищу*.

Мясная пища у папуасов—редкость; реже всего бывает с в и н а.

1. С в и н ь и, разводимые в деревнях, представляют собою потомков дикой новогвинейской свиньи. В молодости они бывают полосатыми, с возрастом становятся черными; имеют стоячие уши, удлиненное рыло и длинные ноги. Папуасы закалывают свиней только в торжественных случаях, причем одной свиньи должно хватить не только на всю деревню, но еще и на гостей из двух-трех деревень. (Свиньи заботливо выкармливаются женщинами, за которыми они бегают как собаки). На диких свиней папуасы устраивают в июле облавы с выжиганием высокой травы. (Случайно пойманные дикие поросята одомашниваются в деревнях).

2. С о б а к и. Собак папуасы держат преимущественно ради мяса; их убивают при менее важных торжествах. Собачье мясо довольно вкусно, но слишком сухо. (Собаки пожирают все съедобное, охотятся даже (во время отлива) за морскими живот-

* В рукописных добавлениях к печатному тексту этой статьи М.-М. упоминает еще о других плодах, не описывая их, однако, подробнее:

owal'—в сентябре

kabul'—июль, август, сентябрь

auger—в начале октября

mangifera—октябрь

aul'—зерно его кладут в морскую воду и уже после едят.

Примечание Д. Н. Анучина в рукописи на русском языке.—Ред.

ными на коралловых рифах, а также уничтожают экскременты в деревьях).

3. М а б (*Cuscus*). Мясо маба считается лакомым кушаньем; я считал его неприятным вследствие сильного запаха. Туземцы охотно едят также различные виды сумчатых крыс.

4. П т и ц ы. Куры хотя и встречаются в каждой деревне, но редко употребляются в пищу. Папуасам редко достаются их яйца, так как куры живут в лесу, окружающем деревни, и находятся в полудиком состоянии. За мое 15-месячное пребывание я видел только 2 яйца в посещенных мною деревнях. Казуаров промышляют очень редко.

5. П р е с м ы к а ю щ и е с я. Большие ящерицы (мониторы) употребляются в пищу в вареном виде; мясо их очень вкусное, белое, нежное. (Папуасы едят также случайно попавшихся змей).

6. Н а с е к о м ы е. Все насекомые без исключения, особенно большие жуки, потребляются папуасами в сыром или вареном виде.

7. Р ы б ы. Более крупных ловят сетями, меньшего размера бьют ночью острогой, или ловят вершами (корзинами) при отливе. (Для ловли рыбы служат юр (острога), ра (сеть) и ненир (корзина)).

8. М о л л ю с к и. Моллюсков собирают женщины и дети на коралловых рифах при отливе.

Так как здешние папуасы не знают соли, то они варят пищу с небольшим количеством морской воды, разбавляя пресную воду на одну треть морской. Горные жители, спускаясь на берег, не упускают случая захватить с собою в горы наполненные морской водой бамбуковые стволы, несмотря на трудность нести их целыми днями по крутым тропинкам. Папуасы имеют еще суррогат соли в засохших корнях и стволах, прибываемых к берегу приливом. Носясь многие месяцы в море, стволы эти сильно пропитываются солью. Папуасы их сушат несколько дней на солнце и поджигают. Стволы горят небольшим пламенем и оставляют значительное количество белой золы. Эту еще теплую золу папуасы жадно едят; она, действительно, довольно солоная; к сожалению, ее нельзя долго сохранять, так как вследствие значительного содержания соли она очень гигроскопична и в несколько часов превращается в черную кашу. Такие прибитые к берегу стволы раскалываются; прибрежные жители часто подносят их в виде подарков жителям гор, где их тратят очень экономно.

У папуасов существует также сильно опьяняющий напиток. На берегу Маклая есть кустарник, называемый туземцами «кеу» (*Piper methysticum*)*; листья, стебли и особенно корни его жуют и, когда масса достаточно размягчена, ее выплевывают в кокосовую скорлупу с возможно большим количеством слюны. К жеваной

* Об этом обычае я уже сообщал в прошлом году в Изв. РГО.

массе приливают немного воды и, профильтровав грязнозеленую кашу через пучок травы, пьют этот фильтрат, очень горький и ароматичный. Напиток этот не особенно вкусен, что доказывают и лица папуасов, проделывающих при питье различные гримасы, но он сильно опьяняет: достаточно маленького винного стакана, чтобы в полчаса мужчина стал нетвердым на ногах.

Употребление кеу составляет привилегию взрослых мужчин; женщинам и мальчикам он строго запрещен обычаем. На пирах, впрочем, пользуются мальчиками и молодыми людьми для жевания кеу. Так как корень очень тверд, то предварительно разрыхляют его камнем.

Как показывает приготовление кеу, напиток этот, повидому, тот же самый, что и кава полинезийцев, только полинезийцы приливают больше воды. Насколько я знаю, до сих пор не было известно, что подобный напиток употребляется каким-либо племенем папуасов на Новой Гвинее*.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ ПИЩИ

Приготовление пищи у папуасов сложнее, чем у полинезийцев; это доказывает как число кушаний, так и употребление глиняных горшков при варке. Большинство кушаний, как уже упомянуто, варится с примесью морской воды. Туземцы умеют также поджаривать куски мяса и рыбы или печь их в горячей золе завернутыми в листья.

В жарком и сыром климате нельзя сохранять долго приготовленную пищу, поэтому папуасы имеют обыкновение поджаривать или печь на другой день утром то, что сварено накануне, как, напр., бау, аян, мясо, или, наоборот, варить то, что было ранее поджарено, как, напр., рыбу, которую они тотчас же после улова поджаривают и на следующий день варят с различными овощами. Этой варкой и печением обезвреживаются и задерживаются в развитии миллионы грибных спор и нитей, которые в несколько часов пронизывают все сваренное или испеченное.

Приготовление пищи лежит частью на женщинах, частью на мужчинах. Женщины моют и чистят плоды, носят дрова, разводят огонь, приносят в бамбуковых стволах соленую и пресную воду. Мужчины разрезают своими костяными или бамбуковыми ножами плоды, наливают воду в горшки и ставят их на огонь,

---

* Как сообщил мне д-р Шеффер, директор Ботанического сада в Бюитензорге, никто из многих ботаников, посещавших берега Новой Гвинеи, не вывез оттуда соответствующего вида *Piperaceae*. (Название кеу употребительно в Бонгу, Гумбу, Горенду. В Теньгум-Мана и Колику-Мана его заменяет название «киаль», в Энглам-Мана—«кеува», в Гориме—«йссе», в Били-Били—«айн» («айо»—в Марагум-Мана), в Эремпи—«сегу»). Папуасы пользуются также полузрелым орехом пинанга, смешивая его с сухой известью; при этом жуют еще лист «сири». Употребление *Piper methysticum* встречается также, по W. Macleay, на юго-западном полуострове Новой Гвинеи).

причем закрывают горшки свежими листьями и кокосовой скорлупой. Когда пища поспеет, мужчины же раскладывают ее из горшков по деревянным блюдам для раздачи присутствующим. Во время праздничных пиров *все* приготовление пищи производится мужчинами, равно как и в случае прибытия почетного гостя. Обыкновенно же муж готовит пищу для одного себя, а жена—для себя и для детей отдельно. Мужья и жены *никогда* не едят у одного очага или из одной и той же посуды. Посетителю обыкновенно варят отдельно и остатки вручают ему на обратный путь.

ПОСУДА И УТВАРЬ

Посуда состоит из глиняных горшков различной величины и из деревянных блюд.

1. В а б (горшки). Самые большие горшки имеют 35—40 см в поперечнике, самые малые 15—20 см; форма их одна и та же, почти круглая, немного суживающаяся книзу. Их изготовляют только на двух небольших островах—Били-Били и Ямбомба; жителям берега Маклая это искусство неизвестно*. Горшки обыкновенно сделаны тщательно, но орнамент их очень несложен: он состоит из линий, нескольких рядов точек или маленьких дужек (отпечатков ногтей). Жители горных селений не умеют делать горшки и выменивают их у прибрежных жителей или получают от них в подарок.

2. Т а б и р (деревянное блюдо). Табиры имеют иногда полметра в поперечнике; это—круглые или овальные тарелки и блюда. Сделаны они весьма искусно, в особенности если принять во внимание, что их вырезают каменными и костяными инструментами и сглаживают обломками раковин; готовые табиры натирают черной краской. Табиры вместе с оружием составляют главное богатство папуасов и играют главную роль при обмене. (Меня удивляло, что я ни в одном селении не видал изготовления табиров. Повидимому, вследствие их прочности и большого числа они передаются от одного поколения к другому).

3. Г а м б а (скорлупа кокосового ореха) употребляется при еде вместо тарелок отдельными членами семьи, так как только хозяин и гости получают пищу в больших деревянных блюдах.

4. Х а с с е н (вилка). При еде папуасы употребляют род вилки, состоящей из заостренной палочки в 20 см длины. Иногда соединены вместе три палочки; их носят обыкновенно в волосах, так как их одновременно употребляют для почесывания в голове.

5. К а й—нечто вроде ложки, изготовляемой или из большой раковины или из скорлупы кокосового ореха.

6. Ш и л ю п а. Плоско отточенная кость кенгуру или свиньи; употребляется и как нож и как ложка.

* В немецком тексте статьи: «... их изготовляют в нескольких деревнях на побережье и на соседних островах». — *Ред.*

7. Я р у р—очень важный инструмент, состоящий из простой плоской раковины, в которой острым камнем вырезаны зубья. Этим инструментом скребут мякоть кокосового ореха.

Ваб (горшок) и табир (деревянное блюдо)

ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ

1. Т о п о р. Главное и весьма простое орудие, которым папуасы выдалбливают свои пироги и делают оружие,—это каменный топор. Рассматривая их постройки, пироги, утварь и оружие и убеждаясь, что все это сделано каменным топором и осколками кремня и раковин, нельзя не поразиться терпением и ловкостью этих дикарей. Топор—это твердый серый, зеленый или белый плоский камень с заостренным лезвием, тщательно отшлифованным. На о-вах архипелага Довольных людей я видел также топоры, сделанные вместо камня из массивной раковины *Tridacna*. Для рукоятки выбирают молодой древесный ствол

с отходящими от него прямыми сучьями. Его срубают таким образом, чтобы часть ствола с отходящим от нее сучком представляла фигуру цифры 7. Верхнюю, более короткую часть делают плоской и слегка выдалбливают, затем кладут на нее отшлифованный топор, который прикрывают свер-

Донган (кинжал из кости казуара)

ху тоже приспособленным куском дерева, и обматывают весь этот конец шнурами из лиан или из древесной коры, так что камень крепко ущемляется в рукоятке. Такой топор может быть годен и полезен только в руках опытного человека; непривычный же к обращению с ним легко может его сломать или не добьется ничего. Я знаю это по собственному опыту, хотя при этих опытах у меня не было недостатка в терпении. Туземцы же своими маленькими топорами, с лезвием не более чем в 5 см, легко срубают древесные стволы в полметра в диаметре, а также вырезают тонкие узоры на древках своих копий. Папуасы пользуются обыкновенно маленькими топорами, у которых лезвие не шире 5 см, но каждое селение обладает еще одним или несколькими большими топорами, у которых лезвие имеет 7—9 см в ширину; их поднимают обеими руками, тогда как обыкновенные топоры держат только правой рукой. Камни для топоров (род агата) туземцы получают от жителей горных деревень; подходящие камни встречаются не часто, так что каждый взрослый папуас имеет не более одного хорошего топора; большие топоры хранятся их владельцами как нечто весьма ценное и редкое.

2. Осколки кремня и раковин. Эти на вид грубые и маленькие орудия оказываются в ловких руках достаточными для самых разнообразных работ. То, что каменным топором только грубо обрубается, заостряется и сглаживается острым краем кремневого осколка, как, напр., наконечники стрел и дротиков.

Различные раковины и обломки их туземцы даже предпочитают кремню, так как они не так хрупки, как кремень. Острыми краями обломков раковин можно вырезать по бамбуку разнообразные узоры. Большие гребни папуасов с резным краем, так же как и бамбуковые коробки, в которых они хранят известь для жевания бетеля, и, наконец, их стрелы могут служить образцами этого искусства.

3. **Донган**. Донган—это заостренная или плоско отточенная кость, имеющая форму кинжала или долота. Для изготовления кинжалов используются костями казуара и лишь изредка—человеческими костями, для долота употребляются кости свиней и собак. Этими донганами разрезают плоды в сыром и вареном виде. Их обыкновенно носят на руке, выше локтя, заткнутыми за браслет. В качестве оружия такая короткая, хотя и острая, кость едва ли может быть пригодной.

4. **Бамбуковые ножи** ((серао)). Их делают так: удаляют из разрезанного бамбука внутренние волокна и оставляют только твердую, кремнистую кору. Таким ножом режут мясо, плоды, овощи, тогда как донганом никогда не режут, а только расщепляют или прокалывают*.

ОРУЖИЕ

1. **Хадга**. Метательное копье, около 2 м в длину, делается из твердого дерева; самое употребительное и вместе с тем самое опасное оружие папуаса. Оно сопровождает его всюду.

2. **Сервару**. Такое же длинное, но несколько более легкое, метательное копье из того же дерева (одного вида пальмы), но с плоским бамбуковым наконечником в 25 см длины. Обыкновенно в месте соединения наконечника с древком оно украшено птичьими перьями и шкуркой кускуса. Бамбуковый наконечник обыкновенно ломается при употреблении и остается в ране.

3. **Араль** (лук). Делается также из тяжелого дерева, имеет в длину приблизительно 2 м; тетива бамбуковая.

4. **Араль-ге** (стрелы). Длинной приблизительно в 1 м. Наконечник из твердого дерева, круглый и насаживается на древко из тростника; длина его составляет треть или четверть длины всей стрелы. Встречаются наконечники, вырезанные очень изящно и снабженные зубцами.

5. **Палом**. Стрела обыкновенной величины, но сходная с сервару и снабженная широким бамбуковым острием. Считается более опасной, чем предыдущая.

6. **Саран**. Стрела на рыбу с четырьмя, пятью и более остриями.

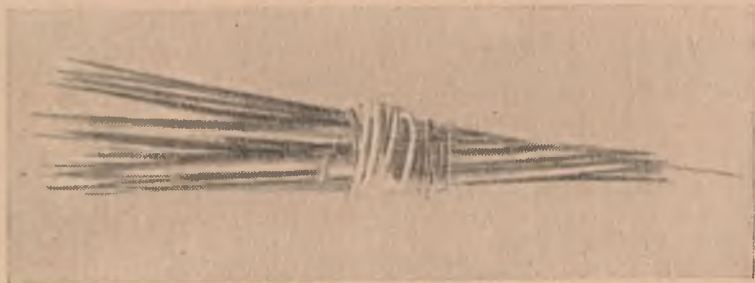
7. **Юр**. Острога со многими наконечниками из твердого дерева; ее употребляют для рыбной ловли ночью, при свете факелов. Древко делается из бамбука, чтобы острога не тонула в воде.

---

* (Пользуются также зубами кускуса (нижней челюстью), костями рыб и «гигир»—кожей акулы. Донганов различают несколько видов: 1) серлау—из кости казуара, 2) туй—из femur свиньи; 3) нонёли—из tibia свиньи; 4) шилюпа—из кости двуутробки, *Macropus tibol*. Смотря по твердости кости, ее обрабатывают различно: кости казуара полируют острым кремнем, кости кенгуру обтачивают на точильном камне, кости свиньи—на коралловом известняке во время отлива).

Жители островов (Били-Били, Ямбомба, Грагер, Тиара и др.) имеют еще круглые щиты («хаярун»—*haiarun*) около 80 см в диаметре, сделанные из твердого дерева и украшенные резьбой. Береговые папуасы не имеют таких щитов. Видал я еще в некоторых деревнях плоские палицы ((пани)) длиной в 1,5 м; ими действуют, держа обеими руками, подобно тому, как обращались с древними большими мечами.

Во время войны употребляют также метательные камни (пращи). Главное боевое оружие—метательное копье, опасное

Наконечник юра (остроги на рыбу). Длина 40 см

на расстоянии 35—40 шагов. Стрелы на расстоянии более 50 шагов едва ли можно считать опасными ввиду их легкости. На войне и при охоте на диких свиней наконечники дротиков и стрел намазываются красной охрой*. Здешние папуасы своих стрел не отравляют.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Единственное одеяние мужчин—маль, сделанный из древесной коры (вида сем. *Artocarpeae*) платок длиной в 3 м и шириной в 15—20 см; он обыкновенно окрашен в красный цвет. Приготовление маля сходно с приготовлением тапы полинезийцев. Сняв с коры верхний слой, бьют его на гладком камне деревяшкой до тех пор, пока кора не станет мягкой и гибкой. Маль красят красной охрой, но краска не выдерживает долго, поэтому маль с течением времени становится бурым. Поддерживая маль за один конец на животе у пупка, папуас пропускает его между ног, потом обвивает несколько раз вокруг талии и закрепляет сзади другим концом. Просунутая между ногами часть маля крепко стягивается, а передний конец висит спереди. Женщины носят передник, называемый также м а л ь; у них он состоит из бахромы в полметра длины, прикрепленной к поясу. Бахрома хорошо закрывает тело, свисая в виде длинных прядей до колен

* В немецк. тексте—Erde.—Ред.

и не затрудняя движений. Женские мали обыкновенно имеют черные и красные горизонтальные полосы; девушки носят мали короче и с более редкой бахромой, чем у замужних женщин. В некоторых деревнях (о-в Били-Били и на о-вах Довольных людей) мали у девушек состоит вплоть до замужества из одного пояса, на котором сзади и спереди прикреплено по кисти из крашеной мочалы; передняя кисть свисает над *mons Veneris*, задняя висит по середине седалищной части. Садясь, девушки заботливо протягивают заднюю, более длинную кисть между ногами. С обеих сторон ягодиц у девушек висят украшения из раковин и окрашенных плодовых зерен.

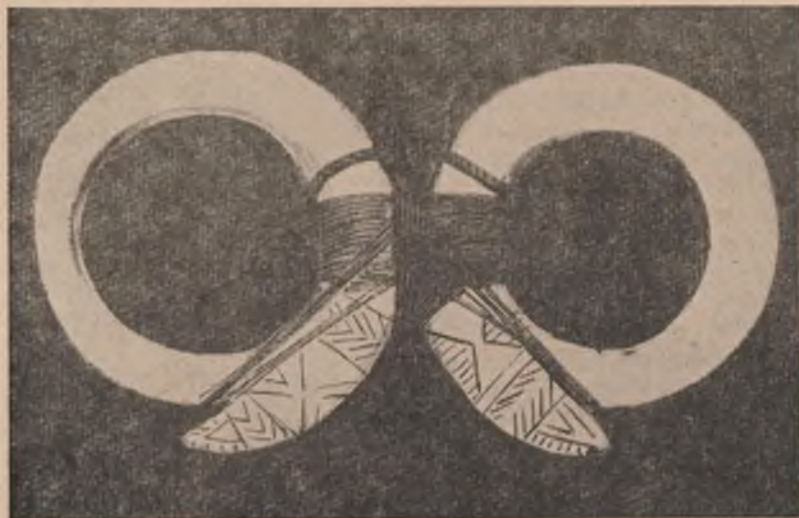
Кроме малей, папуасы употребляют длинные и широкие куски материи; их выдвывают таким же образом, как мали. Ночью и утром их надевают из-за холода, накидывая на плечи.

Папуас неразлучен со своими ямби и гуном. Я м б и—маленький мешок, носимый на шее, а гун—мешок большей величины, который носится на левом плече. В первом папуасы носят табак и мелкие вещи, во втором—коробку с известью для жевания бетеля, ярур, шилпоу, кай, раковины, маленькие бамбуковые баночки для красной и черной краски и много других необходимых им предметов. Мешки сплетены очень изящно из тонких, различно окрашенных шнуров; особенно изящны ямби, украшенные часто маленькими раковинами. На верхней части руки, над *biceps*'ом, мужчины носят браслеты, называемые с а г ю. Они плетутся из древесной коры или травы очень искусно и украшаются раковинами; за браслет обыкновенно затыкается донган. Если молодые папуасы желают принарядиться, они затыкают за сагю ветки пестролистных растений. Над икрами носят также кольца (самба-сагю). В виде особенного украшения папуасы носят на груди клыки диких свиней, поддерживаемые ожерельем. Это очень ценное украшение называется б у л ь-р а. Так как такие клыки папуасам удастся редко добыть, то вместо них носят чаще вокруг шеи раковины и зубы собак. В ушах мужчины носят широкие черепаховые или деревянные серьги. Если их нет, то втыкают в уши бамбуковые палочки, продолговатые камни или цветы. Женщины носят два вида серег. В мочку вдевается одно или несколько колец, а через отверстие в верхнем

Украшения папуасов: кекео (в носу), буль (во рту)

крае уха продевают шнурок, который проходит также через отверстие в другом ухе. На обоих концах шнурка прикреплено несколько пар белых собачьих зубов; они висят по обеим сторонам шеи, а шнурок лежит на голове. Женщины употребляют также два мешка (называются они «нангели-гун»); мешки эти много больше мужских. Их и носят иначе: мешок закидывают не через плечо, а на спину, и шнур обвивают вокруг лба. В одном мешке ежедневно приносят с плантации плоды, а в другом, не-

Буль-ра—украшение из раковины, которому придана форма изогнутых клыков дикой свиньи

много поменьше, носят маленьких детей. Если детей нет, то женщины таскают вместо них поросят и щенят, которых они нежно воспитывают (и кормят своей грудью).

О СЕЛЕНИЯХ И ЖИЛИЩАХ

Войдя в залив Астролябии на судне, нельзя заметить никаких признаков человеческого жилья. Лишь кое-где, может быть, поднимаются столбы дыма, указывающие на близость человека, но и это не всегда; все побережье покрыто густым лесом.

Но если внимательно исследовать берег в подозрную трубу, то, может быть, обнаружатся в некоторых местах группы кокосовых пальм. Пристав к берегу поблизости от такой группы и поискав немного, можно открыть и вытащенные на берег или спрятанные в кустах пироги с балансиром. Следуя берегом, выходишь обычно на тропинку, ведущую в лес; идя по ней в на-

правлении пальмовой рощи, скоро открываешь также между деревьями высокие крыши. Тропинка кончается на открытой площадке, вокруг которой стоят хижины в тени кокосовых пальм и бананов. Со стороны эти хижины кажутся состоящими почти сплошь из крыш; боковые стены возвышаются едва на полметра над землей. Спереди имеется вход, над которым часто выступает навесом полукруглая крыша. Одна из хижин обычно отличается от остальных гораздо большими размерами и высотой;

Барла—помост, на котором папуасы едят и спят

она открыта с передней и задней сторон. Вдоль одной из стен в этой хижине бросается в глаза стоящий на четырех ножках помост вроде стола или высокой скамьи. Такие помосты, называемые б а р л а, имеют 1—1,5 м высоты; они встречаются во всех селениях как на побережье, так и в горах. Это—место отдыха и трапезы мужчин. Когда обед готов, на барлу ставят деревянные блюда, хозяин и гости садятся на нее и могут обедать, не подвергаясь назойливому приставанию многочисленных свиней и собак, кишаших в деревнях. Поев и убрав посуду, папуасы растягиваются на барле, которая теперь играет уже роль дивана или кровати. Барлой пользуются только мужчины; женщины сидят на земле.

Площадка, вокруг которой стоят хижины, не всегда имеет круглую форму; иногда она подковообразная или имеет форму буквы S, смотря по условиям местности.

Деревня состоит из нескольких таких групп хижин, расположенных кругом открытой площадки и соединенных узкими тропинками. Селения окружены высоким девственным лесом. Каждая такая группа хижин имеет особое название.

Хижины стоят *не* на сваях, имеют большей частью малые размеры и темные, но построены они хорошо и прочно. Особенно

Хижина в дер. Били-Били

короши крыши, которые всегда бывают выпуклыми. Цель такого устройства—дать лучший сток дождевой воде. Стены хижин сложены из расщепленного бамбука или из черешков саговых листьев, а иногда и грубо расколотых древесных стволов. Дверь возвышается обыкновенно на полметра над землей, чтобы свиньи не могли проникнуть внутрь хижин.

Можно различать 3 рода хижин: одиночные, семейные и так называемые б у а м б р а м р а. Первые, самые маленькие, имеют в длину 6—8 шагов и открытую дверь, которая только изредка бывает защищена сверху полукруглой крышей. Вторые имеют 10—15 шагов в длину, спереди обыкновенно снабжены еще полукруглой пристройкой с отдельной крышей; входная дверь еще гораздо меньше. Наконец, буамбрама представляет собою

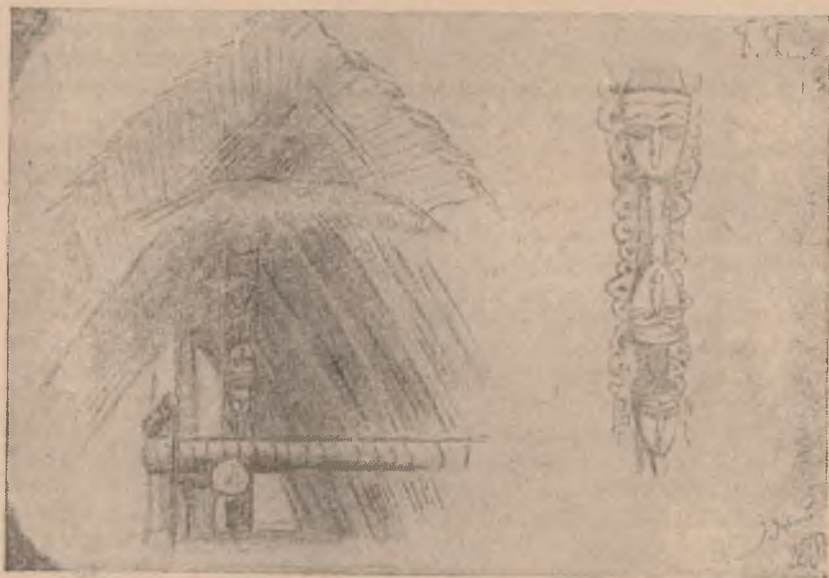
большую хижину, которой пользуются по большей части только мужчины. Она служит также спальней для молодых людей и для гостей из других деревень. В ней бросаются в глаза толстые, длинные, выдолбленные древесные стволы, играющие в жизни папуасов большую роль. Эти стволы, называемые б а р у м, похожи на неуклюжие, толстостенные челноки; они установлены на двух поперечных балках и на своей внешней стороне, приблизительно посередине, имеют более гладкое, стертое место, по которому ударяют палкой, толщиной в руку. Удары производят громкий, глухой звук, слышимый по берегу на 5—6 морских миль. О всех важных событиях сообщается соседним деревням посредством барума. Наступает ли неприятель, умер ли мужчина, ожидается ли праздник,—обо всем этом возвещается соседям рядом последовательных ударов в барум, более сильных или слабых с более или менее продолжительными между ними паузами. В каждой деревне имеются люди, умеющие особенно искусно бить в барум.

Странно, что почти все жители побережья не знают никакого способа добывать огонь, поэтому они всегда и везде носят с собою горящие или тлеющие головни. Идя рано утром на плантации, они берут из своего очага тлеющее полено, чтобы развести огонь где-нибудь в углу плантации. Отправляясь в более далекий путь, напр. в горы, они берут с собою огонь для курения, так как их сигары, завернутые в зеленые листья, то и дело гаснут. Во время поездок по морю они держат обыкновенно раскаленные уголья в полуразбитом горшке, на дно которого насыпана земля. Туземцы, остающиеся в деревне, никогда не забывают поддерживать огонь. Даже ночью разводят небольшой огонь в хижинах под кроватями, что при полном отсутствии одежды защищает их отчасти от холодного ночного воздуха. Тепло проникает вместе с дымом сквозь щели бамбукового помоста и согревает, даже припекает одну половину тела, тогда как другая половина мерзнет. Ночью им приходится неоднократно вставать, чтобы посмотреть, горит ли огонь.

Жители гор, как, например, дер. Энглам-Мана, Теньгум-Мана и еще нескольких деревень, не поддерживают этого вечного огня; они умеют добывать огонь; расщепляют сухое полено (называемое ими «илоль») каменным топором и в расщелину вводят крепкую расщепленную лиану; придерживая полено на земле коленом или ступней, приводят лиану в движение, которое все более ускоряется, пока не вспыхнут подложенные внизу сухие волокна со скорлупы кокосового ореха. Этот способ добывания огня очень неудобен: одному папуасу потребовалось полчаса, чтобы таким образом добыть мне огонь. Поэтому и в горах туземцы по возможности стараются, чтобы огонь никогда не потухал в очаге. Жители прибрежных деревень неоднократно говорили мне, что им приходится ходить в другие деревни за огнем, если случайно во всех хижинах их деревни огонь потухнет.

ВНУТРЕННОСТЬ ХИЖИН

Почти целый день папуасы проводят вне дома. На большой площадке, вокруг которой расположены хижины, достаточно места и тени, чтобы все могли производить на ней свои домашние работы и готовить себе вечером пищу на отдельных небольших кострах, зажигаемых перед каждой хижинкой. Хижины служат преимущественно кладовыми и убежищами на ночь и во время ненастья. Смотря по размерам хижины, в ней имеется одна или несколько барл (высоких и широких бамбуковых ска-

Внутренность мужского дома и резной столб. О-в Били-Били

мей), расположенных вдоль стен. Нередко под крышей бывает устроена каморка с особой дверью, в которую проникают при помощи лестницы; в этой каморке хранят плоды. Пучки аяна, бау висят рядами на бамбуковых жердях; там же стоят горшки и табиры, которыми пользуются в торжественных случаях. К балке, поддерживающей гребень хижины, прикреплена веревка с м е м у внизу (палкой с несколькими крючками). Ниже палки привешен кусок листового влагалища саговой пальмы таким образом, что веревка проходит через его середину. Это—предохранительная мера от многочисленных мышей, пожирающих ночью в хижинах все съедобное. На крюках мему привешивается завернутая в листья пища, гуны, ямби и другие предметы, требующие охраны от мышей. Обыкновенно на той же балке висит нечто вроде плоской корзины с подобным же приспособлением

против крыс; в ней сохраняются остатки ужина в горшках или табирах до следующего обеда.

Кроме пары копий, лука и десятка стрел и других орудий охоты и рыболовства, в хижине нет ничего. Трудно было бы найти человеческое жилье с меньшим числом вещей, составляющих, однако, все имущество его обитателей. В более поместительных, открытых хижинах (буамбрамра), о которых я уже говорил, бывает иногда также верхняя каморка, служащая кладовой. Вдоль стен буамбрамры висит много нижних челюстей свиней, зарезанных во время пиров, и черепов съеденных рыб. Здесь существует обычай сохранять что-нибудь от каждого съеденного животного на память об этом событии.

ПЛАНТАЦИИ И ОБРАБОТКА ПОЧВЫ

Немногие плантации находятся вблизи деревень, большинство скрыто в лесу для того, чтобы защитить их от врагов. Выбрав участок земли для плантации, срубают сначала подлесок, а потом и более крупные сучья больших деревьев. Этим достигается большой доступ солнца, отчего все срубленное быстро увядает и засыхает. Тогда разводят огонь и сжигают срубленный кустарник и засохшие сучья. Остаются только большие деревья, их постепенно поджигают у корня несколько дней подряд, а иногда и срубают большими каменными топорами. Очищенный участок окружают забором: ставят по 2 ряда кольев из сахарного тростника в рост человека близко один к другому. Промежуток между двумя рядами кольев наполняют грубо нарубленными поленьями (и щепками) от больших деревьев. Стоящие один против другого тростниковые колья связываются парами между собою через короткие промежутки лианами. Забор делается приблизительно в рост человека; он необычайно прочен, так как стебли тростника скоро пускают корни. Стебли стоят вплотную друг к другу, поэтому забор представляет надежную преграду против нападений диких свиней, которые в противном случае могли бы причинить большой вред молодым плантациям. Прежде чем срублены все деревья и поставлен забор, землю уже взрыхляют, размельчают и насыпают в кучи, имеющие около метра в поперечнике и полметра высоты. Каждая кучка обсаживается только одним сортом растений, так что бананы, сахарный тростник, бау, аян растут вперемежку. Меньше чем в месяц новая плантация бывает уже готова. На более старых плантациях почва в особенности хорошо обработана и размельчена. При этом папуасы пользуются очень простыми орудиями:

1. У д ъ я—крепкая, длиной в 2 м палка, заостренная с одного конца; ею пользуются мужчины, так как при работе этим первобытным орудием требуется много силы.

2. У дьясаб—небольшая узкая лопатка. Ею работают женщины.

Работа производится таким образом: двое, трое или более мужчин становятся в ряд, глубоко втыкают заостренные удья в землю и потом одновременно одним взмахом поднимают большую глыбу земли. Если почва тверда, то в одно и то же место втыкают удья два раза, а потом уже поднимают землю. За мужчинами следуют женщины, которые ползут на коленях и, держа крепко в обеих руках свои удья-саб, размельчают поднятую мужчинами землю. За ними идут дети различного возраста и растирают землю руками. В таком порядке мужчины, женщины и дети обрабатывают всю плантацию; потом накидывают кучки земли, группируемые в ряды.

Предварительная подготовка плантаций, вырубка кустарников, сжигание и рубка деревьев, постройка забора производятся обычно всеми жителями деревни совместно; дальнейшая же обработка земли—уже только всеми членами семьи, между которыми разделена плантация. Даже младшие сыновья имеют свои отдельные плантации, которые они обязаны обработать и возделывать и плоды с которых составляют их собственность.

Папуасы получают с плантаций ежегодно несколько урожаев различных плодов и овощей, уже перечисленных мною выше. Так, в марте, апреле, мае, июне, июле они снимают урожай бау, в августе, сентябре, октябре и ноябре—аяна, в декабре и январе—дегарголя; в этих же месяцах они едят также и сахарный тростник. Ежедневно женщины приносят с плантаций на вечер и на следующее утро нужные плоды. Каждая плантация делится между несколькими семьями, и обыкновенно одна деревня владеет несколькими плантациями. Всего больше плантаций у прибрежных жителей, тогда как островитяне занимаются больше различными ремеслами (гончарным производством, постройкой лодок и т. д.).

СНОШЕНИЯ И ОБМЕН МЕЖДУ ДЕРЕВНЯМИ

У папуасов берега Маклая нет ни торговли, ни упорядоченного обмена. Если несколько жителей прибрежной деревни отправляются в другие прибрежные деревни, на острова или к жителям гор, то они забирают обыкновенно с собою все, что у них имеется в избытке, и несут с собою в виде подарка. При уходе они получают ответные подарки, состоящие из продуктов, бывающих всего чаще в той деревне. Чрезвычайно редко я замечал, чтобы подарок предлагался за определенный ответный подарок. Так, жители горных деревень Теньгум-Мана, Энглам-Мана, Марагум-Мана богаты арековыми пальмами и табаком. Они приносят эти продукты в прибрежные деревни и получают взамен гончарные изделия, рыбу и соль (в виде кусков соленого дерева). Островитяне изготовляют преимущественно горшки

и мали, которые они охотно обменивают на продукты плантаций прибрежных жителей. Эти островитяне служат также посредниками при обмене продуктами между прибрежными деревнями, расположенными далеко одна от другой. Обычай взаимного отдаривания так укоренился, что даже жители соседних деревень приносят почти каждый раз при своих частых посещениях что-нибудь своим приятелям и получают от них при уходе также подарок.

Не все селения имеют лодки-пироги. Причина тому—расположение многих деревень в таких местах, где постоянный сильный прибой затрудняет приставание к берегу. Пироги выдолблены из древесных стволов и имеют балансир и небольшую платформу, помещающуюся в середине, там, где прикрепляется балансир. Двух гребцов (один на носу, другой на корме) достаточно для быстрого продвижения пироги; самые маленькие пироги могут вместить только трех человек. Жители Били-Били и архипелага Довольных людей строят, однако, большие пироги, на которых вместо платформы ставится маленькая хижина. Такие пироги употребляются для более продолжительных поездок под парусами. Они снабжены нередко двумя мачтами, наклоненными в противоположные стороны—одна вперед, другая назад. На этих пирогах туземцы ездят превосходно при слабом ветре, но пироги держатся довольно хорошо и при сильном ветре, хотя папуасы по возможности его избегают. Парусом служит циновка из пандануса; вместо веревок пользуются расщепленным бамбуком и лианами. Якорем служит обрубок древесного ствола с обрубленными и заостренными четырьмя или пятью сучьями, образующими лапы якоря, между которыми укреплены посредством плетения из расщепленного ротанга камни; на этих пирогах жители Били-Били (они—лучшие мореходы во всей округе) предпринимают поездки на различные о-ва архипелага Довольных людей, даже на Кар-Кар (о. Демпир) и к юго востоку, к мысу Риньи. Жители о. Ваг-Ваг не имеют, по словам береговых папуасов, никаких судов, на которых они могли бы посещать берега Новой Гвинеи; их также никто не посещает, и они живут поэтому совершенно обособленно. Горные жители боятся больших морских поездок, да и жители побережья не отличаются большой отвагой в плавании. Они предпринимают поездки лишь в благоприятную погоду и при попутном ветре и остаются дома, как только ветер усиливается и в море начинается волнение.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАПУАСОВ

Папуас берега Маклая женится рано, имеет только одну жену* и отличается строгой нравственностью. Насколько мне

* (Иногда, впрочем, встречается многоженство; так, у Саула было три жены, у Яго—две, но это исключения).

приходилось видеть, незаконных связей почти не бывает или они встречаются очень редко. Брачные обряды очень просты. Жених приносит, с согласия своей семьи и семьи невесты, подарки (5—10 табиров, редко 15 и больше, несколько малей и т. п.). Спустя несколько дней режут свинью или собаку, устраивают праздничный обед, и жених переводит невесту в свою хижину. Еще проще развод, который не сопровождается никакими обрядами: муж просто отправляет свою жену к ее родственникам, если она оказывается неспособной к работе, напр. при болезни ног, затрудняющей ходьбу, и берет себе другую.

Вообще же мужья обращаются с женами хорошо и лишь изредка колотят их. Ежедневно жена приносит с поля плоды и собирает дрова на ночь для огня; она же таскает воду с морского берега или из ручья. Часто вечером можно видеть женщин, возвращающихся с поля тяжело нагруженными. На спине у них висят 2 мешка, прикрепленные к веревке, обвивающей лоб: нижний—с плодами, верхний—с ребенком. На голове, сильно нагнутой вперед благодаря тяжести мешков, они несут еще большие вязанки сухих дров, в правой руке часто держат пучок сахарного тростника, а на левой руке висит еще один маленький ребенок. Такой груз, при жаре и при узких тропинках, должен очень утомлять; свежесть и здоровье молодой женщины уносятся поэтому очень скоро. Дети обычно веселы, плачут и кричат редко; отец, а иногда и мать обращаются с ними очень хорошо, хотя мать обычно относится к детям менее нежно, чем отец. Вообще же у папуасов любовь к детям очень сильна. Я видел у них даже игрушки, что у дикарей встречается не часто, именно—нечто вроде кубарей, маленькие лодочки, которые дети пускают по воде, и много других игрушек. Но уже рано мальчик сопровождает отца на плантацию, в скитаниях по лесу и в поездках на рыбную ловлю. Ребенок уже в детстве научается практически своим будущим занятиям и еще маленьким мальчиком становится серьезным и осторожным в обращении.

Мне частенько приходилось видеть комичную сцену, как маленький мальчуган, лет четырех, пресерьезно разводил огонь, носил дрова, мыл посуду, помогал отцу чистить плоды, а потом вдруг вскакивал, бежал к матери, сидевшей на корточках за какой-нибудь работой, схватывал ее за грудь и, несмотря на ее сопротивление, принимался сосать. Здесь всюду распространен обычай кормить детей грудью очень долго.

День папуаса начинается, едва забрезжит свет. Папуасы любят крик петуха, возвещающий близость дня, и держат поэтому петухов в деревнях*. Если папуасу не нужно отправляться далеко в лес или в горы, то он еще в темноте идет, завернувшись в свой маль, на берег моря и ожидает, съезжившись и дрожа от холода, восхода солнца. Собирается обыкновенно целая компа-

* <Кур держат реже, так как собаки загрызают цыплят>.

ния, однако люди лишь изредка обмениваются словами, обыкновенно же все молчат. Когда солнце поднимается выше, папуасы возвращаются в деревню, где приказывают женам или детям принести себе остатки вчерашнего ужина или же варят себе немного свежей пищи. Женщины готовятся идти работать на плантации; они загораживают бамбуковыми палками и циновками двери своих хижин, забирают свои мешки, удья-саб, сажают кричащих ребят в мешки, не забывая при этом захватить с собою и тлеющую головню, и по нескольку вместе, в сопровождении детей и собак, оставляют, болтая, деревню. Мужчины остаются перед своими хижинами и спокойно поедают свой завтрак, после чего жуют бетель и курят свои зеленые сигары. В это время в деревне очень тихо, хотя в ней еще осталось много мужчин. Около 10 часов утра и мужчины начинают расходиться: одни идут на плантации, другие—на рыбную ловлю, третьи—в соседние деревни. Все они вооружены луком и стрелами, иногда и копьем и, кроме того, нагружены еще различными другими орудиями (удья, рыболовные сети, весла и т. п.).

Если притти в деревню в полдень, то часто можно не найти в ней ни одного человека: только несколько собак и свиней посмотрят на пришельца и исчезнут в кустах. Все хижины заперты, и только буамбраманит своей прохладой, соблазняя путника растянуться на широкой барле и отдохнуть. Около 4 или 5 часов слышатся шаги мужчин, возвращающихся в деревню; с них еще струится вода, так как перед приходом в деревню они искупались в соседнем ручье и даже натерлись вместо мыла песком и травой. Несмотря на распространенность у папуасов кожных болезней, их нельзя назвать нечистоплотными; они купаются ежедневно, даже по нескольку раз, и часто натираются песком и травой. Придя в деревню, они растягиваются на своих барлах и ждут обеда. Крикливые голоса в лесу возвещают о скором прибытии женщин, которые с тяжелой ношей, в поту, подходят к хижинам, сбрасывают вязанки дров и осторожно снимают мешки с детьми и плодами. Скоро зажигаются огни, старшие дети помогают родителям приносить горшки и табиры, смотрят за огнем, чистят плоды и раскладывают их по горшкам. Иногда сходятся несколько соседей: каждый приносит немного плодов и овощей, и вместо нескольких малых горшков варят в одном большом. За это время девушки приносят пресную и соленую воду в бамбуковых сосудах. Прежде чем положить или налить что-нибудь в горшок, кладут в него свежий или сухой лист, чтобы предохранить овощи от пригорания. Также кладут в горшок содержимое бамбуковых сосудов, которые мужчины носят с собою во время своих прогулок. Содержимое это иногда очень разнообразно: там можно найти жуков, улиток, раков, крабов, гусениц, маленьких ящериц и т. п. Все это бросается в горшок вместе с землей и сухими листьями, попавшими в сосуд случайно. Еще живые животные пытаются спастись, но в горшок всыпают

аян, бау или дегарголь, наливают воды, на одну треть морской, а затем накрывают горшок зелеными листьями и скорлупой кокосового ореха и ставят на огонь. Смотря по содержанию, горшок стоит на огне час или более. Мужчины ломают сухие тонкие поленья на колене или на большом камне, женщины—на голове.

Когда кушанье готово, ставят горшок с круглым дном на соломенный кружок. Хозяин раскладывает кушанья по поставленным кругом табирам; лучшие куски достаются гостям и ему самому, худшие—детям и женщинам. К этому времени обыкновенно уже совсем темнеет, тем не менее костер не разжигают ярче, а сидят в темноте и медленно жуют и едят трудно перевариваемую пищу. Чтобы до некоторой степени удовлетворить потребность в соли, пьют, приложив табир к губам, жижу, в которой были сварены в небольшом количестве морской воды гусеницы, пауки и ящерицы. Женщины удаляются в хижины. Время от времени слышны крики детей и тихая беседа мужчин, жующих свой бетель и курящих сигары. Но эти звуки скоро умолкают, мужчины разводят в хижинах небольшие костры под своими барлами и засыпают; но им приходится нередко вставать, так как огонь под ними часто гаснет, и холод ночного воздуха их будит.

Так проходят дни у жителей берега Маклая. Перемены вносят только войны, посещения соседних деревень и празднества, которые устраиваются в их собственных деревнях или у соседей.

«Мыс Уединения» на берегу Маклая, 1872 г.

Батавия, 22 ноября 1874 г.* (в ночь перед отъездом в Сингапур).

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАПУАСОВ

(Продолжение)

«Die Gegenwart allein ist wahr und wirklich». (Одно только настоящее истинно и действительно). (*Schopenhauer. Parerga und Paralipomena*, I, 441)

«Und wenn's euch ernst ist was zu sagen, ist nöthig Worten nachzujagen?» (Если вам нужно серьезно что-нибудь сказать, неужели необходимо гнаться за сло-вами?) (*Goethe. Faust*, I)**

Разрисовка лица и тела. Папуасы раскрашивают себе лицо красной и черной краской; красную употребляют больше молодые, черную—чаще пожилые. Молодые люди (маласи), пятнадцати—тридцати лет, соблюдают этот обычай в особен-

* Я надеюсь еще в этом году просмотреть продиктованную уже в 1873 году часть моих заметок; может быть даже, я найду достаточно времени перевести написанные по-русски заметки и опубликовать их Иохор-Бару, 7 февраля 1875 г.

** Этот эпиграф предназначен преимущественно для моих немецких читателей. Я надеюсь, что интересный и нелегко добытый материал этих «Заметок» извинит, быть может, «немецкий» язык русского.

ности: они придумали разные рисунки и смешения красок, которыми они покрывают лицо и спину.

В обыкновенные дни они ходят нераскрашенными или раскрашенными лишь немного, напр., обводят глаза кружками или проводят вдоль носа черту, которая соединяется с другой чертой, проведенной от одного виска к другому, на месте сбритых бровей, у основания лба. Но во время праздников все лицо намазывается красной краской, по которой проводится еще несколько белых и черных черточек. Одна из самых употребительных— вышеупомянутая черта внизу лба, соединяющаяся накрест с проведенной вдоль спинки носа линией. Иногда одна половина лица окрашена в черный цвет, а другая— в красный, что производит своеобразное впечатление. От затылка несколько параллельных линий идет вдоль спины до талии. Отдельные фигуры изображаются на лопатках, напротив того, грудь раскрашивается редко и еще реже проводится несколько цветных линий на ногах. Более старые туземцы, свыше тридцати лет (тамо), почти не пользуются красной краской и заменяют ее черной. Они красят ею волосы и лоб и проводят полосу вдоль носа до его кончика, в особенных случаях красят лицо и всю голову. Есть, однако, деревни, где вследствие обилия черной краски туземцы намазывают ею все тело и притом настолько старательно, что ее можно принять за их натуральный цвет. Так, напр., несколько человек с Кар-Кара, посетивших меня, были сплошь покрыты черной краской, что придавало им своеобразный, отличный от остальных вид*.

Женщины берега Маклая появляются накрашенными редко, причем не так строго придерживаются определенных правил в отношении раскраски, как мужчины.

Относительно ухода за волосами я говорил уже в антропологических заметках. До моего приезда папуасы употребляли для стрижки и бритья бамбуковые ножи и осколки кремня. Теперь они стригутся и бреются осколками стекла, которые (получают от меня или) собирают около моей хижины.

Я видел у них, однако, еще другой способ удалять волосы. Они берут 2 тонких шнурка или 2 крепких стебелька, связывают их вместе и обвивают вокруг пальца левой руки, а правой их закручивают. Шнурки держат перед самым лицом, волосы попадают между двумя шнурками и закручиваются с ними; достаточно затем небольшого движения руки, чтобы вырвать с корнем несколько волосков. Хотя операция эта, судя по моему собственному опыту, очень болезненна, тем не менее папуас, занимающийся таким выдергиванием иногда 3—4 часа, никогда не делает

---

* Я предполагаю, что некоторые моряки, выдавшие таких раскрашенных людей в лодках, принимали эту раскраску за естественный цвет и давали по этому поводу неверные сообщения. [В русской рукописи примечание вычеркнуто.—*Ред.*].

гримас, что мне неоднократно приходилось наблюдать с удивлением.

Здесьние папуасы не знают татуировки, а выжигают рубцы. Мужчины—на спине и ляжках, а женщины—по обеим сторонам груди и на руках, распределяя их в виде линий. Для нанесения таких рубцов пациент ложится на спину или на живот; зажигается маленький кусочек сухой коры, и оператор кладет его раскаленным, но не горящим, на кожу, пока кора не обратится в золу; таким образом сжигают несколько кусочков подряд. И эта процедура требует много терпения и значительной силы воли для преодоления боли.

Мужчины украшают себя гораздо больше, чем женщины, костюм которых нередко бывает сведен к минимуму*. Мужчины тратят 4—5 часов на расчесывание своих волос, смазывание их отваром плодов «субари» (*Calophyllum inophyllum*), на их окраску, украшение перьями и цветами, расписывание лица и спины, опоясывание возможно туже малем, наконец, на то, чтобы заткнуть за браслеты на руках и ногах ветки пестролистных растений (из сем. *Euphorbiaceae*).

Единственное украшение, дозволенное женщинам в торжественных случаях,—небольшое количество краски, которой они крашивают себе волосы, лоб и щеки. При таких случаях женщины носят, однако, много ожерелий из маленьких и больших раковин, собачьих зубов и пестроокрашенных косточек плодов.

П о л о ж е н и е ж е н щ и н. Было бы неправильно утверждать, что здесьние папуасы плохо обращаются со своими женами или что последние не имеют никакого влияния на мужей. Однако почти во всем женщины берега Маклая занимают подчиненное положение. Если они и не обязаны работать через силу, все же у них достаточно дела каждый день в продолжение целого года, тогда как мужчины, закончив в несколько недель более трудную работу (разбивка новых плантаций, обработка почвы), могут затем остальное время лентяйничать. Женщины получают пищу всегда похуже, должны есть ее отдельно от мужчин, у них меньше украшений (в сравнении с мужчинами), они не могут принимать участия в празднествах мужчин и т. д.

Здесь я нахожу нужным сказать несколько слов о морали папуасов**. Папуасы смотрят на половые отношения разумно,

* В Били-Били я видел у одной девушки самый простой костюм, какой только вообще может существовать. Весь туалет ее состоял из одной большой белой раковины (*Cypraea*), покрывавшей нижнюю часть *mons Veneris*.

** Читая следующие далее строки, нужно иметь в виду, что я жил среди папуасов в качестве «каарам тамо» (человек с луны), и принять во внимание, что папуасы не боялись и не дичились меня и, вследствие моего долгого пребывания и моей *manière d'être*, так привыкли к моему присутствию в деревнях, что ни в чем не изменяли своего образа жизни и привычек во время моих посещений. Это обстоятельство имело при наблюдениях весьма важное значение.

как и на другие физические потребности (еда, сон и т. д.), и не создают из них искусственной тайны. Я видел много раз, как дети обоего пола, играя на теплом песке побережья, подражали coitus'у взрослых. В моем присутствии и перед другими мужчинами, девушки и женщины говорили, нисколько не стесняясь, о половых органах и их функциях. Подобные разговоры показались бы чудовищными европейским моралистам; на самом же деле я думаю, что в нравственном отношении папуасские девушки могут поспорить с европейскими, воспитанными в лицемерии и показном целомудрии.

Мне приходилось также нередко слышать, как во время пребывания молодоженов в хижине сидящие неподалеку молодые люди отпускали остроты и замечания, которые для слуха европейца были бы грязны, в действительности же были очень естественны.

Гимнастические упражнения девушек, о которых я уже говорил в своих антропологических заметках, являются не чем иным, как подготовкой к выполнению супружеских обязанностей. Я видел однажды маленькую девочку в Бонгу, занятую этой гимнастикой. Бедняжка была крайне утомлена, и я, еще не понимая тогда смысла этих упражнений, заметил одному присутствовавшему при этом туземцу: «Чего она не уйдет? Зачем она это делает? Она совсем устала!»—«О, это ничего, пусть продолжает,—услышал я в ответ,—ее муж будет ею доволен». Слова эти привлекли мое внимание, и я убедился потом, что эта гимнастика входит в цикл воспитания девочек (такие телодвижения женщины делают также при пляске) и представляет главным образом подготовку к coitus'у. Папуасы говорили мне сами, что «хорошо спать» с женщинами, производящими эти движения умело и сильно. Это и есть причина, почему,—как я уже упоминал,—мужчинам нравится особенная походка женщин. Выражение чувств (нежность к детям и половая любовь), во всяком случае имеющих, не проявляется, однако, в такой форме, как у европейцев. Но как именно они выражаются, этого мне не удалось наблюдать,—папуасы не любят проявлять своих чувств при посторонних.

О браке я уже говорил раньше, что у папуасов он заключается без каких-либо особых торжеств; иначе это стало бы мне несомненно известно за мою 15-месячную совместную жизнь с папуасами. Переговоры об обмене подарками между женихом и отцом девушки я, правда, слышал, но никаких обрядов при заключении брака мне не приходилось наблюдать. Напр., сегодня я видел молодую женщину в хижине холостяка,—вчера ее там еще не было, вчера вечером он на ней женился. Не могу также ничего сообщить об обычаях при рождении ребенка, хотя мне случалось бывать в деревнях как раз в то время, когда рождались дети.

Об обрезании я слышал от достойных доверия лиц следующее. Обрезание совершается над 12—13-летними мальчиками

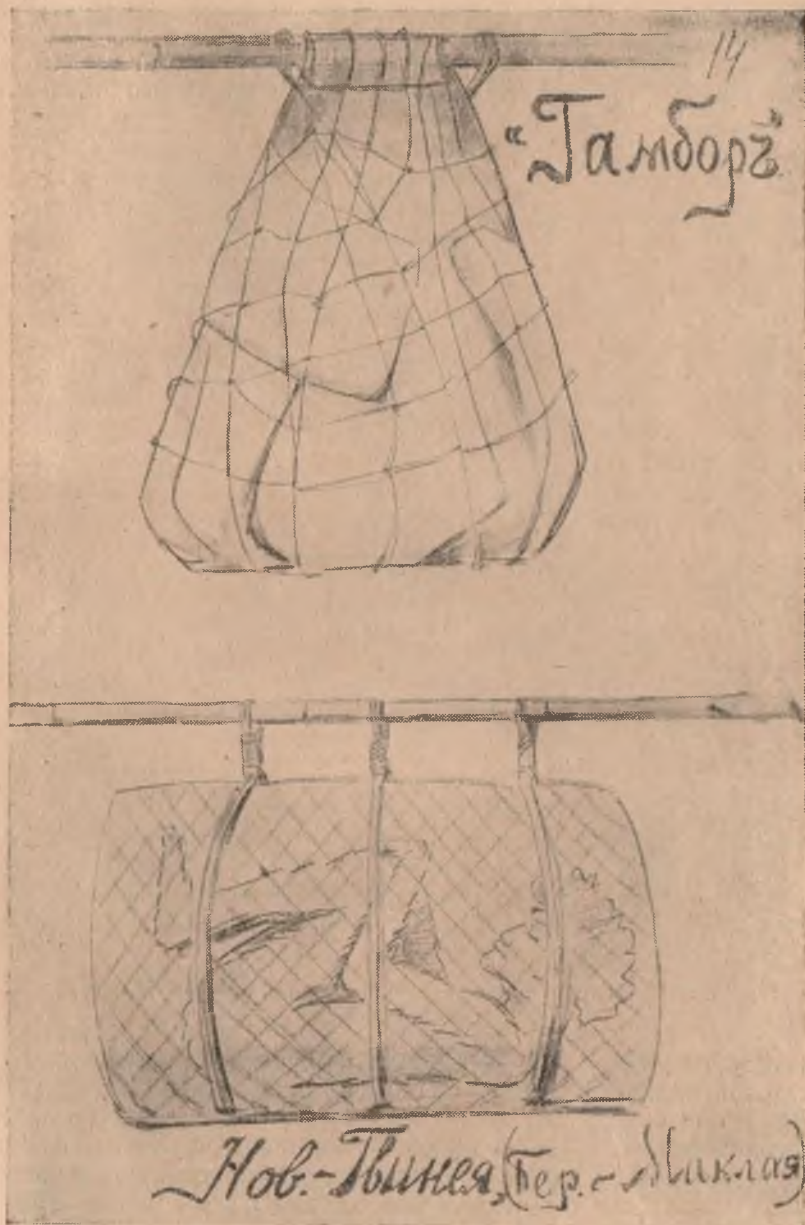
вне деревни, в лесу, острым осколком кремня, в присутствии всего мужского населения деревни; по окончании обряда вновь обрезанного с пением приносят обратно в деревню. После обрезания на мальчика смотрят, как на молодого мужчину, и он получает некоторые права, которых раньше не имел.

О приветствиях у папуасов. Приходя в деревню, сосед говорит детям: «Э, вау» (Э, дети), женщинам: «Э, нангели» (Э, женщины), мужчинам: «Э, мем» (Э, отец). Приветствие тамо между собою: «Э, аба» (Э, брат). Между родственниками и давнишними приятелями приветствия не в ходу. Папуасы подают друг другу руки, касаются руки другого, но не жмут ее. Уходя, гость говорит: «Ади ангармем» (я иду); хозяин и присутствующие отвечают: «Э, аба» или «Э, мем», на что гость дает ответ соответствующими словами. Потом хозяин говорит: «Глембе» (ну, иди)—и провожает своего гостя до конца деревни, неся за ним подарки и остатки обеда. Часто гость говорит: «Ты оставайся здесь, а я пойду». При особенно чувствительном расставании туземец прижимает своего друга к левой стороне груди, обнимает его одной рукой и в то же время хлопает его слегка по спине.

При моем посещении дер. Богатим меня ожидала большая толпа папуасов, которые, как только моя шлюпка подошла к берегу, все почти сели и не встали до тех пор, пока я не выскочил из лодки и не обратился к одному старому знакомому с просьбой помочь мне привязать ее. Этот обычай приседать на корточки перед почетным гостем в знак приветствия я встретил также на о-вах архипелага Довольных людей.

Довольно распространен на побережье обычай обмена именами: меня неоднократно просили в различных деревнях поменяться именем с каким-нибудь туземцем, которого я чем-нибудь отличил. Чтобы не вызвать путаницы и недоразумений, я всегда отклонял такие предложения и лишь позволил дать мое имя (Маклай),—и это считалось большой милостью,—нескольким новорожденным мальчикам, отцы которых считались моими особенными друзьями. Многократно меня также просили выбрать имя новорожденным мальчикам и девочкам.

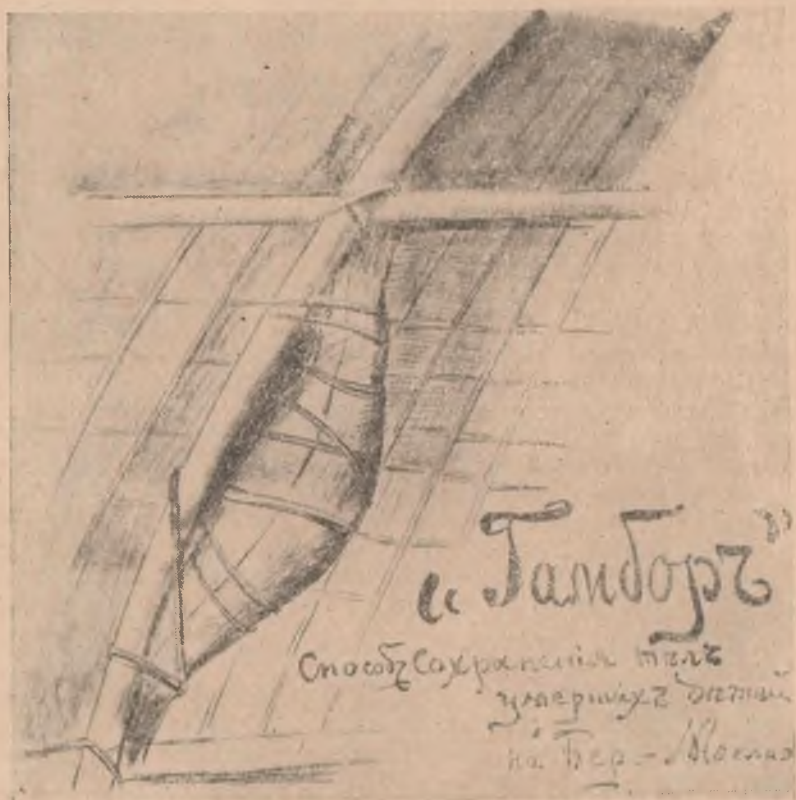
Погребальные обряды. О смерти мужчины сообщается окрестным деревням посредством барума. В тот же день или на следующее утро мужское население этих деревень собирается вблизи деревни покойного. Все мужчины в полном вооружении. При первых ударах барума гости входят в деревню, где возле хижины умершего уже собралась толпа, также вооруженная. После кратких переговоров собравшиеся мужчины разделяются на 2 противоположных лагеря, после чего начинается показательное сражение, во время которого туземцы проявляют, впрочем, известную осторожность и не пускают в ход своих копий. Стрелы, однако, пускаются непрерывно дюжинами, и, несмотря на показательный характер боя, бывает немало раненых, хотя и

Способ сохранения тел умерших. Берег Маклая

несерьезно. В особенное возбуждение приходят ближайшие родственники и друзья умершего, — они ведут себя как сумасшедшие.

Когда все разгорячится, утомится, выпустят все стрелы, мнимые враги садятся в круг, и большинство ведет себя далее как простые зрители. Ближайшие друзья покойного приносят,

Способ сохранения тел умерших детей. Берег Маклая

между тем, несколько цыновок и широкие влагилица листьев саговой пальмы и кладут их на середине открытой площадки. Затем они выносят из хижины умершего, связанного ротангом в положении человека, сидящего на корточках, с упертым в колени подбородком и с руками, обхватывающими ноги. Подле покойника ставят его вещи, подарки соседей и несколько табиров со свежесваренной пищей. В то время как мужчины сидят в кругу на площади, женщины (даже ближайшие родственницы покойного) могут смотреть только издали. Когда приготовления окончены, несколько мужчин выходит из круга, чтобы помогать бли-

жайшим друзьям и родственникам умершего при дальнейшей процедуре. Труп завертывается в принесенные циновки и очень искусно и крепко увязывается ротангом и лианами, так что получается хорошо упакованный сверток. Привязав тук с покойником к крепкой палке, его относят обратно в хижину, палку прикрепляют под крышей хижины, а все его вещи, подарки и пищу ставят опять около трупа. После этого хижину оставляют, и гости возвращаются в свои деревни.

Несколько дней спустя, когда труп уже сильно разложился, его погребают в самой хижине, что, однако, не мешает родствен-

Способ сохранения тел умерших. Деревня Энглам-Мана, берег Маклая

никам продолжать жить в ней. Приблизительно через год выкапывают череп, отделяя его от остального скелета. Сохраняют, однако, не череп, а только нижнюю челюсть; ближайший родственник умершего нередко носит ее при себе в гуне или в виде браслета. Эта кость заботливо хранится как память об умершем; мне удалось только после многих уговоров и ценных подарков убедить одного из моих соседей принести мне тайком нижнюю челюсть его покойного родственника.

Погребение ребенка или женщины, на котором я никогда не присутствовал, производится с гораздо меньшими церемониями: не бывает ни битья в барум, ни собраний соседей, ни показного боя.

Пояснительное примечание. Я мог бы на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их мирозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и замечками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями и комбинациями. С некоторой

ловкостью можно было бы сплести интересную на вид ткань, в которой было бы нелегко отличить правду от вымысла. Такой образ действий, однако, мне противен; он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того не легкое для исследования поле воззрений и понятий расы, очень далекой от нас по степени своего культурного развития. Ведь все догадки и приписанные теории придают слишком субъективную окраску действительным наблюдениям и тем уменьшают ценность последних и затушевывают пробелы, которые должны служить как раз задачами дальнейших наблюдений для последующих исследователей.

Я сознаюсь вполне откровенно, что мое 15-месячное пребывание на берегу Маклая было недостаточным для того, чтобы составить несомненно правильное представление о религии и миро-созерцании папуасов. Такое мое признание будет служить достаточным объяснением разрозненности последующих отрывочных заметок.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА И О ДИАЛЕКТАХ ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ

Изучение первого папуасского диалекта* было сопряжено для меня с большими трудностями, так как не было лица, которое могло бы служить переводчиком для обеих сторон. Названия, которые я желал знать, я мог получить только или указывая на предмет или с помощью жестов, которыми я подражал какому-нибудь действию. Но эти два метода были часто источниками многих недоразумений и ошибок. Один и тот же предмет назывался различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий в свою очередь—третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье—«грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли или потому что лист был взят с растения, которое папуасы ни

---

* Список слов, составленный мною на берегу Маклая, я отослал в январе 1874 г. моему глубокоуважаемому другу акад. Отто Бетлингу в Петербург. Мне кажется, однако, уместным повторить здесь краткие заметки, приведенные мною в посланной в Европу рукописи, тем более, что мне до сих пор осталось неизвестным, появился ли этот список в печати или нет.

на что не употребляют. Так случалось со многими, очень многими словами*.

Для ряда понятий и действий я никаким способом не мог получить соответствующих обозначений; для этого оказались недостаточными как моя сила воображения, так и моя мимика. Как мог я, напр., представить понятие «сны» или «сон», как мог найти название для понятия «друг», «дружба»? Даже для глагола «видеть» я узнал точное слово лишь по прошествии четырех месяцев, а для глагола «слышать» так и не мог узнать. К этому надо еще прибавить многочисленность наречий у моих соседей. Записывание слов в свою очередь представляло трудности. Я скоро убедился, что некоторые звуки папуасских языков я решительно не могу воспроизвести. Напрасно я делал к этому попытки и, хотя я явственно чувствовал разницу между папуасским и своим произношением, тем не менее для меня было невозможно передать моим органом речи эти звуки. Наши гортани и вся мускулатура их были совершенно различны**. Не один только орган речи мешает правильной передаче чужого слова; орган слуха играет при этом важную роль. Одно и то же чужое слово слышится различными лицами различно, и часто очень различно.

Таким образом, при записывании слов чужих языков открываются многие источники ошибок: 1) туземцы выговаривают слова не вполне одинаково; 2) записывающий воспринимает слова своим органом слуха, имеющим индивидуальные особенности; 3) прежде чем записать слово, он его произносит своим органом речи, имеющим также индивидуальные особенности; 4) произнесенное чужое слово он должен изобразить буквами известного ему языка, даже в том случае, если он различает явственно разницу звуков и знает, что буквы не подходят к слышанным звукам.

Все эти обстоятельства обратили мое внимание и очень мне досаждали, когда я занимался записыванием папуасских слов. Компетентные специалисты-языковеды должны найти выход из описанных затруднений.

---

* Что это случилось не со мной одним, я мог заметить из маленького списка, который был составлен одним из офицеров «Витязя» и который опубликовал Mayer (*Tijdschrift voor Land-Taal-en Volkenkunde*, 20). Там, например, для руки приведено слово «sakiu», что значит браслет, для воды—«ual'», что означает море. Череп назван «kumu», что значит черная краска для волос. При глаголе «есть» поставлено «ingi», что значит «сваренные овощи», и т. д. Легко понять, как произошли эти недоразумения. Спрашивавший, желая знать название руки, показал случайно на то место, где носится сагю—браслет, и спокойно записал это слово, как название руки. Подобное же случилось и с другими словами.

** На Новой Гвинее я неоднократно вспоминал совет глубокоуважаемого покойного проф. Шлейхера в Иене—изучать сравнительно-анатомические органы речи различных рас; я думаю, что он был прав и что такое исследование могло бы привести к положительным и важным результатам. Функциональные различия настолько велики, что, вероятно, можно при помощи микроскопа установить и анатомические различия.

Я думаю также, что чужие слова лучше всего можно записать на своем родном языке, так как на нем можно лучше определить, насколько точно буквы передают звуки. Потому я сначала записывал все папуасские слова по-русски, тем более, что русский алфавит представлял в мое распоряжение ряд букв, казавшихся особенно подходящими для передачи некоторых папуасских звуков*.

Почти в каждой деревне берега Маклая—свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы. Только пожилые туземцы говорят на двух или трех наречиях; чтобы научиться им, папуасы проводят некоторое время в чужих деревнях.

Много раз бросалось в глаза, что молодые люди не знали некоторых слов своего собственного диалекта; чтобы узнать название вещи, они шли в таком случае к какому-нибудь старому папуасу. Случается также, что при смерти стариков должны быть придуманы и введены новые слова. Папуасы спрашивали меня о названии каждой новой вещи, которой они раньше не знали и лишь впервые у меня увидели, и заучивали довольно скоро почти все сказанные им названия. Таким образом, в папуасских наречиях берега Маклая теперь встречается ряд русских слов, например топор, нож, гвоздь и т. д.

Многие слова являются звукоподражанием, напр. названия различных птиц и т. д.**

* Например, звук, который можно по-немецки изобразить через *sch*, по-русски выражается одной буквой «щ»; другой подобный звук *tsch*, для которого в русском языке также имеется одна буква «ч»; наконец, часто встречался звук, который подходящим образом можно выразить буквой «ы», не известной ни в одном европейском языке, кроме русского.

** Один папуас дал мне наглядный пример, который я позволю себе здесь привести ради его оригинальности. Когда он сообщал мне названия для *penis*'а и для *vagina*, он помогал себе мимикой. Сперва он стал подражать девушке, которая при виде *penis*'а закрывает руками глаза и при этом протяжно вскрикивает «у». Затем сжал левый кулак и, казалось, с большим усилием стал просовывать указательный палец правой руки между пальцами сжатого левого кулака, повторяя многократно жалобным тоном протяжное «у»; потом, быстро вскочив, он неожиданно раздвинул ноги сидевшей поблизости девушки и вскрикнул громко и также протяжно «а»; возвращаясь, наконец, ко мне, он снова сжал левый кулак и просунул теперь уже одним толчком в него указательный палец правой руки, повторяя при этом с триумфом «а». Таким образом, название «у» дано, повидимому, девушками для обозначения *penis*'а, а название *vagina* «а»—мужчинами. Вот пример, как могут образовываться слова из чисто инстинктивного восклицания человека (см. Д а р в и н. Происхождение человека, т. I).

В наречиях берега Маклая встречается также ряд слов малайско-полинезийского происхождения, поразивших меня уже при поверхностном сравнении. Это обстоятельство кажется мне не лишенным значения, тем более, что слова эти служат как раз для обозначения важных предметов⁶⁸.

Собранный мною список не превышал 300 слов с небольшим; это обуславливалось тремя обстоятельствами: 1) не будучи лингвистом, я заучивал только самое необходимое, тем более что узнавание слов, как я уже объяснял, было делом не легким; 2) за последнее время своего пребывания, когда я достаточно усвоил язык своих соседей, я забывал записывать многие, вновь выученные слова, а так как «Изумруд» пришел неожиданно и я так же внезапно должен был оставить Новую Гвинею, то эти слова так и остались незаписанными и были потом мною забыты; 3) я убедился, что мое знакомство с языком было почти достаточным для того, чтобы поддерживать с туземцами ежедневное общение. Это последнее обстоятельство кажется мне особенно интересным; я знал приблизительно 350 слов (незаписанных и забытых слов, насколько помню, было не более 50) и нашел свои знания почти достаточными. Чтобы судить о своих успехах в изучении языка, я прибегнул к следующему способу: оставался иногда в какой-нибудь деревне целый день, а иногда и ночь, в обществе мужчин, женщин и детей и прислушивался к разговорам туземцев между собою. Я нашел при этом, что с течением времени я понимал их все лучше и лучше, и, наконец, оставались только отдельные слова, которые были мне неизвестны. На основании этого опыта я предполагаю, что у здешних папуасов имеется в употреблении, быть может, вдвое больше слов, чем стало известно мне, самое большее втрое, что составляет приблизительно около тысячи слов⁶⁹.

После того, как я оставил берег Маклая, я заметил, что уже через короткое время (5—6 недель) почти все папуасские слова, которыми я пользовался в течение многих месяцев ежедневно, я мог припомнить лишь с большим трудом. Это меня очень удивило, так как память у меня вообще не слишком слабая.

ИСКУССТВО

Я собирал с особенным интересом все, что можно назвать зачатками искусства у папуасов, или, по крайней мере, срисовывал возможно более точно все, не исключая простейших и самых обыкновенных орнаментов. Я делал это главным образом на том основании, что обитатели моего берега жили еще в каменном веке, в состоянии, которое встречается с каждым годом где бы то ни было все реже и постепенно исчезает.

Орудия, изобретенные до сих пор папуасами, которыми они пользуются для произведений своего изобразительного искусства, можно разделить, как уже сказано, на две категории:

во-первых, осколки кремня, раковины и кости; во-вторых, шлифованные каменные топоры.

Сопоставляя все достигнутое папуасами в смысле искусства, т. е. их орнаменты, рисунки, грубые статуи, можно разделить эти продукты фантазии* и терпения на три класса:

во-первых, *орнаменты* в собственном смысле слова, которые вырезаются или рисуются ради них самих и представляют только украшение и больше ничего;

во-вторых, орнаменты и рисунки, представляющие *зачатки образного или идеографического письма*;

в-третьих, *орнаменты, рисунки и скульптура*, стоящие в связи с *суевериями и смутными зачатками религиозных идей* у папуасов.

1. Орнаменты в собственном смысле. Орнаменты, покрывающие оружие, орудия и утварь папуасов, хотя мало разнообразны, но довольно оригинальны. Чтобы получить правильное представление об их характере, я взял на себя труд зарисовывать положительно *все* орнаменты, которые мне где-либо встречались. Я убедился, что они зависят в значительно большей степени от материала объекта, на который их наносят и который они должны украшать, и от инструментов, которыми они воспроизводятся, чем от силы художественной фантазии туземцев. Так как много орудий и утвари папуасов делается из бамбука и тростника, то орнаменты на этом материале составляют большую долю их орнаментов вообще. Гладкая поверхность бамбука и тростника особенно пригодна для нанесения прямолинейного орнамента, поэтому прямолинейность и составляет характерную особенность большинства папуасских орнаментов. Эта особенность зависит, однако, вполне от свойств материала. Мне известно из опыта, как трудно чертить или нарезать на бамбуке круги и волнистые линии, тогда как прямые линии наносятся, наоборот, очень легко. Главное орудие для этой цели—острые осколки кремня и раковины. Ими вырезают или выцарапывают изящный орнамент на бамбуковых коробках для хранения извести, на палочках, заменяющих серьги, на тростниковых древках стрел, на бамбуковых гребнях и на многочисленных бамбуковых сосудах, составляющих хозяйство папуаса. Предмет, в орнаментации которого папуасы более всего проявляют свое уменье и свою фантазию,—это большой бамбуковый гребень, какой носят все мужчины. Орнаменты, вырезанные на бамбуке и зависящие, как сказано, от свойства материала, переносятся так же, как наиболее распространенные и известные, на другой материал, напр. на дерево и глину. Папуас следует общему всем людям свойству—лени. Он слишком ленив для того, чтобы придумывать что-нибудь новое, если условия позволяют ему не делать этого или даже поощряют его лень.

* В оригинале—«Einbildungskraft» (сила воображения).—Ред.

Я неоднократно видел резьбу по дереву и орнаменты, выдавленные на глине, которые в точности воспроизводили орнаменты на бамбуковых изделиях. Но на деревянных изделиях иногда вырезаются и узоры иного рода, а именно—состоящие из кругов и волнистых линий. Так как дерево трудно поддается обработке первобытными папуасскими инструментами, то такие орнаменты встречаются реже, но в то же время они и сложнее. Простой черты осколком кремня уже достаточно для того, чтобы на бамбуке получилась ясная линия, тогда как дерево, обрабатываемое тем же инструментом, требует для воспроизведения на нем узора сильного нажима, старательного вырезывания или скобления. При этом уже все равно, прямая или кривая линия, поэтому получаются и криволинейные орнаменты. Но так как на орнаменты по дереву папуасы употребляют больше времени и старания, то они и выходят тоньше и разнообразнее. Деревянные предметы, на которые наносится такой орнамент,—табиры, копыя, барабаны. Подобные же узоры, но более крупные, вырезают на лодках и изредка на хижинах. При этом рисунок сначала грубо вырубается каменным топором, а затем отделяется при помощи острых осколков кремня.

Что степень художественности орнаментации зависит у папуасов главным образом от употребляемых для этого инструментов и что орнаменты довольно однообразны не от недостатка силы воображения или умения, стало для меня очевидным, когда они начали собирать валявшиеся около моей хижины осколки стекла и без моего указания пользоваться ими как важным новым инструментом. Я мог убедиться, что вследствие того возникли новые оттенки и новые вариации некоторых видов орнамента по дереву. До тех пор, пока я не ввел у них железных орудий и пока у папуасов не имелось ничего аналогичного настоящему ножу, их орнаменты, которые они вдавливали, оттискивали или врубали в дерево, нельзя было назвать резьбой в настоящем смысле этого слова. Естественно поэтому, что орнаменты по дереву у папуасов берега Маклая представляются менее дифференцированными и разнообразными, чем у других меланезийцев, которые уже пользуются железными орудиями, получая их от малайцев и европейцев. Теперь, когда и у папуасов имеются железные ножи и топоры, наступает и в этом отношении новая эра в их искусстве, и я не сомневаюсь, что новые и более сложные орнаменты вытеснят постепенно примитивные. Я рад, что у меня сохраняются точные копии с первых опытов изобразительного искусства у народа, жившего еще в 1871 г. в каменном веке.

Из утвари немалую часть составляют гончарные изделия, но так как все гончарное дело находится в руках женщин, а у женщин отсутствует либо интерес к изящному, либо художественный вкус, то все глиняные сосуды совершенно лишены орнамента. Так как глина—материал для орнаментации вполне

подходящий, то отсутствие на ней украшений зависит, по-моему, исключительно от отсутствия художественного вкуса и фантазии у папуасских женщин. Много раз, осматривая гончарные изделия на о. Били-Били, я убеждался, что не недостаток времени был причиной отсутствия на них украшений, а отсутствие интереса к искусству. «Для чего? Это излишне»,—говорили женщины, что, однако, не мешало двум мальчикам находить удовольствие в воспроизведении примитивного орнамента вдавливанием ногтя по краям горшков. Практический смысл, направленный «только на полезное», проявляется уже у папуасских женщин.

2. Начатки идеографического письма. Многие рисунки, сделанные цветной глиной, углем или известью на дереве и коре и представляющие грубые изображения, приводят к поразительному открытию, что папуасы берега Маклая дошли до идеографического письма, хотя и очень примитивного. Почти все рисунки, виденные мною, относятся к этой категории; они долгое время служили для меня загадкой, пока один случай (не моя проницательность) не разрешил вопроса. Этот род произведений искусства носит совсем иной характер, чем первый—простые орнаменты. По большей части рисунки эти исполнены грубо, на скорую руку, и совершенно непонятны для постороннего. В соседней дер. Бонгу я нашел на фронтоне буамбрамы ряд щитов из влагалищ листьев саговой пальмы. Эти щиты были украшены грубыми рисунками наподобие иероглифов, изображавшими рыб, змей, солнце, звезды и т. п. в различных комбинациях. Эти 6 щитов сильно меня заинтересовали, но я не мог понять их значения. Открыл я их в первое время моего пребывания на Новой Гвинее, когда я не мог ни удовлетворительно объясняться, ни понимать по-папуасски, чтобы просить разъяснения. В других деревнях я также видел на стенах некоторых хижин рисунки, сделанные красной и черной краской; встречал подобные же фигуры на стволах деревьев в лесу, вырезанными на коре, но вследствие их простоты и в то же время разнообразия еще менее понятные. На широком дощатом крае больших лодок, пришедших с Били-Били, Ямбомбы и с о-вов архипелага Довольных людей, я тоже часто видел нарисованные и вырезанные фигуры в том же роде. Все эти изображения не служили, повидимому, орнаментами в тесном смысле этого слова; однако их значение оставалось для меня неясным, пока однажды, много месяцев спустя, я не получил неожиданно разрешения загадки во время одного моего посещения Били-Били. Здесь, по случаю спуска двух больших лодок, над которыми туземцы работали несколько месяцев, был устроен праздничный пир. Когда он близился к концу, один из присутствовавших молодых мужчин вскочил, схватил уголь и начал рисовать ряд примитивных фигур на толстой балке, лежавшей неподалеку на площадке. Фигуры эти были очень похожи на те, которые меня уже давно

интересовали. Я следил с любопытством за работой импровизатора-художника и скоро получил разъяснение рисунка, а одновременно и вообще фигур, значение которых мне долго представлялось загадкой.

Две первые фигуры, нарисованные туземцем, должны были изображать две новые лодки, стоявшие наполовину на берегу, наполовину в воде. Затем следовало изображение двух зарезанных для пира свиней, которых несли мужчины привязанными к палке. Далее было показано несколько больших табиров, соответствовавших числу блюд с кушаньями, которые были предложены нам в этот день. Наконец, была изображена моя шляпка, отмеченная большим флагом, две большие парусные лодки с о-ва Тиара (архипелаг Довольных людей) и несколько малых пирог без парусов, принадлежавших ближайшим соседям Били-Били. Эта группа должна была изображать присутствовавших на обеде гостей. Рисунок был мне подробно разъяснен художником и его друзьями, которые, следуя данному примеру, расцвечивали рисунок красной глиной и известкой. Изображение должно было служить воспоминанием о происходившем празднике; я его видел еще месяцы спустя.

Мне стало ясно, что это изображение, которое с трудом можно было назвать рисунком, равно как и все изображения в том же роде, виденные мною раньше, должны быть рассматриваемы как *зачатки примитивного образного письма*, и мои последующие наблюдения только подтвердили такое предположение. Значение этих импровизированных рисунков неизвестно и непонятно другим, не бывшим при их начертании; они являются произведениями небольшой группы лиц и даже одного смышленного человека и относятся к какому-нибудь особенному событию. Так, напр., я не мог получить разъяснения рисунков в Бонгу.

После сделанного мною открытия я с большим интересом продолжал наблюдения в том же направлении. При всяком удобном случае я побуждал своих друзей зарисовывать разные события и скоро увидел, насколько различными выходят у них изображения самых обыкновенных вещей и насколько велика их условность, решительно не дающая возможности понимать это примитивное письмо посторонним. Приведу пример: мужчина изображался (даже одним и тем же художником), во-первых, в виде грубой человеческой фигуры*; во-вторых, в виде лица с глазами и большим ртом; в-третьих, в виде гребня с пучком

---

* Такое изображение уже само по себе очень варьирует. В одном случае оно было детально, можно было ясно различить физиономию, видны были даже 5 пальцев на каждой руке. В другой раз мужчину должен был изображать крест с кружком наверху; иногда не проводится даже поперечная линия, изображающая руки, пока, наконец, понятие о мужчине не выражается *одной* простой вертикальной линией

перьев*; в-четвертых, в виде мужского полового органа**. Кроме этих четырех изображений понятия «мужчина», я уверен, было еще много других, или во всяком случае они могли существовать.

Подобными изображениями не ограничиваются мнемонические средства папуасов берега Маклая. В каждой деревне можно видеть висящие кости***, скорлупы кокосовых орехов****, пучки сухих листьев*****, пустые корзины***** и т. д. Все это должно напоминать о каком-нибудь событии, но смысл всего этого вполне понятен только жителям данной деревни, иногда лишь отдельным группам их и даже только единичным лицам; поверхностный путешественник может их едва заметить. В каждой буамбраме висят нижние челюсти свиней и собак, черепа рыб. разных сумчатых и т. д.,—на память о различных празднествах, удачной рыбной ловле, охоте и о посещении друзей. Это—настоящие календари прожитых месяцев и годов, которые, хотя и отмечают события очень наглядно и просто, однако могут иметь значение лишь для отдельных лиц и большею частью только для одного поколения.

3. Скульптура из дерева. К этой категории принадлежит немалое число скульптур, которых нельзя назвать собственно идолами, но которые во всяком случае представляют фигуры, стоящие в тесной связи с религиозными идеями папуасов. Почти в каждой деревне я видел такие телумы*****, внимательно их осматривал, узнал их названия и зарисовал не менее двадцати штук.

Эти скульптуры представляют, по моему мнению, большой интерес, потому что они могут дать некоторые указания относительно родства между меланезийскими племенами*****. Заслуживают они также особенного внимания и как художественные произведения каменного века. Я не хочу входить здесь в описание отдельных фигур, так как даже беглый набросок может дать лучшее представление, чем подробное описание.

---

* Гребнем с пучком перьев изображался полноправный мужчина (тамо) в отличие от молодых людей (маласси), не носящих перьев, а лишь одно петушиное перо; маласси поэтому изображались в виде гребня с петушиным пером.

** Чтобы отличить мужчин от женщин, которые изображались в виде женского полового органа.

*** На память о большом пире.

**** На память о более скромном пире, для которого не резали животных.

***** На память о посещении; обыкновенно их вешает сам же друг.

***** На память о подарке, принесенном друзьями из другой деревни: обыкновенно вешают корзину, в которой принесли подарок, на ближайшем дереве в виде воспоминания, а отчасти и для того, чтобы напомнить об ответном подарке.

***** Название этих деревянных фигур на наречии дер. Бонгу.

***** Это, наверное, то же самое, что и так называемые «корвары» в Дорэ (Голландская Новая Гвинея).

Телум; сделанное из дерева обрядовое изображение.
Деревня Бонгу 1877 г.

Точные снимки с них я имею в виду опубликовать в своем иллюстрированном сочинении о береге Маклая. Здесь я отмечу только некоторые их особенности.

Телумы—это сделанные из дерева, реже из глины, изображения человеческих фигур обоего пола. Почти все они имеют своеобразные украшения на голове, а на мужских фигурах половые части достигают обычно огромных размеров. Почти у всех высунут язык, соединенный у многих фигур с penis'ом. Эти особенности изображения можно назвать характерными. В Энглам-Мана я нашел своеобразный телум, представлявший человеческое тело с головой крокодила, на которую была надета в виде шляпы черепаха. В этой же деревне оказался еще один телум, бросившийся мне в глаза: то была человеческая фигура, державшая в обеих руках таблицу, покрытую различными рисунками. При ближайшем расспросе я узнал, что это была копия со старинного телума: знаки на таблице представляли, вероятно, непонятые фигуры оригинала. У всех фигур нос был продырявлен, как у папуасов. Каждый телум, а их во всякой деревне имелось несколько, носит свое особое название.

Значение этих деревянных статуй я не мог вполне выяснить. Как сказано выше, они, наверное, находятся в некоторой связи с религиозными представлениями. В некоторых горных деревнях я нашел большие камни, почитаемые как телумы. Если рассматривать эти изображения с точки зрения искусства, то они также доказывают художественные способности папуасов, их большое терпение, равно как и путь, которым простой орнамент переходит в барельеф, а затем через горельеф в фигуры. Папуасское искусство каменного века доказывает вполне эту последовательность. Я много раз наблюдал различные стадии изготовления этих фигур, причем нередко такие фигуры остаются незаконченными. У меня есть значительное количество рисунков, иллюстрирующих сказанное.

О СУЕВЕРИЯХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОБЫЧАЯХ

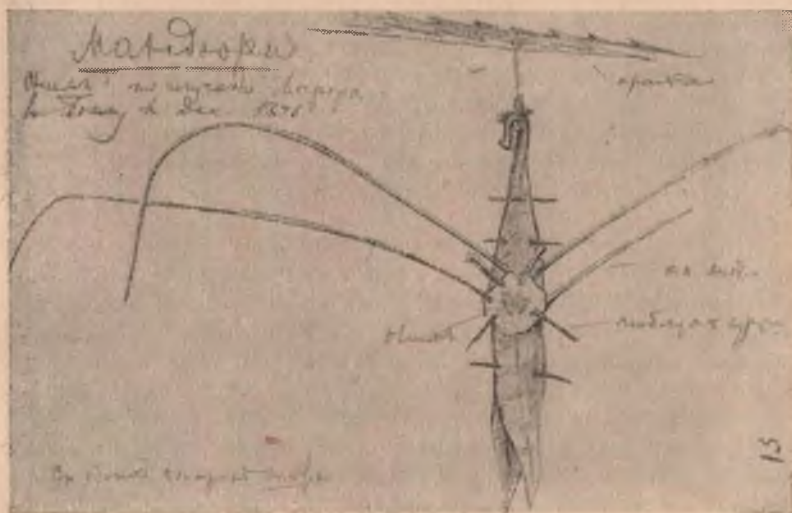
Сообразно сказанному выше (стр. 88—89) приведу отдельные наблюдения, не вдаваясь в разъяснения и предположения.

Привожу выдержки из моего дневника.

...Я подошел со своими спутниками к дер. Теньгум-Мана. Желая отдохнуть (было очень жарко), я остановился на несколько минут в тени; в это время один из моих спутников сломил ветку со стоявшего по соседству дерева и, отвернувшись в сторону, что-то над ней нашептывал некоторое время, потом обошел всех членов нашей компании, причем немного поплевал каждому на спину и дал веткой несколько ударов. Вслед за этим он пошел в лес и зарыл эту ветку в самом густом месте, под хворостом и сухими листьями. Ветка эта должна была защитить нас от всякой измены и опасности в Теньгум-Мана.

...Когда мы, я и мои папуасские друзья, утром были готовы к выступлению и когда наш хозяин закончил приготовление завтрака, я заметил, что он долго нагибался над горшками с таро и бататами, долго шептал над ними и продолжал что-то говорить, раскладывая кушанье по табирам. Потом он сплюнул на обе стороны и перебросил за спину несколько кусков сваренных плодов. Туземцы держали себя серьезно и молчали

Манджурки—завернутый лист растения, применяемый в качестве оберега (оним) после праздника

во время этой процедуры. На мой вопрос: «Что это значит?» я получил ответ: «Это делается для того, чтобы мы благополучно дошли до дому и чтобы люди Энглам-Мана, которые будут нас провожать, счастливо вернулись в свою деревню»... Я бросил несколько кусков пищи, покрытых муравьями, на землю; сидевшие рядом со мною папуасы просили меня этого не делать, так как здесь нет собак, которые бы их съели; если же куски бау будут так валяться, то кто-нибудь из нас может умереть.

...Особенно они испугались, когда я бросил остатки кушанья в огонь! Позднее, при другом таком же случае, мне сказали, что много людей умерло от того, что враги последних, сидя за их очагом и бросая что-то в огонь*, сделали огонь и дым вредоносными.

* Это «что-то» может быть плодами, листьями, дровами и т. п.—всем, что, благодаря заклинаниям, приобрело особую, вредную или полезную силу.

...У Богге (мужчина из Энглам-Мана) болел живот. Он ходил меланхолично взад и вперед и держал в руке зеленую ветку. При каждом повороте он говорил что-то долго ветке и, продолжая ходить, ударял слегка веткой по животу и по пояснице. Повторив эту операцию много раз, он закопал ветку в землю.

...Бугай пришел в Бонгу, когда я был там, чтобы взять у Саула* лекарство для своей больной жены. Он дал Саулу сахарного тростника. Саул взял, сделал несколько шагов в сторону и начал шептать над тростником, что не мешало ему (так как его шептанье продолжалось долго) принимать участие в беседе присутствовавших и время от времени самому вставлять слово. Наконец, он завернул сахарный тростник в лист и передал его Бугаю, который отправился довольный домой. Саул сказал мне, что это был «оним» (лекарство) для жены Бугая, больной лихорадкой.

...В Горенду меня опять настойчиво упрасивали приказать дождю перестать, так как от этого сильно страдают плантации. В сотый раз я повторял, что этого не могу, но мне продолжали возражать и упрекать меня в том, что «Маклай не хочет». — «Так я еще раз сегодня попытаюсь», — сказал один туземец. Он взял кусок корня «ли» (*Lingiber officinale*) и, бормоча себе что-то под нос, начал его жевать. потом вынул кусочек разжеванного корня изо рта и, завернув его в лист, бросил в огонь. Выйдя затем из хижины и продолжая говорить, он поворачивался поочередно к каждой из четырех сторон света, выплевывая при этом жвачку.

...В Били-Били я много раз видел туземцев, стоявших на берегу и произносивших какое-то заклинание, чтобы прекратился «караг» (сильный норд-ост).

...Туй пришел сегодня ко мне и жаловался, что в Бонгу нет больше бау для еды и что бау очень плохо растет; в этом виноват, продолжал он, один человек, у которого умер сын. Когда я пожелал узнать, какое отношение имеет смерть ребенка к урожаю бау, Туй сказал мне: «Да старик зол на всех и сделал оним, чтобы люди Бонгу не ели бау, так как его сын не будет уже его есть».

...И здесь я нашел широко распространенное поверие, что писание портрета влечет за собою смерть; только сравнительно значительными подарками мог я побороть страх мужчин, но не женщин.

Мне пришлось бы зайти слишком далеко, если бы я начал приводить все примеры суеверий; я удовольствуюсь поэтому только приведенным.

---

* Не только у моего доброго приятеля Саула из Бонгу было семитическое имя, но я встретил здесь также имена: Каин, Саломея, Гассан и др.

Т а б у*. Существование обычая табу стало мне особенно ясным вследствие отношений и прав женщин к мужчинам. Они не смеют ходить в буамбраму, не могут присутствовать почти на всех празднествах, и все кушанья, приготовленные для пиров, равно как и напиток кеу, строго запрещены женщинам и детям. Места для сборищ мужчин, музыка, даже слушание музыки и все музыкальные инструменты для женщин также табу. Как только дети или женщины услышат поблизости ай** (музыкальный инструмент), они должны бежать. Ай вносят в буамбраму и выносят из нее только тщательно завернутыми, чтобы женщины или дети как-нибудь их не увидели. Я спрашивал папуасов много раз, почему женщины не смеют присутствовать при ай. «Нельзя, женщины и дети заболеют и умрут»,—был неизменный ответ мужчин, которые были действительно в этом уверены (по крайней мере некоторые).

МУЗЫКА И ПЕНИЕ

Прежде чем перейти к празднествам папуасов, имеющим, повидимому, в их однообразной жизни большое значение, я должен сказать несколько слов о разнообразных музыкальных инструментах. Всеми этими инструментами, носящими общее название «ай», могут пользоваться только мужчины. Женщинам и детям строго запрещено смотреть на них и даже слушать вблизи.

Музыкальные инструменты бывают следующие:

1) Ай - к а б р а й—бамбук длиной около 2 м и больше, поперечником около 50 мм, перегородки в его междоузлиях удалены, так что весь бамбук представляет одну длинную трубу. Бамбук берут в рот, причем большой размер отверстия, повидимому, нисколько не затрудняет папуасов; они в него дуют, кричат, воют, режут и т. д. Целыми часами упражнялись в этом папуасы на своих праздниках, и звук инструмента, похожий на многоголосый вой, можно было слышать на берегу в тихие ночи, если не было противного ветра, на расстоянии 2—3 миль. Этот простой инструмент называется «ай-кабрай». Кабрай на папуасском языке значит попугай с громким и крикливым голосом.

---

* Вот пример моего недостаточного знания папуасского языка. Несмотря на все старания, мне не удалось узнать туземного названия «табу», мне нехватало слов или папуасам не доставало способности выразить ясно и объяснить мне то, что я желал знать. Что обычай табу существует на Новой Гвинее и там соблюдается, для этого у меня есть много доказательств; лично мне страх нарушения табу был много раз весьма полезен.

** Ай—общее название празднеств, устраиваемых в лесу, в которых могут участвовать только мужчины; о них я буду говорить более подробно после. Ай называются также почти все музыкальные инструменты, употребляемые тоже только мужчинами.

Музыкальные инструменты

1) Ай - кабрай бамбуковая труба
 2) Тюмбин бамбуковая флейта
 3) Илоль-ай труба из выдолбленного корня дерева
 4) Орлан-ай ручка со шнурками с нанизанными на них скорлупками орехов
 5) Мунки-ай скорлупа мелкой разновидности кокосового ореха

Музыкальные инструменты:

1— ай-кабрай, бамбуковая труба; 2— тюмбин, бамбуковая флейта
 3— илоль-ай, труба из выдолбленного корня дерева; 4— орлан-ай,
 ручка со шнурками с нанизанными на них скорлупками орехов
 орланов; 5— мунки-ай, скорлупа мелкой разновидности кокосово-
 го ореха

2) М у н к и - а й—такой же простой и такой же уши раздирающий инструмент. Это—скорлупа мелкой разновидности кокосового ореха, продырявленная сверху и сбоку. Дуя в верхнюю дыру и попеременно закрывая и открывая пальцем боковые отверстия, производят очень пронзительные и свистящие звуки. Часто мунки-ай украшены художественным, тщательно вырезанным орнаментом.

Папуас, играющий на флейте

3) Х о л ь - а й—кривой или прямой духовой инструмент вроде трубы из выдолбленной тыквы (*Lagenaria*). На нем играют подобно тому, как и на ранее описанных.

Три приведенных выше «ай» не духовые инструменты, во всяком случае их нельзя сравнить с европейскими духовыми инструментами. Скорее всего они напоминают корабельный рупор, так как все они служат только для усиления человеческого голоса. В них говорят, кричат, визжат, воют, бормочут, кряхтят, свистят и т. д. Произведенные звуки чрезвычайно разнообразны и своеобразны. И я ни до, ни после не слышал ничего подобного.

4) О р л а н - а й—состоит из ручки, к которой прикреплен ряд шнурков с висящими на них пустыми и просверленными скорлупками орехов орлана. При встряхивании скорлупки приходят в соприкосновение и производят шум и стук, который можно изменять, увеличивая или уменьшая число скорлупок и скорость движений; от глухого шума, похожего на шелест

листьев, можно переходить к сильному *crescendo*, и в этом варьировании темпа папуасы находят большое удовольствие.

5) *Окама*—барабан из выдолбленного древесного ствола; верхняя часть его затянута кожей монитора, нижний конец остается открытым. *Окама*—излюбленный инструмент папуасов; по нему барабанит сам танцор во время пляски; вместе с тем *окама* может служить образцом папуасского искусства, так как изготовление его требует много труда.

Кроме того, папуасы умеют применять и многие другие предметы в качестве музыкальных инструментов. Так, они пользуются для производства музыки различными листьями, держа их между сложенными чашкой ладонями, и дуют в оставшееся между большими пальцами отверстие.

Вышеназванные инструменты употребляются только во время празднеств, устраиваемых в лесу, и ими никогда не пользуются в другое время.

На тех празднествах, на которые допускаются женщины и дети, из музыкальных инструментов могут быть употребляемы только *окамы*. В качестве музыкальных инструментов пользуются еще междуузлиями бамбука, которыми барабанят по толстым древесным стволам, а также палками разной величины из различных древесных пород, которыми бьют одна о другую. Чем резче и громче тон, тем более он нравится. Так, напр., пронзительный звук моего свистка пришелся очень по вкусу папуасам, и когда они устраивали свои концерты, то почти всегда просили меня принять в них участие.

6) *Тюмбаин*—бамбуковая флейта в 50—60 см длины и в 20—25 мм в диаметре—является любимым инструментом папуасской молодежи (маласси). Ее делают из междуузлия бамбука, сохраняя верхнюю и нижнюю перегородки; в нем имеется сверху и внизу по небольшому отверстию. Любители музыки не расстаются с *тюмбинами* и постоянно играют на них в одиночку или несколько человек вместе.

Сигнальным инструментом служат раковины *Triton*, просверленные с одной стороны. Посредством их, напр., оповещают о прибытии или отплытии лодок, проходящих с Били-Били или с архипелага Довольных людей.

Как уже сказано, все музыкальные инструменты, кроме *тюмбина*, *окама* и *тритоновой раковины*, запрещено употреблять и даже смотреть женщинам и детям. Даже всего, что стоит в связи с их изготовлением, должны избегать женщины и дети, как чего-то чрезвычайно опасного. Достаточно звука хотя бы одного из них, чтобы выгнать всех детей и женщин из деревни.

Вообще ай хранятся, подобно деревянным статуям, как нечто священное, и туземцы расставались с ними очень неохотно, лишь в виде исключения, когда я выменивал их для своей коллекции.

Пение (*мун*) здешних папуасов чрезвычайно просто. Песни, которые поются соло или хором, состоят только из немногих

слов, иногда из одного слова, которое все повторяется, причем мелодия очень мало варьирует. Приведу несколько примеров:

Бом, бом, мараре,
Мараре, тамоле,
Мара, мараре,

Бом, бом, мараре...
Мараре, мараре...
Бом, бом, мараре...*

О-о-о-о-е-е-е-е-е-е
Мареолан о-о-о-е-е
Лалаулан о-о-е-е-е...**

Горима рима...***

Горима рима...
Рима... и т. д.

Это почти всегда импровизации, поводом для которых служат некоторые занятия, прибытие гостей и даже совершенно незначительные случаи. Более длинных песен я не слышал.

ПРАЗДНЕСТВА И ПИРЫ ПАПУАСОВ

Время от времени папуасы устраивают большие пиры, характер которых несколько разнообразится в зависимости от места и времени года. Так как по желанию папуасов я присутствовал почти на всех пирах в трех соседних деревнях (Гумбу, Горенду, Бонгу) и каждый раз видел что-нибудь особенное и своеобразное, то я затрудняюсь дать общую картину этих пиров.

Празднества и все, что к ним относится, называются, как уже сказано, на наречии моих соседей ай. Ряд ударов в барум в известной последовательности возвещает соседним деревням о начале пира. Раскрашенные и увешанные украшениями папуасы собираются один за другим в известном, предназначенном для пиров, месте около деревни. Маласси выносят из буамбрамы посуду и музыкальные инструменты. Приносят корзины, наполненные бау и аяном; каждый мужчина деревни доставляет известное количество продуктов, которые он сам приносит на место и высыпает в общую кучу. Появление каждого, доставляющего свой взнос, встречается восклицаниями, сила крика соответствует дару.

Наконец, появляется главный объект пира—свинья, которую несут привязанной к палке двое мужчин****. Богато украшенную цветами (преимущественно красными цветами *Hibiscus*) свинью встречают громкими радостными криками и кладут на землю, после чего один из тамо, сказав довольно длинную

* Саго, саго делают
Делают мужчины.

Делают, делают,
Саго, саго делают...

** Мареолан и Лалаулан—собственные имена.

*** Горима—название одной прибрежной деревни.

**** Папуасы умеют очень ловко привязывать этих животных к палкам; животное висит вытянутым, спиной кверху; ноги и хвост прикреплены очень крепко к палке ротангом. В этом относительно удобном положении животные выдерживают целые дни.

речь, убивает свинью ударом копья. Напротив того, собак, которых также нередко едят во время пира, убивают иначе, именно—схватив за задние ноги и разбивая голову о ствол дерева. Кур, крыс, маленьких кускусов и других сумчатых убивают тем же способом. Убив свинью, ее палят на жарком огне, после чего тушу разрубают на разложенных на земле банановых листьях. Этот труд берут на себя несколько тамо, которые рубят кости своими каменными топорами и разрезают мясо бамбуковыми ножами. К этому времени молодые люди уже должны построить помост для варки. Он делается из положенных в два ряда бревен, подпертых камнями и предназначенных для установки горшков над огнем. Так как каждому участнику пира полагается отдельный горшок, то нередко на помосте скопляется до сорока—пятидесяти горшков, каждый приблизительно 30 см в диаметре. При всех этих приготовлениях папуасы проявляют значительную сообразительность и знание преимуществ разделения труда.

Я часто удивлялся, как быстро и целесообразно все приготавлилось, без всякой толкотни и крика. Одни устраивали помост, другие ставили горшки, третьи были заняты собиранием и ноской дров, некоторые носили воду из соседнего ручья, другие приносили в бамбуковых стволах морскую воду. Каждая группа имела свое занятие: один клал в горшки по сухому листу (большей частью *Artocarpus*), чтобы кушанье не пригорало; другой наливал пресной воды; еще один приливал немного морской, в то время как другие наполняли наполовину горшки бау и аяном.

За это время тамо распластали тушу, и каждый, вызываемый по имени, получает свою порцию, сообразно своему возрасту и положению. Тамо из соседних деревень получают самые большие части. Кроме того, участники пира дают один другому подарки в доказательство своей дружбы.

Розданные куски кладутся в соответственные горшки, которые после этого наполняются доверху разными сортами овощей. Затем горшки покрываются листьями и скорлупой кокосового ореха. Теперь начинается разведение огня, совершающееся так же систематически, как и все прочее. Один кладет сухие поленья, другой приносит еще дров для подкладывания в огонь и колет их, третий зажигает огонь, отдельно под каждым горшком. Нередко костер, разведенный под помостом, достигает более 30 шагов длины.

Хотя у всех было свое дело, тем не менее каждый находил время в промежутках между делом позабавить общество музыкой, так что с самого начала пира, не переставая, раздавались рев, свист, трескотня погремушек и т. д., что немало способствовало общему веселью. Когда зажигается костер, начинается новое занятие. Приносятся зеленые кокосовые орехи для приготовления любимого десерта—мунки-ля. Сняв с орехов волокнистую оболочку, их раскалывают пополам одним ударом про-

долговатого камня и собирают находившуюся в них жидкость в табир. Расколотые половинки раздаются присутствующим, и каждый начинает скоблить орех своим яруром и бросать натертое в табир, смешивая с молоком кокосового ореха, пока табир не наполняется кашецеобразной белой массой до краев. Одновременно начинается приготовление напитка кеу*. Свежие листья и молодые ветки просто жевались, старые, твердые корни разбивались и разрыхлялись камнем; все молодые люди в это время представляли собою жевательные машины. Набрав полный рот, они работали зубами, как настоящими жерновами, с сильным напряжением жевательных мышц. Если кто-нибудь уставал раньше, чем масса была достаточно размягчена, то он выплевывал ее себе на руку, скатывал из нее комки и передавал другому, чтобы тот довел жевание до конца. Часто для жевания пользуются мальчиками: молодые люди идут в деревню, заставляют мальчиков, не имеющих права участвовать в ай, нажевать кеу и приносят нажеванное обратно на место пира. Один тамо делает тем временем аппарат для фильтрования кеу, состоящий из двух скорлуп кокосового ореха, из которых верхняя образует воронку, а нижняя, большая, служит резервуаром.

Вместо фильтра кладут над отверстием немного мелко истертой травы. Молодые люди—«жевательные машины»—подают один

Папуас, участник обрядового танца во время праздника мункаромром в дер. Бонгу, берег Маклая

* Ближайшее исследование привезенных с берега Маклая листьев кеу и сравнение их с листьями растения кава, полученными мною из Апии (Уполу, архипелаг Самоа), побудили д-ра Шеффера (директора Ботанического сада в Бюйтензорге) формулировать свое мнение следующим образом: доставленные с берега Маклая растения кеу принадлежат к двум различным видам *Piper*; ни один из них не тождествен с кавой о-вов Самоа; остается, впрочем, вопрос, действительно ли листья, присланные с Уполу, принадлежат *Piper methysticum*.

Во всяком случае, три растения (два с берега Маклая и одно с архипелага Самоа) составляют три разных вида.

за другим комки разжеванного кеу, смоченные как можно обильнее слюной; тамо отжимает эти комья рукой в воронку. Часто тамо отдает молодому человеку обратно выжатую массу для повторного смачивания слюной или смачивает сухую массу водой, чтобы еще раз ее выжать. К фильтрату, представляющему серо-зеленоватую массу, приливают немного воды и потом дают постоять. Проголодавшиеся за время приготовления папуасы производят еще более шумную музыку, видимо, чтобы заглушить голод, либо чтобы выразить при помощи музыки свой хороший аппетит.

Наконец, из деревни раздаются 2—3 коротких удара в бамбук,—это знак, что пища готова.

Последовательность кушаний определенная. Прежде всего собираются все тамо и несколько, но отнюдь не все, маласси и окружают приготовляющего кеу и его аппарат. Рядом очищают на небольшом пространстве землю от травы и сухих листьев, и один из присутствующих делает нижним концом своего копья несколько неглубоких ямок в земле. Каждый, кто пьет кеу, имеет для этого напиток особую чашку, которую хранит в гуне. Это—скорлупа маленького кокосового ореха, покрытая с наружной стороны орнаментом и окрашенная в черный цвет. Внутренняя поверхность чашки покрыта зеленовато-серым налетом. Это—результат обычной, не допускающего мытья и чистки чашек для кеу. Чашки ставят в ямки, сделанные копьем в земле, и из большой чаши разливают по ним густую серо-зеленую жидкость. Перед тем, как пить кеу, сидящие кругом папуасы плюют, кашляют и чистят различными способами рот. Сперва подают чашку самому старому тамо, потом—остальным, по очереди, устанавливаемой в зависимости от почета, каким каждый пользуется в своей деревне или у своих соседей.

Напиток кеу очень горек; это показывают уже разнообразные гримасы, которые делают папуасы, когда его пьют. Большинство пьющих кеу встает и, осторожно держа в руке свои полные до краев чашки, отходит к краю площадки, где, отвернувшись от остальных и сдвинув свои мали немного в сторону, опорожняет чашки и одновременно мочится. Этот обычай особенно строго соблюдается стариками. Теперь все общество занято пищей, переложенной в это время из горшков в табиры. Утолив голод, принимаются за третий кокосовый орех—мунки-ля.

В обычае предлагать друг другу самые вкусные куски. Так, напр., очень ценимая свинина раздается только маленькими порциями (туши должно хватить на две-три деревни), потому гости предлагают один другому кусочки мяса, чтобы выразить этим свою особенную дружбу. Если свинья особенно мала, то мясо ее получают только тамо; в этом случае свинина запрещается всем маласси,—она для них табу, и молодые люди ни за что не возьмут ее ни кусочка. Они убеждены, что если

нарушат это запрещение, то заболеют или с ними случится какое-нибудь несчастье. Для них оказываются запрещенными в этом случае даже овощи, сваренные в одном горшке со свиной, подобно тому как все сваренное или поедаемое на месте пира запрещено женщинам и детям в деревне. В заключение празднеств жуют бетель и курят.

Выше я забыл упомянуть о табаке и пинанге, хотя оба обычая—жевать пинанг и курить табак—очень распространены на берегу Маклая. Арековая пальма не растет обильно на берегу; кроме архипелага Довольных людей и некоторых горных деревень, она редко где встречается. Процедура жевания пинанга следующая: разжевав пинанг, туземцы берут отточенной костью, хранимой в бамбуковой коробке или в сосуде из тыквы (калебасе), немного извести и кладут ее в рот, снимая зубами с кости, после чего жуют листья «сири»*.

Хотя табак (туземное название «казь») здесь хорошо растет и разводится в большом количестве по всему берегу, тем не менее папуасы очень любили и высоко ценили привезенный мною прессованный американский табак. Почти при каждом празднестве я дарил им табак. После еды его разрывали на листочки, сушили над огнем, разделяли на мелкие кусочки и делали сигаретки, завертывая табак в зеленые листья, также высушенные на огне. Часто также употребляли этот табак в смеси с туземным. При курении папуасы глотают дым и выпускают его через нос. Одна сигаретка обходит кругом целый ряд курильщиков.

Завятые любители музыки продолжают и после еды свои упражнения, тогда как другие, нетвердо держащиеся на ногах от кеу или отягченные слишком обильной пищей, ложатся и скоро засыпают. Другие, также осоветвшие, хотя все-таки бодрствовать, что им стоит большого труда, так как их веки то и дело смежаются. Против этого папуасы изобрели, однако,

Ай, наряженный участник празднества сель-мун в деревне Гумбу, берег Маклая

* Малайское название листа бетеля.—Ред.

одно средство, обыкновенно помогающее. Сонливый любитель кеу обращается к приятелю, который предпринимает следующую операцию: травкой он раздражает роговицу и конъюнктиву до тех пор, пока глаза сони не наполняются слезами. Операция повторяется несколько раз, после чего, по уверению папуасов, сонливость проходит. Операция считается очень приятной, но помогает ли она всегда,—это другой вопрос.

Случается, что туземцы не довольствуются одним пиром и посредством новых приношений или совместной рыбной ловли добывают провизию для нового пира. При ай главное—еда; чтобы отделаться от надоедливых женщин и детей, которые бы потребовали тоже свою долю, и чтобы есть и тут без стеснений, мужчины употребляют для этого музыкальные инструменты в виде устрашающего средства, а женщины привыкли верить в их дурное действие. Приглашают мужчин из соседних деревень, чтобы с их стороны получить подобные приглашения при следующем случае. На память о прожитом ай в буамбрамре прячут нижнюю челюсть каждой зарезанной свиньи или собаки. Я нашел в некоторых буамбрамрах несколько дюжин таких воспоминаний.

В ноябре и декабре, когда папуасам приходится по условиям сезона меньше работать на плантациях, устраивается другой ряд праздников. Одни, доступные также только мужчинам, называются «ай-мун»; другие, устраиваемые в деревне, на которых разрешается присутствовать женщинам и детям, носят название «сель-мун». На ай-мун имеют место своеобразные маскарады. Приносятся на место праздника свежеекрашенные айдоганы*, которые играют при маскарадах выдающуюся роль. Ай-мун продолжается несколько дней, причем мужчины бывают особенно возбуждены. Днем и ночью, безразлично, чередуются маскарады, еда, музыка и т. д. То играет выдающуюся роль ай-мун, то сель-мун. Бывают также кочевки ай из одной деревни в другую; при этом между наступающим аем и мужчинами, участвующими в сель-муне, дело доходит до мнимой борьбы. Меня так заинтересовали эти празднества, что однажды я почти не спал три дня и две ночи, чтобы присутствовать на одном из них в качестве зрителя. Однако рамки настоящих заметок не позволяют мне дать описание всего виденного.

«Мыс Уединения» на берегу Макляя на Новой Гвинее, 1872 г. «Тампат-Сусса», Кампонг Эмпанг, около Бюйтензорга, ноябрь 1875 г.

Напечатано: 1) «Путешествия», 1923, стр. 349—411; 2) «Путешествия», т. 1, 1940, стр. 221—256; 3) на немецком языке в «*Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie*», XXXV, 1875, стр. 66—93; XXXVI, 1876, стр. 294—333. Рукопись на русском языке в Институте этнографии АН СССР.

* Очень длинные телумы, состоящие из нескольких фигур, одна на другой, вырезанных из одного бревна.

СЛЕДЫ ИСКУССТВА У ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Следующая небольшая заметка представляет несколько строк текста, сопровождаемого рисунками орнаментов, употребляемых племенем, сохранившимся до наших дней в периоде каменного века, одном из самых первобытных состояний цивилизации.

Это и было главной причиной, побудившей меня сохранить для истории искусства точную копию его первых проявлений.

Во время моего пребывания на северо-восточном берегу Новой Гвинеи*, в течение 1871—1872 гг., эти первые фазисы развития искусства не ускользнули от моего внимания; я старался снять как можно точнее все орнаменты, которые я только мог найти. Эти орнаменты казались мне тем более интересными, что они были произведениями народа, находящегося еще в том первобытном состоянии, которое с каждым годом все более и более исчезает.

Папуасы берега Маклая в настоящее время (1871) не знакомы ни с одним металлом, и все орудия и оружие, употребляемые ими до настоящего времени, сводятся к трем категориям:

- 1) куски камней, раковин и костей;
- 2) обточенные камни и заостренные на конце кости (топоры и кинжалы);
- 3) палки разной величины и толщины, оканчивающиеся острием (орудия земледелия, копья и стрелы).

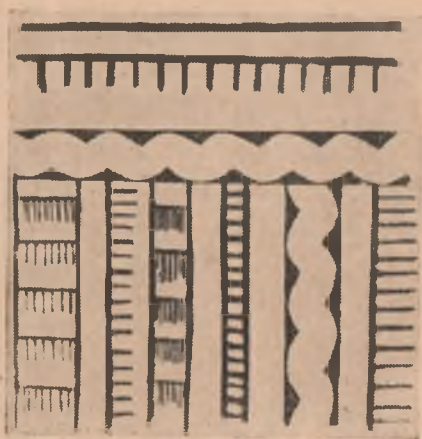
С помощью этих первобытных орудий они умели, однако, строить прочные и удобные жилища, отделявать и украшать пироги и, живя в состоянии довольства и беспечности, находили удовольствие посвящать длинные часы досуга украшению оружия, домашней утвари, пирог и пр.

---

* Этот берег называется теперь берегом Маклая.

Эти орнаменты, несмотря на простоту, не лишены оригинальности и обнаруживают большое терпение и громадный труд папуасов, особенно замечательные, если принять в соображение те орудия, которыми они пользуются при работе.

При ближайшем рассмотрении попавшие мне

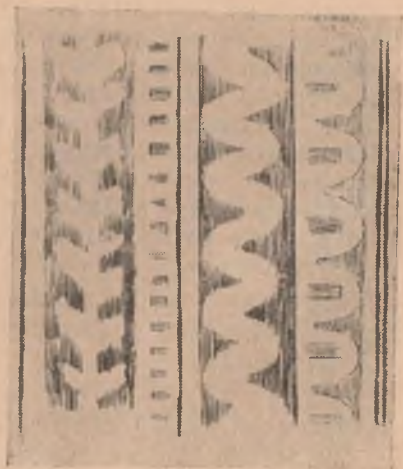
Образец орнамента папуасов

Орнамент на бамбуковой трубке.
Дер. Марагум-Мана

Орнамент на бамбуковой коробке.
Дер. Марагум-Мана

Образец орнамента папуасов

рисунки, скульптура и резьба могут быть разделены на несколько разрядов:

1) орнаменты в собственном смысле;

2) орнаменты, представляющие первые зачатки образного письма;

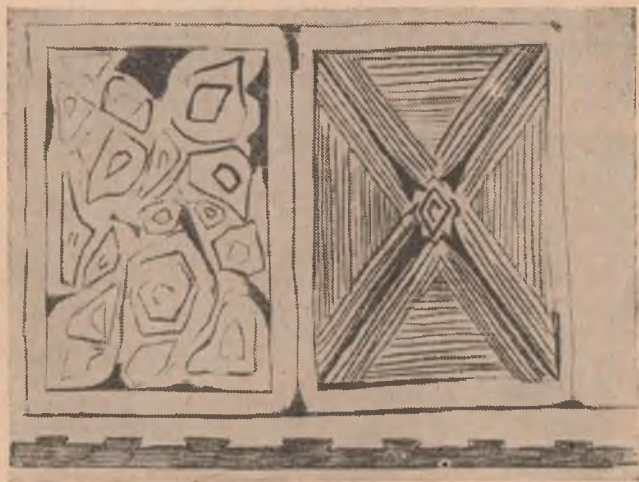
3) орнаменты и скульптура, связанные с религиозными идеями.

Орнамент на бамбуковой коробке.
Дер. Марагум-Мана.

Орнамент на бамбуковой коробке

Образец орнамента папуасов

Приложенными здесь рисунками я имел цель только показать характер орнаментов в точном смысле этого слова,

полагая впоследствии заняться другими видами искусства папуасов. В условиях первобытного общества характер орнамента по необходимости более всего зависит от имеющегося в распоряжении материала.

Образец орнамента папуасов

Большая часть домашней утвари, употребляемой папуасами, сделана из бамбука, а гладкая поверхность последнего пред-

Образец орнамента папуасов

ставляет *большое* удобство для изображения только прямых линий, но отнюдь не кривых, почему большая часть рисунков

Образец орнамента папуасов

папуасов состоит из первых, т. е. линейных изображений, объясняемых исключительно употребленным для этого материалом.

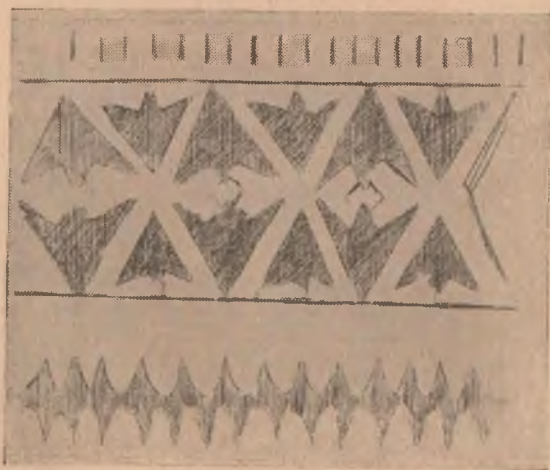
Изошряя свое искусство прежде всего на бамбуке, папуасы воспроизводят затем эти же самые рисунки и на других материалах.

Не один раз я наблюдал одни и те же рисунки на бамбуке, дереве и на некоторых вещах из обожженной глины, хотя последний материал представляет большие удобства и для всяких других видов орнамента.

Образец орнамента папуасов

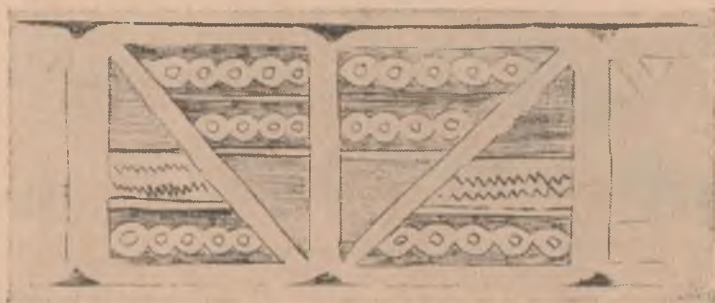
Однако и здесь встречаются исключения. Я видел куски дерева, покрытые гораздо более сложными рисунками, где встречались как кривые линии, так и круги и спирали, но это вполне зависело от свойств материала и объяснялось тем, что с помощью обломка кремня легко получить весьма заметную

Образец орнамента папуасов

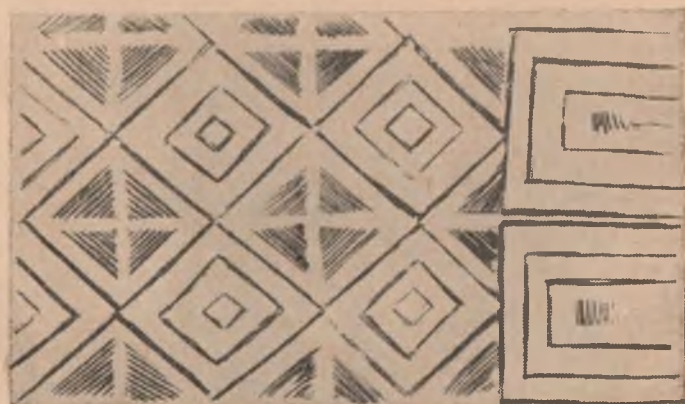
прямую линию на бамбуке, тогда как на дереве целой сотни штрихов не было для этого достаточно и необходимо было много раз царапать дерево тем же орудием, что требовало больше времени, затрудняло работу и, в конце концов, получались то прямые, то кривые линии.

Число орнаментов на дереве гораздо более ограничено, но зато рисунки выполнены тщательнее, и они более разнообразны по форме. Одно обстоятельство меня убедило, что степень развития искусства у папуасов менее зависит от воображения и способности работника, чем от орудия, которое он употребляет: найдя около моей хижины несколько кусков стекла от разбитой

Образец орнамента папуасов

бутылки, папуасы быстро открыли особенности, отличающие стекло от кремня, и тотчас воспользовались им для придания рисункам большего разнообразия и тонкости.

Образец орнамента папуасов

Одним из последствий моего пребывания на этом берегу было введение в употребление железа и железных орудий, и я не сомневаюсь, что в скором времени характер орнамента у туземцев берега Маклая совершенно изменится, что орнаменты периода каменного века исчезнут совсем, уступая место искусству новой эпохи.

Продолжая свои наблюдения, я был поражен полным отсутствием орнаментов на глиняной посуде, хотя глина является удобным материалом для нанесения всякого рода орнаментов.

Однажды, во время своего посещения о. Били-Били—местности, где выделяется глиняная посуда для всех соседних деревень, я нашел десятки женщин и молодых девушек, занятых изготовлением горшков, и, заметив, что многие из них ровно ничего не делали, имея перед собою массу готовой посуды, но без малейших украшений, я невольно обратился к ним с вопросом, почему они их не делают. «С какой стати, к чему? Это вовсе не нужно!»—были ответы, полученные мною, что, однако, не помешало двум из них воспользоваться моею мыслью и найти даже удовольствие в тиснении посредством ногтей и заостренной палочки красивого бордюра на некоторых горшках.

Прилагаемые рисунки представляют снимки с орнаментов, покрывающих в самых многочисленных и разнообразных сочетаниях домашнюю утварь, оружие, пироги и пр. папуасов берега Маклая.

Только рисунки шестой и седьмой* являются копиями орнаментов на дереве; все остальные представляют рисунки и гравюры на бамбуке

Напечатано: 1) в журнале «Искусство», № 50, 1880; 2) «Путешествия», т. 1, 1940, стр. 259—262; 3) на французском языке в «Bulletin de la Société Anthropologique de Paris», 111 série, 1, 1878, стр. 524—531.

---

* См. рис. на стр. 398, два нижних рисунка.—*Ред*

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НАПИТКА КЕУ ПАПУАСАМИ В НОВОЙ ГВИНЕЕ

Некоторые обычаи туземцев Поли- и Микронезии представляют особенный этнологический интерес, своим распространением и сходством подтверждая тождество племен и отделяя их от жителей Меланезии, у которых эти обычаи не встречаются или еще не известны.

Между этими характеристичными обычаями употребление напитка кавы было до сих пор очень распространено на островах Полинезии и на островах Микронезии*. Меланезийцы, казалось, не знали употребления этого опьяняющего питья**, которое готовится из корня одного перечного растения (*Piper methysticum*). Корень разжевывается или разбивается между камнями и, разбавленный водой, дает горький опьяняющий настой. Совершенно подобное питье готовится почти одинаковым образом папуасами Новой Гвинеи. Растение (также из перечных)*** и напиток папуасы Астролябии называют «кеу», или «кау», название, также очень напоминающее полинезийское название «кава».

Во время пиршеств этих папуасов, при которых я часто присутствовал, я постоянно видел способы приготовления и употреб-

---

* Waitz—Gerland'sche Anthropologie der Naturvölker, 5-er Teil 2-te Abt., p. 78.

** Christmann und Oberländer. Oceanien. 1873. Einleitung, p. XIX

*** Директор Ботанического сада в Бюитензорге около Батавии, г-н Шеффер, которому я показал высушенный экземпляр этого растения, подтвердил мое мнение, что растение принадлежит к семейству перечных, но не мог положительно определить, действительно ли это растение тождественно с *Piper methysticum* о-вов Тихого океана. На Ост-Индских о-вах растение, привезенное мною из Новой Гвинеи, как мне сказал г. Шеффер, не встречается; также оно не было замечено ни одним из многих голландских ботаников (Ципелиус, Тейсман и др.), бывших на других берегах Новой Гвинеи.

ления этого напитка и наблюдал последствия, которые он производит. Папуасы готовят его следующим образом. Листья, стебель и корень небольшого куста, который старательно разводится около хижин и на плантациях, жуется не только взрослыми папуасами, участниками пиршества, но и мальчиками, которым еще напиток запрещен и которые вместе с женщинами не имеют доступа к пирующему собранию. Один из взрослых раздаёт небольшие порции листьев, стебля и корня кеу и смотрит, чтобы все исправно жевали и не расходовали бы выплевыванием драгоценную массу. Если корень велик и жесток, то его разбивают сперва между камнями. Темнозеленую, очень горькую массу папуасы часто вынимают изо рта, кладут на ладонь и осторожно скатывают из нее шар величиною иногда с куриное яйцо (отверстие рта папуасов замечательно велико), потом кладут ее снова в рот или передают другому продолжать жевание. Когда масса достаточно мягка, каждый из жевавших, вынув ее изо рта, скатывает снова в шар и подает папуасу, раздававшему порции, а этот уже приготовил для дальнейшей процедуры две большие выскобленные скорлупы кокосового ореха. Верхняя скорлупа, пробуравленная в середине, исполняет роль воронки, ставится на отверстие другой, представляющей резервуар. Дно воронки выстлано мягкой тонкою травой, заменяющей фильтру. Собрав несколько шаров, главный приготовитель кеу выжимает руками обильную зеленую жидкость, пропитывающую шар, которая есть не что иное, как слюна жевавших; затем смачивает водою выжимки и снова выжимает их, пока вода почти не окрашивается. Жидкость в воронке иногда помешивают, чтобы поднять осадок и ускорить фильтрацию. Если жидкость густа, то подливают еще воды.

Пока кеу фильтруется, его аппарат и его приготовителя обступили участники пира, и каждый из них вынул из мешка, который папуасы носят постоянно с собою, небольшую чашу, выделанную из скорлупы молодого кокосового ореха. Чаша эта обыкновенно снаружи хорошо выскоблена, часто украшена резьбою, внутри же она покрыта точно темнозеленым мохом—следы долгой службы, так как обычай не позволяет вымывать или вычищать внутри чашу, из которой пьют кеу. Перед большою чашею с кеу расчищается небольшая площадка, тупым концом копья делается в земле несколько углублений, в которые ставятся, чтобы не опрокинулись, чаши ожидающих. Чаши эти различных размеров, смотря по любви к напитку.

Приготавливавший кеу разливает его по чашам; питье, как уже выше замечено, темнозеленого цвета и обыкновенно густоты топленого, немного остывшего жира. Когда все чаши наполнены, папуасы, стоящие вокруг, протягивают к ним руки и берут их все в одно время или поочередно, причем соблюдается известная последовательность (сперва гости, затем более старые и т. д.). С чашами в руках пирующие расходятся по краям поляны, где

происходит пир, и, отвернувшись, выпивают чашу кеу, причем в тот же момент выпускают мочу. Этот обычай, который соблюдается постоянно в некоторых деревнях, изменяется в других таким образом, что мочу выпускают до выпивания кеу или немного спустя. Так как вкус кеу неприятно горек, то его заедают уже заранее для этой цели приготовленным наскобленным кокосовым орехом, смоченным кокосовою водою.

Порция кеу, которую папуасы обыкновенно выпивают, равняется приблизительно 3 или 4 столовым ложкам. Для некоторых она достаточна, чтобы произвести значительное опьянение, которое, как я предполагаю, довольно отлично от опьянения спиртными напитками.

Папуасы, которые выпили более чем обыкновенную порцию кеу, приходят в меланхолически-сонное настроение; шатаясь, удаляются они от собеседников, садятся и пристально смотрят на что-нибудь, часто отплевываясь, так как горький вкус остается очень долго во рту; наконец, засыпают беспокойным, но тяжелым сном. В этом состоянии их очень трудно разбудить и добиться чего-либо. Выпиванием кеу начинается угощение, перед ним ничего не едят, и пьяницы, выпив большое количество этого питья, ограничиваются им и не едят ничего.

Кеу пьют только взрослые (тамо); мальчикам до обрезания и женщинам напиток этот запрещен. Ни одно пиршество не обходится без кеу. В деревнях, где его много разводят, взрослые папуасы пьют его и в обыкновенное время и даже женщины тайне очень лакомы до него и пьют его, скрывая то от мужей и сыновей. Не только свежие листья, ствол и корень употребляются для добывания напитка, но и сушеный, много месяцев сбереженный корень жуются и доставляет еще более горькое и крепкое питье.

Несмотря на не особенно привлекательную процедуру приготовления, я сам, желая знать эффект, выпил однажды обыкновенную порцию кеу; питье оказалось без особенного запаха, горько-стягивающего вкуса; через несколько времени по принятии кеу я почувствовал головокружение и ноги отказались держать меня, что, однакоже, прошло после получасового сна.

Я проснулся с довольно свежою головою, но с очень неприятно-горьким вкусом во рту, который оставался еще часа 3 по выпитии кеу.

Кеу представляет единственный опьяняющий напиток папуасов северо-восточного берега и очень ценится ими.

19-го ноября 1873 г.
Бюитензорг.

Напечатано: 1) *Изв. РГО, т. X, отд. II, 1874, стр. 83—86;*
2) *«Путешествия», т. I, 1940, стр. 263—264.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. * В предисловии к первому тому «Путешествий» Миклухо-Маклая покойный Д. Н. Анучин писал: «Н. Н. придавал, повидимому, большое значение вопросу, почему он выбрал Новую Гвинею полем своих исследований»**. Далее Д. Н. Анучин, цитируя вводную часть (три первых абзаца) этой статьи Миклухо-Маклая, приходит к выводу, что, «как видно, на самый вопрос не дано никакого ответа».

Авторитет Д. Н. Анучина как будто исключал всякие сомнения в справедливости этого утверждения, тем более что все материалы Миклухо-Маклая находились в его распоряжении с 1898 по 1923 год. Однако по получении в 1938 г. Географическим обществом остатков литературного наследия Миклухо-Маклая от Московского университета оказалось, что рукопись не исчерпывается длинной цитатой, приведенной Д. Н. Анучиным.

Среди полученных бумаг вместе с указанной Анучиным «прелюдией» находился отдельный черновой набросок этой статьи без вводной части, но почти под тем же заглавием: «Почему я избрал исходом моего путешествия на острова Тихого океана остров Новую Гвинею Пояснительная заметка. «Витязь», март 1871 г.».

Этот черновик написан на семи маленьких листках, включая примечания. На верху первой страницы имеется пометка: «Дек. 1871 М[ыс] Отш[ельничества]» и потом среди текста: «18 1 72, М[ыс] Отш[ельни-

---

* Примечания, подписанные инициалами И. П., принадлежат профессору Одесского государственного университета И. И. Пузанову; подписанные Я. Р.—профессору Московского университета Я. Я. Рогинскому.

Примеч. 1 составлено Дм. Серг. Миклухо-Маклаем, племянником путешественника (ныне покойным). Остальные примечания составлены сотрудниками Института этнографии АН СССР—С. А. Токаревым, Н. А. Бутиновым, Э. В. Зиберт и сотрудником Музея истории религии и атеизма АН СССР—М. С. Бутиновой.

** Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, М., 1923, стр. 34.

чества]». Рукопись сшита в виде маленькой тетради из отдельных листов бумаги разного формата и качества. Запись сделана чернилами, много слов зачеркнуто, но эти места легко читаются.

По характеру рукописи и ее малому объему можно предположить, что это был конспект к задуманной во время плавания (а может быть, и еще раньше) статье. На последнюю мысль наводят некоторые вопросы, перечисленные среди других на отдельном листке, пришитом к тетрадке.

Для настоящей статьи Н. Н. эти вопросы можно рассматривать как тезисы. Например:

«3. По возможности, тематически определить положение папуасов среди других по более новым ученым, занимавшимся этим вопросом. Бэр, Валлас (Уоллэс), Юкс (Джюкс)».

«4. У меня нет предвзятого мнения».

Зато вопросы:

«7. Военное судно»,

«8. Способы проникнуть в Новую Гвинею» и

«10. Неизвестная страна—интерес и трудность путешествия поэтому»—позволяют предположить, что статья была написана еще до того, как Миклухо-Маклаю удалось получить разрешение на плавание на «Витязе».

Подготовка рукописи к печати ограничилась минимальными исправлениями без нарушения стиля первоначального текста.

Кроме того, было сочтено возможным включить примечания в самый текст статьи. Включение их было сделано, с одной стороны, потому, что Миклухо-Маклай составил их только к первой странице, а на последующих хотя и имеются ссылки на них, но сами примечания отсутствуют. С другой стороны, эти примечания очень характерны, показывая уровень тогдашних знаний в отношении Новой Гвинеи. Так, по Финшу, размеры острова колеблются между 594 и 715 тыс. кв. километров, тогда как по современным данным Новая Гвинея занимает 785 тыс. кв. километров. К той же работе Финша приложена карта, составленная им в 1864 г., на которой от мыса Бонплан до крайнего юго-восточного имеются всего лишь два названия—мыс короля Вильяма и мыс Кретэн.

Что же касается Уоллэса, то он тоже не знал настоящей площади Новой Гвинеи и называл ее самой большой в мире *terra incognita*, не принимая во внимание Гренландию и Антарктиду. *Дмитрий Миклухо-Маклай*.

2. Имеются в виду, очевидно, географические мили. Указанные цифры соответствуют 529 тыс. и 637 тыс. кв. километров. По новейшим данным, поверхность Новой Гвинеи значительно больше: 785 тыс. кв. километров.

3. Миклухо-Маклай здесь несколько преувеличивает. В 1870-х годах и помимо Новой Гвинеи было немало стран, где можно было делать находки новых органических форм. Достаточно указать на Центральную Африку, где в 1901 г. был открыт совершенно неведомый дотолее вид млекопитающего—лесной жираф окапи, а в 1914 г.—эндемический вид и род павлина *Afrapavo*. Но Миклухо-Маклай вполне прав в том отношении, что в его время Новая Гвинея была действительно наименее иссле-

дованной страной мира. Мало посвящая времени сбору зоологических и ботанических коллекций, буквально между делом, Маклай вывез из Н. Гвинеи несколько новых видов растений, моллюсков и млекопитающих, описанных частично им, частично другими учеными.—И. П.

4. Малайцы в собственном смысле слова, т. е. большая часть коренного населения Малаккского полуострова, Суматры, Явы и других островов Малайского архипелага, относятся сейчас многими антропологами к южной ветви монгольской расы.—Я. Р.

5. Ошибка в рукописи: надо 316-й день.

6. Естественный цвет волос у папуасов матово-черный. Однако взрослые папуасы редко оставляют свои волосы в естественном состоянии. Перед большими празднествами и другими торжествами волосы тщательно расчесываются бамбуковыми гребнями, взбиваются как можно пышнее и окрашиваются в разные цвета, при этом молодежь предпочитает красную краску—суру, а папуасы более зрелого возраста—исключительно черную—куму; черный цвет дает пиролюзит с примесью окиси железа. Иногда красной краской натирают не всю голову, а только часть волос вокруг головы, наподобие ленты; волосы на затылке окрашивают в черный цвет. Однако ввиду трудности добывания краски волосы красят не особенно часто, вот почему они имеют обычно красно-бурый оттенок, так удививший вначале Миклухо-Маклая.

Женщины, в отличие от мужчин, почти не украшают своих волос и окрашивают их также лишь в редких случаях. Большинство женщин либо коротко стригут, либо бреют свои волосы.

7. Элефантиазис—слоновая болезнь. Поражает главным образом нижние конечности. Сопровождается значительным увеличением объема и деформацией ноги. Среди папуасов слоновая болезнь встречается чаще всего у мужчин как старых, так и молодых; значительно реже у женщин и совсем не наблюдается у детей. Psoriasis—вид кожной болезни. Она поражает не только тело, но и лицо. У папуасов очень широко распространена (отчасти этому способствует возможность передачи ее по наследству) и почти не считается болезнью.

8. Мыс Уединения (туземное название—Гарагаси), избранный Миклухо-Маклаем для своего первого пребывания на Новой Гвинее, оказался, вопреки его ожиданиям, самым нездоровым местом на берегу залива Астролябии. Второе свое пребывание Миклухо-Маклай провел в более благоприятном месте, на мысе Бугарлом. Вообще же берег залива Астролябии славится своим трудно переносимым европейцами климатом. «Вряд ли имеется другая подобная область в тропиках, столь опасная в отношении малярии»,—писал один немецкий врач (*Deutsche Medizin Wochenschrift*, 1900, № 7, стр. 283).

9. Коко (*Chlamydodera*).—Воротниковая беседочница, птица из семейства райских птиц (*Paradisidae*).—И. П.

10. Миклухо-Маклай не хотел пугать туземцев звуками выстрелов. Это лишний раз свидетельствует о такте и гуманности Миклухо-Маклая, выгодно отличая его от всех позднейших исследователей, посещавших эти районы, что не раз отмечалось ими же. Например, Хаген писал: «Характерным для этого человека (т. е. Миклухо-Маклая) является то,

что он не разрешал своим людям ходить на охоту, чтобы выстрелами не испугать туземцев» (В H a g e n, *Unter den Papua's*, стр. 133).

11. Обычай жевать бетель (*piper betle*) широко распространен у папуасов залива Астролябии. Листья бетеля жуют, примешивая к ним известь и орех арековой пальмы. Процедура жевания бетеля следующая: разжевав арековый орех, туземцы берут из особой бамбуковой трубки, отточенной костью, немного извести и кладут ее в рот, снимая зубами с кости, после чего уже жуют листья бетеля. Все необходимое для жевания бетеля (известь, кость, орех и т. д.) папуасы постоянно носят с собою в небольшом нагрудном мешке. Жевание бетеля—возбуждающее средство, излюбленное занятие мужчин, особенно на празднествах и пирах.

12. Нежелание папуасов дать волосы Миклухо-Маклаю объяснялось боязнью магии. По распространенному среди многих народов земного шара представлению любая часть тела человека или близкого ему предмета (волосы, ногти, обрывок одежды, остатки еды, и т. д.) навсегда теснейшим образом связаны с этим человеком, и достаточно поэтому сжечь его волосы, ногти и т. д. или проделать над ними какие-либо магические действия, чтобы это неизбежно повлекло за собой болезнь и даже смерть самого человека. Папуасы поэтому никогда не выбрасывают обрезанные волосы или остатки еды, но так или иначе уничтожают или прячут их.

13. Буамбрамра—большой общественный или «мужской» дом, имеющийся в каждой деревне берега Маклая. В больших деревнях таких домов несколько. Буамбрамра—больших размеров и выше жилых хижин, имеет только боковые стены; с передней и задней стороны она открыта. Единственную мебель как в семейной хижине, так и в буамбрамре составляют нары—«барла». В буамбрамре находится сигнальный барабан—«барум», хранятся музыкальные инструменты, которые запрещено видеть женщинам и детям. В буамбрамре могут находиться только мужчины и юноши, прошедшие обряды посвящения.

14. Имеется в виду профессор Гегенбаур, лекции которого Маклай слушал в Иене.

15. Миклухо-Маклай выполнил свое намерение. Он собрал ценнейшую коллекцию папуасских орнаментов и дал их описание и классификацию (см. его статью «Следы искусства у папуасов берега Маклая на Новой Гвинее», а также статью «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее»).

16. Поросята диких свиней из рода *Sus* (в данном случае—*Sus papuensis*) обычно бывают полосатыми.—И. П.

17. Диалекты отдельных папуасских деревень сильно разнятся друг от друга. Миклухо-Маклай неоднократно подчеркивал их различие (см. его статью «Этнологические заметки...»).

18. Записи за 5—10 января взяты из черновика, хранящегося в Королевском Историческом обществе Австралии. Видимо, при обработке дневников Миклухо-Маклай выбросил места, носящие слишком личный характер. Для нас они представляют большой интерес, так как ярко характеризуют силу воли и мужество великого путешественника, равно как и тяжелые условия его жизни на острове.

Черновик дневника полностью опубликован в собрании сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, т. 1, с. 329—337.

19. Роль телумов в жизни папуасов берега Маклая до сих пор не вполне выяснена. Некоторые авторы считают телумы изображениями предков, что, однако, не находит подтверждения в религиозных представлениях папуасов. Другие истолковывают телумы как изображения просто умерших, что явно неверно, ибо телумов в папуасских деревнях гораздо меньше, чем в таком случае должно было бы быть. Миклухо-Маклай рассматривает телумы как изображения наиболее уважаемых умерших членов деревни, и эта точка зрения, видимо, наиболее правильна

20. Тот факт, что папуасы берега Маклая не умели в 1871—1872 гг. добывать огонь, ни в коей мере не может быть истолкован как признак низкого уровня их развития. Известно, что уже неандерталец умел добывать огонь. У папуасов берега Маклая просто нет надобности в добычании огня, потому что они живут в общинах, не изолированных друг от друга, но тесно связанных друг с другом (обмен, взаимные празднества, брачные связи и т. д.). Огонь всегда есть в какой-нибудь деревне, и легче сходить за ним, чем добывать на месте путем трения. Обычно огонь дается безвозмездно, но туземцы о-ва Били-Били (Витязь) однажды заставили туземцев Бонгу заплатить за огонь, о чем последние вспоминали даже долгое время спустя с глубоким возмущением.

Папуасы горных деревень, живущие в большей изоляции, чем прибрежные, умеют добывать огонь.

21. Миклухо-Маклай получал от папуасов черепа умерших обычно без нижних челюстей. Это объясняется погребальным обычаем папуасов. Через несколько месяцев после погребения родственники покойного разрывают могилу и берут из нее нижнюю челюсть, которую бережно хранят. Череп иногда тоже вырывается и хранится, но с ним папуасы расстаются легче. В деревне Бонгу близкий родственник покойного носит нижнюю челюсть, как браслет, на верхней части руки.

22. Аусь—тростниковое растение (из сем. *Gramineae*; см. статью Миклухо-Маклая «Этнологические заметки...»).

23. Кеу—единственный опьяняющий напиток у папуасов северо-восточного берега; способ его приготовления, а также его действие на организм подробно описаны Миклухо-Маклаем в статье «Этнологические заметки...», а также в специальной статье «Об употреблении напитка кеу папуасами на Новой Гвинее».

24. *Imperata arundinacea*—жесткая трава (злак), которой в Индонезии зарастают открытые пространства.—И. П.

25. Аян—туземное название ямса (*Dioscorea*). См. статью Миклухо-Маклая «Этнологические заметки...».

26. Орлан—плод особого вида дерева (*Pangium edule*). О нем см. статью Миклухо-Маклая «Этнологические заметки...».

27. Гамба—скорлупа кокосового ореха, заменяющая папуасам тарелки. Табиров (деревянных блюд) недостает на всех членов семьи; в них получают еду только хозяин и гости; остальные члены семьи едят из таких гамба.

28. Миклухо-Маклай подробно описал папуасские празднества «ай», но не вполне понял их социальное значение. Из его описаний и из наблюдений других исследователей можно заключить, что эти празднества связаны с обрядами посвящения молодых папуасов. Прежде чем стать полноправным членом племени, каждый папуас должен пройти через ряд испытаний. Одним из испытаний является обрезание («мулум»), которое устраивается не в определенные сроки, а один раз в 10—15 лет. Миклухо-Маклаю не удалось увидеть этот обряд. Он сообщает только, что для совершения обрезания папуасы уходят далеко в лес. Женщины и дети не должны при этом присутствовать, им строго запрещено также видеть предметы, употребляемые при этих обрядах (например, музыкальные инструменты).

29. Этот «вынос» представляет собою длинное бревно, укрепленное двумя поперечными перекладинами параллельно лодке. Он придает лодке устойчивость на воде и не позволяет ей опрокидываться. В специальной этнографической литературе называется обычно балансиром, ауслегером или аутригером. Подобные типы лодок с балансиром встречаются и в других частях Океании, а также в северо-восточной части Австралии.

30. Речь идет о крупном крокодиле *Crocodilus porosus* Scheid, один экземпляр которого передан Миклухо-Маклаем в Зоологический музей Академии Наук.—И. П.

31. Вероятно, мелкий удав из родов *Liasis* или *Enygrus*, имевшихся в спиртовых коллекциях Миклухо-Маклая.—И. П.

32. Господствующей формой собственности среди папуасов времен Маклая была общинная собственность. Плантации, «мужской» дом и т. д. принадлежат всей деревне. Но это не исключает наличия предметов, находящихся в личной собственности туземца (орудия труда, украшения и т. п.). В личной собственности туземца находятся также и коконовые деревья, им посаженные.

В течение долгого времени немецкие и английские колониальные чиновники пытались развить в папуасах «чувство частной собственности». В ряде мест им это удалось, но лишь после полной «детрибализации», полного разрушения племенной жизни туземцев. В тех же многочисленных и обширных районах Новой Гвинеи, где папуасы сохраняют традиции племенной жизни, сохраняется общественная и личная собственность до настоящего времени.

33. Бау—туземное название таро (*Caladium esculentum*). См. Миклухо-Маклай, «Этнологические заметки...».

34. Река, впадающая в море около деревни Гумбу,—это река Кабенау (Габенеу).

35. В коллекции Миклухо-Маклая есть скелеты двух воронов. *Cynncorax Senex* и *Corvus enca*. Повидимому, речь идет о первом. Скелетов попугаев в коллекции не сохранилось.—И. П.

36. Маб—папуасское название кускусов—мелких сумчатых из семейства *Phalangeridae*.—И. П.

37. Из описаний Миклухо-Маклая видно, что у папуасов власть «начальника», деревенского старшины, была слабо развита. Функции

его сводились главным образом к руководству церемониями посвящения юношей и приему гостей из дружественных деревень. Все важные дела решались общим собранием взрослых мужчин. Должность старшины переходила от отца к сыну, а в случае малолетства сына—к сыну сестры или к брату умершего старшины.

38. Игра «в веревочку»—выплетание разных узоров из шнура, растягиваемого на пальцах,—известна едва ли не всем народам земного шара.

39. Речь идет о пятнистом кускусе (*Phalanger maculatus*).—И. П.

40. Вероятно, речь идет о каком-нибудь варане—*Varanus indicus* или *V. prasinus*.—И. П.

41. Тамо—взрослые мужчины; маласси—юноши, не достигшие периода половой зрелости. Переход юноши из маласси в тамо сопровождается у папуасов особыми обрядами, обрядами посвящения, наиболее существенная часть которых—церемония «мулум» (обрезание). По прохождении этих обрядов юноша получает все права взрослого мужчины—тамо: он может участвовать в пиршествах, слушать игру на всех музыкальных инструментах, иметь полное вооружение, вступать в брак и т. д. Обряды посвящения проходят обычно юноши, достигшие 13—15-летнего возраста.

42. Некоторые виды пищи, употребляемые взрослыми мужчинами, запрещены маласси. В частности, маласси не могут есть свинины, приготовленной на празднестве, где они также не могут присутствовать. Перейдя в тамо (взрослые мужчины), юноши освобождаются от всех пищевых запретов, распространяющихся только на маласси.

43. Сообщение Миклухо-Маклая о ненаселенности гор относится только к узкой полосе горной системы Финистер. За этой узкой полосой горы населены. В начале 1930-х годов там были открыты многочисленные племена (около 200 тыс. человек), до тех пор не видевшие белого человека.

44. *Centropus*—наземные или шпорцевые кукушки, бегающие по земле, подобно курам.—И. П.

45. Легуанов, иначе игуан, на Новой Гвинее нет. Вероятно, речь идет о варане или крупной агаме.—И. П.

46. Птицы-носороги (*Bucerotinae*) характерны для тропиков Старого света. Судя по описанию, речь идет о малайском складчатороге (*Rhytidoceros undulatus* Shaw.), встречающемся и на Новой Гвинее.—И. П.

47. Здесь—ошибка: малео (*Magacephalon maleo*)—птица из семейства большеногов или «сорных кур» (*Megapodidae*), водится только на Целебесе, где с ней, вероятно, и познакомился Миклухо-Маклай. В данном случае может идти речь о каком-то ином виде сорных кур, весьма обычных на Новой Гвинее.—И. П.

48. Кабан, которого убил Миклухо-Маклай, принадлежит к виду *Sus rabiensis*, вероятно происходящему от одичавших домашних свиней вида *Sus vittatus*, завезенных человеком на Новую Гвинею. В коллекции Миклухо-Маклая имеется 14 черепов этого вида.—И. П.

49. Упомянутое здесь животное принадлежит к семейству сумчатых барсуков (*Peramelidae*), в настоящее время именуемое *Peramenes cockerellii* Rams.—И. П.

50. Процесс обработки плантаций подробно описан Миклухо-Маклаем в его статье «Этнологические заметки...» в разделе «Плантации и обработка почвы».

51. Слушать игру на музыкальных инструментах у папуасов, как уже указывалось, могут только взрослые мужчины, прошедшие обряд посвящения. Детям и юношам, равно как и женщинам, это строго запрещено. В данном случае запрет был перенесен и на гармонику Ульсона.

52. У папуасских женщин есть обычай вскармливать поросят грудью. Чаще всего это делается в тех случаях, когда поросенок пойман маленьким. Случалось, что женщина привязывалась к вскормленному ею животному и, как указывает лично наблюдавший подобные сцены Миклухо-Маклай, носила его всюду за собой в спинном мешке, в котором обычно женщины здесь носят детей. Выкормленные таким образом поросята бегают за женщинами, как собаки.

53. Тиара в работах позднейших исследователей—о. Сиар.

54. Предосторожности, предпринятые Коды, объясняются особым благоговейным отношением папуасов к своим ритуальным предметам, к которым принадлежат и музыкальные инструменты. Коды, передавая этот предмет Миклухо-Маклаю, чужеземцу, нарушал тем самым обычай своего племени и, боясь вызвать недовольство соплеменников, старался сделать это незаметно.

55. Папуасская женщина кормит ребенка грудью до 3—4 лет. Продолжительность кормления вызвана тем, что пища папуасов довольно груба и мало питательна и ребенку трудно, пока у него не окрепнут зубы и весь организм, довольствоваться только ею.

56. Апирексия—от греч. «а» (отрицание) и «pyrēssō» (страдать лихорадкой)—промежуток между двумя приступами перемежающейся лихорадки.

57. Белыми муравьями (white ants) колониальные англичане часто зовут термитов, о которых здесь идет речь. Их же имеет в виду Маклай в записи 20 сентября (стр. 232).—И. П.

58. Кенгуру, которого М.-М. описал под названием *Macropus tibol* McL., как выяснилось, был уже описан под названием *Macropus browni* Rams, каковое название за ним и укрепилось.

59. Этот банан оказался принадлежащим к новому виду. Основываясь на данных М.-М., ботаник Ферд. Мюллер описал его под названием *Musa Maclayi* Müll.—И. П.

60. Новогвинейский казуар принадлежит к виду *Casuarium unipendiculatum* Blyth.—И. П.

61. Пеленгом моряки называют угол между магнитным меридианом и румбом компаса, под которым виден предмет.—И. П.

62. Александр Александрович Мещерский, близкий друг Н. Н. Миклухо-Маклая.

63. Слова Миклухо-Маклая об «отборе» и «истреблении» всех, кто не подходит к идеалу «избранной белой расы», вполне оправдались:

именно до этого додумались в свое время нацисты, введя в практику массовое уничтожение или стерилизацию «неполноценных».

64. Уильям Дэмпиер (Дампье)—английский мореплаватель, которого английское правительство послало в 1699 г. на военном судне к берегам Австралии. Он открыл у северо-западного берега Австралии небольшой архипелаг, названный его именем, а затем направился к Новой Гвинее. Здесь он открыл пролив между о-вом Рук и Новой Британией, а у северо-восточного побережья Новой Гвинеи—небольшой остров (то и другое названо его именем). Миклухо-Маклай, посетивший этот остров, именует его туземным названием Кар-Кар.

65. Дюмон-Дюрвиль—известный французский мореплаватель. Совершил два кругосветных путешествия, первое в 1822—1825 гг., второе в 1826—1829 гг. Во время второго путешествия посетил Новую Зеландию, Новую Британию, Новую Гвинею (где открыл бухту Астролябии, названную так по имени судна, на котором он плывал), остров Ваникоро (где обнаружил следы погибшей экспедиции Лаперуза) и др. В 1837—1842 гг. совершил антарктическую экспедицию.

66. Сообщение Миклухо-Маклая о незаселенности гор относится только к горному хребту, тянущемуся вдоль берега Маклая. Что касается областей, лежащих далее в глубь острова, то они долгое время оставались совершенно неизученными. Но около 1930 г. здесь было обнаружено золото (пункты Вау, Булоло), и в связи с этим было предпринято тщательное обследование внутренних районов, от гор Бисмарка на севере до границы с территорией Папуа на юге, и от горы Чапмэн на востоке до горы Хаген на западе. При этом обследовании оказалось, что здесь живет довольно многочисленное население (около 200 тысяч человек). Деревни обычно расположены на краях гор или в долинах, близ рек, часто на краю болот, поросших тростником. Хижины низкие, круглые, из тростника или бамбука, с коническими крышами, крытыми травой. Деревня обычно состоит из 100 таких хижин, расположенных очень близко одна к другой. В них помещаются только женщины и дети; мужчины живут в особых мужских домах. В каждой деревне три мужских дома: два на концах и один в центре. Около деревень расположены огороды. (Более подробные данные см.: А. Б. П и о т р о в с к и й. Новые материалы о горных племенах мандатной территории Новой Гвинеи. «Советская этнография». 1936 г., № 3, стр. 99—100; Е. С. Ш и п л е г у. Mountain tribes of the Mandated Territory of New Guinea from Mt Chapman to Mt Hagen, «Man». 1934, стр. 113—121).

67. Последующие исследования на Новой Гвинее вполне подтвердили ту антропологическую характеристику папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи, которую дал Миклухо-Маклай в публикуемой статье.—*Я. Р.*

68. В тексте этой статьи, напечатанной на немецком языке в «Abhandlungen der Philologisch Historischen Classe der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», VIII 1883 стр. 191—203. Миклухо-Маклай приводит в соответствующем месте небольшую таблицу, иллюстрирующую данное положение о папуасских словах, сходных с малайско-полинезийскими:

Малайско-полинезийские

Небо	langi, langit
земля	fanua, benua, tana
камень	fatu, batu
человек	tangata, tamata
голова	ulu
глаз	mata
рука	lima
кокос. орех	niu
ребень	seru, heru, sisir
три	tolu, toru

Папуасские берега Маклая

lan, lang
tan, man
pat
tamo, tamol, tangom
ualem
malau
liman, ban, ibon
niu
si
toli

Редакция «Abhandlungen» дополнила со своей стороны этот список еще семью сопоставлениями:

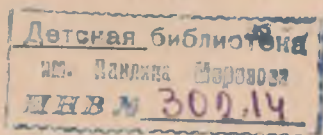
море	vasa	maas
лодка	vaka	waag, waang
парус	la, mal, laye	rar, rer, liai
один	taha, tai	taimon, duain
два	lua, rua, dua	aru, oru, ali, ael'de
четыре	fa, wa,	pali
пять	lima, rima	limata

(Назв. соч., стр. 193).

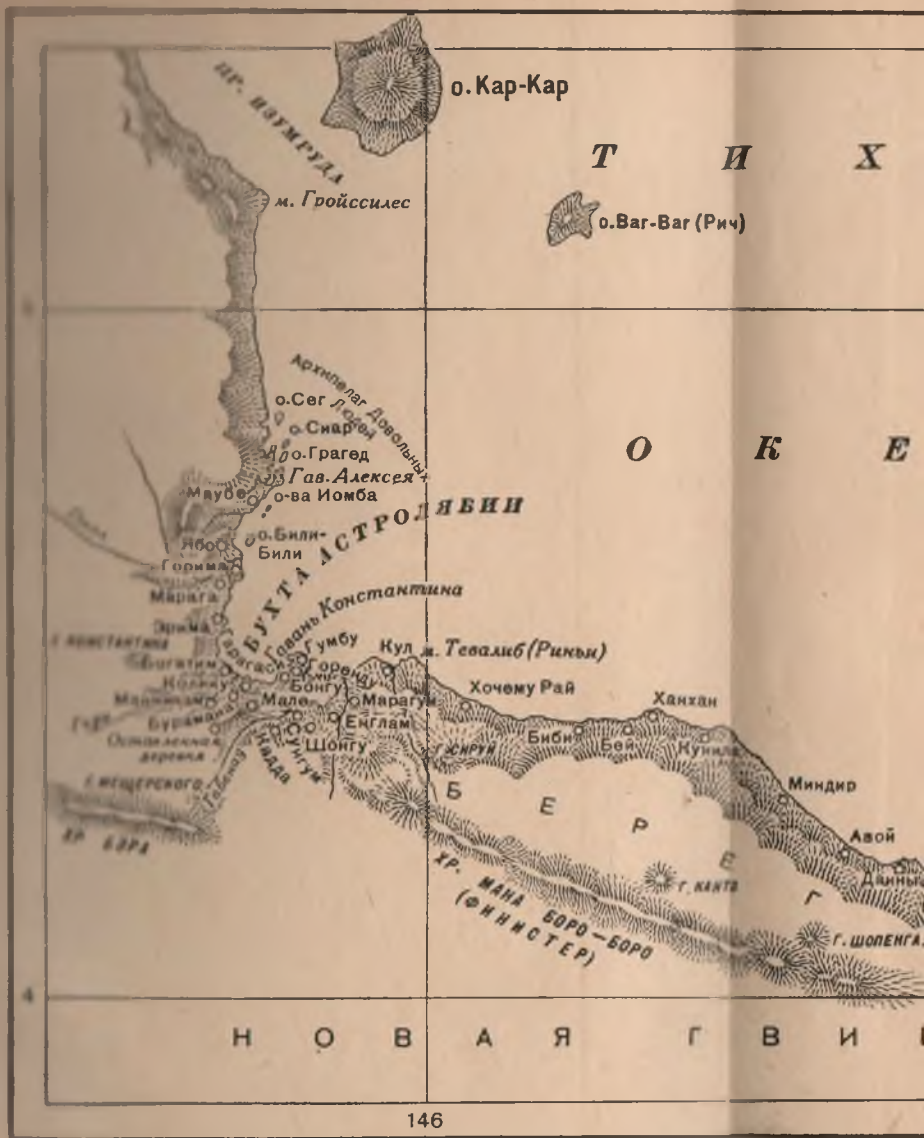
69. Утверждение Миклухо-Маклая о наличии в языке Бонгу всего около 1000 слов объясняется, повидимому, тем, что он не считал составные слова самостоятельными словами. Между тем почти из каждых двух, например, имен существительных папуас обычно может образовать самостоятельное, с особым значением слово. Например, в языке Бонгу: нам—глаз, ге—плод, намге—глазное яблоко: таль—дом, муб—рот, таль-муб—вход в дом.

Это же явление наблюдается и в других папуасских диалектах, например, в языке племени войя-венда (в верховьях реки Мамберамо): анибар—рука, неген—глаз, анибарнеген—указательный палец и т. д.

Если считать составные слова самостоятельными словами, тогда число слов в каждом папуасском языке, в том числе и в языке Бонгу, возрастет до нескольких десятков тысяч. Вообще старое представление о языках «дикарей», в которых будто бы имеется всего несколько сотен слов, давно отброшено наукой.

147

148

И

Й

МАСШТАБ

А

Н

о. Короны

о. Лоткин

П Р . В И Т Я З Л

о. Рук

Об

Толат

Сингод

Давра

Тивум

А

Е Я К Л А Ж

147

148

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Почему я выбрал Новую Гвинею	9
Первое пребывание на берегу Маклая на Новой Гвинее (с сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)	9
1872 год	78
Тернате	209
Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу острова Новой Гвинее (в 1871—1872 годах)	210
Извлечение из рапорта командира корвета «Витязь» о прибытии в залив Астролябии на Новой Гвинее и помещении Н. Н. Миклухо-Маклая на берегу	219
Второе пребывание на берегу Маклая (27/VI 1876 г.—10/XI 1877 г.)	221
1877 год	239
Моя ежедневная жизнь и отношения с туземцами	278
О втором пребывании на берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 по ноябрь 1877)	280
Несколько дополнений о втором пребывании на берегу Маклая в Новой Гвинее в 1876—1877 гг. [Из письма к (князю) А. А. М.]	298
Третье посещение берега Маклая (1883 г.)	313
Антропологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее	324
Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее	343
Следы искусства у папуасов берега Маклая на Новой Гвинее	395
Об употреблении напитка кеу папуасами в Новой Гвинее	402
Примечания	405

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

ПУТЕШЕСТВИЯ НА БЕРЕГ МАКЛАЯ

Редактор *А. Н. Воронцова*

Переплет и титул художника *Б. В. Шварца*

Художественный редактор *В. В. Щукина*

Технические редакторы *И. Н. Ривина, С. М. Кошелева*

Корректоры *Ю. П. Вронский, П. И. Чивкина*

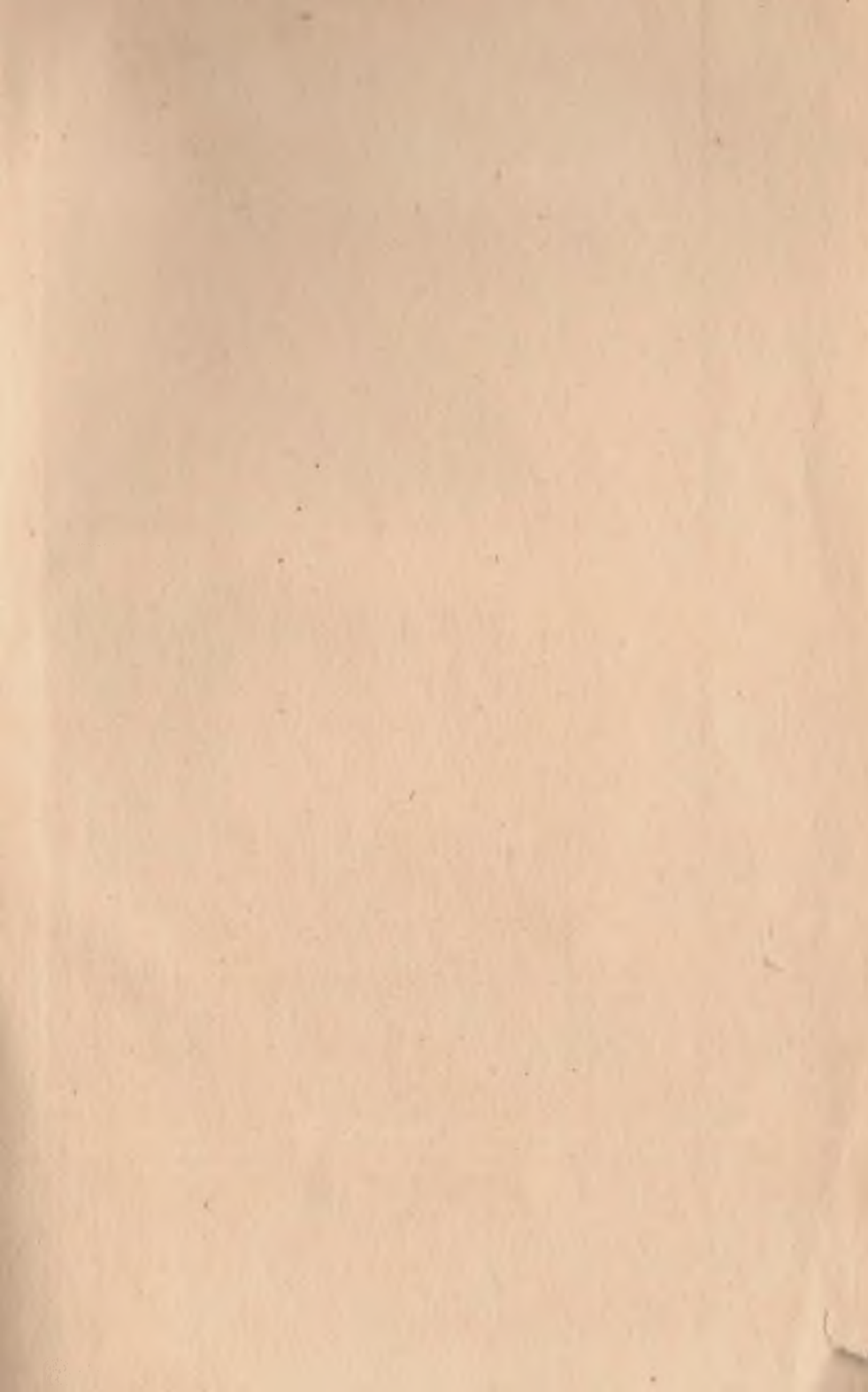

Т00047. Сдано в производство 22/XI 55 г. Подписано к печати 4/II 56 г. Формат 60×92/16. Физических листов 26,3. Печатных листов 26,0+0,3 л. вкл. Издательских листов 26,03. Тираж 50 000. Цена 7 р. 95 к.
Переплет 1 р. 50 к. Зак. 1313

Географгиз, Москва, Б. Калужская, 15

16-я типография Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР,
Москва, Трехпрудный пер., д. 9

9p.45к.

ГЕОГРАФИЯ